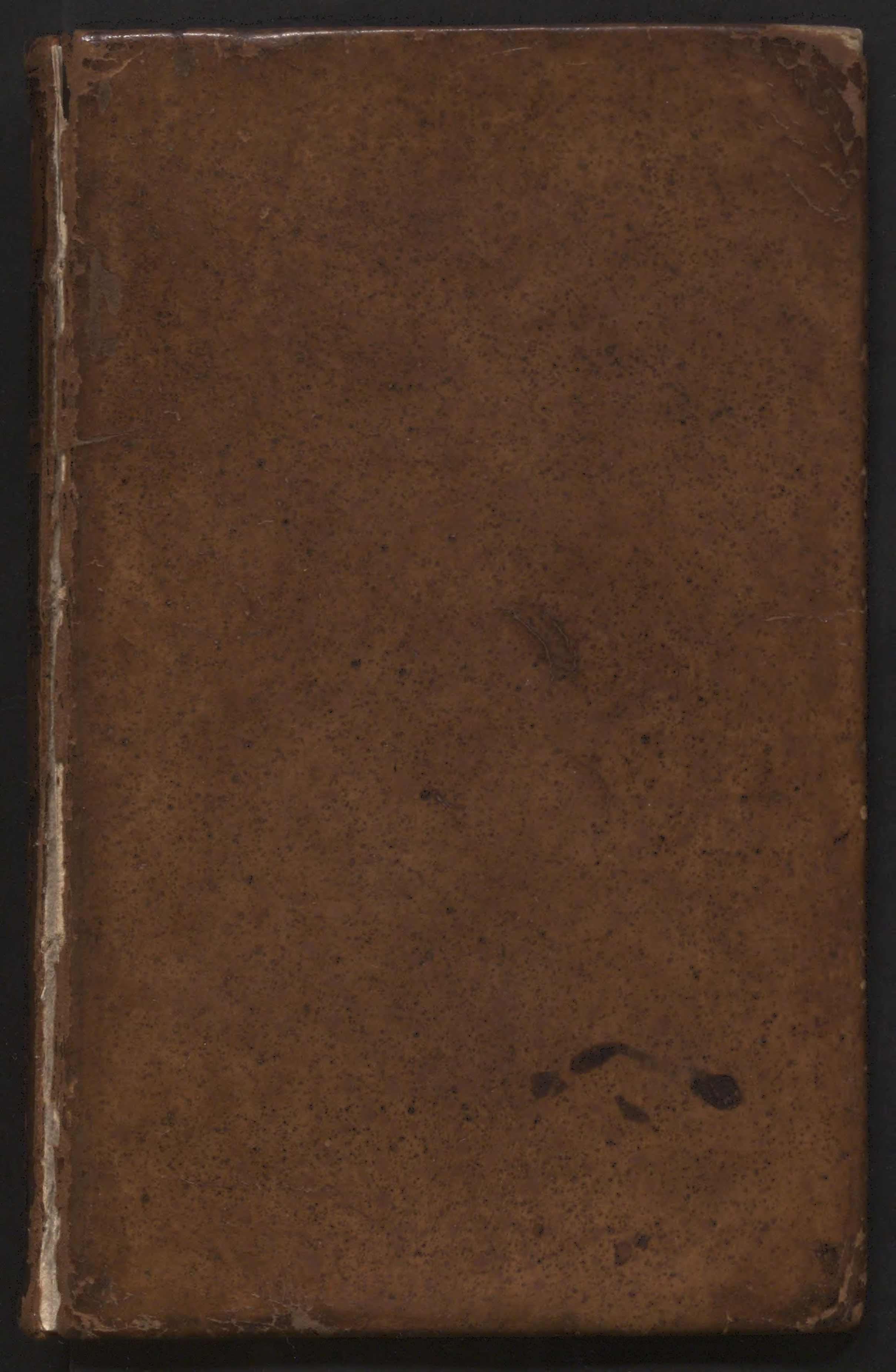
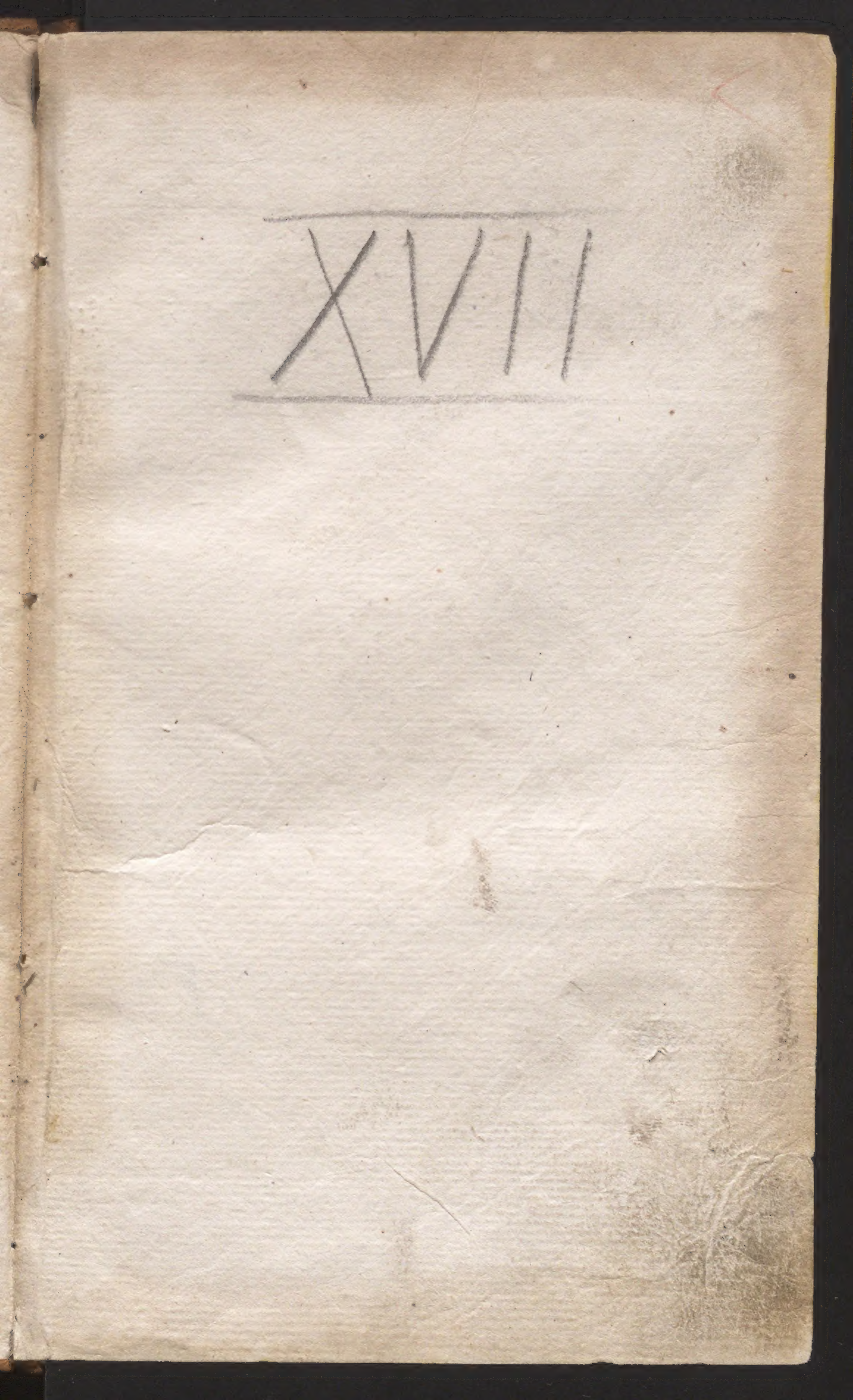

XVII

3-й экз.

01

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ЕПИСКОПА ИППОНІЙСКАГО.

Часть IV.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1786.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ЧАСТИ.

Книга XIX.

Книга XX.

Стран.

Книга XXI.

Стран.

Книга XXII.

Стран.

Стран.

Святыя и душеспасительныя размышленія.

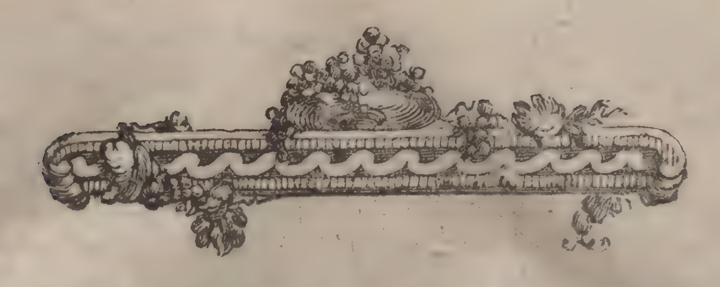
Книга единобесѣдованій души съ Богомъ.

Глава

Глава

Ручная книжка Блаженнаго Августина.

Глава

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XIX.

Глава первая.

Что въ изслѣдованіи, которое о концахъ добра и зла стязаніе философское производило, двѣсти посемдесятъ посемъ сектъ Маркъ Варронъ примѣтилъ.

Понеже предлежитъ мнѣ теперь говорить о должныхъ концахъ обоихъ градовъ, то есть и земнаго и небеснаго: то вопервыхъ изъяснить потребно, сколько краткость сего сочиненія дозволяетъ, доказательства смертныхъ, коими сами себѣ блаженство устроить въ бѣдственной сей жизни силились, дабы видно было, чѣмъ отъ ихъ суеты различествуетъ наше упованіе, которое намъ Богъ даровалъ, и самая вещь, то есть истинное блаженство, которое дастъ намъ; да и виднобъ было сіе не отъ одного Священнаго Писанія, но

и изъ разсужденія, которое ради невѣрныхъ употребить можемъ. Ибо о концахъ добра и зла много и различно философы умствовали, изслѣдывая сіе со всякимъ вниманіемъ и тщась изобрѣсти то, что дѣлаетъ человѣка блаженнымъ. Ибо то есть концемъ нашего добра, для котораго прочее дѣлается, самое же оно желаемо бываетъ ради его самаго; и то есть концемъ зла, ради котораго удаляемся отъ прочаго, а его ради того самаго. Концемъ же добра то называемъ, когда вещь не уничтожается, но совершается, дабы была полною; и концемъ зла не престатіе, то есть когда зло пресѣкается, но куда вредъ причиняя доводитъ. И такъ концами сими суть высочайшее добро и наивеличайшее зло, о обрѣтенія которыхъ, дабы одно, то есть высочайшее добро имѣть, а наивеличайшаго зла удаляться, много, какъ я сказалъ, трудились именующіеся снискателями премудрости вѣка сего; однако хотя они и различнымъ заблуждали образомъ, предѣлъ природы не попустилъ чрезвычайно удалиться отъ пути истинны, такъ что одни въ душѣ, другіе въ тѣлѣ, третьи въ обоихъ полагали концы добра и зла; изъ котораго троечастнаго какъ бы общественнаго раздѣленія сектъ, Маркъ Варронъ въ книгѣ о философіи толь великое различіе догматовъ тщательно и тонко изслѣдывая, нашелъ, что до двухъ сотъ осьмидесяти осьми сектъ,

ко-

коихъ хотя не было, однако быть могли, прилагая нѣкоторыя разнства началъ, которое дабы сокращенно показать, то отступа долженъ я начать, что онъ примѣтилъ и въ помянутой книгѣ положилъ. Четыре суть, которыхъ люди безъ наставника, безъ всякой помощи ученія, безъ тщанія и искусства житія, которое добродѣтелію называется, и безъ сомнѣнія перенимается, природно желаютъ: или сладострастія, коимъ усладительно движатся тѣлесныя чувства; или покоя, которой дѣлаетъ, что никакой прискорбности тѣлесной человѣкъ не претерпѣваетъ; или обоего купно, которое вообще однимъ именемъ Епикуръ удовольствіемъ нарекъ; или общественно главизны или начатковъ природы, въ коихъ заключается и сіе и другое; или въ тѣлѣ, какъ то-членовъ цѣлость, здравіе и невредимость; или въ душѣ, каковы то суть великое, или малое, находящіяся въ разумѣ человѣческомъ. И такъ сіи четыре, то есть удовольствіе, покой, обое, начатки природы, такъ находятся въ насъ, что или добродѣтели, которую насаждаетъ ученіе, послѣ ради сихъ желать надлежитъ; или сихъ ради добродѣтели, или обоихъ ради ихъ самихъ: и по сему выходитъ отсюда двенатцать сектъ; ибо симъ образомъ каждая устроняется, что когда въ одномъ покажу, то уже не трудно будетъ и въ прочихъ тожъ найти. И такъ когда

 удо-

удовольствіе тѣлесное душевной добродѣтели или подвергается, или предпочитается, или соединяется, тогда троечастнымъ раздѣляется различіемъ сектъ. Подвергается же добродѣтели, когда въ потребу добродѣтели пріемлется; ибо къ долгу добродѣтели принадлежитъ жить отечеству, и ради отечества раждать дѣтей, изъ коихъ ни одно безъ удовольствія тѣлеснаго быть не можетъ. Ибо безъ онаго ни пища, ни питіе не пріемлется, дабы продолжать жизнь; ни совокупленіе не бываетъ, дабы раждать дѣтей. Когда же предпочитается добродѣтели, тогда желаемо бываетъ ради его самаго. Добродѣтель же по видимому предпріемлема быть должна ради онаго, то есть, дабы ничего добродѣтель не дѣлала, какъ только служила къ пріобрѣтенію и сохраненію тѣлеснаго удовольствія, каковая жизнь есть безобразна, когда добродѣтель служитъ владычествующему сладострастію, хотя таковая добродѣтель никакимъ образомъ называема быть добродѣтелію не долженствуетъ; при всемъ томъ и сія ужасная гнусность нѣкоторыхъ философовъ защитниками имѣла. Добродѣтели же присоединяется удовольствіе, когда каждое изъ нихъ ради ихъ самихъ желаемо бываетъ, а не одно ради другаго. Чего для какъ удовольствіе, или подверженное, или предпочтенное, или соединенное добродѣтели три составляетъ секты: такъ покой, такъ

обое,

обое, такъ начатки природы другія три составляютъ. Ибо по различію человѣческихъ мнѣній иногда подвергаются добродѣтели, иногда предпочитаются, иногда совокупляются, и такимъ образомъ до двунадесятаго числа сектъ достигается. Но и сіе число удвояется приложеніемъ одного различія, то есть союзной жизни. Ибо кто слѣдуетъ какой либо изъ сихъ двенатцати сектъ, тотъ конечно или для себя единственно оное дѣлаетъ, или и для общника, которому желать онъ долженъ тожъ, что и себѣ. Почему двенатцать суть тѣхъ, кои для себя единственно каждую содержатъ, и другія двенатцать, кои не только для себя, но и для другихъ философствовать должнымъ почитаютъ, коихъ добра желаютъ, какъ собственнаго. Сіи же секты дватцать четыре паки удвояются приложеніемъ различія изъ Академиковъ новыхъ, чего для число сектъ достигаетъ до сороку осьми. Ибо изъ оныхъ дватцати четырехъ каждую можетъ всякъ защищать такъ какъ безсумнительную, какъ защищали Стоики, говоря, что человѣческое добро, коимъ онъ бываетъ блаженнымъ въ душевной единственно добродѣтели состоитъ. Можетъ же иной какъ сумнительную, какъ защищали Академики новые, коимъ оное хотя не совершенно истиннымъ, однако правдоподобнымъ казалось. И такъ дватцать четыре составляются тѣми, кои онымъ какъ

безсумнительнымъ ради истинны, и другія дватцать четыре тѣми, кои онымъ ради правдоподобія послѣдовать за нужное почитаютъ. Паки, понеже каждой изъ сихъ сорока осьми сектъ можетъ всякъ послѣдовать, имѣя наружный видъ прочихъ философовъ; можетъ же иной по подобію Киниковъ (1); и по сему различію удвояются, и становится оныхъ девяносто шесть. Потомъ, поелику каждую изъ оныхъ такъ люди защищать могутъ, и онымъ слѣдовать, что или праздную избирая жизнь, каковы на примѣръ тѣ, кои единственно во ученіи упражнялись; или съ разными должностьми совокупленную, каковыми были тѣ, кои при ученіи философскомъ управляли обществомъ; или изъ обоихъ смѣшанную, каковыми были тѣ, кои иногда раздѣляли время ученой праздности, иногда нужнымъ должностямъ. Ради сихъ различій можетъ число сектъ устроиться и составить двѣсти восемдесятъ восемь. Сіе изъ книги Варроновой, сколько могъ, кратко и ясно предложилъ, мысли его изображая собственными моими словами. Какимъ же образомъ по отраженіи прочихъ избираетъ одну, которою поставляетъ Академиковъ древнихъ, о коихъ думаетъ, что они, наставлены будучи Платономъ, до Полемона (2), который въ четвертыхъ послѣ его былъ учителемъ въ Академіи, не сомнительные имѣли догматы; и чрезъ сіе различаетъ

отъ

отъ Академиковъ новыхъ, кои за сомнительное все вмѣняютъ, которой родъ философіи начался отъ Архезилая (3), преемника Полемонова; и увѣряетъ себя, что оная секта, то есть древнихъ Академиковъ, какъ не имѣетъ сомнѣнія, такъ и всякаго заблужденія и погрѣшности, о чемъ хотя говорить и показывать оное продолжительно, однако не вовсежъ и оставить надлежитъ. И такъ вопервыхъ отрѣваетъ всѣ оныя различія, которыя умножали число сектъ, кои для того отверженія достойными поставляетъ, понеже въ оныхъ не состоитъ конецъ добра. Ибо онъ думаетъ, что ни одной секты философіи сектою почитать не надлежитъ, которая не различается отъ прочихъ тѣмъ, что различные имѣетъ концы добра и зла, когда нѣтъ иной вины людямъ философствовать, какъ только для того, дабы быть блаженными. Что же дѣлаетъ человѣка блаженнымъ, оное есть концемъ добра. И такъ нѣтъ никакой иной причины любомудрія, кромѣ конца добра. Почему ни одной философіи сектою называть не должно, которая не стремится къ концу добра. Слѣдовательно когда вопрошается о союзной съ другими людьми жизни, должноль ее препровождать премудрому такъ, чтобъ высочайшаго добра, коимъ человѣкъ бываетъ блаженнымъ, желалъ ближнему такъ, какъ себѣ, или чтобъ все дѣлаемое для своего единствен-

но дѣлать блаженства: тогда вопрошается не о самомъ высочайшемъ добрѣ, но о томъ, надлежитъ ли къ общенію того добра допускать другаго, не для себя единственно, но и для сообщника, дабы, то есть, желать добра ему такъ, какъ желаетъ любомудрствующій самому себѣ. Также когда вопрошается о новыхъ Академикахъ, которые все за сомнительное поставляютъ, таковымиль вещи поставлять надлежитъ, въ коихъ любомудрствуется, или какъ другіе философы почитаютъ, то есть безсумнительными ставить: тогда не вопрошается, чему слѣдовать должно въ концѣ добра, но о неложности самаго добра, которому потребно слѣдовать, надлежитъ ли сомнѣваться, или нѣтъ. То есть, дабы яснѣе сказать, слѣдующій и стремящійся къ добру такъ ли долженъ стремиться, чтобъ признавать оное неложнымъ, или такъ, чтобъ послѣдующій говорилъ, что ему кажется правдоподобнымъ, хотя можетъ статься оно и ложно. Однако оба достигаютъ одного и тогожъ добра. Въ ономъ равно различіи, которое прилагается отъ внѣшняго вида и обыкновенія Киниковъ, не вопрошается, который есть конецъ добра, но въ такомъ ли наружномъ видѣ и обыкновеніи жизнь препровождать надлежитъ тому, который къ истинному стремится добру, чтобъ ему истиннымъ ни казалось и пріобрѣтенія достойнымъ.

На-

Наконецъ были такіе, которые когда къ различному стремились конечному добру, то есть иные къ добродѣтели, другіе къ удовольствію; однако наружнаго украшенія и обыкновенія не измѣняли, по которымъ назывались Киниками. И такъ чтобъ такое ни было, чѣмъ философы Кинические различаются отъ прочихъ, къ избранію и пріобрѣтенію добра, коимъ могли бы быть блаженными, ни мало не служило. Ибо ежели бы нѣсколько служило, то конечно наружное украшеніе понуждало бы стремиться къ томужъ концу, и различествующее отъ того не попустило бы стремиться къ томужъ концу.

Глава вторая.

Какимъ образомъ по отложеніи всѣхъ различій, которыя не составляютъ сектъ, но вопросы, къ троечастному высочайшаго добра опредѣленію Варронъ доходитъ, изъ которыхъ однако одну избрать должно.

И въ трехъ оныхъ родахъ жизни, то есть въ праздномъ, состоящемъ въ умозрительствѣ и испытаніи истинны, а не лѣностномъ, въ многотрудномъ, состоящемъ въ правленіи дѣлъ общественныхъ; въ третьемъ, изъ обоихъ совокупленномъ, когда изслѣдывается, которой изъ сихъ избрать должно: тогда словопрѣніе не о концѣ добра производится. Но что изъ

сихъ трехъ дѣлаетъ или трудность, или удобство къ пріобрѣтенію конца добра, или удержанію онаго. Ибо конецъ добра, когда кто онаго достигнетъ, дѣлаетъ того блаженнымъ. Въ ученой же праздности, или въ дѣлѣ общественномъ, или когда обое то совокупляется, человѣкъ не можетъ почесться блаженнымъ. Ибо многіе въ каждомъ изъ сихъ родѣ жизнь препровождать, и въ пріобрѣтеніи и снисканіи конца добра, коимъ человѣкъ дѣлается блаженнымъ, заблуждать могутъ. И такъ иной есть вопросъ о концахъ добра и зла, которой каждую философъ секту составляетъ; иные вопросы суть о общительной жизни, о недовѣрчивости Академиковъ, о одѣяніи и пищи Киниковъ, о трехъ родахъ жизни, праздномъ, дѣтельномъ и изъ обоихъ совокупленномъ, изъ коихъ нѣтъ ни одной, въ которой бы о родахъ добра и зла стязаніе было производимо. И потому, понеже Маркъ Варронъ, употребляя четыре различія, то есть отъ житія общительнаго отъ новыхъ Академиковъ, отъ Киниковъ и отъ сего троечастнаго рода жизни, до двухъ сотъ осьмидесяти осьми сектъ достигнулъ, и ежели еще какія находятся, то, отринувъ всѣ оныя, понеже о слѣдованіи высочайшему добру никакого не подаютъ запроса, и потому ниже сектами суть, ни называемы быть должны; изъ двенатцати онымъ, въ коихъ вопрошается, что есть

человѣ-

человѣческое добро, по пріобрѣтеніи коего человѣкъ долженъ быть блаженнымъ, дабы показать, что одна изъ тѣхъ есть истинная, а прочія ложны, обращается. Ибо по отверженіи онаго троечастнаго рода жизни двѣ части сего числа отвергаются, и остается девяносто шесть сектъ. Отложивъ же различіе, взятое отъ Киниковъ, становится оныхъ половина, то есть сорокъ восемь. Отвергнемъ же и отъ Академиковъ взятое новыхъ, то паки половина остается, то есть двамцать четыре. Отринувъ же и то, что взято отъ общительной жизни, то останется двенатцать, которыя дабы составились дватцать четыре, были удвоены. И такъ о сихъ двенатцати ничего сказать не можно, для чегобъ сектами оныя быть не могли; ибо въ нихъ ни о чемъ иномъ не испытывается, какъ о концѣ добра и зла. По обрѣтеніи же конца добра, непремѣнно противный оному будетъ концемъ зла. А чтобъ составленнымъ быть сектамъ двенатцатымъ, то оныя четыре утрояются, удовольствіе, спокойствіе, оба совокупно и главныя вещи природы. Понеже сіи четыре иногда подвергаются добродѣтели, дабы оныя не ради ихъ самихъ, но ради добродѣтели желаемы были; иногда предполагаются, такъ что по видимому добродѣтель не ради себя самой, но ради ихъ самихъ и добродѣтель и оныя пріобрѣтаемы бываютъ: то четверочастное число утрояютъ

и

и составляютъ двенатцать сектъ. Изъ оныхъ же четырехъ вещей Варронъ три отвергаетъ, то есть удовольствiе, спокойствiе и совокупно оба; но не совсѣмъ, но что главности природы заключаютъ въ себѣ и удовольствiе и спокойствiе. На чтожъ изъ сихъ двухъ дѣлать три, два то есть, когда каждое порознь изъ оныхъ желаемо бываетъ, и третiе, когда оба купно, когда начатки и главности природы и ихъ и другаго много въ себѣ содержатъ? И такъ онъ за благо разсудилъ тщательнѣе говорить о трехъ сектахъ, которую изъ нихъ избрать наипаче должно. Ибо здравый разумъ не позволяетъ быть болѣе одной истинной, хотя бы она въ сихъ трехъ заключалась, хотя въ другомъ чѣмъ либо, какъ послѣ увидимъ. Между тѣмъ о сихъ трехъ, какимъ образомъ изъ оныхъ избираетъ одну Варронъ, сколько можно кратко и ясно, поговоримъ; ибо сiи три секты такимъ образомъ бываютъ, когда или главности природы ради добродѣтели, или добродѣтель ради оныхъ, или купно и добродѣтель и оныя ради ихъ самихъ желаемы бываютъ.

Глава

Глава третія.

Изъ трехъ сектъ о высочайшемъ человѣческомъ добрѣ испытывающихъ, которую избирать опредѣляетъ Варронъ, послѣдуя древнія Академіи мнѣнію учителя Антіоха.

Что же изъ сихъ трехъ истинное и послѣдованія достойное, такимъ образомъ оное доказать силится. Вопервыхъ, понеже въ философіи высочайшее добро не древа, не скота и прочее, но человѣческое ищется, потому что есть человѣкъ, разсмотрѣть за благо онъ разсудилъ. Онъ полагаетъ, что въ человѣкѣ двѣ находятся вещи, тѣло и душа, и изъ оныхъ лучшею есть душа и превосходнѣйшею. Но изслѣдывать хочетъ, одна ли душа есть человѣкъ, дабы ей тѣло было, какъ конь всаднику, ибо eques, всадникъ, не человѣкъ и конь, но одинъ человѣкъ, однако для того называется eques, всадникомъ, понеже нѣкоторымъ образомъ соотношеніе имѣетъ ad equum, къ коню; или тѣло одно составляетъ человѣка, имѣя соотношеніе нѣкоторымъ образомъ къ душѣ, какъ сосудъ къ напитку; ибо сосудъ и питіе, содержимое въ сосудѣ, вкупѣ не называется сосудомъ, но одинъ сосудъ, но для того называется poculum, сосудъ, понеже potioni, для напитка, устроенъ. Или ни душа одна, ни одно тѣло, но купно обое составляютъ человѣка, котораго частію или душа, или тѣло, а онъ изъ обоего состоитъ, дабы быть чело-

ловѣ-

ловѣкомъ; какъ двухъ коней, въ колесницу впряженныхъ, двойкою называемъ, изъ коихъ хотябъ правой, хотя лѣвой частію есть двойки; однако одного изъ нихъ, какимъ бы образомъ они одинъ къ другому ни имѣли ссотношеніе, двойкою не называемъ, но обоихъ купно. Изъ сихъ же трехъ одно онъ избралъ, и думалъ, что человѣка ни душа одна, ни тѣло, но обое купно составляетъ. И потому высочайшее добро человѣческое, коимъ онъ бываетъ блаженнымъ, изъ обоихъ состоящимъ быть должно, то есть и души и тѣла. И чрезъ это думаетъ, что главности природныя ради ихъ самихъ желать надлежитъ, и что самая добродѣтель, которою наставленіе насаждаетъ въ людяхъ, какъ бы искусство житія, которое полагается въ душевномъ добрѣ, наипревосходнѣйшимъ есть добромъ. Чего для таже добродѣтель, то есть наука, какъ препровождать житіе, когда пріиметъ главности природы, кои были безъ оныя, но однако были, когда еще не было ученія, все ради себя самой и самой себя желаетъ; и всего купно и себя самой употребляетъ на тотъ конецъ, дабы всемъ наслаждаться и увеселяться или больше, или меньше, какъ между собою суть, или большія, или меньшія, однако всего желая, и меньшее нѣкоторое, естьли требуетъ нужда для пріобрѣтенія и удержанія большаго презирая. Изъ всѣхъ же

благъ

благѣ или душевныхѣ, или тѣлесныхѣ, совсѣмѣ ничего себѣ добродѣтель не предпочитаетѣ; ибо она употребляетѣ хорошо и себя и другихѣ благѣ, которыя человѣка дѣлаютѣ блаженнымѣ. Гдѣ же нѣтѣ оныя, тамѣ хотя бы много было благѣ, однако не суть благими того, чьи онѣ суть; и потому благими того наречены быть должны, которому худо употребляющему полезными быть не могутѣ. И такѣ сія жизнь человѣческая, которая добродѣтельно и прочими душевными и тѣлесными благими, безѣ коихѣ добродѣтель быть не можетѣ, наслаждается, называется блаженною. Когда же и другихѣ благѣ, безѣ коихѣ добродѣтель быть можетѣ, или нѣкоторыхѣ или множайшихѣ употребляетѣ, блаженнѣйшею. Когда же всѣхѣ, такѣ чтобѣ никакого не недоставало добра, или душевнаго или тѣлеснаго, тогда преблаженною; ибо не то есть житіе, что и добродѣтель: понеже не всякое житіе, но благоразумное и мудрое есть добродѣтелію. Однако житіе, какое бы то ни было, безѣ добродѣтели быть можетѣ, добродѣтель же безѣ житія не можетѣ. Тожѣ сказать можно о памяти и разумѣ, и другомѣ всемѣ подобномѣ вѣ человѣкѣ; ибо все таковое прежде ученія находится вѣ человѣкѣ, а безѣ онаго никакое ученіе быть не можетѣ, слѣдовательно ни добродѣтель, которая поистиннѣ перенимаема бываетѣ.

Хэ-

Ходить же хорошо, быть красивымъ тѣломъ, превосходить другихъ силами, и прочее таковое имѣть, есть таково, что и добродѣтель безъ того быть можетъ, и оное добромъ есть безъ добродѣтели. Однако и по ихъ мнѣнію самая добродѣтель любима бываетъ ради ея самыя, и оныхъ употребляетъ и наслаждается, какъ пристойно добродѣтели. Сію блаженную жизнь называютъ общительною, которая друговъ добро любитъ какъ свое, и имъ ради ихъ самихъ того желаетъ, что себѣ: хотябъ общники въ дому были, какъ-то жена, дѣти и прочіе домашніе; или вмѣстѣ гдѣ состоитъ домъ, какъ на примѣръ въ городѣ, въ коемъ жительствующіе суть граждане; или во всей вселенной, какъ-то языки, которые соединяются союзомъ; или во всемъ мірѣ, обще называемомъ именемъ неба и земли, каковыми суть почитаемые отъ нихъ богами, о коихъ думаютъ, что они дружество имѣютъ съ мудрымъ человѣкомъ, коихъ мы пристойнѣе называемъ Ангелами. Говорятъ также, что напротивъ о концахъ золъ сомнѣваться не должно, и сказываютъ, что сіе есть различіе между ими и новыми Академиками, и признаваютъ, что въ томъ никакой важности не заключается, хотябъ кто по Кинически, или другое какое употребляя одѣяніе и пищу, въ сихъ концахъ, коихъ поставляютъ истинными, философствовалъ. И такъ изъ

трехъ

трехъ житія родовъ, празднаго, дѣятельнаго, и изъ обоихъ совокупленнаго, сей третій избираетъ. Варронъ увѣряетъ, что такого мнѣнія были древніе Академики, по наставленію Антіоха учителя и его и Цицеронова, котораго Цицеронъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ Стоикомъ, нежели древнимъ Академикомъ представить хощетъ. Но что намъ въ томъ нужды, когда мы о самихъ вещахъ разсмотреніе и разсужденіе дѣлать должны, нежели почитать за велико, знать, что каждой о томъ думалъ, и какихъ былъ о томъ мыслей.

Глава четвертая.

О высочайшемъ добрѣ и наивеличайшемъ злѣ, какъ Христіане противъ философовъ умствуютъ, которые въ себѣ высочайшее добро заключали.

И такъ ежели вопроситъ кто насъ, что градъ Божій о каждомъ изъ сихъ отвѣтствуетъ, и вопервыхъ о концахъ добра и зла какого онъ мнѣнія, отвѣтствовать будемъ, что вѣчная жизнь есть высочайшее добро, и вѣчная смерть наивеличайшее зло; и что ради пріобрѣтенія оной, и убѣжанія сей благонравно намъ жить должно. Чего для и пишется: *праведный отъ вѣры живъ будетъ.* Понеже ни добро нашимъ видимъ, чего для надлежитъ вѣрою онаго ис-

искать, и самая благонравная жизнь не отъ насъ зависитъ, развѣ будемъ вѣровать, что вѣрующимъ намъ и молящимся поможетъ тотъ, который и самую даровалъ вѣру. А тѣхъ, кои полагали въ сей жизни концы добра и зла или въ тѣлѣ, или въ душѣ, или во обоемъ высочайшее заключая добро; или дабы яснѣе сказать, во удовольствіи, или въ добродѣтели, или въ обоемъ; или въ спокойствіи, или въ добродѣтели, или во обоемъ; или во удовольствіи купно и спокойствіи, или въ добродѣтели, или во обоемъ; или въ главностяхъ природы, или въ добродѣтели, или во обоемъ; и хотѣли по чудному своему безумію быть блаженными; осмѣваетъ истинна чрезъ Пророка глаголющаго: *Вѣсть Господь помышленія человѣческа, яко суть суетна*; или какъ Апостолъ сіе свидѣтельство положилъ: *Вѣсть Господь помышленія мудрыхъ, яко суть суетна.* Ибо кто въ состояніи, сколь бы краснорѣчивъ ни былъ, описать бѣдствія и бѣдности сея жизни? Оплакивалъ оныя Цицеронъ (1) во утѣшеніи о смерти своей дочери, сколько могъ; но сколь велико оное, что онъ могъ? Ибо называемыя главностями природы, когда, гдѣ, и какимъ образомъ столь пребывать въ нерушимости могутъ, дабы не волновались въ сомнительныхъ случаяхъ. Ибо какая прискорбность противная удовольствію на тѣло премудраго устремиться не можетъ? Членовъ отсѣченіе, или изнеможе-

ніе

нїе прерываетъ человѣческое благосостоянїе, безобразїе красоту, болѣзнь здравїе, слабость силы, дряхлость проворство. Что изъ сихъ не можетъ приключиться тѣлу премудраго? Состоянїе также тѣлесное, или движенїе благостройное между главностями природы полагаются: но что произойдетъ, ежели немощь поколеблетъ собою члены? Что ежели такъ хребетъ человѣческїй отъ недуга сляжется, что руки по нуждѣ достигать могутъ до земли, и человѣкъ сдѣлается какъ бы четвероногимъ? Не превратится ли прямость и стройность тѣла и видъ движенїя и благолѣпїе? Что ежели главности природы, между коими два ради понятїя и вмѣщенїя истинны полагаются, чувство и разумъ, повредятся, какое тогда остается чувство, когда, дабы прочее умолчать, бываетъ человѣкъ глухъ и слѣпъ? Разумъ же и понятїе куда удалятся и для чего бываютъ нечувствительны, когда человѣкъ сдѣлается безумнымъ? Безумствующїе въ болѣзни когда непристойное говорятъ, или дѣлаютъ удаленнаго отъ ихъ намѣренїя и нрава, или лучше сказать противнаго доброму намѣренїю и нраву, то хотябъ мы о томъ помышляли, хотябъ видѣли, хотябъ размышляли, слезы едва удержать можемъ, или и не можемъ. Что сказать о тѣхъ, кои одержимы бываютъ бѣсомъ? Гдѣ ихъ скрывается разумъ, когда по своему изволенїю и души ихъ и тѣла

употребляетъ злый духъ? И кто вѣритъ можетъ, что сіе зло въ сей жизни приключиться не можетъ премудрому? Притомъ понятіе истинны въ сей плоти каково и колико есть, когда читаемъ въ неложной книгѣ Премудрости, что *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ чувство о многомъ помышляющее?* Наконецъ стремленіе, или желаніе дѣйствія, понеже и оное къ главностямъ природныхъ благъ причитаютъ, не самое ли тожъ есть, чѣмъ дѣйствуются движенія жалостныя ума лишенныхъ, и дѣла, кои насъ ужасаютъ, когда повреждается чувство, и разумъ не дѣйствуетъ? Напослѣдокъ самая добродѣтель, которая не заключается въ главностяхъ природы, понеже послѣ наставленіемъ вселяется въ человѣка, когда преимущество себѣ присвояетъ во всѣхъ человѣческихъ благахъ, что иное здѣсь дѣлаетъ, какъ не всегдашнюю производитъ войну съ пороками, не наружными, но внутренними, не чужими, но нашими; а особливо оная, которая по Гречески σωφροσύνη, воздержаніемъ называется, и которая обуздываетъ вожделѣнія плотскія, дабы онѣ не привлекли разума и мысли, не прекословящія къ пороку? Ибо не не порокъ есть, когда, какъ говоритъ Апостолъ, *плоть похотствуетъ на духъ*; которому пороку противная есть добродѣтель, какъ той же говоритъ: *Духъ похотствуетъ на плоть.* *Сія бо*, говоритъ, *проти-*

пивятся другъ другу, да не яже хощете, творите. Что же хочемъ дѣлать, когда желаемъ совершенными быть въ разсужденіи конца высочайшаго добра, какъ только, дабы плоть не похотствовала на духъ, и дабы не было сего въ насъ порока, противъ котораго вождѣлѣваетъ духъ? Чего въ сей жизни хотя желаемъ, понеже исполнить не можемъ, то помощію Божіею то по крайней мѣрѣ должны дѣлать, дабы вождѣлѣющею плотію противъ духа, при изнеможеніи и преодолѣніи онаго, не безъ нашего согласія къ содѣянію грѣха привлечены не были. Не дай же Богъ, дабы мы вѣрили, что уже мы пріобрѣли блаженство, къ которому чрезъ побѣду достигнуть хощемъ, покуда въ сей брани находимся. И кто такой сыщется изъ премудрыхъ, которому бы не предлежала брань противу вождѣлѣній? Что оная добродѣтель, которая называется благоразуміемъ? Не всею ли своею бодренностію различаетъ добро отъ зла, дабы въ избраніи одного и отверженіи другаго ни мало не погрѣшить? И чрезъ сіе свидѣтельствуетъ, что или мы находимся во злѣ, или зло въ насъ. Оно насъ наставляетъ, что зло есть подать согласіе къ грѣхопаденію, и добро не согласовать къ грѣху сластолюбію. Однако онаго зла, которому благоразуміе не повелѣваетъ подавать согласія, а на самомъ дѣлѣ исполняетъ оное воздержаніе, ни благо-

разуміе, ни воздержаніе изъ сея жизни не истребляетъ. Что правда, который долгъ есть воздавать каждому достойное? Откуда бываетъ нѣкоторый праведный порядокъ природы, что душа повинуется Богу, и душѣ тѣло, а чрезъ то Богу и душа и тѣло? Не показываетъ ли, что она въ семъ наипаче дѣлѣ трудится, нежели въ концѣ онаго покоится? Ибо тѣмъ меньше повинуется душа Богу, чѣмъ менѣе въ своихъ помышленіяхъ Бога воображаетъ; и тѣмъ менѣе повинуется тѣло душѣ, чѣмъ болѣе вожделѣваетъ и похотствуетъ на духъ. И такъ покуда въ насъ оная находится немощь, оная болѣзнь, оная зараза, какимъ образомъ себя спасенными, и естьли не спасенными, блаженными по блаженству конечному назвать осмѣлимся? Оная же добродѣтель, которая нарицается мужествомъ, во всякомъ благоразуміи свидѣтельствуетъ ясно о злѣ человѣческомъ, которая принуждена бываетъ все съ терпѣніемъ сносить. Я удивляюсь, какимъ образомъ и съ какимъ безстыдствомъ онаго зла не признаваютъ Стоики зломъ, которое, говорятъ, ежели будетъ толико, что благоразумной снести не возможетъ, или сносить не долженъ, то конечно принуждаемъ тѣмъ бываетъ, дабы самъ себѣ причинилъ смерть, и отъ сея преселился жизни. Толикое же надмѣнности безуміе находится въ сихъ людяхъ, которые думаютъ, что при себѣ имѣютъ конецъ

добы-,

добра, и что сами отъ себя блаженными быть могутъ, что мудраго своего человѣка, то есть какого по чудной своей слѣпотѣ описываютъ, хотябъ онъ лищенъ былъ чувства, зрѣнія, слышанія, глаголанія, хотябъ изнемогалъ членами, мучимъ былъ и терзаемъ болѣзнями, и подобныя претерпѣвалъ нещастія, и зло, отъ котораго принужденъ онъ самъ себя умертвить, жизнь не стыдятся называть блаженною. О блаженная жизнь, въ которой, дабы окончать оную, средство ищется въ смерти! Ежели она блаженна, то пускай человѣкъ пребываетъ въ оной; естьли же ради оныхъ золъ не угодна и не пріятна она бываетъ, то какъ можетъ быть блаженною? Или какъ то не есть зло, которое преодолѣваетъ мужества добро? И которое мужество не только себѣ уступить, но и безумствовать принуждаетъ такъ, что тужъ самую жизнь и блаженною признаваютъ и совѣтуютъ оной удаляться. Кто столь слѣпъ, который бы не видѣлъ, что ежели таковая жизнь блаженна, то она уже убѣжанія не достойна. Но ежели по бремени немощи, коею отягощается, признаваютъ оную убѣжанія достойною, то для чегобъ не признали они ее, отложивъ свою гордость, бѣдственною? Скажи пожалуй, отъ терпѣнія, или отъ нетерпѣнія Катонъ себя умертвилъ? Конечно онъ не сдѣлалъ бы того, ежели бы сносною была для него Кесарева побѣда. Гдѣ же му-

жество? Уступило, превозможено, преодолѣно такъ, что блаженную жизнь оставило, бросило, и отъ оной убѣгло. Или уже тогда она не была блаженною? Такъ видно, что она была бѣдною. Какимъ же образомъ не было то зломъ, что жизнь бѣдною и удаленія достойною дѣлало? Почему и тѣ, кои зломъ сіе признавали, какъ то Перипатетики, или древніе Академики, коихъ секту Варронъ защищалъ, споснѣе правда говорятъ, но и ихъ заблужденіе есть чудное, понеже признаваютъ жизнь блаженною, хотя бы нещастіями и бѣдствіями окружена была столь, что претерпѣвающій оныя принужденъ былъ бы самоизвольною смертію оныхъ избавиться. Зло суть, говоритъ, мученія и терзанія тѣлесныя; и тѣмъ злѣйшія, чѣмъ могутъ быть большими; которыхъ дабы не имѣть, то отъ сея жизни удалиться надлежитъ. Отъ какой жизни, скажи пожалуй? Отъ сея, отвѣтствуетъ, которая обременена толикимъ зломъ. Слѣдовательно блаженна ли она и въ самыхъ оныхъ злахъ, ради коихъ ее удаленія достойною признаваешь? Или для того блаженною называешь, понеже вольно тебѣ отъ сихъ золъ смертію избавитєся? Но что ежели бы ты нѣкоторымъ Божіимъ судомъ въ оныхъ удержанъ былъ, и не попущенобъ было тебѣ умереть, и непрестанно оными былъ обременяемъ? Не уже ли бы ты и тогда не при-

признался, что она бѣдственна? Слѣдовательно для того бѣдственною она не не есть, понеже скоро оставляется, когда ежелибъ она была непрестанная, и по твоему разсужденію была бы бѣдственною. И такъ не должно бѣдностію не признавать, понеже она кратка, или что гораздо безмѣстнѣе, блаженствомъ именовать краткую бѣдность. Великая сила находится во злѣ, которое принуждаетъ человѣка, и по ихъ мнѣнію премудраго лишать самаго себя того, чрезъ что онъ человѣкомъ есть, когда говорятъ, что въ самомъ дѣлѣ есть неложно, что сей есть первый и главный природы гласъ, дабы человѣкъ миренъ былъ самъ съ собою, и для того смерти природно удалялся, и былъ бы самъ себѣ другомъ такъ, чтобъ быть животнымъ, и въ семъ союзѣ тѣла и души жить разсуждалъ за благо, и желалъ того сильно. Великая сила въ злѣ ономъ, которымъ природы связуется чувство, коимъ смерть всѣми силами убѣгаема бываетъ, и такъ связуется, что которая была убѣгаема, та наконецъ желается; и ежели не можетъ отъинуды приключиться, то самимъ человѣкомъ себѣ причиняема бываетъ. Велика сила въ ономъ злѣ, которое изъ мужества дѣлаетъ человѣкоубійцею, естьли притомъ таковое мужество можно назвать мужествомъ, которое такъ симъ зломъ связывается, что человѣка, коего какъ добродѣтель приняло въ

управленіе и храненіе и защищеніе, не толь-
ко не можетъ чрезъ терпѣніе сохранить, но сверьхъ того принуждено бываетъ умертвить. Правда, долженъ мудрый смерть великодушно сносить, но приключающуюся съ стороны. По мнѣнію же сихъ, естьли мужество человѣка смерть самому себѣ принуждено бываетъ причинить, конечно и всенепремѣнно признаться они должны, что не только зло, но и зло несноснѣйшее есть то, которое смерть причинить самому себѣ принуждаетъ. И такъ жизнь, которая толь великихъ и несносныхъ золъ отягощается бременами, или подлежитъ случаямъ, никакимъ образомъ не была бы называема блаженною, естьлибъ люди, кои сіе говорятъ, какъ преодолѣны будучи несносными бѣдствіями, когда наносятъ себѣ смерть, уступаютъ нещастію: такъ побѣждены бывши здравымъ разсужденіемъ, когда ищутъ блаженной жизни, согласились бы уступить истиннѣ, и не полагали бы въ сей смертности конца высочайшаго добра, гдѣ самыя добродѣтели, коихъ здѣсь нѣтъ ничего лучше, ничего полезнѣе человѣку, чѣмъ болѣе помоществуютъ противъ силы бѣдствій, трудностей, печалей, тѣмъ неложнѣйшія подаютъ свидѣтельства человѣческой бѣдности. Ибо ежели оныя суть истинныя добродѣтели, которыя не могутъ быть развѣ въ благочестивыхъ, не доказываютъ, что онѣ могутъ въ человѣ-

кѣ,

кѣ, въ коемъ находятся, сдѣлать, дабы онъ никакихъ бѣдствій не чувствовалъ. Ибо истинныя добродѣтели не лгутъ, что сего не обѣщаютъ; но дабы житіе человѣческое, которое толикими и толь многими окружено бѣдами, и принуждено зломъ вѣка сего быть бѣднымъ, упованіемъ вѣка будущаго было блаженно, какъ и спасено. Ибо какъ можетъ быть блаженнымъ, ежели еще не спасено? Почему и Апостолъ Павелъ не о людяхъ неразумныхъ, малодушныхъ, невоздержныхъ и неправедныхъ, но о тѣхъ, кои по истинному благочестію жизнь препровождаютъ, и потому добродѣтели, кои въ нихъ суть, истинныя имѣютъ, говоритъ: *Упованіемъ спасохомся, видимое же упованіе нѣсть упованіе. Еже бо кто видитъ, что и уповаетъ. Аще же его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ да ожидаемъ.* И такъ какъ упованіемъ спаслися, такъ упованіемъ же и блаженными сдѣлались; и какъ спасеніе, такъ и блаженство, не имѣемъ уже, но надѣемся, и сіе терпѣніемъ: понеже мы въ бѣдствіяхъ находимся, которыя терпѣливно сносить должны, покуда до оныхъ достигнемъ благъ, гдѣ все будетъ, чѣмъ неизреченно станемъ наслаждаться, и гдѣ ничего не будетъ, которое бы сносить и претерпѣвать еще надлежало. Таковое спасеніе, имѣющее быть въ будущемъ вѣкѣ, самымъ будетъ конечнымъ блаженствомъ; котораго

бла-

блаженства оные философы понеже здѣсь не видя признавать не хотятъ, то здѣсь силятся наиложнѣйшее себѣ устроить, сколь съ надмѣннѣйшею, столь и ложнѣйшею добродѣтелію.

Глава пятая.

О общежительной жизни, которая многими оскорбленіями часто разрушается.

Что же они признаваютъ, что жизнь премудраго должна быть общежительною, оное наипаче мы подтверждаемъ. Ибо откуда бы сей Божій градъ, о которомъ уже девятуюнадесять пишемъ книгу, или начался, или продолжался, или получилъ должные концы, естьлибъ не была жизнь святыхъ общежительною? Но въ бѣдности сея смертности коликими и коль многими изобилуетъ злыми общество человѣческое, кто изобразить можетъ, кто описать въ состояніи? Пускай послушаютъ изъ своихъ Комиковъ одного, который чувствованіе всѣхъ людей открываетъ, когда говоритъ: *Сопокупился бракомъ, какихъ въ ономъ бѣдностей не видѣлъ? Родились дѣти, другая забота.* Каковы же оные пороки, которые въ любви описываетъ той же Терентій; *Обиды, подозрѣнія, ревнивость, вражда, брань, и паки миръ:* не все ли въ мірѣ наполнили? Не приключаются ли оные и въ честной любви и дружеской? Не обилуютъ

ли оными человѣческія дѣла, гдѣ обиды, подозрѣнія, вражды, брани, зло несомнѣнное чувствуемъ? Миръ же есть сомнительное добро, поелику сердецъ тѣхъ, съ коими оный имѣть желаемъ, не знаемъ; да хотя бы нынѣ и знать могли, однако по истиннѣ того не въ состояніи были бы вѣдать, каковыми заутра оныя сердца быть имѣютъ. Не должны ли быть дружелюбнѣе между собою особливо тѣ, кои живутъ въ единомъ домѣ? Однако кто и тамъ безопасенъ, когда толикое зло часто отъ тайныхъ происходитъ тамъ навѣтовъ, тѣмъ горестнѣйшее, чѣмъ вожделѣннѣе спокойствіе, которое истиннымъ было почитаемо, когда коварно лицемѣрствовано. Чего для такъ касается всѣхъ сердецъ, что принуждаетъ воздыхать съ стенаніемъ, какъ говоритъ Туллій: *Нѣтъ скрытнѣйшихъ навѣтовъ, какъ тѣ, кои скрываются подъ притворствомъ любви, или подъ именемъ родства; ибо явнаго врага осторожностію удобно избавиться можешь. Сіе же тайное, внутреннее и домашнее зло не только находится, но и поражаетъ, прежде нежели предусмотрѣть и изведать въ силахъ.* Чего для и Священное Писаніе говоритъ: *враги человѣку домашніи его*: что не безъ великой прискорбности сердечной слышитъ всякой. Понеже хотябъ кто столь былъ мужественъ, чтобъ великодушно сносилъ; или недремлющъ, чтобъ предусмотрительнымъ

совѣ-

совѣтомъ могъ того остерегаться, что противъ его предпринимаетъ притворная дружба: при всемъ томъ оныхъ вѣроломныхъ людей злоба, когда онъ ихъ непотребными находитъ, естьли самъ благонравенъ, по необходимости долженъ терзаться, хотябъ они всегда были злыми, и притворялисъ добрыми, хотябъ въ злобныхъ изъ благонравныхъ превратились. И такъ ежели семейство общее прибѣжище въ сихъ злоключенiяхъ человѣческаго рода не безопасно; то что сказать о градѣ, который чѣмъ пространнѣе, тѣмъ судебныя мѣста и прочiя болѣе наполнены раздорами, дѣлами обыкновенными и преступленiями, хотя бы не было въономъ не только кровопролитныхъ, но и возмутительныхъ бунтовъ и междусобiй, отъ которыхъ иногда могутъ быть свободными города, а отъ бѣдствiй не могутъ.

Глава шестая.

О погрѣшности человѣческихъ судовъ, когда истинна неизвѣстна.

Что самые суды человѣческiе о другихъ, которые и въ самыхъ мирныхъ городахъ не быть не могутъ? Каковыми мы ихъ, и сколь бѣдными, и сколь сожалѣнiя достойными признаваемъ, когда тѣ другихъ судятъ, которые совѣсти тѣхъ, коихъ они судятъ, видѣть не могутъ? Почему

чему часто принуждены бываютъ мученіемъ неповинныхъ свидѣтелей къ дѣлу другаго принадлежащую изыскивать истинну. Что сказать, когда всякъ въ своей винѣ мучимъ бываетъ, и когда испытывается ранами, не виноватъ ли онъ? И невинный тогда за неизвѣстное преступленіе извѣстное претерпѣваетъ мученіе, не потому, что акибы онъ то содѣлалъ, открывается, но поелику неизвѣстно, содѣлалъ ли онъ то. И потому незнаніе судіи причиною есть по большей части бѣдствія неповинныхъ. И что наипаче нестерпимо и оплакиванія достойно таковаго, что ежелибъ можно было статься, оросить слезами надлежало, когда для того судія мучитъ осужденнаго, дабы не умертвить по невѣдѣнію неповиннаго: то не рѣдко бываетъ, по бѣдности невѣденія, что и мученнаго и неповиннаго убиваетъ, котораго прежде терзалъ, дабы не умертвить неповиннаго. Ибо ежели по мнѣнію сихъ мудрецовъ таковой мучимый избралъ удалиться отъ сея жизни, нежели долговременно претерпѣвать мученія, то принужденъ будетъ признать себя виноватымъ въ томъ, чего не сдѣлалъ. По осужденіи и умерщвленіи таковаго судія еще не извѣстенъ, виноватаго ли, или неповиннаго онъ умертвилъ, котораго мучилъ, дабы по невѣдѣнію не умертвить неповиннаго; и потому онъ мучилъ неповиннаго, дабы увѣдать, и не

зная

зная истинны убилЪ. ВЪ семЪ мракѢ жизни общежительной будетЪ ли сидѢть судія таковый премудрый, или не осмѢлится? Конечно будетЪ сидѢть. Ибо обязываетЪ его, и кЪ сему долгу влечетЪ человѢческое общество, которое оставить непристойнымЪ дѢломЪ почитаетЪ. Понеже того за порокЪ не поставляетЪ, что свидѢтели неповинные вЪ чужихЪ винахЪ мучимы бываютЪ; что тѢ, кои обличаются, жестокостію болѢзни по большей части преодолѢны бывши, и ложно себя признавЪ виноватыми, казнь принимаютЪ неповинные, когда уже мучимы были неповинные; и ежели не казнимы бываютЪ смертною казнію, то иногда вЪ самыхЪ мученіяхЪ, или отЪ мученій умираютЪ. Да не случается ли иногда и того, что обличители виноватаго, желая, дабы преступленія не оставались безЪ наказанія, храня общество человѢческое, вЪ случаѢ, когда вЪ противность имЪ ложь покажутЪ свидѢтели, а притомЪ и виноватый утвердится при наложеніи ему ранЪ, и не признается, доказать болѢе ничѢмЪ не вЪ силахЪ, хотя истинну доносили, отЪ судіи по невѢденію осуждаются? Сіе толикое зло не почитаетЪ грѢхомЪ судія. Ибо сіе дѢлаетЪ премудрый судія не изЪ хотѢнія другимЪ вреда, но по нуждѢ невѢденія, а притомЪ поелику его понуждаетЪ человѢческое общество, и по нуждѢ суда. Сія есть назы-

вае-

ваемая нами бѣдность человѣческая, хотя она происходитъ и не отъ злости мудраго, или когда по нуждѣ невѣденія и судейскаго чина мучитъ неповинныхъ, казнитъ неповинныхъ; малымъ дѣломъ для него кажется, что онъ не признаваетъ себя виноватымъ, ежели не назоветъ и блаженнымъ? Сколь благоразумнѣе и человѣка достойнѣе, когда кто и человѣкомъ себя въ таковой необходимости признаетъ, и оной бѣдности въ себѣ ненавидитъ! и ежели благочестно мудрствуетъ, вопіетъ къ Богу: *Отъ нуждъ моихъ изведи мя.*

Глава седьмая.

О различіи языковъ, коимъ общество человѣческое разрушается, и о бѣдности браней, или сраженій и тѣхъ самыхъ, которые праведными именуются.

Послѣ града слѣдуетъ вселенная, въ которой третію степень полагаютъ общества человѣческаго; начиная отъ дома, или семьи, простираясь ко граду, потомъ доходя до вселенной, которая по истиннѣ какъ собраніе водъ, чѣмъ пространнѣе, тѣмъ болѣе бѣдствій наполнено; въ которой по большой части различіе языковъ человѣка удаляетъ отъ человѣка. Ибо ежели одинъ съ другимъ встрѣтятся, и нужда принудитъ имъ быть купно, изъ коихъ ни одинъ другаго языка не знаетъ: то удоб-

нѣе безсловесныя животныя различнаго рода, нежели оные, будучи оба людьми, сообщаются. Ибо когда чувствуемаго ими сообщить одинъ другому не могутъ по различію единственно языковъ, то нимало не способствуетъ толикое природы сходство, такъ что желательнѣе человѣку быть со псомъ своимъ, нежели съ человѣкомъ чужимъ. Но прилагаемо было стараніе, дабы владычествующій городъ не только иго возлагалъ на побѣжденныхъ народовъ, но и принуждалъ во время мира обучаться своему языку, дабы чрезъ то не недоставало, или лучше сказать, изобиловало переводчиковъ множество. Такъ, правда. Но сіе сколь многими и великими войнами, коликимъ изліяніемъ человѣческой крови снискано! по окончаніи однако оныхъ не окончалась золъ бѣдность. Ибо хотя не недоставало непріятелей изъ внѣшнихъ народовъ, противъ коихъ сраженія дѣлаемы были и дѣлаются; однако самое пространство государства несравненно хуждшія произвело войны союзническія и гражданскія, которыми жалостнѣе изнуряется родъ человѣческій; или во время самыхъ браней, дабы нѣкогда успокоиться; или отъ страха, дабы паки не возстала брань. Сихъ золъ многія и многоразличныя и жестокія пагубы и страшныя нужды ежели бы я восхотѣлъ изобразить какъ должно, хотя по достоинству никакъ описать не можно: конца не

было

было бы сему словопрѣнію. Но мудрый, говорятъ, праведныя войны имѣть будетъ. Какъ будто бы не сожалительно будетъ для него, естьли онъ вспомнитъ, что онъ человѣкъ; что постигла его нужда имѣть праведную войну: понеже естьлибъ не была она праведною, то и имѣть ее не долженствовало бы, и потому мудрому никакой брани не было бы. Ибо неправда противной стороны дѣлаетъ праведную войну, которую имѣть мудрый долженъ, о которой неправдѣ конечно человѣкъ сожалѣть долженъ; понеже она есть человѣческая, хотябъ не подала необходимости къ брани. И такъ о семъ злѣ, толь великомъ, толь ужасномъ, толь жестокомъ, кто съ жалостію разсуждаетъ, тотъ принужденъ въ бѣдности признаться. А который или терпитъ оное безъ прискорбности душевной, или помышляетъ объ ономъ, тотъ, хотя и почитаетъ себя блаженнымъ, наибѣднѣйшій есть человѣкъ; понеже и человѣческаго лишился чувства.

Глава осьмая.

Что дружество добрыхъ безопаснымъ быть не можетъ, когда нужда настоитъ страшиться бѣдствій настоящей жизни.

Естьли же не приключается нѣкоторое невѣденіе, подобное безумію, которое однако въ бѣдномъ состояніи сея жизни часто

сто бываетъ, когда почитается другомъ врагъ и врагомъ другъ: то что насъ утѣшаетъ въ семъ человѣческомъ сообществѣ, заблужденій и бѣдностей наполненномъ, кромѣ вѣрности нелицемѣрной и взаимной любви прямыхъ и добронравныхъ друговъ? Которыхъ чѣмъ болѣе въ разныхъ и многихъ мѣстахъ имѣемъ, тѣмъ пространнѣе боимся, дабы не приключилось имъ какое нибудь зло изъ безчисленныхъ золъ вѣка сего. Ибо не только мы заботимся, дабы они не претерпѣли глада, браней, болѣзней, плѣненія, и дабы въ плѣненіи не понесли чего либо таковаго, каковаго и вообразить себѣ не можемъ; но которой страхъ несравненно для насъ горестнѣе, дабы не премѣнили къ намъ вѣрности и не уклонились въ злобу и непотребство. И когда сіе случается, тѣмъ болѣе, чѣмъ друговъ въ разныхъ мѣстахъ множае, о коихъ мы получаемъ свѣденіе, коимъ сердце наше терзается, оное кто можетъ знать, кромѣ чувствующаго оное? Упователно, желательнѣе было бы для насъ слышать, что они скончали свою жизнь, хотя и того слышать безъ прискорбности не можемъ. Ибо коихъ жизнь по причинѣ дружескихъ утѣшеній была намъ пріятна, то какимъ образомъ смерть ихъ не причинитъ намъ прискорбности? Которую кто возбраняетъ, тотъ пускай возбранитъ, ежели можетъ, дружескія бесѣды; пускай возбранитъ дружеское сообщество,

страсть

страсть всѣхъ человѣческихъ союзовъ; пускай прерветъ узы ума крайнимъ безуміемъ, или присовѣтуетъ, что друговъ такъ употреблять должно, дабы не чувствовать оттуда никакого удовольствія. Сіе естьли ни коимъ образомъ быть не можетъ, то какъ станется, дабы смерть для насъ была не огорчительною того, котораго жизнь намъ была вожделѣнна? Ибо и плачь въ семъ случаѣ есть не что другое, какъ рана, для уврачеванія которой употребляемы бываютъ утѣшенія. Не можножъ сказать, аки бы не чего въ душѣ лечить; понеже чѣмъ душа есть лучше, тѣмъ въ оной удобнѣе и скорѣе врачеваніе производится. И такъ когда о смерти наилюбезнѣйшихъ нашихъ, ообливо которыхъ жизнь для человѣческаго общества была потребна, иногда легче иногда жесточае сокрушаемся; однако тѣхъ, коихъ любимъ, лучше желаемъ слышать, или видѣть умершими, нежели измѣнившими намъ въ вѣрности и премѣнившимися отъ добронравія. Симъ зломъ наполнена есть земля; чего для и написано: *Не искушеніе ли житіе челоп*ѣ*ческое на земли?* И самъ Господь глаголетъ: *Горе міру отъ соблазнъ.* И паки: *И за умноженіемъ неправды изсякнетъ любы многихъ.* Отъ сего происходитъ, что мы радуемся о смерти добрыхъ друговъ. И хотя разлука съ ними насъ огорчаетъ, однако утѣшаетъ то, что они избавились отъ золъ, коими въ сей жизни

и добрые люди или сокрушаются, или повреждаются, или въ томъ и въ другомъ бѣдствуютъ.

Глава девятая.

О содружествѣ святыхъ Ангеловъ, которое человѣку въ семъ мірѣ не можетъ быть явно, по причинѣ коварства демоновъ, на коихъ напали, кои думали, что многихъ боговъ почитать имъ дожно.

Въ сообществѣ же святыхъ Ангеловъ, которое философы, боговъ другами намъ признававшіе, въ четвертомъ полагаютъ мѣстѣ, какъ бы въ міръ приходящими, дабы нѣкоторымъ образомъ соединить небо съ землею. Не боимся ни мало того, дабы они смертію своею, или измѣненіемъ своей доброты насъ не опечалили; но поелику не такъ какъ люди съ нами обращаются, что самое также принадлежитъ къ бѣдности сего житія, и иногда сатана, какъ пишется, преобразуется въ Ангела свѣтла ради искушенія тѣхъ, коихъ такимъ образомъ наставить надлежитъ, или которымъ прельщеннымъ быть праведно; великое Божіе потребно милосердіе, дабы кто, думая, что имѣетъ другами благихъ Ангеловъ, не могъ имѣть друговъ притворныхъ, злыхъ ангеловъ, которые тѣмъ пагубнѣйшими, чѣмъ лукавнѣйшими и коварнѣйшими суть врагами. И кому великое сіе милосердіе Божіе по-

потребно, какъ не великой человѣческой бѣдности, которое такимъ обременяется невѣденіемъ, что удобно сихъ притворствомъ обманывается? И оные философы въ нечестивомъ градѣ, которые боговъ другами себѣ почитали, попали на злыхъ демоновъ, коимъ весь градъ нечестивый повинуется, имѣющій страдать съ ними въ вѣчномъ мученіи. Ибо изъ ихъ священнослуженій, или лучше сказать святотатствъ, коими ихъ почитали, и изъ непотребныхъ игръ, гдѣ ихъ беззаконія представляемы были, коими ихъ умилостивляли по ихъ требованію и принужденію, довольно видно, сколь оными почитаемые почтенія достойны.

Глава десятая.

Какой плодъ святымъ за повѣжденіе искушеній сея жизни уготованъ.

Но и святые и вѣрные единаго Бога истиннаго и всевышняго почитатели отъ ихъ коварствъ и многоразличныхъ искушеній не безопасны. Ибо въ семъ мѣстѣ немощи и дняхъ злыхъ о томъ попеченіе прилагать полезно, дабы оная безопасность, гдѣ миръ полный и несомнительный, желаніемъ усерднѣйшимъ была искома. Понеже тамъ будутъ дарованія природы, то есть которыя природѣ нашей отъ Творца всѣхъ природъ даруются, не только бла-

гія, но и вѣчныя; не только въ душѣ, которая уврачуется премудростію, но и въ тѣлѣ, которое воскресеніемъ обновится. Тамъ добродѣтели непротивоборствующія будутъ порокамъ и бѣдствіямъ, но имѣющія возмездіе побѣды вѣчный миръ, котораго никакой непріятель не поколеблетъ; ибо оный есть конечнымъ блаженствомъ и концемъ совершенства, который конца имѣть не будетъ. Здѣсь же хотя и навываемся блаженными, когда миръ имѣемъ, каковъ въ благонравной жизни имѣть можно; но сіе блаженство съ онымъ, которое конечнымъ нарицаемъ, сравнено будучи, совсѣмъ есть бѣдностію. И такъ сей миръ, каковой смертные въ дѣлахъ смертныхъ имѣть могутъ, когда имѣемъ, естьли право жизнь препровождаемъ, то добро его право употребляетъ добродѣтель; когда же оной не имѣемъ, то и зла, претерпѣваемаго человѣкомъ, право употребляетъ добродѣтель. Но тогда есть истинная добродѣтель, когда и все добро, коего хорошо употребляетъ, и все, что въ добромъ употребленіи добра и зла дѣлаетъ, и себя самую къ оному концу относитъ, гдѣ намъ толикій будетъ миръ, котораго болѣе и лучше быть не можно.

Глава первая надесять.

О блаженствѣ мира вѣчнаго, въ которомъ святымъ есть конецъ, то есть истинное совершенство.

Чего для можемъ сказать, что концемъ благъ нашихъ есть миръ, такъ какъ и жизнь вѣчная; особливо что самому граду Божію, о коемъ мы многотрудное имѣемъ стязаніе, во святомъ глаголется псалмѣ: *Похвали Іерусалиме Господа, хвали Бога твоего Сіоне: яко укрѣпи вереи вратъ твоихъ: благослови сыны твоя въ тебѣ. Полагаяй предѣлы твоя миръ.* Ибо когда укрѣпятся вереи вратъ его, то уже никто въ него не внидетъ и изъ него не изыдетъ. И потому концемъ его тотъ разумѣть должны мы миръ, которой хощемъ показать конечнымъ; понеже и самаго града таинственное имя, то есть Іерусалимъ, которое, какъ уже выше сказали, видѣніе мира толкуется. Но поелику имя мира и въ вещахъ смертныхъ употребляется, гдѣ нѣтъ жизни вѣчной, того ради концемъ града сего, гдѣ будетъ высочайшее его добро, жизнь вѣчную за благо разсудили положить, нежели миръ. О которомъ концѣ Апостолъ говоритъ: *Нынѣ же свобождшеся отъ грѣха, поработившеся же Богови имате плодъ вашъ во святыню, кончину же жизнь вѣчную.* Но паки, поелику жизнь вѣчная отъ непріемлющихъ Священнаго Писанія можетъ разумѣ-

ема быть и жизнь злыхъ; или, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, въ разсужденіи безсмертія души; или по вѣрѣ нашей въ разсужденіи некончаемыхъ мукъ нечестивыхъ, которые инаково вѣчно мучимы быть не могутъ, естьли не будутъ вѣчно жить: то всенепремѣнно концемъ града сего, въ коемъ имѣть будетъ высочайшее добро, или миръ въ жизни вѣчной, или жизнь вѣчная въ мирѣ полагаемы быть должны, дабы удобнѣе всякъ выразумѣть и понять могъ. Ибо мира добро толико есть, что и въ земныхъ вещахъ ничего пріятнѣе не слышится, ничего усерднѣе не желается, ничего наконецъ лучше не обрѣтается. О которомъ ежели продолжительнѣе нѣсколько поговорить восхощемъ, не будемъ, какъ я думаю, тягостны для читателей и не нанесемъ имъ скуки какъ въ разсужденіи конца града сего, о коемъ мы говоримъ, такъ въ разсужденіи вожделѣнности самаго мира, который всѣмъ любезенъ.

Глава вторая надесять.

Что и жестокость воюющихъ и всѣ человѣческія безпокойства къ концу мира желаютъ достигнуть, безъ желанія коего нѣтъ ни одной природы.

Сіе всякъ со мною, взирающій хотя легко на дѣла человѣческія и на общую природу, признаетъ. Ибо какъ нѣтъ ни одного,

который бы не хотѣлъ радоваться: такъ нѣтъ ни одного, который бы мира имѣть не желалъ, когда и самые стремящіеся къ войнамъ не чего инаго желаютъ, какъ только чтобъ побѣдить: и такъ къ славному миру войнами хотятъ достигуть. Понеже что есть побѣда, какъ не покореніе противоборствующихъ? которое ежели послѣдуетъ, тогда будетъ миръ. Слѣдовательно съ желаніемъ мира предпринимаются и войны и отъ тѣхъ самыхъ, которые мужество свое оказать хотятъ въ сраженіи. Откуда извѣстно, что миръ есть желаемымъ концемъ войны; ибо всякой человѣкъ и воюя ищетъ мира, а не миролюбіемъ войны. Ибо и тѣ, кои миръ, въ коемъ пребываютъ, когда поколебать хотятъ, не миръ ненавидятъ, но по изволенію своему желаютъ оный премѣнить: слѣдовательно не того они хотятъ, дабы былъ миръ, но дабы таковый былъ, каковаго желаютъ. Наконецъ ежели посредствомъ бунта отдѣлятся отъ прочихъ, то не могутъ намѣреваемаго собою произвесть въ дѣйство, ежели вступившіе между собою въ заговоръ не будутъ имѣть нѣкотораго вида мира. Потому разбойники самые, дабы безбоязненно и жесточае безпокоить другихъ, миръ хранятъ въ своемъ обществѣ. Но ежели бы и одинъ нашелся столь сильный и опасающійся общниковъ, который бы грабилъ и умерщвлялъ, которыхъ можетъ, при всемъ томъ съ тѣми,

коихъ

коихЪ умертвить не можетЪ и отЪ которыхЪ сЪ своими злодѣяніями укрыться желаетЪ, тѣнь нѣкоторую мира держитЪ. ВЪ домѣ же своемЪ сЪ женою и дѣтьми и прочими старается совершенно быть мирнымЪ; ибо онЪ увеселяется тѣмЪ, что всѣ ему повинуются. Понеже ежели того дѣлаемо предЪ нимЪ не будетЪ, то негодуетЪ, бранитЪ, мститЪ, и мирЪ вЪ домѣ своемЪ, естьли нужда требуетЪ, самою жестокостію дѣлаетЪ, о которомЪ думаетЪ, что быть онЪ не можетЪ, естьли одному начальнику, коимЪ онЪ есть самЪ вЪ дому, прочіе домашніе повиноваться не будутЪ. И потому ежели бы многіе вступили кЪ нему вЪ рабство или города, или народы, и повиновались бы ему такЪ, какЪ онЪ отЪ домашнихЪ своихЪ требовалЪ: тогда бы не на подобіе разбойника скрывался онЪ вЪ вертепѣ, но возвысилсябЪ предЪ всѣми какЪ Царь, хотябЪ вЪ томЪ же своемЪ желаніи и злобѣ пребывалЪ. И такЪ всякЪ сЪ своими желаетЪ имѣть мирЪ, отЪ которыхЪ требуетЪ, дабы они жили такЪ, какЪ ему угодно; ибо и сЪ которыми воюютЪ, тѣхЪ своими подданными учинить хотятЪ, и по покореніи оныхЪ законы своего мира наложить на нихЪ. Но вообразимЪ себѣ нѣкотораго человѣка, каковаго описываетЪ стихотворческое баснословіе; котораго можетЪ статься по его необщежительной звѣрскости полчеловѣкомЪ, нежели человѣкомЪ назвали.

И

И такЪ хотя его область состояла изЪ пустыннаго вертепа, и вЪ немЪ столь отмѣнная отЪ прочихЪ находилась злоба, что отЪ оной и имя себѣ получилЪ; ибо *κακός* по Гречески называется злый, коимЪ именемЪ онЪ назывался; не имѣлЪ жены, сЪ которою бы не безЪ удовольствія могЪ бесѣдовать; ни малыхЪ дѣтей, коихЪ игрою забавляться; ни возрастныхЪ, которымЪ бы повелѣвать; не наслаждался разговорами друзей, ниже Вулкана своего отца, котораго тѣмЪ только былЪ щастливѣе, понеже самЪ такогожЪ чудовища не родилЪ; онЪ ничего никому не давалЪ, но отЪ кого только могЪ, и что хотѣлЪ, похищалЪ: однако вЪ своемЪ пустынномЪ вертепѣ, котораго, какЪ описываютЪ, всегда теплою кровію обагряема была земля, ничего инаго не желалЪ, кромѣ спокойствія, вЪ которомЪ никтобЪ его не безпокоилЪ и не смущалЪ силою, или страхомЪ. НаконецЪ сЪ тѣломЪ своимЪ мирЪ желалЪ имѣть, которому угождалЪ всемЪ, что имѣлЪ. Когда членамЪ повинующимся повелѣвалЪ, и дабы свою смертность, противЪ его отЪ недостатка воюющую, и возбуждающую бунтЪ глада кЪ исторженію души отЪ тѣла, коликою могЪ скоростію успокоить, похищалЪ, убивалЪ, пожиралЪ; и хотя былЪ жестокЪ и свирѣпЪ, однако тщился о мирѣ своей жизни и здравіи. И потому ежели бы мирЪ, который вЪ своемЪ вертепѣ самЪ вЪ себѣ

имѣть старался, восхотѣлъ имѣть и съ другими, то ни злымъ, ни чудовищемъ, ни полчеловѣкомъ нареченъ не былъ бы. Или ежели видъ его тѣла и дыханіе огнемъ удаляли отъ него людей, то можетъ онъ по нуждѣ свирѣпѣлъ, а не изъ желанія, дабы причинять другимъ вредъ. Но положимъ, что его не было, или по крайней мѣрѣ таковаго не было, какимъ его описываетъ пустословіе стихотворческое; ибо ежели бы не столько охуждали Какуса, то мало выхвалы получилъ бы Ираклій. И такъ вѣроятно, что таковаго человѣка, или лучше сказать полчеловѣка, какъ я сказалъ, не было, какъ и другихъ многихъ вымышленныхъ стихотворцами. Понеже самые свирѣпые звѣри, коихъ онъ часть имѣлъ звѣрскости, ибо и полузвѣремъ названъ, собственный свой родъ миролюбно хранятъ совокупляясь, раждая, дѣтей питая; хотя многіе изъ нихъ и не общежительны, но любятъ уединеніе; то есть не таковы, каковы на примѣръ овцы, олени, голуби, скворцы, пчелы, но какъ то львы, волки, орлы, совы. Ибо какой тигръ не кротокъ къ дѣтямъ своимъ, и оныхъ оставивъ, звѣрскость не ласкаетъ? Какой ястребъ скитающійся и хищеніемъ питающійся, не совокупляется съ самкою, не вьетъ гнѣзда, не насиживаетъ яицъ, не воспитываетъ дѣтей, и какъ бы съ своею женою въ дому общество домашнее въ мирѣ, сколько мо-

можетъ, не хранитъ? Кольми паче человѣкъ стремится нѣкоторымъ образомъ природы своей законами къ вступленію въ общество и къ заключенію со всѣми людьми, сколько можно, мира; когда и злые за миръ своихъ воюютъ, и своими всѣхъ, ежелибъ статься могло, сдѣлать желаютъ, дабы одному всѣ служили. Какимъ образомъ? Не инако, какъ чтобъ въ его миръ или изъ любви, или изъ страха согласились. Ибо такимъ образомъ гордость подражаетъ Богу. Понеже не терпитъ равенства съ общниками подъ онымъ, но простираетъ владычество свое на общниковъ вмѣсто его; слѣдовательно ненавидитъ праведнаго мира Божія, а любитъ неправедный свой миръ. Однако не любить мира никакимъ образомъ не можетъ; ибо нѣтъ ни одного порока противъ природы таковаго, которой бы последніе слѣды природы истребилъ. И такъ миръ неправедныхъ въ сравненіи мира праведныхъ миромъ назвать не можетъ тотъ, который умѣетъ предпочитать правое неправому и порядочное развращенному. Да и самое превратное должно быть или въ нѣкоторой, или по нѣкоторой, или съ нѣкоторою частію мирнымъ быть, въ коихъ находится, или изъ которыхъ состоитъ; въ противномъ случаѣ было бы ничѣмъ. Какъ естьли бы кто повѣшенъ былъ головою внизъ, то превращенно есть положеніе тѣла и порядокъ членовъ; понеже то, чему

при-

природа требуетъ быть вверьху, находится внизу, и чему хощетъ быть внизу, оное состоитъ вверьху. Смутитъ спокойство тѣла таковая превратность, и для того есть прискорбна. Однако душа съ своимъ тѣломъ въ миролюбіи находится и печется о избавленіи его, и потому есть соболѣзнующій о томъ; которая ежели прискорбностію онаго изключена бывши, выдетъ, то покуда пребываетъ связь членовъ, не есть безъ нѣкотораго мира оставшееся, и потому находится еще висящій, и что земное тѣло къ земли стремится, и вервію, на коей виситъ, удерживается, къ порядку своего мира стремится; и мѣста, на коемъ бы почить, гласомъ тяжести требуетъ, и уже бездушное и лишенное чувства, отъ природнаго однако мира не отступаетъ, или когда держитъ оный, или когда стремится къ нему. Ибо ежели приложено будетъ врачеваніе, которое не попускало бы образу трупа разрушиться, то миръ еще нѣкоторый соединяетъ члены, и весь составъ прилагаетъ земному и пристойному, а потому и мирному мѣсту. Ежелижъ не будетъ употреблено мастей, но оставится природному теченію, то дотолѣ какъ бы волнуется испущеніемъ паровъ, нашему чувствованію противныхъ, то есть чувствуемыхъ въ гнилости, покуда соединится съ стихіями міра, и къ онымъ помалу вступитъ въ міръ. Однако

нако ничего не отъемлется отъ установленій всевышняго онаго Творца и Строителя, который міръ общественный устрояетъ. Понеже хотя изъ трупа большаго животнаго мѣлкія раждаются животныя, то тѣмъ же закономъ Творца всякія тѣла Его животнымъ служатъ. Хотя умершихъ тѣла отъ другихъ животныхъ пожираются, то тѣжъ законы, всюду разліяные, находятъ къ здравію всѣхъ смертныхъ родовъ приличное приличнымъ умирающія, кудабъ оныя развлекаемы и къ какимъ бы вещамъ соединяемы, или въ какія бы вещи премѣняемы ни были и превращаемы.

Глава третіянадесять.

О порядкѣ и законѣ, или невесномъ, или земномъ, которымъ обществу человѣческому чрезъ обладающихъ подается совѣтъ, и чрезъ совѣтованіе требуется повиновеніе.

Всякое употребленіе временныхъ вещей относится къ плоду земнаго мира въ градѣ земномъ; въ небесномъ же градѣ относится къ плоду вѣчнаго мира. Чего для ежели бы мы были безсловесными животными, то ничегобъ больше не желали, кромѣ стройнаго сложенія частей тѣлесныхъ и удовольствія хотѣній. Слѣдовательно ничего кромѣ спокойствія тѣлеснаго и множества удовольствій, дабы миръ тѣлесный пользу приносилъ миру душевному. Ибо ежели не до-

станетъ мира тѣлеснаго, то препятствуется міру безсловесной души: понеже конца своихъ вожделѣній получить не можетъ. Обое же купно пользуетъ миру, которой между собою имѣетъ душа и тѣло. Ибо какъ животныя показываютъ, что любятъ спокойствіе тѣлесное, когда убѣгаютъ болѣзни; и спокойствіе душевное, когда для исполненія своихъ недостатковъ стремятся къ удовольствованію: такъ смерти удаляясь, довольно показываютъ, сколь любятъ миръ, коимъ соединяются душа и тѣло. Но какъ человѣкъ разумную имѣетъ душу, то все то, что имѣетъ общее съ безсловесными, покаряетъ миру души разумной, дабы умомъ нѣчто созерцать, и потому нѣчто дѣлать, дабы имѣть порядочное познанія и дѣйствія соединеніе, которое мы миромъ души разумной назвали. Ибо для того желать долженъ, дабы не чувствовать прискорбности, не смущаться желаніемъ, не разрушаться смертію, чтобъ нѣчто полезное познать, и по оному познанію житіе свое препроводить и управлять нравы. Но дабы самимъ тщаніемъ о познаніи по слабости человѣческаго разума не впасть въ какое либо заблужденіе, то нужду имѣетъ въ наставленіи Божественномъ, которому бы безъ сомнѣнія повиноваться, и въ пособіи, дабы доброхотно повиноваться. И понеже доколѣ въ семъ смертномъ тѣлѣ пребываетъ, странствуетъ отъ Госпо-

пода, вѣрою ходитъ, а не видѣніемъ; и потому всякій миръ, или тѣлесный, или душевный, или купно душевный и тѣлесный относитъ къ оному миру, которой человѣкъ смертный имѣетъ съ безсмертнымъ Богомъ, дабы порядочное въ вѣрѣ подъ вѣчнымъ закономъ имѣть повиновеніе. А понеже двумъ заповѣдямъ главнымъ, то есть любить Бога и ближняго, учитъ Наставникъ Богъ, то въ оныхъ человѣкъ находитъ три, то есть Бога, себя и ближняго, и таковой въ любленіи себя не погрѣшаетъ, который любитъ Бога: слѣдовательно онъ долгъ имѣетъ совѣтовать ближнему, дабы онъ любилъ Бога, понеже ближняго повелѣно ему любить какъ самаго себя. Такъ женѣ, такъ дѣтямъ, такъ домашнимъ, такъ прочимъ всѣмъ людямъ, коимъ можетъ: и потому желать долженъ, дабы и ему совѣтъ подавалъ ближній, и чрезъ то будетъ спокоенъ и миренъ, сколько въ немъ будетъ мѣръ, со всякимъ человѣкомъ, въ разсужденіи мира человѣческаго, то есть порядочнаго согласія, котораго порядокъ есть таковъ: вопервыхъ, дабы никому не причинялъ вреда; вовторыхъ, дабы приносить пользу, кому только можетъ. И такъ онъ вопервыхъ имѣетъ долгъ прилагать попеченіе о своихъ, ибо онъ имѣетъ удобнѣйшій входъ ради подаянія имъ совѣта, или по порядку природы, или по самому сообществу человѣческому. Чего для

Апостолъ говоритъ: *Аще кто о своихъ, паче же о домашнихъ нерадитъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго есть горшій.* Отсюдато происходитъ миръ домашній, то есть порядочное въ разсужденіи повелѣнія и повиновенія согласіе въ людяхъ, купно жительствующихъ. Ибо повелѣваютъ тѣ, кои совѣтуютъ, какъ мужъ женѣ, родители дѣтямъ, господа рабамъ. Повинуются же тѣ, коимъ подаваются совѣты, какъ то жены мужьямъ, дѣти родителямъ, рабы господамъ. Но въ домѣ праведнаго, отъ вѣры живущаго, и еще отъ онаго небеснаго града странствующаго, и повелѣвающіе служатъ тѣмъ, коимъ по видимому повелѣваютъ. Ибо повелѣваютъ не изъ желанія обладать другими, но изъ долга совѣтованія инымъ; ни изъ гордости надъ прочими владычествовать, но изъ попеченія милосерднаго къ онымъ.

Глава четвертаянадесять.

О природной вольности, или свободѣ, и рабствѣ, котораго виною есть первою грѣхъ, въ разсужденіи котораго человѣкъ, имѣющій злую волю, хотя бы не былъ невольникомъ другому человѣку, есть рабомъ собственнаго пожделѣнія.

Сіе природной порядокъ предписываетъ, такъ Богъ человѣка сотворилъ. Ибо *да обладаетъ*, говоритъ, *рыбами морскими и пти-*

ца-

цами небесными, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли. Не благоволилъ Богъ, дабы сотворенный по образу Его обладалъ другимъ чѣмъ, кромѣ безсловесныхъ, то есть дабы не владычествовалъ человѣкъ надъ человѣкомъ, но человѣкъ надъ скотомъ. Въ слѣдствіе чего первые праведники предприняли лучше пасти скотовъ, нежели владычествовать надъ людьми. Симъ Богъ желалъ показать, чего требуетъ порядокъ тварей, и чего достойна заслуга грѣха; ибо условіе по праву рабства разумѣется положеннымъ грѣшнику. И для того-то нигдѣ въ писаніи не находимъ, дабы сіе слово рабъ было воспомянуто, прежде нежели Ной праведной преступленіе сыновнее наказалъ. И такъ имя сіе заслужило вина, а не природа. Начало же сего слова, ſervus, рабъ, въ Латинскомъ языкѣ произошло оттуда кажется, что тѣ, коихъ можно было въ сраженіи убить, когда сохраняемы бывали, то становились ſervi, рабами, поелику ſervati, сохранены, которое самое однако было не безъ заслуги грѣха. Понеже когда и праведная война происходитъ, то за преступленіе съ противной стороны сраженіе продолжается; и всякая побѣда, когда достается злымъ, то Богъ судомъ своимъ побѣжденныхъ смиряетъ, или исправляя согрѣшенія, или наказуя. Свидѣтель тому человѣкъ Божій Даніилъ, когда въ плѣненіи находясь, прегрѣшенія свои и своего народа

 испо-

исповѣдаетъ Богу, и открываетъ съ чистосердечнымъ соболѣзнованіемъ, что вина плѣненія не ложно есть оная. И такъ первою рабства виною есть грѣхъ, дабы человѣкъ человѣку былъ подвластенъ по обязательству условія, что самое не бываетъ безъ суда Божія, у котораго нѣтъ неправды, и которой знаетъ различныя казни по заслугамъ раздѣлять согрѣшающимъ. Какъ же всевышній Господь говоритъ: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха*; и потому хотя многіе благочестивые находятся въ рабствѣ у господъ непотребныхъ, однако они служатъ не свободнымъ: *имже во кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть.* И подлинно лучше работать человѣку, нежели вожделѣнію, когда жестокимъ своимъ владычествомъ опустошаетъ сердца человѣческія самое желаніе обладать другими. Я уже прочія страсти оставляю. Людемъ же въ ономъ порядкѣ мира, коимъ одни другимъ подвержены, какъ въ рабствѣ приноситъ пользу смиреніе, такъ обладающимъ вредъ причиняетъ гордость. По природѣ же, въ которой Богъ отъ начала сотворилъ, не было ни одного человѣка рабомъ человѣку, или грѣху. Но и рабство, опредѣленное въ наказаніе, тѣмъ закономъ устрояется, коимъ природной порядокъ хранить повелѣваетъ, возмущать запрещаетъ: понеже естьлибъ противъ онаго закона не было ничего содѣлано, то не было бы ничего такого, кото-

торое бы рабствомъ въ наказаніе положеннымъ наказать долженствовало. И для того то Апостолъ увѣщаваетъ рабовъ повиноваться господамъ своимъ, и служить имъ усердно и съ добрымъ изволеніемъ, дабы, то есть, когда не могутъ быть они отъ господъ своихъ свободными, свое рабство нѣкоторымъ образомъ свободнымъ дѣлали, не лукавствомъ изъ страха, но изъ усердной любви служа, дондеже прейдетъ неправда, и испразднится всяко начальство и власть человѣческая, и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.

Глава пятаянадесять.

О праведномъ правѣ владычествованія.

И такъ рабовъ хотя имѣли праведные отцы наши, и управляли домашнимъ спокойствіемъ такъ, что въ разсужденіи временнаго добра участь сыновъ своихъ различали отъ состоянія рабовъ, однако почитать Бога, въ которомъ вѣчныхъ благъ ожидать надлежитъ, всѣмъ дома своего удамъ съ равною любовію внушали, что природной порядокъ такъ предписываетъ, что имя отцовъ фамилій отсюда началось, и столь далеко разпространилось, что и неправедные владѣльцы называемы быть онымъ за честь себѣ ставятъ. Истинные же отцы фамилій, или отечествъ, въ своихъ домочадствахъ какъ дѣтямъ, такъ и всѣмъ къ почитанію Бога и къ благоугожденію предъ Нимъ подаютъ со-

вѣты, требуя и желая, дабы они достигли къ небесному дому, гдѣ не будетъ нужды обладать однимъ людямъ другими; понеже не будетъ потребности въ ономъ безсмертіи блаженнымъ подавать совѣты, куда дондеже достигнуто будетъ, то болѣе должны отцы по причинѣ обладанія, нежели рабы въ рабствѣ своемъ сносить. Естьли же кто въ дому чрезъ непокорство противится домашнему миру, тотъ наказываемъ бываетъ или словомъ, или ранами, или другимъ какимъ родомъ наказанія праведнымъ и позволеннымъ, сколько общество человѣческое позволяетъ въ пользу наказуемаго, дабы къ миру, отъ коего онъ удалился, возвратился. Ибо какъ не есть знакомъ благотворенія, помоществуя дѣлать, дабы потеряно было большее добро: такъ не есть неповинности знакомъ щадя оставлять, дабы въ тяжчайшее зло человѣкъ впалъ. И такъ къ долгу невиннаго принадлежитъ не только никому зла не причинять, но и возбранять отъ грѣха, или и наказывать оный, дабы или наказуемый исправился опытомъ, или другіе устрашились примѣромъ. И поелику каждый домъ долженъ быть частію града, всякое же начало къ нѣкоторому своего рода концу, и всякая часть къ своему цѣлому относится, то слѣдуетъ, что миръ домашній къ гражданскому миру относится, то есть дабы порядочное повелителя и повинующагося

гося

гося купно жительствующихъ согласіе соотносилося къ порядочному повелѣвающаго и повинующихся гражданъ согласію. Отсюда слѣдуетъ, что Отецъ семейства, или хозяинъ, долженъ заимствовать заповѣди отъ закона гражданскаго, коими бы управлять свой домъ, дабы оный сообразенъ былъ миру града.

Глава шестаянадесять.

Почему небесное общество съ земнымъ градомъ имѣетъ миръ, и почему несогласіе.

Но домъ людей, не живущихъ отъ вѣры, земнаго мира по вещамъ временной сей жизни ищетъ; домъ же людей отъ вѣры живущихъ ожидаетъ того, что въ будущемъ вѣкѣ вѣчно обѣщано, и земныя вещи и временныя, такъ какъ странствующій и пришлецъ, или путешественникъ, употребляетъ, дабы не плѣниться ими и не отвратиться отъ того, къ которому стремится, Богу, но дабы оными подкрѣпить жизнь къ удобному сношенію, а не къ пріумноженію бремени тлѣннаго тѣла, которое отягощаетъ душу. По тому вещей житію сему смертному потребныхъ и вѣрнымъ и невѣрнымъ и обоему дому есть употребленіе общимъ; но конецъ употребленія каждому дому особенный и крайнѣ различный. Такимъ образомъ и земный градъ, не живущій отъ вѣры, земнаго мира желаетъ, и

въ ономъ утверждаетъ повелѣнія и повиновенія гражданъ согласіе, дабы могли они имѣть о вещахъ, къ смертной жизни принадлежащихъ, нѣкоторое соединеніе человѣческихъ хотѣній. Градъ же небесный, или лучше сказать часть его, которая въ сей смертности странствуетъ, и живетъ отъ вѣры, по необходимости и сего мира употребляетъ, покуда сія смертность прейдетъ, для которой таковый миръ потребенъ. И потому когда у земнаго града какъ бы въ плѣнѣ жизнь препровождаетъ своего странствованія: уже обѣщаніе искупленія, и даръ духовный какъ бы залогъ получивъ, законамъ града земнаго, коими устроется служащее къ смертной сей жизни, повинуется, дабы, поелику общею есть смертность, сохранено было въ вещахъ, къ оной принадлежащихъ, между обоими градами согласіе. Но понеже земный градъ имѣлъ нѣкоторыхъ своихъ мудрецовъ, охуждаемыхъ Священнымъ Писаніемъ, которые, или мнѣніемъ, или демонами прельстившись, признавали и признавать учили многихъ боговъ, которые различныя должности имѣли, и которымъ разныя вещи принадлежали: къ иному тѣло, къ иному душа, и въ самомъ тѣлѣ, къ иному голова, къ иному шея, и прочія къ другимъ: равно и въ душѣ къ иному разумъ, къ другому ученіе, къ иному гнѣвъ, къ другому вожделѣніе, подобно и въ вещахъ самыхъ

мыхъ принадлежащихъ къ житію, къ иному скотъ, къ другому пшеница, къ иному вино, къ другому масло, къ иному лѣса, къ другому деньги, къ иному мореплаваніе, къ другому войны и побѣды, къ иному бракосочетанія, къ другому роды и чадородіе, и къ прочимъ иное. Небесный же градъ одного Бога почитаетъ, и служитъ Ему служеніемъ, которое по Гречески латріею называется, со благоговѣніемъ вѣры, и которое никому кромѣ Бога не принадлежитъ. Отъ сего возпослѣдовало, что въ благочестіи законовъ съ земнымъ градомъ не можетъ имѣть общихъ, и принужденъ разногласовать въ томъ съ онымъ, и тяжестію почитаться мыслящимъ несходственное, и претерпѣвать началъ ихъ негодованіе, гнѣвъ, ненависть, стремленіе гоненій, покуда души противомудрствующихъ страхомъ своего многолюдства, а наипаче Божіею помощію отъ себя отвратилъ. И такъ сей небесный градъ когда странствуетъ на земли, отъ всѣхъ языковъ гражданъ созываетъ, и во всѣхъ языкахъ странствующее собираетъ общество, не смотря на то, какое есть различіе въ нравахъ, законахъ и установленіяхъ, коими миръ земный или пріобрѣтается, или содержится, ничего изъ нихъ не раззоряя, ни разрушая, но наипаче сохраняя, которое хотя различно есть въ различныхъ странахъ, однако къ одному и томужъ концу земнаго мира стре-

стремится, естьли только оно не препятствуетъ благочестiю, коимъ одинъ всевышнiй и истинный Богъ почитаемъ быть долженъ. Слѣдовательно употребляетъ и земный градъ въ семъ своемъ странствованiи земнаго мира, и о вещахъ, къ смертной человѣческой природѣ принадлежащихъ, соединенiя человѣческихъ хотѣнiй, сколько безъ нарушенiя благоговѣнiя и благочестiя быть можетъ, желаетъ и защищаетъ, и оный земный миръ относитъ къ небесному, который поистиннѣ разумной твари миромъ почитать должно, благоустройнымъ то есть и согласнѣйшимъ обществомъ наслаждаться Богомъ, и между собою взаимно въ Богѣ, куда когда достигнетъ, то не будетъ уже жизнь смертною, но присноживущею; не будетъ также душевнаго тѣла, которое тлѣнiемъ своимъ обременяетъ душу, но духовное, которое безъ всякаго недостатка совершенно имѣетъ быть покореннымъ волѣ. Сей миръ, когда странствуетъ вѣрою, имѣетъ, и отъ сея вѣры праведно живетъ, когда къ полученiю онаго мира относитъ все, какiя бы дѣла благiя ни дѣлалъ въ разсужденiи Бога и ближняго, понеже житiе града есть общежительно.

Глава

Глава седьмаянадесять.

Что граждане святаго града по времени сея жизни надеждою блаженны.

И такъ высочайшимъ добромъ града Божія когда есть вѣчный и совершенный миръ, не по которому смертные преходятъ раждаясь и умирая, но въ которомъ безсмертные пребываютъ, никакого противнаго приключенія не чувствуя, кто сыщется, которой бы жизнь таковую блаженнѣйшею, и въ сравненіи съ оною сію, которую препровождаемъ, сколь бы она душевными, тѣлесными, наружными благими наполнена ни была, бѣднѣйшею не назвалъ? которыя однако ежели кто такъ употребляетъ, что употребленіе оныя относитъ къ концу тоя, которую отъ всего сердца любитъ, и несомнѣнно надѣется, тотъ не непристойно можетъ назваться блаженнымъ, въ разсужденіи однако оной надежды, а не сею вещію. Ибо сія вещь, то есть не соотношеніе употребленія сея жизни къ концу оныя безъ надежды, составляетъ ложное блаженство и великую бѣдность; понеже не истинныхъ благъ душевныхъ употребляетъ: поелику не истинная есть мудрость, которая намѣреніе свое въ томъ, что благоразумно различаетъ, дѣлаетъ не лѣностно, удерживаетъ умѣренно, и раздѣляетъ праведно; не къ оному управляетъ концу, гдѣ будетъ Богъ всяческая во всѣхъ вѣчностію безсомнительною и миромъ совершеннымъ.

Глава

Глава осьмаянадесять.

Истинный ли есть Богъ, и одному ли Ему должно приносить жертву, котораго Христіане почитають.

Но вопросятъ можетъ быть: какой сей Богъ, или чѣмъ доказать можно, что Онъ достоинъ того, дабы Ему долженствовали Римляне повиноваться, и кромѣ Его никакому иному богу не приносить жертвы? Великой слѣпоты знакомъ есть еще вопрошать, кто такой сей Богъ. Онъ есть Богъ, котораго Пророки предвозвѣстили то, что нынѣ видимъ. Онъ есть Богъ, отъ котораго отвѣтъ получилъ Авраамъ: *о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы.* Что на Христѣ исполняющееся, который по плоти отъ сѣмени его произошелъ, оставшіеся имени Христова враги хотябъ хотѣли, хотя нѣтъ, признаваютъ. Онъ есть Богъ, котораго духъ говорилъ чрезъ тѣхъ, коихъ пророчества съ исполненіемъ оныхъ на церкви, которую видимъ во всей вселенной умножившуюся, въ вышеписанныхъ книгахъ приводили. Онъ есть Богъ, котораго Варронъ, наиученѣйшій мужъ изъ Римлянъ, Юпитеромъ называетъ, хотя самъ не знаетъ, что говоритъ. О чемъ однако я для того за благо разсудилъ упомянуть, понеже мужъ толь знающій ни никакимъ, ни маловажнымъ Его не почелъ. Ибо онъ призналъ, что сей есть всевышній Богъ. Наконецъ сей есть Богъ, котораго ученѣйшій

шій

шій философъ, хотя жестокій врагъ Христіанъ, Порфирій, и изъ оракуловъ тѣхъ, коихъ поставлялъ богами, Богомъ великимъ исповѣдалъ.

Глава девятаянадесять.

О мирѣ народа, отчужденнаго отъ Бога, коего употребляетъ къ благочестію народъ Божій, когда странствуетъ въ семъ мірѣ.

И такъ какъ плоти жизнію есть душа, такъ блаженною жизнію человѣка Богъ есть, о которомъ священныя Еврейскія книги говорятъ: *Блажени людіе, имъ же Господь Богъ ихъ.* Слѣдовательно бѣденъ тотъ народъ, который удалился отъ Бога; однако любитъ и онъ нѣкоторый не презрѣнный миръ свой, котораго имѣть не будетъ наконецъ; понеже не употребляетъ его хорошо прежде конца. Но чтобъ ему оный имѣть, о томъ и мы попеченіе прилагать должны: понеже доколѣ смѣшены оба града, то употребляемъ и мы мира Вавилонскаго, отъ котораго вѣрою такъ Божій народъ свобождается, что между тѣмъ у него же странствуетъ. Чего для и Апостолъ увѣщавалъ церковь, дабы молилась за Царей и властей, прилагая и глаголя: *Да тихое и безмолвное житіе поживемъ со всякимъ благочестіемъ и чистотою.* И Пророкъ Іеремія когда предвозвѣстилъ древнему Божію народу имѣющее быть плѣне-

неніе, и богодухновенно повелѣлъ, дабы съ повиновеніемъ шли въ Вавилонъ, Богу своему въ терпѣніи служа, увѣщавалъ и онъ молиться за оный, глаголя: *Яко въ мирѣ его будетъ миръ пашъ*, хотя и временный, который добрымъ и злымъ есть общій.

Глава двадесятая.

О мирѣ работающихъ Богу, котораго совершенной тишины въ сей временной жизни получить не можно.

Миръ же нашъ собственной есть и здѣсь съ Богомъ чрезъ вѣру, и во вѣки будетъ съ Нимъ чрезъ лицезрѣніе. Но здѣсь какъ оный общій, такъ и нашъ особенный утѣшеніемъ есть наипаче бѣдности, нежели радостію блаженства. И самая наша правда хотя истинная есть въ разсужденіи конца добра, къ которому относится, однако таковою есть въ сей жизни, что состоитъ наипаче въ отпущеніи грѣховъ, нежели совершенствѣ добродѣтелей. Свидѣтельствуетъ о томъ молитва всего града Божія, странствующаго на земли; ибо вопіетъ она во всѣхъ онаго членахъ къ Богу: *Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* И не въ разсужденіи тѣхъ молитва сія дѣйствительна, коихъ вѣра безъ дѣлъ мертва; но въ разсужденіи тѣхъ, коихъ вѣра любовію по-

поспѣшествуется. Ибо поелику разумъ, Богу покоренный, но въ семъ состоянiи смертномъ и тѣлѣ тлѣнномъ, обременяющемъ душу, несовершенно владычествуетъ надъ пороками, того ради потребна таковая праведнымъ молитва; понеже хотя бы обладалъ кто пороками, однако не безъ брани съ оными. И такъ вѣроятно, что показывается нѣсколько немощи и въ сражающемся хорошо, или надъ покоренными таковыми врагами обладающемъ; чего для хотя не удобнымъ дѣломъ, то по крайней мѣрѣ словомъ, или помышленiемъ согрѣшаетъ. И потому покуда владычествуется надъ пороками, нѣтъ полнаго мира; понеже и преодолѣваемые бѣдственнымъ сраженiемъ побѣждаемы бываютъ, и надъ побѣжденными безопасно торжествовать не можно, но не безъ опасности обуздываемы и укрощаемы бываютъ. И такъ въ сихъ искушенiяхъ, о коихъ въ Священномъ Писанiи кратко сказано: *Не искушенiе ли житiе человѣку на земли?* Кто такъ жизнь препровождать станетъ, которой бы за нужное не почиталъ говорить Богу: *Остави намъ долги наша*, кромѣ надмѣннаго? Не великiй, говорю, но надмѣнный и гордый, которому по правдѣ своей противится дарующiй смиреннымъ благодать, для чего и написано: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* И такъ здѣсь во всякомъ правда находится, дабы

повинующимся человѣкомъ Богъ, душа тѣломъ, разумъ пороками воюющими обладалъ, или покаряя, или противяся; и дабы отъ самаго Бога просимы были и благодать и прощеніе въ согрѣшеніи, и за принятыя отъ Него благодѣянія приносимо было благодареніе. Въ ономъ же конечномъ мирѣ, къ которому относима и ради полученія коего правда снискиваема быть должна, поелику въ безсмертіи и нетлѣніи природа пороковъ имѣть не будетъ, и какъ отъ другаго, такъ и отъ насъ самихъ ничто не воспротивится: тогда не будетъ нужды разуму обладать пороками, коихъ тамъ совсѣмъ не будетъ, но владычествовать станетъ Богъ надъ человѣкомъ, душа надъ тѣломъ, и толикое повиновенія тамъ будетъ пріятство и удобство, коликое житія и царствованія щастіе. И сіе во всѣхъ во вѣки будетъ людяхъ, и для того миръ блаженства сего, или блаженство мира сего высочайшимъ будетъ добромъ.

Глава двадесять первая.

Какая кончина имѣетъ быть нечестивымъ.

Тѣхъ же, которые не принадлежатъ къ сему граду Божію, будетъ бѣдность вѣчная, которая и второю смертію называется; ибо не можно сказать, что душа тамъ живетъ, которая удалена будетъ отъ житія

тія съ Богомъ; ни тѣло, понеже вѣчнымъ болѣзнямъ будетъ подвержено. И потому смерть сія вторая несноснѣйшею будетъ, понеже смертію окончаться не можетъ. Но какъ бѣдность блаженству и смерть жизни, такъ война миру есть противна: то не безъ основанія вопрошается: какъ миръ въ концахъ благъ похваленъ, какаяжъ, или какова война въ концахъ золъ, дабы напротивъ можно было выразумѣть? Но которой о семъ вопрошаетъ, тотъ пускай вникнетъ, что въ войнѣ есть вредное и увидитъ, что не что иное, какъ вещей между собою противность и сраженіе. Какую же войну жесточайшую и горестнѣйшую вообразить можно, какъ гдѣ воля столь противна страданію и страданіе волѣ, что ни съ одной стороны побѣдою вражды таковыя не кончаются, и гдѣ такъ сражается съ самою природою тѣлесною сила болѣзни, что ни одно другому не уступаетъ? Ибо здѣсь, когда случается таковое сраженіе, то или болѣзнь преодолѣваетъ и чувствованіе смерть отнимаетъ, или природа упорствуя побѣждаетъ и болѣзнь здравіемъ истребляетъ. А тамъ и болѣзнь пребываетъ, дабы оскорблять, и природа не уступаетъ, дабы чувствовать; которыя для того одно другимъ не премогается, дабы не престала казнь. Къ симъ же концамъ добра и зла, изъ коихъ одни желательны, другіе удаленія достойны; поне-

 же

же судомъ прейдутъ къ однимъ добрые, къ другимъ злые: то о семъ судѣ, сколько Богъ мнѣ даруетъ, въ слѣдующей книгѣ поговорю.

Конецъ девятойнадесять книгѣ о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ
на
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, девятую надесять.

На главу первую.

(1) Киниковъ. Сея секты основателемъ былъ Антисѳенъ, ученикъ Сократовъ, человѣкъ вопервыхъ отъ роскоши удаленный, каковы почти всѣ были называемые Киниками, хотя многіе изъ нихъ и въ роскошахъ были погружены.

(2) До Полемона. Платону преемникомъ былъ Псеусиппъ, сестры его сынъ; а ему по причинѣ его болѣзни еще при жизни его Ксенократъ, Ксенократу Полемонъ, который бывши прежде развращеннымъ человѣкомъ, одною рѣчью отъ Ксенократа въ лучшее приведенъ состояніе и великимъ снискателемъ былъ мудрости.

(3) Отъ Архезилая. Сей былъ изъ Питана города Еолійскаго, которой по обычаю Сократову завсегда спязался на обѣ стороны; однако писанія послѣ себя никакого не оставилъ, послѣдуя въ томъ Сократу.

На главу четвертую.

(1) Оплакивалъ оныя Цицеронъ. Цицеронъ имѣлъ сына и дочь Туллію, которая прежде была въ замужствѣ за Пизономъ, по смерти коего вышла за Корнилія Долабелла, за которымъ будучи въ замужствѣ, родами скончалась. Смерть ея не могъ великодушно снести Цицеронъ. Утѣшали его чрезъ письма свои Помпей Цесарь, Сервій Сулпицій и прочіе многіе важные люди; но какъ для Цицерона казалось того мало, то вознамѣрился онъ самъ себя утѣшить: чего для писалъ книгу подъ заглавіемъ. Утѣшеніе въ смерти дочери: но сія книга пропала, изъ которой однако многіе немало заимствовали.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, *КЪ МАРКЕЛЛИНУ* О градѣ Божіемъ.

КНИГА XX.

Глава первая.

Что хотя Богъ во всякое время судитъ, однако въ сей книгѣ о послѣднемъ судѣ будетъ разсужденіе.

О днѣ послѣдняго суда, сколько Богъ поможетъ, имѣя говорить, и оный противъ нечестивыхъ и невѣрныхъ защитить, какъ бы въ основаніе зданія, прежде свидѣтельства Священнаго Писанія положить должны; которымъ кои не хотятъ вѣрить, тѣ человѣческими разсужденіями ложными и обманчивыми силятся опровергнуть, то есть, или дабы показать, что приводимыя нами изъ Священнаго Писанія свидѣтельства означаютъ иное, или что оныя совсѣмъ небожественныя. Ибо я думаю, что ни одного человѣка не сыщется, который, когдабъ выразумѣлъ намѣреніе и силу

лу реченныхъ, не согласился бы признать, что оныя изреченія суть всевышняго Бога и истиннаго чрезъ святыхъ мужей, и онымъ бы не уступилъ и не повинулся. И такъ, что въ исповѣданіи содержитъ вся церковь Бога истиннаго, то есть, что Христосъ пріидетъ съ небесъ судити живымъ и мертвымъ, сей Божія послѣдняго суда день называемъ, то есть послѣднимъ временемъ. Для тогожъ, когда о днѣ суда Божія говоримъ, прибавляемъ сіе слово послѣдній; понеже и нынѣ Богъ судитъ и отъ начала рода человѣческаго судилъ, изгоня изъ рая и удаляя отъ древа жизни первыхъ людей, содѣявшихъ великое преступленіе; также когда Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, коихъ князь, самъ собою отъ Бога отпадши, отъ зависти людей прельстилъ, всенепремѣнно ихъ судилъ. Не безъ Его же высочайшаго и праведнаго суда и въ воздухѣ и на земли и демоновъ и людей бѣдственная пребываетъ жизнь, наполненная бѣдностями и заблужденіями. Но хотя бы никто не согрѣшилъ, при всемъ томъ не безъ праведнаго суда Богъ всю разумную тварь въ вѣчномъ блаженствѣ содержалъ бы. Судитъ также не только общественно демоновъ и людей, дабы они были бѣдными за свои прежнія согрѣшенія, но и частно каждаго дѣла самоизвольныя. Ибо и демоны, дабы не были мучимы, молятъ; не неправедно же, или оставляется имъ инымъ,

или другіе наказываются. И люди по большой части явно, всегда же тайно за свои дѣла отъ Бога какъ въ сей жизни, такъ и по смерти наказываются, хотя никто изъ людей не можетъ дѣлать праведнаго безъ пособія и помощи Божіей. Ни одинъ демонъ, или человѣкъ не дѣлаетъ зла безъ попущенія по праведному суду Божію; какъ говоритъ Апостолъ: *Еда не правда у Бога?* И какъ той же на другомъ мѣстѣ глаголетъ: *Неиспытанны суть судьбы Божія, и неизслѣдованны путіе его.* И такъ въ сей книгѣ ни объ ономъ первомъ, ни о среднемъ Божіемъ судѣ, но о самомъ послѣднемъ судѣ, сколько Богъ даруетъ, говорить буду, когда Христосъ пріидетъ съ небесъ судить живыхъ и мертвыхъ. Ибо сей день суда собственно называется, ибо не будетъ тамъ никакого невѣжественной жалобѣ мѣста, для чего на примѣръ сей грѣшникъ благополученъ, и для чего сей праведникъ нещастливъ; ибо всѣхъ тогда, но единственно праведныхъ, истинное и полное блаженство, и всѣхъ злыхъ достойное и наивеличайшее откроется нещастіе.

Глава

Глава вторая.

О различіи вещей человѣческихъ, о коемъ не можно сказать, аки бы не было въономъ Божія суда, хотя постигнуть онаго не лзя.

Нынѣ же и зло равнодушно сносить научаемся, которое претерпѣваютъ и добрые; и добро не ставить за велико, которое получаютъ и злые. И потому въ тѣхъ вещахъ, въ коихъ непостижима есть правда Божія, спасительное находится и божественное ученіе. Ибо не знаемъ, какимъ судомъ Божіимъ оный добронравный человѣкъ есть нищимъ, а злый оный богатымъ; одинъ радуется, которому по его развращеннымъ нравамъ надлежало терваему быть прискорбностями; другой печалится, котораго похвальная жизнь увѣряетъ насъ, что долженствовало ему радоваться. Одинъ неповинной отъ суда исходитъ не только не защищенъ, но и осужденъ, или неправдою судіи обремененъ, или ложными свидѣтельствами задавленъ; напротивъ соперникъ его преступникъ не только безъ наказанія остается, но еще и защищенъ будучи, насмѣхается. Нечестивый совершенное имѣетъ здравіе, а благочестивый изнемогаетъ отъ болѣзни. Въ полной находятся силѣ и крѣпости тѣлесной, которые чинятъ разбои; а тѣ, кои никого и словомъ не обидѣли, различными

изнуряются недугами. Отроки благонадежные неблаговременною похищаемы бывают смертію; а тѣ, коимъ по видимому и родиться не надлежало, долговѣчно живутъ. Наполненный беззаконіями восходитъ на степени честей; а человѣкъ, на котораго никто пожаловаться не можетъ, тьмою незнаемости покрывается, и прочее таковое, котораго изчислить не возможно; которое все, хотя то и безмѣстно, естьлибъ имѣло постоянство, дабы въ сей жизни, въ которой *человѣкъ*, какъ священный Псаломъ гласитъ, *суетѣ уподобися, и дніе его яко сѣнь преходятъ*, одни злые получали скоропреходящее добро и земное, и одни добрые претерпѣвали зло: то и тогда праведному Божію суду приписать бы оное надлежало, или благости; то есть, дабы тѣ, кои не имѣли наслѣдить вѣчныхъ благъ, дѣлающихъ человѣка блаженнымъ, или въ отмщеніе злобы своея прельстились сими временными, или по Божію милосердію получили вмѣсто вѣчнаго воздаянія отъ временныхъ благъ утѣшеніе; и дабы тѣ, кои не имѣли страдать въ вѣчномъ мученіи, временнымъ нещастіемъ были оскорбляемы, или за какія либо свои согрѣшенія, или ради поощренія къ исполненію нѣкоторыхъ добродѣтелей. Нынѣ же поелику не только добродѣтельные претерпѣваютъ зло и довольствуются добрымъ злые, что кажется неправедно; но и злымъ зло при-

ключается, и добродѣтельные нѣкоторые жизнь препровождают въ благополучіи временномъ, тѣмъ наипаче становятся непостижимѣйшими судьбы Божіи и неиспытаннѣйшими путіе Его. И такъ хотя не знаемъ, какимъ судомъ Богъ или творитъ оное, или попускаетъ, который имѣетъ всемогущество и высочайшую премудрость, высочайшую правду; у котораго нѣтъ немощи, нѣтъ безразсудства, нѣтъ неправды; однако научаемся не ставить за велико ни добра, ни зла, которыя видимъ общими добрымъ и злымъ; и искать того добра, которое есть добрыхъ, и того зла удаляться, которое свойственно злымъ. Когда же пріидемъ къ оному Божію суду, котораго время днемъ суднымъ и днемъ Господнимъ иногда нарицается, не только то, что тогда судимо будетъ, но и отъ начала было судимо, и которое остается до онаго времени слѣдующаго къ суду, откроется наиправеднѣйшимъ; гдѣ и то извѣстно будетъ, сколь праведнымъ судомъ Божіимъ дѣлается, которое отъ разума человѣческаго нынѣ скрыто, хотя не утаено оно отъ вѣры въ томъ праведныхъ, то есть, что хотя оно сокровенно, однако праведно.

Глава

Глава третія.

Что въ книгѣ, Екклезіастомъ называемой, Соломонъ написалъ о томъ, что въ жизни сей и добрымъ и злымъ есть общее.

Соломонъ, премудрѣйшій Царь Израильскій, царствовавшій во Іерусалимѣ, книгу, называемую Екклезіастъ, которая и у Іудеевъ въ числѣ правильныхъ книгъ считается, и полагается между Священнымъ Писаніемъ, такъ началъ: *Суета суетствъ, рече Екклезіастъ: суета суетъ и всяческая суета. Кое обиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имже трудится подъ солнцемъ?* И когда изъ сего мнѣнія прочее выводилъ, упоминая бѣдность и заблужденія жизни сея, и погибающія между тѣмъ теченія временъ, гдѣ нѣтъ ничего твердаго, ничего постояннаго: то въ суетѣ оной подъ солнцемъ оплакиваетъ и то, что когда есть обиліе премудрости предъ невѣжествомъ, какъ избытокъ свѣта предъ тьмою, и что премудраго очи во главѣ его, безумный же во тьмѣ ходитъ: однако заключаетъ, что единъ есть всѣмъ случай въ сей жизни, подъ солнцемъ препровождаемой, означая то есть оное зло, которое и добрымъ и злымъ видимъ общее. Говоритъ также и оное, что и добрые претерпѣваютъ зло, какъ бы были злыми, и злые какъ бы добрые наслаждаются добромъ, такъ пиша: есть суета на земли, понеже находятся пра-

праведные, на коихъ случай приходитъ какъ за дѣла нечестивыхъ; и находятся нечестивые, кои получаютъ какъ бы воздаяніе праведныхъ. Рѣхъ, яко и сіе суета. Ко внушенію сея суеты премудрѣйшій мужъ, сколько ему казалось довольнымъ, всю сію книгу написалъ не для чего инаго, какъ только дабы мы той жизни желали, которая не имѣетъ суеты, но истинну подъ областію Создателя солнца. И такъ въ сей суетѣ не уже ли безъ праведнаго Божія суда, уподобясь человѣкъ суетѣ, исчезалъ бы? Однако во днѣхъ суеты его не малая въ томъ состоитъ важность, противляется ли онъ, или повинуется истиннѣ; участникъ ли онъ истиннаго благочестія, или его совсѣмъ не знаетъ. Не ради пріобрѣтенія добра жизни сея, или убѣжанія зла преходящаго и изчезающаго, но ради будущаго суда, коимъ опредѣлено быть имѣетъ и благимъ добро и злымъ зло вѣчное. Наконецъ сей премудрый книгу свою такимъ образомъ заключаетъ: бойся Бога и заповѣди Его храни, яко сіе есть всякъ человѣкъ. Понеже всякое сіе дѣло приведетъ Богъ на судъ во всякомъ презираемомъ, или доброе или злое, что кратчае, истиннѣе, спасительнѣе сказать можно? Бога, говоритъ, бойся и заповѣди Его храни, яко сіе есть всякъ человѣкъ. Ибо человѣкъ есть хранителемъ заповѣдей Божіихъ; поелику кто сего не дѣлаетъ, тотъ есть ничто, понеже не преобразуется въ образъ

ис-

истинны, пребывая въ подобіи суеты. Ибо всякое сіе дѣло, то есть которое человѣкъ дѣлаетъ въ сей жизни, или доброе, или злое, Богъ приведетъ на судъ во всякомъ пренебрегаемомъ, то есть во всякомъ, который здѣсь презрѣннымъ кажется, и потому аки бы не видимъ бываетъ; понеже Богъ и его видитъ и его не презираетъ, и когда судитъ, не обходитъ.

Глава четвертая.

Что въ разглагольствіи о послѣднемъ судѣ Божіемъ прежде новаго завѣта свидѣтельства потомъ ветхаго приводить намѣренъ.

И такъ о послѣднемъ семъ судѣ Божіемъ свидѣтельства, которыя я намѣреваюсь предложить изъ Священнаго Писанія, вопервыхъ представить должно изъ новаго завѣта, потомъ изъ ветхаго; ибо хотя древнія временемъ и старѣе, однако достоинствомъ новыя предпочтены быть должны; понеже оные древнія провозвѣстниками суть новыхъ. И такъ новыя прежде положить должно, которыя дабы подкрѣпить, предложимъ и ветхія. Въ древнихъ считаются законъ и пророки, въ новыхъ Евангелія и Апостольскія писанія. Глаголетъ же Апостолъ: *Закономъ бо познаніе грѣха, нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися свидѣтельствована отъ закона и пророкъ. Правда же Божія вѣрою Іисусъ Христовою на всѣхъ вѣрую-*

вѣрующихъ. А правда сія принадлежитъ къ новому завѣту, и свидѣтельство имѣетъ отъ древнихъ книгъ, то есть отъ закона и пророкъ. И такъ вопервыхъ самую вину положить надлежитъ, и потомъ приводить свидѣтелей. И Самъ Христосъ показывая, что сей порядокъ наблюдать должно, сказалъ: *Всякъ книжникъ научися царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая.* Не сказалъ ветхая и новая, которое поистиннѣ изрекъ бы, естьлибъ не благоволилъ, дабы мы наблюдали порядокъ достоинства, нежели времени.

Глава пятая.

Коими словами Христа Спасителя Божественный судъ будущій на концѣ вѣка открывается.

И такъ Самъ Спаситель, когда поносилъ городамъ, въ коихъ содѣлалъ великія чудеса, и которые видѣвъ оныя не увѣровали, и предпочиталъ имъ иноплеменниковъ: *Обаче*, говоритъ, *глаголю вамъ, Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день суда, неже вамъ.* И нѣсколько ниже другому граду: *Аминь*, сказалъ, *глаголю вамъ, отраднѣе будетъ земли Содомской, неже тебѣ.* Здѣсь явственно открываетъ имѣющій быть день суда. И на иномъ мѣстѣ: *Мужіе*, говоритъ, *Ниневитстіи востанутъ на судъ съ родомъ симъ, и* осу-

осудятъ его, яко покаяшася проповѣдію Іониною: и се воле Іоны здѣ. Царица Южская постанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ его, яко пріиде отъ конецъ земли слышати премудрость Соломонову: и се волѣ Соломона здѣ. Двумъ въ семъ мѣстѣ мы вещамъ научаемся, что быть имѣетъ судъ, да еще и съ воскресеніемъ мертвыхъ. Ибо когда говорилъ о Ниневитянахъ и Царицѣ Южной, то всенепремѣнно говорилъ о умершихъ; однако предвозвѣщаетъ, что они въ день суда воскреснутъ; и не для того сказалъ *осудятъ*, аки бы они имѣютъ судить; но что осудятся по сравненіи съ оными. Паки на иномъ мѣстѣ, когда о нынѣшнемъ людей смѣшеніи и наконецъ раздѣленіи, которое конечно имѣетъ быть въ день судный, говорилъ, приложилъ подобіе о пшеницѣ сѣянной, и всѣянныхъ плевелахъ, и оное такимъ образомъ своимъ ученикамъ изъясняетъ: *Сѣявый*, говоритъ, *доброе сѣмя есть сынъ человѣческій: а село есть міръ: доброе же сѣмя сіи суть сынове царствія, а плевелы суть сынове непріязненніи: а врагъ всѣявый ихъ есть діяволъ, а жатва кончина вѣка есть: а жатели Ангели суть. Яко же убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе вѣка сего. Послетъ Сынъ человѣческій Ангелы свои, и соберутъ отъ царствія Его вся соблазны и творящихъ беззаконіе, и ввергутъ ихъ въ пещь огненну: ту будетъ плачь и скрежетъ зу-*

зубовъ. Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ црствіи отца ихъ. Имѣяй уши слышати да слышитъ. Здѣсь правда суда, или дня суднаго не именовалъ, но несравненно яснѣе его самыми вещами изобразилъ, и предсказалъ, что то будетъ въ скончаніи вѣка. Также ученикамъ своимъ: *Аминь*, говоритъ, *глаголю вамъ, яко вы шедшіи по мнѣ въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы своея, сядете и вы на двоюнадесяти престолу, судяще обѣмanадесяте колѣнома Израилевома.* Отсюда познаемъ, что Христосъ судить имѣетъ съ своими учениками. Чего для и на другомъ мѣстѣ Іудеемъ реклъ: *аще азъ о Веелзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тіи вамъ будутъ судіи.* Не должни же мы думать, аки бы только двенатцать человѣкъ съ нимъ судить будутъ, сѣдя на дванадесяти престолахъ. Ибо дванадесятнымъ числомъ все судящихъ означено множество, въ разсужденіи двухъ частей числа седмеричнаго, коимъ по большей части означается общественность; которыя двѣ части, три и четыре, одна другою умноженныя, составляютъ двенатцать. Ибо и четырежды три и трижды четыре составляютъ двенатцать, и другимъ образомъ, который въ семъ дванадесятомъ числѣ находится. Въ противномъ случаѣ понеже на мѣсто Іуды предателя Апостола Матѳія поставленнымъ видимъ, то Апо-

 стол

столЪ ПавелЪ, который болѣе всѣхЪ прочихЪ потрудился, не будетЪ имѣть мѣста гдѣ бы сѣсть, дабы купно судить, который однако объявляетЪ о себѣ, что онЪ кЪ числу судей принадлежитЪ, когда говоритЪ; *или не вѣсте, яко Ангеломь судити хощемЪ?* Подобнымъ образомЪ разсуждать должно и о судимыхЪ, коихЪ число означается дванадесятью колѣнами. Ибо когда сказано: *судяще двнадесяте колѣнома Израилевома:* то не уже ли колѣно Левiино, которое третiенадесять во Израили колѣно составляетЪ, судимо не будетЪ? ПритомЪ не уже ли только двенатцать колѣнЪ ИзраилевыхЪ судимы будутЪ, а прочiе народы нѣтЪ? Когда же сказалЪ: *въ пакибытiе*: то конечно воскресенiе мертвыхЪ именемЪ пакибытiя изобразилЪ. Ибо такимЪ образомЪ отродится наше тѣло нетлѣнiемЪ, какЪ душа наша отродилася вѣрою. Я много оставляю сказуемаго по видимому о послѣднемЪ судѣ такЪ, что тщательно разсуждаемо будучи, остается сомнительнымЪ, или наипаче кЪ иному принадлежащимЪ; или то есть кЪ оному Спасителеву пришествiю, коимЪ онЪ во все сiе время вЪ церковь свою приходитЪ, то есть частно во удахЪ своихЪ, поелику вся тѣломЪ его есть, или кЪ раззоренiю Iерусалима земнаго: понеже и о немЪ когда говоритЪ, по большей части такЪ какЪ о концѣ вѣка говоритЪ, и объ ономЪ послѣднемЪ дни судномЪ и великомЪ,

такЪ

такъ что различить совсѣмъ не можно, развѣ по счисленіи трехъ Евангелистовъ, то есть Матѳея, Марка и Луки, кои о томъ писали. Ибо иной изъ нихъ не столь вразумительно, другой яснѣе, которое къ чему принадлежитъ, объявляетъ. Сіе я, сколько могъ, потщался учинить въ нѣкоторомъ письмѣ, писанномъ мною къ мужу блаженной памяти Исихію, Салонитскому Епископу, котораго письма надпись такова: *О кончинѣ вѣка.* И такъ я оное предложу, что въ Евангеліи Матѳеевомъ о разлученіи благихъ и злыхъ пишется во время послѣдняго Христова суда. *Егда же*, говоритъ, *пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ своей, и вси святіи Ангели съ нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы своея, и соберутся предъ нимъ вси языцы, и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ. И поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошуюю. Тогда речетъ Царь сущимъ одесную его: пріидите благословеннiи отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя: страненъ бѣхъ, и введосте мене: нагъ, и одѣясте мя: боленъ, и посѣтисте мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы глаголюще: Господи, когда тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ? Или жаждуща, и напоихомъ? Когда же тя видѣхомъ странна,*

и пvédoхомъ? Или нага, и одѣяхомъ? Когда же тя видѣхомъ боляща, или въ темницѣ, и пріидохомъ кò тебѣ? И отвѣщавъ Царь, речетъ имъ: аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меншихъ, мнѣ сотвористе. Тогда речетъ и сущимъ ошуюю его: идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. Потомъ подобно и имъ исчисляетъ, что они не сдѣлали того, что сдѣлали стоящіе одесную. И подобно вопрошающимъ имъ, когда его видѣли въ такой прискорбности сущаго, отвѣтствуетъ: *понеже не сотвористе единому сихъ меншихъ, ни мнѣ сотвористе.* Наконецъ заключаетъ: *и идутъ*, говоритъ, *сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* Іоаннъ же Евангелистъ явственно повѣствуетъ, что Христосъ предвозвѣстилъ, что воскресеніе мертвыхъ имѣетъ быть судъ. Ибо когда сказалъ: *Отецъ не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови: да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца. Не чтяй же Сына, не чтитъ Отца пославшаго его*: тотчасъ приложилъ: *Аминь аминь глаголю вамъ: слушаяй словесе моего и вѣруяй пославшему мя, иматъ животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.* Здѣсь сказалъ, что вѣрующіе на судъ не пріидутъ; какимъ же образомъ разлучатся отъ злыхъ, и станутъ одесную? Не инако, какъ толь-

ко что въ семъ мѣстѣ судъ положилъ вмѣсто муки. Ибо на таковой судъ не пріидутъ слушающіи слова Его, и вѣрующіе пославшему Его.

Глава шестая.

Которое есть первое воскресеніе, и которое второе.

Потомъ прилагаетъ и говоритъ: *Аминь аминь глаголю вамъ, яко пріидетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Якоже бо Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ.* Не о второмъ воскресеніи, то есть тѣлесъ, имѣющемъ быть въ кончинѣ вѣка, но о первомъ, которое нынѣ есть, говоритъ. Ибо дабы различить сіе отъ онаго, сказалъ: *пріидетъ часъ и нынѣ есть.* Не тѣлъ же нынѣ воскресеніе, но душъ. Понеже имѣютъ и души свою смерть въ нечестіи и беззаконіяхъ, по которой смерти мертвыми суть тѣ, о коихъ глаголетъ Господь: *Остави мертвыя погребсти своя мертвецы*: то есть дабы умершіе по душѣ, погребли умершихъ по тѣлу. И такъ для сихъ говоритъ умершихъ душею въ неправдѣ и нечестіи: *Пріидетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Услышавше*, говоритъ, то

есть, которые повинутся, увѣруютъ и до конца пребудутъ. Здѣсь не сдѣлалъ различія никакого добрыхъ и злыхъ. Ибо всѣмъ есть добро слушать слова Его и гласа, и жить, изъ смерти нечестія къ благочестію преходя. О которой смерти говоритъ Апостолъ: *Убо вси умроша, и за всѣхъ умре единъ: да живущіи не къ тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему.* И такъ всѣ умерли во грѣхахъ безъ всякаго изъятія, или въ первородномъ, или самоизвольныхъ, или невѣденіемъ, или вѣденіемъ: и за всѣхъ умеръ единъ живый, то есть никаковаго грѣха не имѣющій, дабы живущіе оставленіемъ грѣховъ не себѣ уже жили, но умершему за грѣхи наши, и воскресшему ради оправданія нашего, дабы вѣруя въ того, который оправдаетъ нечестиваго, и оправдившись отъ нечестія, какъ бы изъ мертвыхъ воскресши могли принадлежать къ воскресенію первому, которое есть нынѣ. Ибо къ сему не принадлежитъ никто кромѣ тѣхъ, кои блаженными будутъ во вѣки; ко второму же, о которомъ вскорѣ говорить имѣетъ, покажетъ, что и блаженные и грѣшники принадлежатъ. Первое воскресеніе есть милосердія, второе суда. Чего для во Псалмѣ пишется: *Милость и судъ воспою Тебѣ Господи.* О которомъ судѣ последовательно приложилъ, и сказалъ: *И власть даде Ему судъ творити, яко Сынъ человѣчь есть.* Здѣсь от-

открываетъ, что пріидетъ судить въ той плоти, въ которой судимъ былъ; ибо для того сказалъ: *яко Сынъ человѣчь есть.* Потомъ присовокупляетъ: *Не дивитеся сему. Яко пріидетъ часъ, вонь же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.* Сей есть оный судъ, который прежде вмѣсто казни и мученія положилъ, сказавъ: *Слушаяй словесе моего, и вѣруяй пославшему мя, имать животъ вѣчный, и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.* То есть принадлежа къ первому воскресенію, коимъ нынѣ прехожденіе бываетъ отъ смерти къ животу, не пріидетъ на судъ, или осужденіе, кое именемъ суда означилъ, какъ и въ семъ мѣстѣ, въ коемъ говоритъ: *сотворшіи же злая въ воскрешеніе суда*, то есть осужденія. И такъ пускай воскреснетъ въ воскресеніе первое, кто не хощетъ во второмъ воскресеніи осужденъ быть. *Пріиде убо часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ*, то есть во осужденіе не пріидутъ, которое второю смертію называется, въ которую смерть по второмъ, которое есть тѣлъ, воскресеніи, ввергнуты будутъ не воскресшіе въ первое воскресеніе. *Пріидетъ бо часъ*, гдѣ не говоритъ, и нынѣ есть, понеже при кончинѣ вѣка будетъ, то есть

въ послѣднемъ и великомъ судѣ Божіемъ; *егда вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Его и изыдутъ.* Не реклъ, какъ въ первомъ: *и услышавше оживутъ.* Ибо не всѣ жить будутъ оною, то есть жизнію, которая поелику блаженна есть, одна жизнію нарицаема быть должна. Понеже безъ какой либо жизни не могли бы услышать, и отъ гробовъ востающей плоти изыти. Для чего же не всѣ жить оною жизнію будутъ, научаетъ слѣдующимъ, глаголя: *сотворшіи блатая въ воскрешеніе живота*; сіи-то неложно оживутъ: *Сотворшіи же злая въ воскрешеніе суда*; сіи суть, которые не оживутъ оживши, ибо второю вѣчною умирать станутъ смертію. Понеже худо содѣлали, поелику худо жили. Худо же жили, понеже въ первомъ, которое нынѣ есть, душъ воскресеніи не ожили; или хотя и оживотворились, но до конца не пребыли. И такъ какъ два суть отрожденія, или пакибытія, о коихъ мы говорили выше: одно по вѣрѣ, которое нынѣ есть чрезъ крещеніе; другое по плоти, которое имѣетъ быть въ ея нетлѣніи и безсмертіи чрезъ великій судъ и послѣдній: равно суть и два воскресенія, одно первое, кое нынѣ есть душъ, которое не пускаетъ впасть въ смерть вторую; второе, котораго нынѣ нѣтъ, но которое на кончинѣ вѣка быть имѣетъ; и оное уже не душъ, но плотей, которое чрезъ послѣдній судъ иныхъ пошлетъ во вторую смерть,

смерть, иныхъ въ вѣчную жизнь, не имѣющую смерти.

Глава седьмая.

Что отвѣтствовать должно тѣмъ, кои говорятъ, что воскресеніе къ одному тѣлу, а не къ душѣ принадлежитъ.

Находятся такіе, кои думаютъ, что воскресеніемъ именоваться не можетъ, кромѣ востанія тѣлъ, и потому утверждаютъ, что первое воскресеніе будетъ тѣлъ. Ибо умствуютъ такъ: тому де свойственно воставатъ, коему свойственно падать. Падаютъ же тѣла умирая, и потому умершихъ тѣла отъ cadendo, паденія, cadauera, трупами называются. Слѣдовательно не душъ, говорятъ, можетъ быть воскресеніе, но тѣлъ. Но для чего они говорятъ въ противность Апостолу, которой оное воскресеніемъ нарицаетъ? Ибо по внутреннему, а не по внѣшнему человѣку поистиннѣ воскресли тѣ, коимъ говоритъ: *аще воскреснусте со Христомъ, горняя мудрствуйте.* Которой смыслъ иными словами на другомъ мѣстѣ изобразилъ: *да якоже Христосъ воскресъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ.* Таково есть и оное: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ.* Когда же говорятъ, что не можно востать кромѣ падшаго, и

потому думаютъ, что воскресеніе единственно къ тѣламъ принадлежитъ, а не къ душамъ; понеже тѣламъ свойственно падать: то для чего не слушаютъ: *не отступайте отъ него, да не падете.* И, *своему Господеви стоитъ или падаетъ*: и, *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ.* Я думаю, что въ душѣ, а не въ тѣлѣ паденія сего опасаться надлежитъ. И такъ ежели востаніе есть падающихъ, падаютъ же и души, то конечно признаться надлежитъ, что души и востаютъ. Когда же сказано въ Апокалипсисѣ, что надъ воскреснувшими въ первое воскресеніе власти не имѣетъ смерть, приложилъ и сказалъ: но будутъ священники Богу и Христу, и воцарятся съ нимъ: то не о единыхъ Епископахъ и Пресвитерахъ речено, которые собственно въ церкви нарицаются священниками: но какъ всѣхъ Христіанъ называемъ Христіанами въ разсужденіи таинственнаго chrismatis, помазанія, такъ всѣхъ священниками, понеже уды суть единаго Іерея, о которыхъ Апостолъ Петръ: *языкъ*, говоритъ, *святъ*, *Царское священіе* или священство. Примѣчательно притомъ, что хотя кратко и мимоходомъ, однако внушилъ, что Христосъ есть Богъ, говоря: *Іереи Богу и Христу*, то есть Отцу и Сыну, хотя въ разсужденіи рабія образа, какъ Сынъ человѣчь сталъся священникомъ Христосъ во вѣки по чину Мелхиседекову. О

чемъ

чемъ мы неоднократно въ семъ сочиненіи говорили.

Глава осьмая.

Что Апостолъ Петръ о последнемъ Божіемъ суде мертвымъ проповедывать училъ.

Теперь уже посмотримъ, что и Апостолъ Петръ о семъ судѣ написалъ: *Пріидутъ*, говоритъ, *ругатели, по своихъ похотехъ ходяще, и глаголюще, гдѣ есть обѣтованіе пришествія его? Отнелѣ же бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія. Таится бо имъ сіе хотящимъ, яко небеса бѣша исперва, и земля отъ воды, и посредѣ воды составлена Божіимъ словомъ. Тѣмъ же тогдашній міръ водою потопленъ бывъ погибе. А нынѣшняя небеса и земля тѣмъ же словомъ сокровена суть, огню блюдома на день суда, и погибели нечестивыхъ человѣкъ. Едино же сіе да не утаится васъ возлюбленніи, яко единъ день предъ Господемъ яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ. Не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣцыи косненіе мнятъ, но долго терпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ. Пріидетъ же день Господень, яко тать въ нощи, вонь же небеса убо съ шумомъ мимо пойдутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ. Симъ убо всѣмъ разоряемымъ ка-*

цѣмъ

цѣмъ подобаетъ быти вамъ во святыхъ пребыванїихъ и благочестїихъ? Чающимъ и скорѣе быти желающимъ пришествїя Божїяго дне, его же ради небеса жегома разорятся, и стихїи опаляеми растаются. Нова же небесе, и новы земли по обѣтованїю его чаемъ, въ нихъ же правда живетъ. Ничего здѣсь не сказалъ о воскресенїи мертвыхъ, но только довольно изъяснилъ о погибели мїра сего; гдѣ упоминая о преждебывшемъ потопѣ, далъ знать нѣкоторымъ образомъ, какъ мы вѣрить должны, что мїръ погибнетъ на кончинѣ вѣка сего. Ибо сказалъ, что и тогда бывшїй мїръ погибъ, не только кругъ земный, но и небеса, чрезъ которыя мы разумѣемъ сїи воздушныя, коихъ мѣсто и пространство вода возвышаясь превзошла. *А нынѣшняя*, говоритъ, *небеса и земля тѣмъ же словомъ сокровена суть, огню блюдома на день суда, и погибели нечестивыхъ человѣкъ.* И потому небеса и земля, то есть мїръ вмѣсто погибшаго потопомъ оставшїйся блюдется послѣднему огню на день суда и погибели нечестивыхъ людей. Ибо въ разсужденїи великой нѣкоторой перемѣны людей не сомнѣвается говорить, что имъ имѣетъ быть погибель, хотя природа ихъ въ вѣчныхъ мукахъ пребывать имѣетъ. Вопроситъ можетъ быть кто, естьли послѣ суда мїръ сей сгоритъ, прежде нежели будетъ небо ново, и земля нова, то въ самое оное время гдѣ будутъ свя-

святые, которые поелику имѣть будутъ тѣла, должны въ какомъ либо тѣлесномъ мѣстѣ находиться? Можемъ отвѣтствовать, что они будутъ въ горнихъ и превыспреннихъ странахъ, куда пламень не достигнетъ. Ибо таковыя они тѣла имѣть будутъ, что тамъ мгновенно быть могутъ, гдѣ восхотятъ. Притомъ будучи безсмертными пламеня огненнаго страшиться не будутъ имѣть причины, поелику будутъ нетлѣнными, когда тлѣнныя тѣла трехъ отроковъ и смертныя въ пещи горящей могли быть невредимы.

Глава девятая.

Что Апостолъ Павелъ Солунямомъ написалъ о явленіи антихриста, за пременемъ котораго день Господенъ послѣдуетъ.

Многія Евангельскія и Апостоловъ свидѣтельства о послѣднемъ ономъ Божіемъ судѣ принужденнымъ себя считаю оставить, дабы до крайности не увеличить сея книги. При всемъ томъ не должно пропустить Апостола Павла, которой пиша къ Солуняномъ: *молимъ*, говоритъ, *вы братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и нашемъ собраніи о немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ. Да никто же васъ прельститъ ни по единому*

же

же образу, яко аще не пріидетъ отступленіе прежде, и откроется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей аки Богу показующу себѣ яко Богъ есть. Не помните ли, яко еще живый у васъ, сія глаголахъ вамъ? И нынѣ удерживающее вѣсте, воеже явитися ему въ свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ, и тогда явится беззаконникъ, его же Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего, его же (антихриста) есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіяхъ и чудесѣхъ ложныхъ, и во всякой лсти неправды въ погибающихъ, зане любве истинны не пріяша, воеже спастися имъ: и сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство лсти, воеже вѣровати имъ лжи: да судъ пріимутъ вси не вѣровавшіи истиннѣ, но благоволившіи въ неправдѣ. Никто сомнѣваться не можетъ, что сіе сказалъ онъ о антихристѣ и о днѣ судномъ. Ибо говоритъ, что сей день Господень не пріидетъ, естьли не пріидетъ прежде отступленіе, и конечно отступленіе отъ Господа Бога, которое ежели о всѣхъ нечестивыхъ по достоинству сказать можно, кольми паче объ ономъ? Но въ какомъ храмѣ Божіемъ на подобіе Бога сидѣнье имѣетъ онъ, неизвѣстно: въ развалинахъ ли онаго

онаго Соломонова, или въ церкви. Ибо храмъ идольскій, или демонскій, Апостолъ храмомъ Божіимъ не нарекль бы. Чего для нѣкоторые разумѣютъ здѣсь антихристомъ не начальника самаго, но все какъ бы его тѣло, множество людей къ антихристу принадлежащихъ, съ ихъ начальникомъ. И почитаютъ, что и по Латинѣ изображать должно прямѣе такъ, какъ на Греческомъ стоитъ: не въ храмѣ Божіемъ, но въ храмъ Божій сядетъ, какъ будто бы онъ былъ самъ храмомъ Божіимъ, то есть церковію; слово же оное: *и нынѣ удержающее вѣсте,* то есть что причиною медленія и отлагательства, дабы открыться ему въ свое время, знаете. Понеже сказалъ, что они знаютъ, откровенно написать не восхотѣлъ. И потому мы не знающіе того, что они знали, съ трудомъ до разума Апостольскаго достигнуть желаемъ, однако не можемъ, особливо что приложенное имъ сей смыслъ дѣлаетъ невразумительнѣйшимъ. Чтожъ оно такое? *Тайна бо уже дѣется беззаконія: точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ, и тогда явится беззаконникъ.* Я съ своей стороны о чемъ онъ говоритъ, признаюсь, что совсѣмъ не знаю. Мнѣнія же людскія, кои я или читалъ, или слышалъ, о семъ не скрою: нѣкоторые думаютъ, что сіе сказано о Римскомъ государствѣ, и для того де Павелъ Апостолъ ясно того не сказалъ, дабы не быть оклеветанну, что государству

Рим-

Римскому зла желаетъ, которое всѣ почитали вѣчнымъ. И такъ сказанное имъ: *тайна во уже дѣется беззаконія*: аки разумѣть должно о Неронѣ, котораго дѣла казались какъ бы антихристовыми. Чего для нѣкоторые утверждаютъ, что онъ имѣетъ воскреснуть, и быть антихристомъ. Другіе же увѣряютъ, что Неронъ и не убитъ, но скрытъ такъ, что всѣ почитаютъ убитымъ, и что онъ хранится въ тѣхъ же цвѣтущихъ лѣтахъ, въ коихъ тогда былъ, когда почтенъ убитымъ, покуда въ свое время явится и воспріиметъ паки царство. Но мнѣ удивительна предпріимчивость и дерзость таковая умствующихъ. Однако оное Апостольское слово: *точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ*: не безмѣстно почитать можно сказаннымъ о Римскомъ государствѣ, какъ бы такъ речено: только обладающій нынѣ да обладаетъ, покуда отъ среды потребится. *И тогда явится беззаконникъ*: которыми словами что означается здѣсь антихристъ, о томъ никто не сомнѣвается. Иные же и оное: *И нынѣ удержавающее вѣсте*; и, *тайна во уже дѣется беззаконія*: не инако разумѣютъ, какъ только о злыхъ и притворныхъ въ церкви, покуда достигнутъ до таковаго числа, которое составитъ великій антихристу народъ. И сія-то есть тайна беззаконія, понеже есть скрытна. Увѣщаваетъ же Апостолъ вѣрныхъ, дабы въ вѣрѣ, ими держимой, пребывали

вали неизмѣнно, глаголя: *Точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ.* То есть покуда изыдетъ отъ среды церкви тайна беззаконія, которая нынѣ сокровенна; ибо къ самой сей тайнѣ принадлежащимъ почитаютъ написанное въ посланіи Іоанна Евангелиста: *Дѣти, послѣдняя година есть, и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша: отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами.* И такъ какъ прежде конца въ сію годину, говорятъ, которую Іоаннъ послѣднее нарицаетъ, вышли многіе еретики отъ средины церкви, коихъ многими антихристами называетъ Апостолъ: такъ всѣ тогда оттуда изыдутъ, кои не ко Христу, но къ оному послѣднему антихристу принадлежать будутъ: и тогда явится. И такъ одинъ такимъ образомъ, другой инако невразумительныя Апостольскія слова по догадкѣ толкуетъ; однако то не сомнѣнно, что не пріидетъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ, прежде нежели пріидетъ къ прельщенію по душѣ умершихъ врагъ Его антихристъ, хотя то къ тайному Божію суду принадлежитъ, что люди антихристомъ будутъ прельщены. Ибо *пришествіе* антихристово, какъ выше сказано, *будетъ по дѣйству сатанину по всякой силѣ, знаменіяхъ и чудесахъ лож-*

ныхъ, и по всякой лести неправды, погибающимъ. Понеже тогда разрѣшенъ будетъ сатана, и чрезъ него во всей своей силѣ чудесно, но ложно станетъ дѣйствовать. Что же нѣкоторые вопрошаютъ, для чего оныя антихристовы чудеса названы ложными: для того ли, что онъ будетъ обманывать чувства смертныхъ привидѣніями, такъ что чего не дѣлаетъ, оное сдѣланнымъ станетъ казаться; или для того, что хотя оныя будутъ и истинныя, однако незнающихъ силы діавольской, и мнящихъ, аки бы оныя не могутъ быть, какъ только отъ Бога творимыми, ко лжѣ приведутъ, особливо когда такую онъ силу пріиметъ, каковой не имѣлъ прежде? Ибо не привидѣніе было, когда огнь спалъ съ небесъ и пожегъ людей и скотовъ у Іова; когда буря разрушила домъ и подавила Іовлевыхъ дѣтей; однако дѣла были сатаны, которому Богъ далъ оную власть. И такъ для чего названы они ложными, оное тогда наипаче откроется. Но для чего бы оныя такъ наименованы ни-были, однако прельщены будутъ ими тѣ, кои достойными себя того учинили; понеже любве истинны не приняли, дабы спастися. И не усомнѣлся Апостолъ прибавить и сказать: *Сего ради пошлетъ имъ Богъ дѣйство лсти, поеже вѣровати имъ лжи.* Пошлетъ Богъ, понеже діяволу праведнымъ своимъ судомъ попуститъ оное дѣлать, хотя онъ съ злымъ и

пагу-

пагубнымъ намѣреніемъ иное дѣлать будетъ. *Да судъ*, говоритъ, *пріимутъ вси невѣровавшіе истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ.* И потому сужденные прельстятся, и прельстившіеся судимы будутъ. Но сужденные прельстятся по суду оному Божіему праведному и праведно сокровенному, которымъ съ начала преступленія разумной твари никогда не преставалъ судить; прельщенные же судимы будутъ последнимъ и явнымъ судомъ чрезъ Іисуса Христа, который наиправедно судить имѣетъ, сужденъ бывши самъ неправедно.

Глава десятая.

Что тотъ же Апостолъ въ первомъ къ Солуняномъ посланіи о воскресеніи мертвыхъ училъ.

Но здѣсь Апостолъ умолчалъ о воскресеніи мертвыхъ. А къ тѣмъ же Солуняномъ въ первомъ посланіи пиша: *Не хощу*, говоритъ, *васъ не вѣдети, о умершихъ да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія. Аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія о Іисусѣ приведетъ съ нимъ. Сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ. Яко Самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе, потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ни-*

ми восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ. Сіи слова Апостольскія имѣющее быть воскресеніе мертвыхъ, когда пріидетъ Господь Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ, ясно показываютъ. Но вопрошаютъ здѣсь обыкновенно: тѣ, коихъ Христосъ застанетъ живыхъ на земли, коихъ лице на себѣ и жившихъ во время его преобразилъ Апостолъ, совсѣмъ ли не умрутъ? Или въ томъ самомъ мгновеніи времени, въ коемъ купно съ умершими и воскресшими восхищены будутъ на облакахъ въ срѣтеніе Господне на воздухѣ, къ безсмертію посредствомъ смерти чудною скоростію прейдутъ? Ибо сказать не льзя, аки бы тому статься не можно, дабы, возносимы будучи по воздуху въ высоту, въ оное время и умерли и воскресли. Понеже сказанное: *И тако всегда съ Господемъ будемъ*, не такъ разумѣть должно, аки бы мы на воздусѣ съ Господемъ пребывать навсегда имѣли; поелику Онъ и самъ тамъ не пребудетъ, гдѣ только пройдетъ. Ибо приходящему Ему изшествіе будетъ въ срѣтеніе, а не пребывающему; но *тако всегда съ Господемъ будемъ*, то есть такъ будемъ всегда, имѣя тѣлеса вѣчная, гдѣбъ съ Нимъ ни были. Къ мнѣнію же сему, дабы мы думали, что тѣ, коихъ живыхъ обрящетъ Господь, въ кратчайшее время и умрутъ и пріимутъ безсмертіе, самъ Апостолъ по видимому

убѣж-

убѣждаетъ насъ, когда говоритъ: *О Христѣ вси оживутъ.* И когда на другомъ мѣстѣ о воскресеніи тѣлъ говоря, сказалъ: *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ,* такъ какимъ же образомъ тѣ, коихъ здѣсь Христосъ обрящетъ живыхъ, чрезъ безсмертіе въ Немъ оживутъ, естьли не умрутъ, когда видимъ, что для того сказано: *Ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ?* Или ежели не сѣется кромѣ тѣхъ тѣлъ, кои какимъ ни есть образомъ обращаются въ землю, какъ приговоръ Божій къ преступившимъ заповѣдь прародителямъ содержитъ: *Земля еси, и въ землю пойдеши:* то признать должно, что когда Христосъ пріидетъ и обрящетъ живыхъ, тѣ сими Апостольскими и въ Бытейской книгѣ положенными словами не обязываются; понеже восхищены бывши на облацѣхъ, не сѣются, ни въ землю идутъ, ни возвращаются. Но всего яснѣе Апостолъ то на иномъ мѣстѣ изображаетъ, хотя не описываетъ образа, коимъ оное будетъ, когда говоритъ: *Вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся.* И такъ посредствомъ ли смерти, или инако измѣнятся, поелику Писаніе не открываетъ, знать не наше дѣло. При всемъ томъ не тщетна по тому будетъ наша вѣра, когда мы не можемъ постигнуть способа, какъ оное будетъ. Но уже, какъ выше мы обѣщали, что о семъ судѣ Божіемъ послѣднемъ и пророческія книги пред-

возвѣстили, должны, сколько будетъ довольно, предложить и показать; которыя не столь много будетъ трудности изъяснять, естьли читатель вообразитъ, что мы предъ симъ положили.

Глава перваянадесять.

Что Пророкъ Исаія о поскресеніи мертвыхъ и поздаяніи суда написалъ.

Пророкъ Исаія, *поскреснутъ*, говоритъ, *мертвіи, и постанутъ, иже по гробѣхъ, и позрадуются, иже на земли. Роса во, яже отъ тебе, исцѣленіе имъ есть: земля же нечестивыхъ падетъ.* Все вышеположенное къ воскресенію принадлежитъ блаженныхъ. А оное: *Земля же нечестивыхъ падетъ*, изрядно разумѣется такъ, что тѣла нечестивыхъ падутъ въ осужденіе. Естьли же сказанное о воскресеніи благихъ тщательнѣе и обстоятельнѣе разсмотрѣть, то къ первому воскресенію относится оное: *поскреснутъ мертвіи*; ко второму же: *и постанутъ сущіи по гробѣхъ.* Естьлижъ вообразить и о тѣхъ святыхъ, коихъ обрящетъ пришедъ Господь живыхъ на земли, то пристойно онымъ приложено будетъ присовокупляемое: *И позрадуются, иже на земли. Роса во, яже отъ тебе, исцѣленіе имъ есть.* Чрезъ исцѣленіе въ семъ мѣстѣ разумѣемъ мы безсмертіе; ибо оно есть совер-

вершеннымъ и полнымъ исцѣленіемъ, которое не подкрѣпляется пищею, какъ бы всегдашнимъ врачевствомъ. Потомъ о днѣ судномъ подавая надежду вопервыхъ благимъ, послѣ того устрашая злыхъ, тотъ же Пророкъ такъ говоритъ: *Сія глаголетъ Господь: се азъ уклоняю на ня аки рѣку мира, и аки потокъ наводняемый, славу языковъ: дѣти ихъ на рамена взяты будутъ, и на колѣну утѣшатся. Яко же аще кого мати утѣшаетъ, тако и азъ утѣшу вы, и во Іерусалимѣ утѣшатся. И узрите и возрадуется сердце ваше, и кости ваша яко трава прозябнутъ. И познается рука Господня боящимся его, и запретитъ не покаряющимся: се бо яко огнь пріидетъ, и яко буря колесницы его воздати яростію отмщеніе свое, и прещеніе во пламени огненнѣ. Огнемъ бо Господнимъ судитися будетъ вся земля, и мечемъ его вся плоть: мнози язвени будутъ отъ Господа.* Въ обѣщаніе благихъ объясняетъ о себѣ, что уклоняетъ какъ рѣку мира, чрезъ которое всенепремѣнно мы разумѣть должни обиліе мира, котораго болѣе быть не можетъ. Симъ поистиннѣ на кончинѣ оросимся, о которомъ въ вышеположенной книгѣ довольно мы говорили. Сію рѣку уклоняетъ онъ на тѣхъ, коимъ обѣщаетъ толикое блаженство, дабы разумѣли мы, что въ блаженной оной странѣ, сущей на небесахъ, сею рѣкою насыщаются. Но понеже и земнымъ тѣламъ миръ нетлѣнія и безсмер-

тія силу вліетъ, того ради говоритъ, что онъ уклоняетъ сію рѣку, дабы отъ горнихъ прохладить и долнее, и дабы людей Ангеламъ равными содѣлать. Чрезъ Іерусалимъ же не оный разумѣть мы должны, который работаетъ съ чады своими, но свободный по Апостолу и вѣчный на небесѣхъ, гдѣ по трудахъ, попеченіяхъ и бѣдствіяхъ утѣшимся, какъ бы младенцы, носимые на рукахъ; гдѣ узримъ, и возрадуется сердце наше. Не изъяснилъ же, что узримъ. Но что, кромѣ Бога, дабы исполнилось оное Евангельское обѣщаніе: *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ*; и все то, чего нынѣ не видимъ, вѣрою же по мѣрѣ нашего понятія несравненно меньше, нежели оно есть, воображаемъ? *И узрите*, говоритъ, *и возрадуется сердце ваше*. Здѣсь вѣруете, тамъ узрите. Но понеже сказалъ: *И возрадуется сердце ваше*, то дабы не подумали мы, что оная благая Іерусалима только принадлежатъ до души, для того приложивъ: *и кости*, говоритъ, *ваша*, *яко трава прозябнутъ*, гдѣ изобразилъ воскресеніе тѣлесъ, какъ бы дополняя то, чего не выговорилъ. Ниже сдѣлается то при нашемъ зрѣніи, но сбывшееся увидимъ. Ибо и о небѣ новомъ и о землѣ новой уже выше сказалъ; когда обѣщаемое святымъ на концѣ часто и многоразлично описывалъ: *Будетъ, говоритъ, небо ново и земля нова, и не помянутъ прежнихъ, ниже взыдутъ на сердце ихъ, радость*

дость и веселіе обрящутъ на сей. Яко се азъ творю веселіе Іерусалиму, и людемъ моимъ радость. И возвеселюся о Іерусалимѣ, и возрадуюся о людехъ моихъ, и къ сему не услышится въ немъ гласъ плача, ни гласъ вопля: и проч. Реченія бо иносказательныя по обыкновенію Пророковъ смѣшиваются, дабы къ разуму духовному намѣреніе съ полезнымъ и спасительнымъ трудомъ достигло. Нерадѣніе же плотское, или невѣжественный разумъ, доволенъ будучи поверхностію буквъ, ничего болѣе изыскивать не тщится сокровеннаго. Сіе о Пророческихъ словахъ, до сихъ мѣстъ положенныхъ, довольно мы сказали; въ семъ же мѣстѣ, отъ котораго къ онымъ возвратились, когда сказалъ, *и кости ваша яко трава прозябнутъ*, дабы показать, что хотя онъ обѣщаетъ воскресеніе плоти, но съ великими благими: того ради приложилъ, *и познается рука Господня боящимся его.* Что сіе означаетъ? Не иное, какъ руку, различающую почитателей своихъ отъ презрителей? о коихъ слѣдующее присоединяя, *и запретитъ*, говоритъ, *непокаряющимся*, или, какъ нѣкоторый переводчикъ преложилъ, *невѣрнымъ*. И не нынѣ запретитъ, но что нынѣ говорится претительно, тогда исполнится дѣйствительно. Се бо, продолжаетъ, *Господь яко огнь пріидетъ, и яко буря колесницы его, воздати яростію отмщеніе свое, и прещеніе во пламени огненнѣ. Огнемъ бо Господнимъ судитися*

 ся

ся будетъ вся земля, и мечемъ его вся плоть: мнози язвени будутъ отъ Господа. Или огнемъ, или бурею, или мечемъ: казнь суда означаетъ, когда сказываетъ, что самъ Господь на подобіе огня пріидетъ, то есть въ разсужденіи тѣхъ, коимъ страшно будетъ по причинѣ казни пришествіе Его. Чрезъ колесницы же Его не непристойно разумѣемъ служебные духи Ангельскіе. Сказанное же, *вся земля, и вся плоть его огнемъ и мечемъ судитися будетъ*, не о духовныхъ и святыхъ разумѣемъ, но о земныхъ и плотяныхъ, о коихъ речено: *Мудрствующій земная, и мудрованіе по плоти смерть есть*; и каковые плотію называются отъ Господа, который сказалъ: *Не иматъ духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть.* Положенное же здѣсь: *мнози язвени будутъ отъ Господа*, чрезъ язву смерть вторую означаетъ. Можно правда и огнь и мечь и язву въ хорошемъ смыслѣ разумѣть; ибо Господь сказалъ, что Онъ *огня пришелъ во врещи на землю, и явишася имъ раздѣлены языцы, яко огненни*, когда сошелъ Духъ Святый, *и не пріидохъ*, говоритъ *Господь, миръ во врещи на землю, но мечь.* И слово Божіе называетъ Писаніе мечемъ обоюду острымъ, въ разсужденіи острія двойнаго двухъ завѣтовъ, и въ Пѣснехъ Пѣсней открываетъ о себѣ церковь, что она любовію уязвлена, какъ бы пораженіемъ любви устрѣлена. Но здѣсь когда читаемъ, или слы-

слышимЪ, что БогЪ пріидетЪ ради отмщенія, то легко понять можно, вЪ какомЪ смыслѢ разумѢть должно оное. ПотомЪ кратко воспомянувЪ о тѢхЪ, кои симЪ судомЪ потребятся подЪ образомЪ снѢдей, вЪ ветхомЪ законѢ запрещенныхЪ, отЪ которыхЪ себя не воздержали, означая чрезЪ то нечестивыхЪ и грѣшниковЪ: началЪ паки говорить о благодати новаго завѢта, отЪ перваго пришествія Спасителева до послѢдняго суда, о коемЪ мы нынѢ говоримЪ, продолжая и оканчивая слово. Ибо повѢствуетЪ, что Господь о себѢ глаголетЪ, что идетЪ собрать всѢ языки, и что оные пріидутЪ и узрятЪ славу Его. *Вси бо*, какЪ говоритЪ АпостолЪ, *согрѢшиша, и лишени суть славы Божія.* И что ОнЪ оставитЪ на нихЪ знаменіе, которому чудяся увѢруютЪ вЪ Него; и что ОнЪ пошлетЪ отЪ нихЪ спасенныхЪ кЪ языкамЪ различнымЪ и вЪ дальніе острова, которые о имени Его не слышали, и не видѢли славы Его, которые возвѢстятЪ вЪ языкахЪ славу Его. И приведутЪ братію тѢхЪ, коимЪ говорилЪ, то есть вЪ вѢрѢ подЪ БогомЪ ОтцемЪ братію избранныхЪ ИзраильтянЪ. ПриведутЪ также отЪ всѢхЪ языковЪ дарЪ Господу, состоящій изЪ скота и колесницЪ, во градЪ святый ІерусалимЪ, который нынѢ находится во всѢхЪ святыхЪ вѢрныхЪ, распространившійся по всѢмЪ землямЪ. Ибо гдѢ отЪ Бога помоществуемы бываютЪ, тамЪ вѢруютЪ; и гдѢ вѢруютЪ;

тамЪ

тамъ приходятъ. Сравнилъ же Господь ихъ какъ бы по подобію съ сынами Израилевыми, приносящими Ему свои жертвы съ псалмопѣніемъ въ домѣ его, что уже вездѣ дѣлаетъ церковь; и обѣщалъ, что возметъ себѣ отъ языковъ священниковъ и Левитовъ; что уже и исполнившееся видимъ. Ибо не изъ роду плоти и крови, какъ было сперва по чину Ааронову, но какъ надлежало въ новомъ завѣтѣ, гдѣ по чину Мелхиседекову Первосвященникомъ есть Христосъ, по заслугѣ каждаго, которую ему Божія благодать даровала, священниковъ и Левитовъ избралъ, какъ нынѣ видимъ, которыхъ почитать мы должны не по имени, которое часто получаютъ и недостойные, но по святыни, которая и благимъ и злымъ не можетъ быть общею. Сіе когда о видимомъ и намъ извѣстномъ церкви являемомъ милосердіи сказалъ, обѣщалъ и концы, къ коимъ чрезъ судъ послѣдній по раздѣленіи благихъ и злыхъ достигнуто будетъ, говоря чрезъ Пророка, или сказуя о Господѣ самъ Пророкъ: *Якоже бо небо ново, и земля нова, яже азъ творю, пребываетъ предо мною, глаголетъ Господь, тако станетъ сѣмя ваше, и имя ваше. И будетъ мѣсяцъ отъ мѣсяца, и суббота отъ субботы, пріидетъ всяка плоть поклонитися предо мною во Іерусалимъ, рече Господь. И изыдутъ, и узрятъ трупы человѣковъ преступившихъ мнѣ: червь бо ихъ не скончается, и огнь*

ихъ

ихъ не угаснетъ, и будутъ въ позоръ вся-кой плоти. Симъ Пророкъ скончалъ книгу, симъ скончается и вѣкъ. Пріидетъ всяка плоть, понеже отъ всякаго рода людей народъ сей состоять будетъ. Ибо не всѣ люди тамъ будутъ, коихъ большая часть будетъ въ мукахъ, но какъ во благихъ плоть, а въ злыхъ уды, или трупы имянуются, то конечно по воскресеніи плоти, котораго вѣра сими словами подкрѣпляется, тотъ, коимъ добрые и злые раздѣлятся, и имѣющимъ быть судъ открывается.

Глава втораянадесять.

Что пророчествовалъ Даніилъ о гоненіи антихристовомъ, и о судѣ Божіемъ, и царствіи святыхъ.

Даніилъ о семъ послѣднемъ судѣ такъ пророчествуетъ, что прежде пришествіе антихристово предвозвѣщаетъ, потомъ до вѣчнаго царства святыхъ повѣствованіе доводитъ. Ибо когда пророческимъ видѣніемъ четыре звѣря, знаменующіе четыре государства, видѣлъ; и самое четвертое, отъ нѣкотораго Царя преодолѣнное, который видится быть антихристомъ; и потомъ вѣчное царство Сына человѣческаго, который разумѣется Христосъ: *Ужасеся*, говоритъ, *духъ мой, и видѣнія моя смятоша мя. И приступихъ*, сказываетъ, *къ едино-*

му

ному отъ предстоящихъ, и истинны попрошахъ отъ него о всѣхъ сихъ, и рече ми истинну. Потомъ что слышалъ отъ того, котораго о всемъ томъ вопрошалъ, какъ бы по изъясненію онаго такъ говоритъ: *Сіе звѣріе велицыи четыре, четыре царства востанутъ на земли, иже возмутся, и пріимутъ царство святіи Вышняго, и содержати будутъ оное даже до вѣка вѣковъ. И вопрошахъ испытно о звѣри четвертомъ, яко бяше различенъ паче всякаго звѣря: страшенъ вельми, зубы его желѣзни, и ногти его мѣдяни: ядый, и истончевая, останки же ногами своими попираше. И о десяти розѣхъ его, иже на главѣ его, и о друзѣмъ возшедшемъ и истрясшемъ первыя три: рогъ же той, ему же очи и уста глаголющая великая, и видѣніе его болѣе прочихъ. Зрѣхъ, и рогъ той творяше рать со святыми, и укрѣпися на нихъ, донде же пріиде ветхій деньми, и судъ даде святымъ Вышняго: и время приспѣ, и царство пріяша святіи.* О семъ Даніилъ вопрошалъ, потомъ что слышалъ, немедленно прилагая: *И рече*, пишетъ, то есть оный, котораго онъ вопрошалъ, *звѣрь четвертый, царство четвертое будетъ на земли, еже превзыдетъ вся царства, и поястъ всю землю, и поперетъ ю, и посѣчетъ: и десять роговъ его, десять царей востанутъ, и по нихъ востанетъ другій, иже превзыдетъ злобами всѣхъ прежднихъ, и три цари смиритъ, и*

сло-

словеса на Вышняго возглаголетъ, и святыхъ Вышняго смиритъ, и помыслитъ премѣнити времена и законъ, и дастся въ руку его даже до времене, и временъ, и полу времене. И судище сядетъ, и власть его пре- ставятъ, яже потребити и погубити до конца: царство же и власть и величество царей, иже подъ всемъ небесемъ, дастся святымъ Вышняго: и царство его царство вѣчное, и вся власти тому работати бу- дутъ, и слушати до здѣ скончаніе словесе: азъ, Даніилъ, на долзѣ размышленія моя смущаху мя, и зракъ мой премѣнися на мнѣ, и глаголъ въ сердцѣ моемъ соблюдохъ. Че- тыре оныя царства изъяснили нѣкоторые: Ассирійское, Персидское, Македонское и Римское. Сколь же прилично оное учинили, естьли кто желаетъ знать, тотъ пускай прочитаетъ Пресвитера Іеронима книгу, на Даніила съ довольнымъ тщаніемъ и раз- умомъ написанную. Однако сомнѣваться никто не можетъ, хотя бы весьма нера- диво и на подобіе дремлющаго читалъ Да- ніилову книгу, что царство лютое анти- христово противъ церкви имѣющее быть, хотя на малое время, покуда послѣднимъ судомъ Божіимъ царство получатъ святые вѣчное, здѣсь означается. Ибо время и времена и полвремене есть одинъ годъ, и два, и полгода: и потому три года съ половиною, которое изъ числа дней по- слѣ положенныхъ видѣть можно, и кото-

рое иногда въ Писаніи числомъ мѣсяцовъ изъясняется. Понеже, мнѣ кажется, времена неопредѣлительно здѣсь положены на Латинскомъ діалектѣ, но чрезъ двойственное число, котораго Латинщики не имѣютъ, а Греки и Евреи имѣютъ: слѣдовательно такъ сказано времена, какъ бы сказать два время. Но я признаюсь, что опасаюсь, дабы не обмануться въ десяти Царяхъ, коихъ акибы какъ десять человѣкъ застанетъ антихристъ, и дабы антихристъ не пришелъ нечаянно, когда не будетъ въ государствѣ Римскомъ столько Царей. Что, ежели десятеричнымъ симъ числомъ общественность Царей означена? На другомъ также мѣстѣ тотъ же Даніилъ: *И будетъ*, говоритъ, *время скорби, скорбь, якова не бысть, отнелѣ же создася языкъ на земли, даже до времене онаго: и въ то время спасутся людіе твои вси обрѣтшіися въ писаніи въ книзѣ, и мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ: сіи въ жизнь вѣчную, а оніи въ укоризну и стыдѣніе вѣчное. И смыслящіи просвѣтятся, аки свѣтлость тверди, и отъ праведныхъ многихъ, аки звѣзды во вѣки.* Сіе свидѣтельство съ Евангельскимъ весьма сходственно, о воскресеніи то есть умершихъ тѣлесъ. Ибо которые въ Евангеліи названы *сущими во гробѣхъ*, тѣ здѣсь *спящими въ земней персти*; въ Евангеліи написано *изыдутъ*, а здѣсь *востанутъ*; тамъ сказано *сотворшіи благая*

въ

въ воскрешеніе живота, а *сотворшіи злая въ воскрешеніе суда*; въ семъ же мѣстѣ: *сіи въ жизнь вѣчную, оніи же въ укоризну, и въ стыдѣніе вѣчное.* Не должно же и того различнымъ и несогласнымъ признавать, когда во Евангеліи сказано: *вси*, а Пророкъ говоритъ *мнози*. Ибо Священное Писаніе многихъ не рѣдко полагаетъ вмѣсто всѣхъ. Того ради и Аврааму речено: *отца многихъ языковъ положихъ тя.* На другомъ же мѣстѣ томужъ Аврааму сказано: *о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы.* О таковомъ же воскресеніи томужъ самому Пророку Даніилу нѣсколько ниже глаголано: *ты же иди, и почивай; еще во дніе суть, и часы во исполненіе скончанія, и почіеши, и востанеши въ жребій твой, въ скончаніе дней.*

Глава третіянадесять.

Что во Псалмахъ Давидовыхъ о кончинѣ вѣка сего, и что о последнемъ Божіемъ судѣ пророчествуется.

Много пишется о послѣднемъ судѣ во Псалмахъ, но по большой части какъ бы мимоходомъ и кратко. Однако сіе, что о кончинѣ вѣка сего явственно говоритъ, не умолчу. *Во началѣ Ты землю основалъ еси Господи, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яхоже риза обветшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся, Ты же тойжде еси, и лѣта*

 Твоя

Твоя не оскудѣютъ. Какую нашелъ причину Порфирій, который хвалилъ благочестіе Евреевъ, почитающихъ великаго, истиннаго и всѣмъ богамъ страшнаго Бога, злословить Христіанъ и нарицать безумными по свидѣтельству оракуловъ своихъ боговъ за то, что они признаваютъ, что міръ сей имѣетъ погибнуть? Вотъ въ книгахъ благочестія Еврейскаго глаголется Богу, котораго по признанію толь великаго философа самые трепещутъ боги: *Дѣла руку Твоею суть небеса; та погибнутъ.* Не уже ли, когда небеса погибнутъ, то міръ самый, котораго небеса горнюю часть составляютъ, не погибнетъ? Ежели сіе мнѣніе Юпитеру не нравится, котораго оный философъ какъ главнѣйшаго и важнѣйшаго бога оракуломъ охуждаетъ Христіанъ легковѣріе: то для чего премудрость Евреевъ безуміемъ не порицаетъ, коихъ въ священныхъ книгахъ оное находится? Естьли же въ премудрости Еврейской, которая Порфирію столь нравится, что онъ одобрительными оракулами своихъ боговъ выхваляетъ и проповѣдаетъ, пишется, что небеса погибнутъ, то къ чему такое употребляется лукавство, что въ вѣрѣ Христіанской или между прочимъ, или паче прочаго охуждается то, что Христіане признаваютъ и вѣруютъ, что міръ погибнетъ, которой естьли не погибнетъ, то небеса погибнуть не могутъ? И въ Священномъ Писаніи нашемъ, которое

намъ

намъ съ Евреями не есть общее, то есть Апостольскихъ и Евангельскихъ книгахъ пишется: *преходитъ образъ міра сего. И міръ преходитъ, и небо и земля прейдутъ.* Но мнѣ кажется преходитъ и прейдутъ сказано не столь сильно, какъ погибнутъ. Въ посланіи также Петровомъ, гдѣ сказано, что тогдашній міръ погибъ отъ воды, довольно видно, которая часть отъ цѣлаго означена, и какъ погибла, и какія небеса остались и хранятся на день суда и погибели нечестивыхъ человѣковъ; и въ томъ, что нѣсколько ниже написалъ: *Пріидетъ день Господень яко тать въ нощи, поньже небеса убо съ шумомъ мимо пойдутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ.* И потомъ присовокупилъ: *симъ всѣмъ разоряемымъ, кацѣмъ подобаетъ быти вамъ?* Можно бы у Апостола разумѣть, что тѣ небеса погибнутъ, которыя блюдутся огню, и тѣ стихіи, которыя въ преисподней сей части бурной и мятежной находятся, что оныя имѣютъ сгорѣть, въ которой описываетъ небеса огню блюдомыя, а тѣ въ цѣлости пребудутъ, на коихъ водружены звѣзды. Ибо написанное, что звѣзды спадутъ съ небесе, можно разумѣть переносительно и иносказательно. Что и вѣроятнѣе, что въ дольнемъ семъ небѣ скроются отъ людей, какъ и Виргиліемъ описываемая звѣзда, предводительствовавшая Енею, въ великомъ сіяніи текла, и въ Идейскомъ

сокрылась лѣсѣ. Но упомянутое изъ Псалма ни одного неба не оставляетъ, которое бы не долженствовало погибнуть. Понеже когда пишется: *дѣла руку Твоею суть небеса, та погибнутъ:* то какъ ни одно небо не можетъ нарещися не твореніемъ рукъ Божіихъ, такъ ни одно отъ погибели не исключается. Я думаю не возхотятъ послѣдователи Порфиріевы словомъ Петра Апостола, котораго жестоко ненавидятъ, Евреевъ защищать благочестіе, оракулами боговъ своихъ одобренное, дабы по крайней мѣрѣ показать, что не весь міръ погибнетъ, дабы то есть и въ Давидовомъ словѣ разумѣть такъ, какъ часть отъ цѣлаго: *та погибнутъ,* когда одни небеса дольнія погибнутъ, какъ въ Апостольскомъ посланіи чрезъ погибшій міръ дольняя часть погибшею познавается. Но понеже сего, какъ я сказалъ, не возхотятъ, дабы не одобрить слова Святаго Петра, или дабы не допустить нашего исповѣданія, что міръ сгоритъ, остается имъ сказать, что для того они премудрость Евреевъ похваляютъ, понеже сего Псалма не читали. Во Псалмѣ также четыредесять девятомъ о судѣ Божіемъ послѣднемъ реченное разумѣется: *Богъ яве пріидетъ, Богъ нашъ и не премолчитъ Огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣльна. Призоветъ небо свыше и землю разсудити люди своя. Соберите Ему преподобныя Его, завѣщающія завѣтъ Его о жертвахъ.*

пахъ. Сіе мы о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ разумѣемъ, котораго пришествія ожидаемъ ради суда живыхъ и мертвыхъ. Ибо явно пріидетъ судить между неправедными и праведными праведно, которой прежде пришелъ сокровенно судимися отъ неправедныхъ неправедно. Той говорю явѣ пріидетъ и не премолчитъ, то есть во гласѣ Судіи явственно явится, которой тайно и сокровенно пришедъ молчалъ предъ судіею, когда *яко овча на заколеніе веденъ былъ*, *и яко агнецъ прямо стригущаго его безгласенъ* былъ, какъ о Немъ читаемъ предвозвѣщенное Исаіемъ, и въ Евангеліи исполнившимся видимъ. О огнѣ же и о бурѣ мы говорили, когда Исаіино о томъ пророчество выше изъясняли. Сказанное же: *призоветъ небо свыше*: понеже святые и праведные справедливо небомъ именуются, не иное что есть, какъ то, что Апостолъ говоритъ: *купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ*, присовокупленное же: *и землю разсудити люди своя*: естьли только подразумѣвать оное слово, *призоветъ*, то есть призоветъ и землю, и не подразумѣвать горѣ, сей по видимому и по правой вѣрѣ имѣетъ смыслъ, что подъ именемъ неба разумѣются тѣ, кои съ Нимъ судитъ, подъ именемъ же земли тѣ, кои судитися имѣютъ. Можно и такъ разумѣть: *призоветъ небо свыше*: призоветъ Ангеловъ, съ которыми снидетъ сотворить судъ; призо-

 ветъ

ветъ *и землю*, то есть людей, коихъ судить имѣетъ. Чрезъ слово же *разсудити люди своя* понимать можно раздѣленіе добрыхъ отъ злыхъ, такъ какъ овецъ отъ козловъ. Потомъ обратилъ слово къ Ангеламъ: *соберите Ему преподобныя Его.* Ибо подлинно Ангельскимъ служеніемъ толикое дѣло совершиться долженствуетъ. Ежели же пожелаемъ знать, какихъ преподобныхъ собрать имѣютъ Ангели: *завѣщающихъ*, говоритъ, *завѣтъ Его о жертвахъ.* Вся жизнь праведныхъ въ томъ состоитъ, чтобъ завѣщать завѣтъ о жертвахъ. Ибо или дѣла милосердія предпочитаютъ жертвамъ вещественнымъ по слову Бога глаголющаго: *милости хощу, а не жертвы*, или невещественную приносятъ жертву Богу, то есть духъ сокрушенный. И поистиннѣ дѣла милосердія суть таковою жертвою, которою благоугождается Богу, о которой жертвѣ праведники завѣщаваютъ завѣтъ: понеже ради обѣщаній, въ новомъ завѣтѣ содержимыхъ, сіе дѣлаютъ. Чего ради собраннымъ Ему святымъ и преподобнымъ Его, и поставленнымъ одесную Его въ послѣдній судъ имѣетъ сказать Христосъ: *пріидите благословеннии Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте ми ясти*, и прочее пишемое о добрыхъ дѣлахъ праведниковъ, и о вѣчномъ за оныя воздаяніи, которое опредѣлено будетъ приговоромъ послѣдняго суда.

Глава

Глава четвертаянадесять.

О томъ, что законъ Моусеевъ духовно разумѣть надлежитъ, дабы плотское мудрованіе не впало въ пагубное роптаніе.

Малахія Пророкъ сказалъ: *помяните законъ Моусея раба моего, якоже повелѣлъ ему въ Хоривѣ ко всему Израилю повелѣнія и оправданія.* Повелѣнія и оправданія благовременно упоминаетъ, дабы познали люди, что законъ духовно разумѣть, и въ ономъ находить Христа должно, коимъ судіею между добрыми и злыми учинится раздѣленіе. Ибо не напрасно глаголетъ Господь Іудеемъ: *аще вѣровали бысте Моусею, вѣровали бысте и мнѣ. О мнѣ бо той писа.* Понеже плотски понимая законъ, и не вѣдая, что обѣщанія земныя суть образами вещей небесныхъ, въ оное роптаніе впали, что отважились сказать: *суетенъ работаяй Богу: и что болѣе, яко сохранихомъ храненія Его, и яко идохомъ молитвенницы предъ лицемъ Господа Вседержителя? И нынѣ мы блажимъ чуждихъ, и созидаются вси творящіи беззаконная.* Которыми ихъ словами нѣкоторымъ образомъ Пророкъ послѣдній открываетъ судъ, гдѣ злые ни ложно блаженными быть не могутъ, но явно представляются нещастными, и добрые никакой бѣдности непричастны, но явнымъ вѣчнымъ наслаждаются блаженствомъ. Ибо и выше Пророкъ предлагалъ ихъ слова,

таковая глаголющія: *всякъ творяй зло, добръ предъ Господемъ, и въ нихъ самъ благоволи.* Къ таковому, говорю, роптанію на Бога дошли они чрезъ мудрованіе о законѣ тѣлесное. Почему и Псаломникъ во Псалмѣ семдесятъ второмъ говоритъ, что *вмалѣ не подвижастася его нозѣ, вмалѣ не пролияшася стопы его*, и конечно къ паденію, *яко возревновалъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря*, такъ что между прочимъ сказалъ: *како увѣдѣ Богъ, и аще есть разумъ въ вышнемъ?* Прибавилъ также: *еда всуе оправдилъ сердце мое, и умыхъ въ неповинныхъ руцѣ мои?* А дабы разрѣшить сей трудной вопросъ, которой раждается отъ того, когда добрые видимы бываютъ въ бѣдствіи, а злые въ благоденствіи: *сіе*, говоритъ, *трудъ есть предо мною, дондеже вниду во святило Божіе, и разумѣю въ послѣдняя ихъ.* Ибо въ послѣднемъ судѣ не такъ будетъ, но по открытіи неправедныхъ бѣдности и блаженства праведныхъ, совсѣмъ иное, нежели нынѣ, явится.

Глава пятаянадесять.

О пришествіи Иліиномъ прежде суда, котораго проповѣданіемъ открывающимъ тайны писанія Іудеи обратятся.

По увѣщаніи же, дабы они поминали законъ Моисеевъ, поелику предвидѣлъ, что они

очи долгое время духовно онаго, какъ надлежало, разумѣть не будутъ, немедленно присовокупилъ: *и се азъ послю вамъ Илію Өесвитянина прежде пришествія дне Господня великаго и просвѣщеннаго, иже устроитъ сердце отца къ сыну, и сердце человѣка къ искреннему своему, да не пришедъ поражу землю въ конецъ.* Увѣрены въ томъ Христіане, что чрезъ сего Илію великаго и чуднаго Пророка, по изъясненію закона, въ послѣднее время прежде суда Іудеи въ истиннаго Христа, то есть во Христа нашего увѣруютъ. Ибо не напрасно и всуе вѣримъ, что прежде пришествія Спасителева Илія пріидетъ, о которомъ не сомнѣваемся, что онъ по нынѣ еще не вкусилъ смерти; понеже восхищенъ онъ на колесницѣ огненной, какъ явственно Священное Писаніе свидѣтельствуетъ. И такъ когда пріидетъ, и изъяснитъ Іудеемъ законъ духовно, о которомъ нынѣ они умствуютъ тѣлесно, тогда обратитъ сердце отца къ сыну, то есть сердце отцевъ къ дѣтямъ. Ибо единственное за множественное седмьдесятъ переводчиковъ положили. И разумъ есть таковъ, дабы и дѣти разумѣли, то есть Іудеи, законъ такъ, какъ разумѣли отцы ихъ, то есть Пророки, въ числѣ коихъ былъ и Моусей. Понеже такимъ образомъ обратится сердце отцевъ къ дѣтямъ, когда разумѣніе отцевъ вселится въ дѣтей, и сердце дѣтей къ отцамъ своимъ,

когда дѣти пріимутъ то, что разумѣли отцы. Сіе учинитъ Илія. *Да не пришедъ*, говоритъ, *поражу землю въ конецъ.* Ибо земля суть тѣ, кои земная мудрствуютъ, какъ Іудеи плотскіе по нынѣ, отъ котораго зломудрствованія противъ Бога роптанія оныя произошли, аки бы Богъ *въ злыхъ благоволитъ, и суетенъ есть работаяй Богу.*

Глава шестаянадесять.

Что въ книгахъ ветхаго завѣта, когда пишется, что Богъ имѣетъ судить, невявственно Христово показуется лице, но изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, гдѣ Господь Богъ говоритъ, безъ сомнѣнія открывается, что Онъ есть Христосъ.

Многія находятся Священнаго Писанія свидѣтельства о послѣднемъ судѣ Божіемъ, которыя всѣ предлагать крайнѣ будетъ продолжительно. И такъ довольно съ насъ, что и изъ новаго и изъ ветхаго Священнаго Писанія оное доказали. Но изъ ветхихъ, что имѣетъ быть судъ, то есть, что Судія Христосъ съ небесъ пріити имѣетъ, не столь явственно изъясняется. Понеже когда пишется, что Господь Богъ имѣетъ пріити, вдругъ заключить онаго не можно о Христѣ. Ибо Господь Богъ и Отецъ есть и Сынъ и Духъ Святый, однако мы не недоказаннымъ оное оставить должны. И

такъ

такъ вопервыхъ показать надлежитъ, какимъ образомъ Іисусъ Христосъ, какъ Господь Богъ, говоритъ въ Пророческихъ книгахъ, и однако Іисусомъ Христомъ является, такъ что когда и оное не явно, однако когда пишется, что ради послѣдняго суда Господь Богъ пріити имѣетъ, можно Іисуса Христа разумѣть. Есть одно мѣсто у Исаіи Пророка, которое утверждаемое мною явственно показываетъ: ибо Богъ чрезъ Пророка: *послушай*, говоритъ, *мене Іакове, и Израилю, его же азъ призываю. Азъ есмь первый, и азъ есмь во вѣкъ. И рука моя основа землю, и десница моя утверди небо. Призову я, и станутъ вкупѣ, и соберутся вси, и услышатъ. Кто имъ возвѣсти сія? Любя тя, сотворихъ волю твою надъ Вавилономъ, еже отъяти племя Халдейско Азъ глаголахъ, азъ призвахъ, приведохъ и, и благопоспѣшитъ путь его. Приступите ко мнѣ, и слышите сія. И сперва не втай глаголахъ, его же поспѣваху; тамо бѣхъ. И нынѣ Господь, Господь посла мя, и Духъ Святый*, то есть Онъ самый Господь Богъ, который говорилъ; однако понять не можно бы было, что Онъ Іисусъ Христосъ, естьлибъ не приложилъ: *и нынѣ Господь, Господь посла мя, и Духъ Его.* Ибо, сіе сказалъ Онъ по образу раба о вещи будущей, употребляя слова въ прошедшемъ времени, какъ у тогожъ Пророка пишется, *яко овча на заколеніе ведеся.* Поне-

же не сказалъ: поведется, но вмѣсто будущаго употребилъ глагола въ прошедшемъ времени. И Исаія все такъ говоритъ. Находится и иное мѣсто у Захаріи, которое сіе ясно показываетъ, что Вседержителя послалъ Вседержитель. Кто же и кого? Не иной кто, какъ Богъ Отецъ, и не инаго, какъ Бога Сына. Ибо такъ пишется: *Въ слѣдъ славы посла мя на языки плѣнившія васъ, зане касаяйся васъ, яко касайся въ зѣницу ока его. Зане се азъ наношу руку мою на ня, и будутъ корысть работающимъ имъ, и уразумѣете, яко Господь Вседержитель посла мя.* Вотъ открывается, что Вседержитель отъ Вседержителя посланъ. Кто здѣсь можетъ и дерзнетъ разумѣть инаго, кромѣ Христа, глаголющаго овцамъ погибшимъ дому Израилева? Ибо говоритъ Онъ въ Евангеліи: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, которыхъ здѣсь уподобилъ зѣницѣ ока Божія, по превосходнѣйшей къ нимъ любви, отъ котораго рода овецъ и Апостоли произошли. Но по славномъ воскресеніи своемъ, прежде котораго, говоритъ Евангелистъ Іоаннъ: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*: и на языки посланъ во Апостолахъ своихъ, и такимъ образомъ исполнилось написанное во Псалмѣ: *избавиши мя отъ пререканія людей, поставиши мя во главу языкомъ.* Дабы которые плѣнили Израильтянъ, и коимъ Израильтяне работали, когда покорены были язы-

языкамЪ, взаимно плѣняемы не были, но дабы они съ корыстію были ИзраильтяномЪ. Ибо сіе обѣщалЪ ХристосЪ АпостоламЪ, сказавЪ: *сотворю вы ловцы человѣковЪ.* И одному изЪ всѣхЪ *отселѣ*, говоритЪ, *будеши человѣки ловя.* И такЪ корыстію будутЪ, но во благо, какЪ бы исхищенные сосуды у онаго крѣпкаго, но крѣпчае связаннаго. Також чрезЪ тогожЪ Пророка Господь говоря: *вЪ день онЪ*, глаголетЪ, *взыщу изъяти вся языки грядущія на ІерусалимЪ, и излію на домЪ ДавидовЪ и на живущія во ІерусалимѢ духЪ благодати и щедротЪ, и воззрятЪ нанЪ, его же прободоша, и восплачутся о немЪ плаканіемЪ, яко о возлюбленнѢмЪ, и воболятЪ о немЪ болѣзнію, яко о первенцѣ.* Не Божіе ли дѣло есть потреблять языки, враждующіе на святый градЪ ІерусалимЪ, и приходящіе на оный, то есть брань противЪ его творящіе? Или какЪ другіе изЪяснили, приходящіе на оный, то есть, дабы его себѣ покорить? Не Божіе ли дѣло изливать на домЪ ДавидовЪ и на живущихЪ во ІерусалимѢ духЪ благодати и щедротЪ? Сіе сказуется отЪ лица Божія чрезЪ Пророка, однако ощутительно, что сей БогЪ, толь великое и Божественное творящій, есть ХристосЪ, который сказанное наклоняетЪ кЪ себѣ, говоря: *воззрятЪ нанЪ, егоже прободоша, и восплачутся плаканіемЪ яко о возлюбленнѢмЪ и воболятЪ болѣзнію яко о первенцѣ.* Ибо раскаются вЪ оный день Іудеи и тѣ самые,

ко-

которые Его укоряли, когда увидятъ грядущаго съ силою и славою, и познаютъ, что Онъ тотъ самый есть, которому они ругались. Хотяжъ и предки ихъ распявшіе Христа, воскреснувъ, его увидятъ, однако оное будетъ не къ исправленію ихъ, а къ наказанію. И такъ не о нихъ въ семъ мѣстѣ разумѣть должно написанное: *излію на домъ Давидовъ и на живущія по Іерусалимѣ духа благодати и щедротъ, и воззрятъ нанъ, егоже прободоша*, но о ихъ потомкахъ, которые проповѣдію Иліиною во Христа увѣруютъ. И какъ мы говоримъ Іудеемъ: вы Христа умертвили, хотя сіе сдѣлали ихъ предки: такъ и оные нѣкоторымъ образомъ болѣзновать будутъ, аки бы они то учинили, что сдѣлали тѣ, отъ коихъ они произошли. И такъ по принятіи духа благодати и щедротъ будучи вѣрующими, хотя не осудятся съ нечестивыми своими предками, однако сожалѣть станутъ аки бы о содѣланномъ ими, что учинено ихъ предками. И такъ сожалѣть станутъ не аки бы виновны въ злодѣяніи, но изъ любви и благоговѣнія. Впрочемъ хотя седмьдесять переводчиковъ, переводя сіе слово: *воззрятъ нанъ*, и проч. положили вмѣсто *прободоша*, *ему же поругашася*: однако съ Еврейскаго лучше перевели другіе, употребивъ слова *прободоша*, которое слово живѣе изображаетъ распятіе Христово. Но оное поношеніе, которое положили седмьдесять, во всемъ Его стра-

страданіи было. Ибо ругалися Ему и поиманному и связанному и осужденному, и въ поносную одежду облеченному и терніемъ увѣнчанному, и тростію по главѣ біенному, и въ насмѣшку съ преклоненіемъ колѣнъ покланяемому, и крестъ свой носящему и на крестѣ повѣшенному. И потому не одному послѣдуя переводу, но совокупляя оба, то есть что и ругались и проболи, совершеннѣе страданія Господня истинну познаваемъ. Когда же въ книгахъ Пророческихъ пишется, что Богъ пріидетъ учинить послѣдній судъ, и не полагается различія, однако должно разумѣть Христа по причинѣ суда, такъ что хотябъ самъ Отецъ имѣлъ судить, при всемъ томъ судить будетъ пришествіемъ Сына человѣческаго. Ибо *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови*, который явится судящимъ, который былъ человѣкъ судимымъ. Кто бо иной есть, о которомъ Богъ чрезъ Пророка Исаію подъ именемъ Іакова и Израиля, отъ коего сѣмене принялъ плоть, говоритъ? О чемъ такъ написано: *Іакопъ отрокъ мой, поспріиму и, Израиль избранный мой, пріятъ его душа моя, дахъ Духъ мой нанъ, судъ языкомъ позвѣститъ: Не возопіетъ ниже ославитъ, ниже услышится внѣ гласъ его. Трости сокрушены не сотретъ, и льна курящася не угаситъ, но по истинну судъ изнесетъ. Возсіяетъ и не потухнетъ, дондеже положитъ на земли судъ, и*

на

на имя его языцы уповати имутъ. Въ Еврейскомъ не пишется Іаковъ и Израиль, но написанное тамъ рабъ мой, или отрокъ мой, седмьдесятъ переводчики желая изъяснить, въ какомъ разумѣ раба понимать надлежитъ, то есть поелику ради образа рабія сказано, въ которомъ Всевышній смиривъ себя явился, то и имя самаго человѣка положили, отъ сѣмене котораго самый рабій образъ воспріятъ. Данъ ему Духъ Святый, что по свидѣтельству Евангелія въ видѣ голубиномъ показано. Судъ языкамъ возвѣстилъ, понеже предвозвѣстилъ имущее быть, которое отъ языковъ было сокровенно. По кротости своей не вопилъ, однакожъ благовѣстить истинну не преставалъ. Но не слышанъ былъ, и не слышится внѣ гласъ Его, то есть отъ тѣхъ, кои отторглись отъ тѣла Его, и Ему не повинуются; и самихъ гонителей своихъ Іудеевъ, которые по потеряніи непорочности трости сокрушенной и льну курящемуся уподоблены, не сокрушилъ, ни погасилъ, понеже оставилъ имъ, поелику не пришелъ ихъ судить, но отъ нихъ судимъ быть. Воистиннѣ судъ изнесъ, предвозвѣстивъ имъ, когда они казнь пріимутъ, естьли въ своей злобѣ пребудутъ. Просіяло лице Его на горѣ, а слава Его въ мірѣ, и не угасла, понеже ни въ себѣ, ни въ церкви, дабы ей пресѣченной быть, гонителямъ не попустилъ. И потому не сдѣлалось и не сдѣлаетъ-

лается, что враги Его или говорили, или говорятъ: *Когда умретъ, и погибнетъ имя его. Дондеже положитъ на земли судъ.* Вотъ открылось, что было сокровенно и чего мы искали. Ибо сей положитъ судъ послѣдній на земли, когда пріидетъ съ небесъ; о которомъ уже исполнившимся видимъ, что наконецъ приложено: *И на имя его языцы уповати имутъ.* По сему котораго опровергать не можно, и тому вѣрить должно, которое безстыдно нѣкоторые отвергаютъ. Ибо ктобъ надѣяться могъ, что не хотящіе вѣровать по нынѣ во Христа, уже видятъ съ нами исполнившееся, и поелику прекословить не имѣютъ основанія, то скрежещутъ зубами и изумѣваются? Ктобъ, говорю, надѣяться могъ, что языки на имя Христово надѣяться будутъ, когда самъ Христосъ былъ ловимъ, вяжемъ, біемъ, поругаемъ, распинаемъ; когда и самые ученики Его лишаемы были надежды, которую на Него полагали? Тогда едва одинъ разбойникъ возложить могъ на Него надежду, а нынѣ всѣ языки, разсѣянные во вселенной, на Него уповаютъ. И дабы вѣчною не умереть смертію, тѣмъ самимъ крестомъ, на которомъ Онъ распятъ, знаменуются. И такъ никто не прекословитъ, или сомнѣвается, что Іисусомъ Христомъ описываемый въ священныхъ книгахъ послѣдній судъ быть имѣетъ, развѣ тотъ одинъ, который непонятною

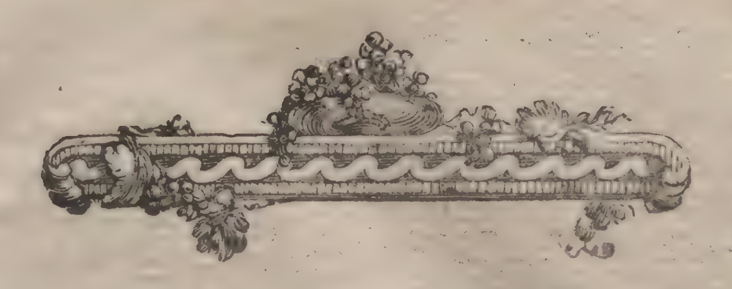
слѣпотою и недовѣрчивостію тому не вѣритъ; которыя однако (книги) неложность свою вселенной доказали. И такъ или во время онаго суда, или прежде имѣющія быть вещи таковыя въ писаніи видимъ: что Илія Ѳесвитянинъ пріидетъ, Іудеи во Христа увѣруютъ, антихристъ воздвигнетъ гоненіе Христосъ пріидетъ судить, воскреснутъ мертвые, добрые и злые раздѣлены будутъ, міръ сгоритъ и обновится; что все сіе будетъ должно вѣрить, но какимъ образомъ и какимъ порядкомъ пріидетъ каждое, оное тогда откроетъ самый опытъ наипаче, нежели нынѣ постигнуть можетъ разумъ человѣческій; однако думаю, что такимъ порядкомъ, каковой я здѣсь положилъ. Двѣ книги къ сему дѣлу принадлежащія, намъ остаются, дабы помощію Божіею обѣщанное намъ исполнить: изъ коихъ одна заключать будетъ въ себѣ разсужденіе о казни грѣшниковъ, другая о блаженствѣ праведныхъ. Въ сихъ, ежели Богъ даруетъ, доводы смертныхъ опровергаемы будутъ, которые бѣдные умы какъ бы неоспоримые въ утѣшеніе себѣ вымыслили, и которые предлагая спасительную вѣру, какъ бы ложную и посмѣянія достойную презираютъ. Мудрствующіе же по Богу всему тому, что невѣроятнымъ смертнымъ кажется, и однако содержится въ Священномъ Писаніи, котораго неложность различными образами доказана, основаніемъ

имѣ-

имѣютъ Божіе всемогущество, о которомъ ни мало не сомнѣваются, что Онъ никакимъ образомъ солгать не могъ, и въ силахъ то сдѣлать, которое невозможнымъ представляется невѣрному.

Конецъ книги двадесятой о градѣ Божіемъ.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА XXI.

Глава первая.

О порядкѣ словопренія, гдѣ прежде говорить намѣренъ о вѣчномъ мученіи грѣшниковъ съ діяволомъ, нежели о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ.

Когда Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ, Судіею живыхъ и мертвыхъ, къ должнымъ концамъ оба достигнутъ града, изъ коихъ одинъ есть Божій, другой діяволовъ, какова будетъ мука діяволу и всѣмъ къ нему принадлежащимъ, въ сей книгѣ, сколько намъ Богъ поможетъ, тщательнѣе разсмотримъ. Порядокъ же сей для того я избралъ, дабы послѣ поговорить о блаженствѣ праведныхъ; понеже обое то имѣетъ быть съ плотію, и что невѣроятнѣйшимъ кажется тѣламъ пребывать въ вѣчномъ муче-

ченіи, нежели пребывать безъ всякой прискорбности въ вѣчномъ блаженствѣ. И такъ когда покажу, что не должно невѣроятнымъ казаться оное мученіе, то сіе великую подастъ мнѣ помощь удобнѣе убѣдить людей, дабы вѣровали, что во святыхъ имѣетъ быть безсмертіе безъ всякой прискорбности. И отъ Божественныхъ изреченій сей не удаленъ порядокъ, въ которыхъ хотя иногда прежде полагается блаженство праведныхъ, какъ на примѣръ: *Сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда.* Но иногда и послѣ, какъ на примѣръ: *Пошлетъ Сынъ человѣческій Ангелы своя, и соберутъ отъ царствія его вся соблазны, и ввергутъ я въ пещь огненную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ: тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ.* И оное: *и идутъ сіи* (грѣшники) *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* И у Пророковъ, о чемъ предлагать долго, иногда тотъ, иногда другой примѣчается порядокъ; но я для чего сей избралъ, причину открылъ выше.

Глава вторая.

Могутъ ли тѣла въ пламени огненномъ быть вѣчными.

Что же я могу показать, дабы убѣдить невѣрныхъ, что тѣла человѣческія одушев-

 лен-

ленныя и живыя могутъ не только смертію не разрушимы быть, но и въ мученіяхъ вѣчнаго огня пребывать? Ибо не терпятъ они того, дабы мы доказывали оное всемогуществомъ Божіимъ; но требуютъ, чтобъ мы увѣрили ихъ какимъ нибудь примѣромъ. Которымъ ежели мы въ отвѣтъ скажемъ, что есть такія животныя, тлѣнію подлежащія и смерти, которыя посреди пламени живутъ, и что нѣкоторый родъ червей въ кипящихъ источникахъ находится, которыхъ горячести безъ вреда человѣкъ прикоснуться не можетъ, а оные черви не только безъ вреда тамъ быть, но наипаче внѣ оныхъ источниковъ живыми пребыть не могутъ: то или не хотятъ тому вѣрить, естьли доказать того не можемъ, или когда въ состояніи либо предъ глаза имъ представить самыя вещи, либо достовѣрными довести свидѣтелями, тогда прекословятъ съ тѣмъ же невѣріемъ, что сего примѣра къ объясненію вещи, о коей словопрѣніе происходитъ, не довольно; поелику сіи животныя не вѣчно въ оной горячности живутъ, хотя живутъ не чувствуя болѣзни; понеже приличными своей природѣ оживотворяются наипаче, нежели мучатся стихіями; какъ будто бы не столь же невѣроятно, что они оживотворяются, а не мучатся таковыми вещами. Ибо чудно чувствовать болѣзнь во огнѣ, однако жить; но несравненно чуднѣе жить въ пла-

мени, и не чувствовать болѣзни. Когда же сему вѣрятъ, то для чего и оному вѣрить не соизволяютъ?

Глава третія.

Слѣдуетъ ли заключить, что за тѣлесною болѣзнію и прискорбностію должна послѣдовать смерть.

Но нѣтъ, говорятъ, ни одного тѣла, которое бы могло терпѣть болѣзнь, а не могло умереть. И сіе откуду мы вѣдаемъ? Естьли въ отвѣтъ намъ скажутъ, что земное тѣло таковое въ свѣтѣ не находится, или лучше сказать, нѣтъ ни одного во вселенной тѣла, которое бы могло чувствовать болѣзнь, и не могло умереть: то что иное они говорятъ, какъ только то, что чувствами человѣческими и опытомъ дознано? Ибо они инаго тѣла не знаютъ, кромѣ смертнаго. И сіе есть первымъ ихъ основаніемъ, что чего не дознали, о томъ утверждаютъ, будто оному быть не можно. Но какимъ резономъ утвердить можно, что болѣзнь есть причиною смерти, когда она наипаче знакомъ есть жизни? Ибо хотя мы не входимъ въ то, всегда ли живетъ; однако извѣстно, что живетъ, что чувствуетъ, и что болѣзни ни въ чемъ быть не можно, кромѣ живущаго. И такъ должно, дабы болѣзнь чувствующее жило, а то ненеобходимо нужно, дабы болѣзнь умерщвляла; поне-

неже и сїи тѣла смертныя не всякая болѣзнь умерщвляетъ. А что болѣзнь нѣкоторая можетъ умертвить, тому причина такая: понеже душа такъ соединена съ симъ тѣломъ, что отъ великой болѣзни съ тѣломъ разлучается; поелику и самое сложенїе членовъ столь немощно, что той силы, которая великую, или несказанную причиняетъ болѣзнь, снести не можетъ. Тогда же душа таковому тѣлу и таковымъ образомъ соединится, что союза онаго ни долговѣчность, ни болѣзнь какая либо разрушить будетъ не въ состоянїи. И такъ хотя нынѣ тѣла ни одного таковаго нѣтъ, которое бы чувствованїе болѣзни снести могло и не могло умереть; однако тогда таково будетъ тѣло, каковаго нынѣ нѣтъ, такъ какъ и смерть такова, каковой нынѣ нѣтъ. Ибо не не будетъ ея, но она будетъ вѣчная, когда ни жить душа не возможетъ, не имѣя Бога, ни не имѣть болѣзни, всегда и непрестанно умирая. Первая смерть душу нехотящую изгоняетъ изъ тѣла, вторая душу нехотящую содержитъ въ тѣлѣ. Во обѣихъ смертехъ то заключается, что душа претерпѣваетъ отъ тѣла то, чего не хочетъ. Сїи любители словопрѣнїй и спязанїй смотрятъ только на то, что нынѣ нѣтъ тѣла, которое могло бы терпѣть болѣзнь и не могло умереть; а на то не взираютъ, что есть таковое нѣчто, которое тѣла болѣе. Ибо самая душа, присутствї-

ствіемЪ которыя живетЪ тѣло и управляется, и прискорбность чувствовать может, и умереть не можетЪ. ВотЪ найдена вещь, которая хотя чувствуетЪ прискорбность, однако безсмертна. И такЪто будетЪ тогда вЪ тѣлахЪ осужденныхЪ, что нынѣ понимаемЪ вЪ душахЪ всѣхЪ. Естьли же разсмотрѣть тщательнѣе, то откроется, что болѣзнь и прискорбность тѣлесная принадлежитЪ наипаче кЪ душѣ. Ибо болѣзновать есть свойственно душѣ, а не тѣлу, хотя причина болѣзнованія ей приключается отЪ тѣла, когда она соболѣзнуетЪ о части тѣлесной изнемогающей. И такЪ какЪ называемЪ тѣла чувствующими и живущими, хотя отЪ души происходитЪ тѣлесное чувство и жизнь, такЪ и тѣла называемЪ болѣзнующими, хотя болѣзнь тѣлесная не можетЪ быть какЪ только отЪ души. БолѣзнуетЪ убо душа сЪ тѣломЪ вЪ томЪ удѣ, вЪ коемЪ приключилась вина, дабы ей скорбѣть. БолѣзнуетЪ и одна душа, хотя находится вЪ тѣлѣ, когда бываетЪ вина невидимая прискорбности безЪ всякаго вреда тѣлеснаго. БолѣзнуетЪ и внѣ тѣла, ибо не болѣзновалЪ оный Евангельскій богачь во адѣ, когда говорилЪ: *Стражду въ пламени семь.* Тѣло же ни бездушное не болѣзнуетЪ, ни одушевленное безЪ души. Почему ежели бы основательной можно было взять доводЪ отЪ болѣзни кЪ смерти, то есть аки бы отЪ

того можетъ приключиться смерть, что могла приключиться болѣзнь, то наипаче къ душѣ принадлежала бы смерть, къ которой по большой части принадлежитъ болѣзнованіе. Когда же душа, которая болѣе болѣзновать можетъ, не можетъ умереть, то какой важной убѣдить въ силахъ насъ доводъ, дабы мы вѣрили, что тѣла, имѣющія быть въ болѣзни, отъ оной умрутъ? Говорили нѣкоторые секты Платонической, что душевныя страсти, то есть страхъ, желаніе, прискорбность и радость, отъ тѣлесныхъ земныхъ и смертныхъ членовъ зависятъ. Почему Виргилій. *отсюда*, говоритъ, то есть отъ смертныхъ земнаго тѣла членовъ, *люди страшатся*, *желаютъ*, *болѣзнуютъ и радуются*. Но мы доказали имъ въ четвертойнадесять сего сочиненія книгѣ, что души, по ихъ же мнѣнію очистившіяся отъ всякой скверны тѣлесной, имѣютъ необузданное желаніе, коимъ паки начинаютъ желать въ тѣла возвратиться Гдѣ же можетъ быть желаніе, тамъ всенепремѣнно можетъ быть и прискорбность. Ибо обманувшееся желаніе или недостиженіемъ къ тому, къ чему стремилось, или потеряніемъ того, къ чему было достигло, превращается въ прискорбность. Сего для естьли душа, которая наипаче болѣзнуетъ, имѣетъ свое безсмертіе; слѣдовательно и тѣла не могутъ умереть, потому что будутъ болѣзновать. Нако-

конецъ ежели тѣла учинить могутъ, дабы души болѣзновали, то для чего болѣзнь могутъ, а смерти причинить не въ силахъ? Конечно не для чего инаго, какъ только, что не слѣдуетъ, дабы то причинить могло смерть, что причиняетъ болѣзнь. И такъ для чего невѣроятнымъ кажется, что огнь тѣламъ онымъ можетъ причинять болѣзнь, а не смерть, какъ самые тѣла причиняютъ душамъ болѣзнованіе, а не наносятъ нужды имъ умереть: болѣзнь убо не есть неоспоримымъ доводомъ будущей смерти.

Глава четвертая.

О природныхъ примѣрахъ, о коихъ разсужденіе научаетъ насъ, что тѣла живущія могутъ пребывать въ огнѣ.

Почему естьли, какъ написали любопытные испытатели природы животныхъ, саламандра живетъ въ огнѣ (1), и нѣкоторыя извѣстныя Сицилійскія горы (2), которыя чрезъ толикую долговѣчность времени и отъ толикой древности по нынѣ горятъ, да и впредь горѣть будутъ, сами пребывая въ цѣлости, довольно свидѣтельствуютъ, что не все горящее истребляется; и душа показываетъ, что не все болѣзнующее можетъ умереть: то для чего еще отъ насъ требуютъ примѣровъ, дабы мы доказали, что нимало не невѣроятно, что

человѣческія тѣла, на вѣчное мученіе осужденныя, въ огни и души не лишатся и безъ умаленія будутъ горѣть, и безъ смерти чувствовать болѣзнь? Ибо будетъ имѣть существо сея плоти качество, данное отъ того, который толь чудныя и различныя безчисленнымъ вещамъ даровалъ, которыя видимъ; которыя поелику многочисленны, того ради мы онымъ не удивляемся. Понеже кто, кромѣ Творца, всѣхъ Бога, далъ свойство тѣлу павлинову, дабы оно не растлѣвалось? Которое когда по слуху невѣроятнымъ казалось, то случилось, что въ Карѳагенѣ намъ сія пища вареная представлена была. Котораго хлуни, сколько за благо намъ разсудилось, отдѣливъ, приказали хранить, которая часть по толикихъ дняхъ, въ кои всякія другія мяса вареныя согниваютъ, принесена бывши, не имѣла отвратительнаго обонянію; потомъ хранима была болѣе тритцати дней, и таковоюжъ оказалась. Тожъ самое и по прошествіи года опытъ намъ показалъ, кромѣ того, что стала она суше. Кто плевамъ далъ такую хладную силу, что онѣ хранятъ снѣгъ, ими покрытой; или толь горячую, что яблоки недозрѣлыя въ зрѣлость приводятъ? Самаго огня чудеса кто изъяснить въ состояніи, который, будучи самъ блестящимся, все, къ чему прикоснется, дѣлаетъ чернымъ и обезображаетъ, и изъ угля сіяющаго производитъ черный? Но и сіе не всегда и во всемъ такъ

бы-

бываетъ. Ибо камни напротивъ, пламенемъ блестящимся пережженные, и сами становятся блестящимися; и хотя огонь красноватъ, а они бѣловаты, однако бѣлизна приличествуетъ оному огня свѣту, такъ какъ черное тьмѣ. И такъ когда огонь въ древахъ горитъ, дабы пережечь камни, тогда не въ противныхъ вещахъ противное имѣетъ дѣйствіе; ибо хотя древа и камни суть различныя вещества, однако непротивныя, какъ-то бѣлое и черное, изъ коихъ одно дѣлаетъ въ камняхъ, другое въ древахъ; одни будучи свѣтлымъ, представляя свѣтлыми, другія черными, въ однихъ жить преставая, въ другихъ начиная. Что въ углехъ? Не достойна ли въ нихъ удивленія и толикая слабость, что отъ легкаго удара сокрушаются, и толикая крѣпость, что ни отъ какой мокроты не разтлѣваются, никакою времени долготою не преодолѣваются, такъ что ихъ обыкновенно подстилаютъ подъ камни, полагаемые на межахъ къ убѣжденію соперника, которой бы, чрезъ сколь бы долгое время кто ни показался, и доказывалъ бы, что оной камень не составляетъ границы? Кто могъ содѣлать, дабы оные въ влажной и мокрой закопанные землѣ могли столь долговременно, не превратившись въ землю, быть, въ которой всякія древа согниваютъ, какъ не тотъ самой огнь, который прочія вещи разрушаетъ? Посмотримъ также на чудеса

деса извести, выключая то, о чемЪ мы уже говорили, что она отЪ огня становится бѢлою, отЪ котораго другія вещи чернѢютЪ, и тайно отЪ огня воспламеняется. И когда уже глыба оной, будучи хладною, столь скрываетЪ огонь, что оный ни мало чувствамЪ нашимЪ не является, но познается, что онЪ тамЪ былЪ, хотя былЪ не явно, когда учинится опытЪ. Чего для оную известь называемЪ не мореною, вЪ которой скрываясь огонь, какЪ бы вмѢсто невидимой души видимому тѢлу служитЪ. Сколь же притомЪ и оное удивительно, что когда она погашается, тогда воспламеняется? А чтобЪ она не имѢла сокровеннаго огня, то кладется вЪ воду, или поливается водою; и когда она была хладною, то отЪ того кипѢть начинаетЪ, отЪ чего все прочее погасаетЪ. И такЪ какЪ бы при издыханіи оной глыбы, исходя огонь скрывавшійся, оставляетЪ оную какЪ бы мертвою, отЪ чего она толь холодна бываетЪ, что отЪ вліянія воды уже не воспламеняется. ВЪ слѢдствіе чего ту известь, которую называли мы живою, или немореною, называемЪ уже гашеною. Что кЪ сему чуду прибавить можно? Однако прибавляется. Ибо ежели не положишь воды, но вольешь масла, которое большею есть поджигою огня, тогда она не кипитЪ. Сіи чудеса ежели бы мы читали о какомЪ либо ИндійскомЪ камнѢ, или слышали, а опы-

опытомъ сами не изведали бы, то или бы крайне тому удивлялись, или бы сказали, что то написаны басни и ложь. Которыя же вещи предъ глазами нашими всегда находятся, хотя не меньше удивленія достойныя, оныя поелику всегда съ нами встрѣчаются, тѣмъ самимъ маловажными становятся, такъ что и изъ самой Индіи, удаленной отъ насъ страны, нѣкоторымъ вывезеннымъ вещамъ чуднымъ престали мы удивляться. Алмазъ камень многіе у насъ имѣютъ, особливо злашари и торгующіе дорогими камнями, о которомъ камнѣ сказываютъ, что его ни огнемъ, ни желѣзомъ, ни прочею какою либо силою раздробить не можно, кромѣ козлиной крови. Но которые его имѣютъ, тѣ удивляются ли ему такъ, какъ оные, коимъ сила его въ первой разъ показывается? А которымъ не показана, тѣ можетъ статься тому не вѣрятъ; или ежели вѣрятъ, то вѣроятно, что удивляются недознанному, и ежелибъ случилось имъ извѣдать, то дивятся какъ необычайному. Но всегдашніе опыты помалу отъемлютъ удивленіе. Знаемъ, что магнитъ камень привлекаетъ и восхищаетъ желѣзо, что я какъ скоро въ первый разъ увидѣлъ, то пришелъ въ ужасъ; ибо я видѣлъ, что желѣзное кольцо поднято магнитомъ, потомъ, какъ будто бы силу свою далъ желѣзу и сдѣлалъ оную общею: приложенное другое кольцо къ пер-

во-

вому столь же прилѣпилось къ нему, какъ и оное къ камню. Послѣ того приложено третіе и четвертое, и висѣли такимъ образомъ на подобіе перекованныхъ, наружною силою держимыхъ колецъ цѣпь. Кто бы не изумѣлся, видя таковую силу врожденную камню, которая не только находилась въ немъ, но и простиралась чрезъ столько колецъ, какъ бы одно къ другому привязанныхъ, которыя онъ невидимою связью прицѣплялъ? Но удивительнѣе того несравненно, что я отъ брата моего Севира, Милевитскаго Епископа, о семъ камнѣ слышалъ. Онъ сказывалъ о себѣ, что когда онъ былъ въ гостяхъ у Ваѳанарія, нѣкогда бывшаго въ Африкѣ главнымъ Правителемъ, тогда оный Ваѳанарій вынесъ помянутый камень и держалъ подъ серебреною доскою, а желѣзо положилъ на оную доску. Потомъ какъ двигалъ рукою, коею держалъ магнитъ, такъ желѣзо двигалось поверьхъ доски, и столь притомъ скоро, двигалось впередъ, и отдвигалось назадъ, сколь скоро водилъ онъ подъ доской рукою. Сказалъ я то, что самъ видѣлъ; сказалъ и то, что отъ него слышалъ, которому я такъ повѣрилъ, какъ бы самъ оное видѣлъ. Что же я о семъ магнитѣ читалъ, скажу: когда полагается подлѣ его алмазъ, тогда онъ не привлекаетъ желѣза, и ежели бы началъ привлекать, то тотчасъ оставляетъ. Изъ Индіи вывозятся сіи камни. Но ежели мы по-

познавши ихъ, перестаемъ имъ удивляться, то кольми паче тѣ, откуда ихъ вывозятъ, когда оные всегда у нихъ предъ глазами, естьли у нихъ магнита столькожъ, сколько у насъ извести, которой кипящей отъ воды, погашающей огнь, и не кипящей отъ масла, воспламеняющаго огнь, поелику всегда предъ глазами нашими находится, не удивляемся.

Глава пятая.

Сколь много вещей, коихъ прямо познать не можно, однако что оныя въ свѣтѣ находятся, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

Но люди невѣрные, которымъ когда Божественныя прошедшія, или будущія чудеса проповѣдуемъ, которыхъ имъ опытомъ показать не можемъ, требуютъ отъ насъ вины, которой поелику не можемъ имъ представить, ибо превосходятъ силы человѣческаго разума, то и почитаютъ оныя ложными, когда самимъ имъ безчисленныхъ чудныхъ вещей, которыя или видимъ, или видѣть можемъ, надлежало дать намъ отвѣтъ. Естьли же они примѣчаютъ и чувствуютъ, что человѣку того учинить не льзя, то признаться они должны, что не слѣдуетъ того имъ небывшимъ почитать, или такимъ, котораго никогда не будетъ, понеже вины тому предложить не возможно, когда и они

сами о природныхъ вещахъ оной представить не въ силахъ. И такъ я не стану исчислять много описаннаго въ исторіяхъ, котораго не было, но которое нынѣ находится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, куда ежели бы кто восхотѣлъ, или могъ итти, тотъ узнаетъ, справедливо ли оно. Но я не много упомяну. Въ Сициліи Агригентинская соль (1), сказываютъ, когда приложена будетъ къ огню, то на подобіе воды растопляется и разливается; а когда къ водѣ, то такъ какъ на огнѣ трескъ производитъ. У Гарамантовъ (2) есть источникъ, который днемъ имѣетъ толь холодную воду, что никто пить не можетъ; а по ночамъ столь горячую, что никто не прикасается оной. Въ Эпирѣ (3) другой есть источникъ, погашенныя свѣчи зажигающій. Асбестонъ (4), Аркадскій камень, названъ такъ по тому, что однажды зажженъ будучи, погаженъ уже быть не можетъ. Дерево нѣкакой смоковницы Египетской (5) не такъ какъ прочія древа плаваютъ по верьхъ воды, но погружается на дно, и что несравненно чуднѣе, когда въ водѣ на днѣ нѣсколько времени полежитъ, тогда на поверьхность воды выходитъ, когда намоченному водою надлежало болѣе обремененну быть. Въ землѣ Содомской яблоки (6) родятся, и въ видъ зрѣлости приходятъ, но ежели вкусишь, или руками подавишь, то разсыпается пепломъ.

пломъ. Пиритесъ (7), Персидской камень, ежели кто его крѣпче рукою держитъ, руку ожигаетъ, чего для отъ огня и имя себѣ получилъ. Въ той же Персіи родится камень Силинитъ (8), котораго внутренняя бѣлизна купно съ луною и растетъ и умаляется. Тилонъ, Индійскій островъ, по тому предпочитается прочимъ, что со всякаго дерева, въ немъ раждающагося, листъ не спадаетъ. О таковыхъ и подобныхъ безчисленныхъ и чудныхъ не прошедшихъ, но нынѣ находящихся, и не прежде бывшихъ, но нынѣ существующихъ исторія повѣствуетъ. Но мнѣ, когда я иное предпринялъ, нѣкогда все исчислять. Пускай дадутъ отвѣтъ невѣрные оные, которые не хотятъ Священному Писанію вѣрить, что иное они дѣлаютъ, какъ только что не почитаютъ оное Божественнымъ по тому, что содержитъ въ себѣ вещи невѣроятныя; но не таковыжъ ли оныя, какъ и тѣ, о коихъ мы говоримъ. Они говорятъ, что не терпитъ разумъ, дабы вѣрить, что тѣло будетъ горѣть, и не сгоритъ, будетъ скорбѣть, и не умретъ. Великіе винословцы, которые о всѣхъ вещахъ, по себѣ чудныхъ, могутъ дать отвѣтъ, пускай скажутъ о тѣхъ, которыя мы предложили: ежели бы прямо объ нихъ не знали, что таковыя вещи въ свѣтѣ находятся, и ежели бы мы утверждали, что такія вещи въ свѣтѣ быть имѣютъ, не почлиль бы они болѣе невѣроятнымъ то, нежели оное, о которомъ мы

доказываемъ, что быть имѣетъ? Ибо ктобъ изъ нихъ намъ повѣрилъ, когдабъ мы, какъ говоримъ, что имѣютъ быть человѣческія одушевленныя, которыя всегда будутъ горѣть и болѣзновать, однако не умрутъ: такъ говорили, что въ будущемъ вѣкѣ имѣетъ быть соль которая при огнѣ какъ въ водѣ будетъ, разплываться, а въ водѣ станетъ производить трескъ; или что будетъ тамъ источникъ, который во время прохладной ночи столь горячую воду имѣть будетъ, что никто оной прикоснуться не возможетъ, во времяжъ жара дневнаго столь холодную, что никто пить оныя будетъ не въ силахъ; или что будетъ тамъ такой камень, которой руку держащаго его крѣпко ожигаетъ, или такой, которой единожды возженный совсѣмъ погасить не льзя, и прочее, которое изъ безчисленныхъ мною оставленныхъ я предложилъ? Сіе говорю, ежели бы мы утверждали, что имѣетъ быть въ будущемъ вѣкѣ, и невѣрные бы намъ отвѣтствовали такъ: ежели де хотите, дабы мы тому вѣрили, то каждое намъ докажите; и мы признались бы, что о таковыхъ и подобныхъ чудныхъ Божіихъ дѣлахъ разумъ человѣческій любомудрствовать не въ состояніи; при всемъ томъ не безъ основанія мы остаемся, а имянно, что не безъ вины дѣлаетъ то Всемогущій, о чемъ разумъ человѣческій любомудрствовать не можетъ, и во многихъ вещахъ правда неизвѣстно намъ,

къ

къ чему оныя клонятся, однако о томъ ни мало не сомнѣваемся, что нѣтъ ничего невозможнаго изъ того, чего Онъ хощетъ, и что мы вѣримъ предвозвѣщающему тому, котораго не можемъ почитать ни немощнымъ, ни обманывающимъ. Сіи однако охуждатели вѣры и требователи винъ что на сіи отвѣтствовать будутъ, о которыхъ любомудрствовать и вины онымъ дать смертные не могутъ, и которыя самому разсудку по видимому противны, и которыя при всемъ томъ находятся въ свѣтѣ? о которыхъ ежели бы мы утверждали, что они имѣютъ быть, равно какъ и о тѣлахъ человѣческихъ говоримъ, и невѣрные на то требовали бы доказательствъ: то хотя бы таковымъ Божіимъ дѣламъ вины дать не могли, небытія оныхъ не слѣдовало бы заключить, такъ какъ и будущаго въ тѣлахъ человѣческихъ, по тому единственно, что какъ о томъ, такъ и о другомъ человѣкѣ любомудрствовать и винословствовать не въ состояніи.

Глава шестая.

Что не всѣ чудеса природныя суть, но по большой части ухищренныя человѣческимъ разумомъ, и не малое число оныхъ діяпольскою хитростію учинено.

Здѣсь можетъ статься въ отвѣтъ намъ скажутъ, что сего де совсѣмъ нѣтъ, и мы

де тому не вѣримъ: ложно де о томъ сказано, ложно написано; и прибавятъ разсуждая и говоря такимъ образомъ: ежели де таковымъ вещамъ вѣрить должно, то вѣрьте и вы, что въ оныхъ повѣстяхъ написано, а именно, что была, или находится нѣкоторая Венерина кумирница, въ которой есть подсвѣчникъ, и въономъ свѣтильникъ безъ покрова горящій, котораго никакая буря, никакой дождь погасить не можетъ. Почему какъ вышепомянутый камень, такъ и сей свѣтильникъ Аснестосъ, то есть неугасимыми называются. Сіе для того они могутъ сказать, дабы неудобность намъ сдѣлать къ отвѣтствованію большую: понеже естьли мы скажемъ, что повѣствованію оному не должно вѣрить, то чрезъ оное уничтожимъ повѣствованія оныя чудесныя; естьлижъ утвердимъ, что вѣрить тому надлежитъ, то подкрѣпимъ сторону многобожниковъ; но мы какъ въ книгѣ осьмойнадесять сего сочиненія сказали, не имѣемъ нужды всему тому, что исторія языческая въ себѣ содержитъ, когда и сами между собою историки, по свидѣтельству Варронову, какъ бы нарочно во многомъ не согласуютъ, но тому, ежели хочемъ, вѣрить можемъ, что не противно книгамъ, о коихъ не сомнѣваемся, что должно имъ вѣрить. О сихъ же чудесныхъ мѣстахъ для насъ хотящихъ невѣрныхъ увѣрить о будущемъ довольно того, что мы опытомъ изъвѣдать

мо-

можемъ, и чему свидѣтелей не трудно найти. Отъ сей же кумирницы Венериной и неугасимаго свѣтильника не только не имѣемъ трудности ко отвѣту, но наипаче къ оному пространное намъ открывается поле; ибо мы прилагаемъ къ сему неугасимому свѣтильнику и прочія чудеса человѣческимъ искусствомъ и хитростію діявольскою содѣланныя многократно, которыя ежели бы мы восхотѣли отвергать, то тогожъ самаго Священнаго Писанія воспротивимся истиннѣ. И такъ въ свѣтильникѣ ономъ или механическое нѣчто изъ камня асвеста хитрость человѣческая учинила, или волшебная наука, дабы люди оному удивлялись въ кумирницѣ; или нѣкакій демонъ подъ именемъ Венеры оное дѣйствовалъ, что оное чудо и казалось людемъ, и долговременно пребывало. Понеже демоны лукавымъ своимъ коварствомъ прельщаютъ людей, или вдыхая въ сердца ихъ сокровенно ядъ, или хитро какъ бы любя и являяся, и малочисленныхъ нѣкоторыхъ учениками своими и учителями многимъ. Ибо никто не могъ безъ наученія ихъ познать, что каждой изъ нихъ желаетъ, чего страшится, какимъ призывается именемъ, чѣмъ принуждаемъ бываетъ, отъ чего волшебныя науки и ихъ разпространители произошли. Наипаче же обладаютъ сердцами человѣческими, коимъ особенно обладаніемъ хвалятся, когда преобразуются во Ангела свѣтла. И такъ много

го находится дѣлаемаго ими чуднаго, которое чѣмъ удивительнѣе, тѣмъ съ большею осторожностію беречься онаго мы должны. Но къ тому, о чемъ нынѣ мы говоримъ, способствуютъ намъ и оныя удивленія; ибо ежели оныя могутъ дѣлать демоны, то кольми паче сильнѣйшими суть святые Ангелы, кольми паче всемогущественнѣе сихъ всѣхъ Богъ, который толикихъ творцевъ чудесъ Ангеловъ сотворилъ? Чего для ежели толь многія и толь великія удивленія Божію тварь употребляющимъ искусствомъ дѣлаются, что не знающіе люди почитаютъ оныя Божественными: откуда произошло, что въ нѣкоторомъ храмѣ, въ коемъ на сводѣ и въ полу утвержденными по соразмѣрности двумя магнитами желѣзный кумиръ на воздухѣ посредѣ оныхъ висѣлъ, о которомъ незнающіе люди думали, что оный виситъ силою боговъ. Почему вѣроятно, что и въ ономъ свѣтильникѣ Венериномъ изъ камня асвеста искусство человѣческое учинило, какъ мы выше сказали. Естьли волшебниковъ дѣла, коихъ наше писаніе чародѣями называетъ, столь могли превознести демоновъ, что знаменитый стихотворецъ мнѣнію прочихъ людей сообразуется, о нѣкоей женѣ, которая славна была таковою наукою, говоря: она обѣщается словами разслабить умы, которыя хочетъ, а другимъ наложить заботу; остановить теченіе рѣкъ и удержать шествіе

пла-

планетъ; воздвигнуть ночью мертвыхъ и сдѣлать, дабы земля стонъ издавала подъ ногами и сходили съ горъ высокія древа: кольми паче Богъ силенъ есть содѣлать то, что невѣрнымъ кажется невѣроятнымъ, но Его удобно могуществу, когда Онъ силу камней и другихъ вещей, и разумы человѣческіе, которые оную чуднымъ употребляютъ образомъ, и природы Ангельскія всѣхъ животныхъ земныхъ сильнѣйшія сотворилъ, и употребляетъ все столь же чудно, какъ и создалъ.

Глава седьмая.

Что въ вещахъ чудныхъ главнымъ основаніемъ вѣрованія есть всемогущество Божіе.

И такъ для чего бы не могъ Богъ содѣлать, дабы востали тѣла мертвыхъ, и вѣчнымъ огнемъ мучимы были тѣла осужденныхъ, который сотворилъ міръ въ разсужденіи неба, земли, воздуха, воды, безчисленными чудесами наполненный; когда всѣхъ, коими онъ наполненъ, міръ безъ сомнѣнія большимъ и превосходнѣйшимъ чудомъ? Но сіи, съ которыми, или противъ которыхъ мы говоримъ, которые вѣрятъ, что и Богъ есть, и что отъ Него сотворенъ міръ, и боги, управляющіе міромъ, и дѣлающіе чудеса, и признаютъ волшебниковъ власти, или по крайней мѣрѣ не отвергаютъ, когда имъ другихъ вещей чудную силу предла-

лагаемЪ, которыя суть ни животныя разумныя, ни духи, премудростію одаренные, каковы то суть тѢ, коихЪ малое число мы упомянули, отвѢтствуютЪ обыкновенно: сила природы есть сія, такЪ устроена ихЪ природа, свойствЪ природныхЪ есть сіе дѢйствіе. И такЪ вся вина состоитЪ вЪ томЪ, для чего Агригентинская соль растаеваетЪ отЪ огня, и трескЪ производитЪ отЪ огня; понеже вЪ томЪ заключается ея природа. Но сіе наипаче кажется противЪ природы, которая дала не огню, но водѢ разводить соль, сушить же огню, а не водѢ. Но вЪ томЪ, говорятЪ, соли сея состоитЪ сила, дабы противное она страдала. ТужЪ вину предлагаютЪ и обЪ ономЪ источникѢ ГарамантскомЪ, вЪ которомЪ одна жила днемЪ бываетЪ крайнѢ хладна, а по ночамЪ горяча, которыя оба свойства прикасающимся вредны. Сіе и о другомЪ ономЪ, который будучи прикасающимся хладенЪ, погашенную свѢчу чудно зажигаетЪ. Сіе и о камени асвестѢ, которой, не имѢя собственнаго огня, однако принявЪ огонь сторонній и внѢшній, такЪ горитЪ, что погасить не можно. Сіе о прочемЪ, которое повторять я не хочу, которое хотя силу по видимому имѢетЪ противЪ природы, однако иной вины обЪ ономЪ не представляютЪ, кромѢ той, что оно такую имѢетЪ природу. Я признаюсь, что сей весьма кратокЪ есть отвѢтЪ. Но какЪ БогЪ есть

Твор.

Творцемъ всѣхъ природъ, то для чего требуютъ сильнѣйшаго отъ насъ отвѣта, когда не хотятъ чему либо какъ бы невѣроятному вѣрить и невозможному, и когда на требованіе ихъ мы отвѣчаемъ, что такъ благоволитъ Всемогущій Богъ, который не для инаго чего нарицается всемогущимъ, какъ только, что все, что хочетъ, можетъ; который сотворилъ толь многая, которыя ежели бы нынѣ видимы очима не были, или достовѣрными свидѣтелями не были описываемы, то конечно почтены были бы невозможными, не только тѣ, о коихъ мы не знаемъ, но и которыя намъ извѣстны. Ибо тому, что кромѣ описавшихъ оное свидѣтелей не имѣетъ, да и описано тѣми, которые не научены отъ Бога, и которые такъ какъ люди могли обмануться, вольно всякому безъ навлеченія на себя охужденія не вѣрить. Понеже и я не принуждаю, дабы кто тому безразсудно вѣрилъ, что я выше изъ языческихъ повѣстей предложилъ, поелику и я не такъ оному вѣрю, акибы въ мысли моей не оставалось о томъ никакого сомнѣнія, выключая тѣ вещи, которыя могъ я опытомъ дознать, и до которыхъ безъ дальняго труда опытомъ дойти можно, какъ на примѣръ о извести, что она кипитъ въ водѣ, и въ маслѣ бываетъ хладною; о камнѣ магнитѣ, который невѣдомо какимъ образомъ нечувствительнымъ плевы не привас-

влекаетъ, а привлекаетъ желѣзо; о мясѣ павлиновомъ не гніющемъ, когда истлѣлъ и самъ Платонъ; о плевахъ столь хладныхъ, что таять снѣгу не попускаютъ, или столь горячихъ, что принуждаютъ въ зрѣлость приходить яблокамъ; о огнѣ блестящемся, что онъ по своему блеску камни пережигая дѣлаетъ бѣловатыми, и въ противность своего сіянія многія вещи сжигая превращаетъ въ черныя. Подобно что черныя пятна дѣлаются отъ чистаго масла, и черныя черты впечатлѣваются бѣлому сребру. О угляхъ также, что они огнемъ обращаются въ противное, что изъ прекрасныхъ древъ становятся черными, изъ крѣпкихъ ломкими, изъ гніющихъ негніющими. Изъ сихъ иное я знаю съ немногими, иное со всѣми, и другое многое, которое писать въ книгу сію не вмѣстительно. О томъ же, которое я опытомъ не извѣдавъ положилъ, но только описанное читалъ, кромѣ того источника, въ которомъ свѣчи горящія погасаютъ и погашенныя возжигаются, и о яблокахъ Содомскихъ, которыя по наружности кажутся созрѣвшими, а внутрь наполненны пепломъ, не нашелъ свидѣтелей достовѣрныхъ, отъ коихъ бы могъ слышать, справедливо ли оно. И онаго также источника хотя самовидцевъ не нашелъ, которые бы увѣрили, что въ Эпирѣ таковой дѣйствительно находится, однако нашелъ такихъ, которые

въ

вЪ Галліи подобной знали, не далеко отстоящій отЪ города Гратіанополя. О плодахЪ же деревЪ СодомскихЪ не только достовѣрныя писанія показываютЪ, но и многіе признаются, что они на самомЪ опытѣ то видѣли, почему я и сомнѣваться не могу. Прочее же я такЪ почитаю, что ни утверждать, ни опровергать того не намѣренЪ, но для того я оное положилЪ, понеже у писателей тѣхЪ, противЪ коихЪ мы говоримЪ, то читалЪ, дабы показать, сколь многому многіе изЪ нихЪ, не предложивЪ никакой причины, писателямЪ своимЪ вѣрятЪ, которые намЪ вѣрить вЪ томЪ, что опытЪ и чувство и разумЪ превосходитЪ, о коемЪ мы утверждаемЪ, что БогЪ оное учинить имѣетЪ, не хотятЪ. Ибо какой лучшій и сильнѣйшій доводЪ о таковыхЪ вещахЪ представить можно, кромѣ того, что когда открывается намЪ, что БогЪ Всемогущій оное содѣлать имѣетЪ, который предвозвѣстилЪ вЪ томЪ же писаніи много, кое наконецЪ исполнившимся видимЪ. ОнЪ бо сотворитЪ то, понеже предсказалЪ, что учинить имѣетЪ оное; которое невозможнымЪ почитается; тотЪ, который обѣщалЪ и сдѣлалЪ, что невѣрные языки неудобовѣрительному повѣрятЪ.

Глава

Глава осьмая.

Что не есть противъ природы, когда въ нѣкоторой вещи, по природѣ своей извѣстной, нѣчто отъ извѣстнаго начинаетъ быть различнымъ.

Естьли же они скажутъ, что для того сказуемому нами о тѣлахъ, что оныя горѣть будутъ, и не сгорятъ и никогда не умрутъ, не вѣрятъ, понеже знаемъ, что тѣлъ человѣческихъ природа инаково устроена, почему и оной причины здѣсь сказать не можно, которую предлагали объ оныхъ чудныхъ природахъ, то есть, сила сія есть природная; сея вещи таковая есть природа; поелику извѣстно намъ, что человѣческаго тѣла не такова есть природа. Имѣемъ правда, что можемъ отвѣтствовать имъ изъ Священнаго Писанія, что сіе человѣческое тѣло инаково было устроено прежде паденія, то есть, что не могло умереть; инаково же стало по паденіи, каковымъ нынѣ видимъ въ бѣдственной сей смертности, которое вѣчно жить не въ силахъ. Такимъ убо образомъ инаковымъ будетъ, нежели нынѣ, въ воскресеніе мертвыхъ. Но понеже нашему писанію сіи не вѣрятъ, гдѣ пишется, каковымъ былъ въ раю человѣкъ, и сколь удаленъ былъ отъ нужды и необходимости смерти, которому ежели бы вѣрили, то не было бы столько затрудненія съ ними говорить. Того ради

изъ

изъ писанія тѣхъ, кои у нихъ наиученѣйшими почитаются, нѣчто предложить должно, дабы показать, что можно тому статься, дабы каждая вещь могла инаковою быть, нежели была прежде опредѣленіемъ природы. Находится нѣкоторое мѣсто въ книгахъ Марка Варрона, кои надписываются: о народѣ Римскомъ, которое тѣмижъ самыми словами, каковыми тамъ изображено, предложу: *На небѣ*, говоритъ, *чудное явилось предзнаменованіе. Ибо Касторъ повѣствуетъ, что въ знаменитой Венериной звѣздѣ, которую Плавтъ и Омиръ вечернею звѣздою называютъ, описывая оную прекрасною, такое знаменіе явилось, что перемѣнило оной блескъ, великость, образъ, и теченіе, чего не было ни прежде, ни послѣ. Сіе сдѣлалось при Огигѣ Царѣ, какъ увѣряютъ Адрастъ Цизиценскій и Діонъ Неаполитскій, славные Математики.* Сіе поистиннѣ. Варронъ, толь великій писатель, не назвалъ бы предзнаменованіемъ, portentum, естьлибъ не казалось то противъ природы. Ибо всѣ предзнаменованія ставимъ мы противъ природы, но въ самой вещи онѣ не таковы. Понеже какъ то можетъ быть противъ природы, которое по изволенію Божію бываетъ, когда хотѣніе толикаго Творца каждой созданной вещи составляетъ природу? И такъ предзнаменованіе бываетъ не противъ природы, но противъ познанія нашего природы. Кто

же

же предзнаменованій изчислить может множество, которое заключают в себѣ языческія повѣсти? Но мы тщательнѣе вникнем в то одно, которое к вещи, о коей нынѣ говорим, принадлежит. Что так устроено от Творца природы неба и земли, как порядочное теченіе звѣзд? Что так неизмѣнными законами утверждено? Однако когда благоугодно Тому было, который наивысочайшею властію созданное управляет, то звѣзда, пред прочими великостію и сіяніем знаменитая, блеск, великость, образ, и что несравненно удивительнѣе, теченія своего порядок и закон премѣнила. Разстроила она конечно, ежели какія были, положенія и правила Астрологов, которыя они как бы о безпогрѣшительном счисленіи прошедших и будущих звѣзд теченіи написанныя имѣют, которым положеніям они послѣдуя, осмѣлились сказать, что в разсужденіи Венериной звѣзды ни прежде, ни послѣ того не случалось. Мы же в священных книгах видим, что и солнце самое остановлялось, когда муж святый Іисус Навин просил о том Господа Бога, дабы начавшуюся брань и сраженіе побѣдою окончать, и назад возвращалось, дабы увѣрить сим предзнаменованіем Царя Езекію, что ему пятнатцать лѣт житія приложено. Но и сіи чудеса, ради вѣры и любви к Богу святых от Бога со-

содѣланныя, естьли признаваютъ язычники бывшими, волшебнымъ приписываютъ наукамъ. Откуду оное произошло, что я выше упомянулъ, написанное Виргиліемъ: *Обѣщаетъ удержать стремленіе рѣкъ, и поворатить назадъ звѣздъ теченіе.* Ибо пишется, что и рѣка остановилась отъ теченія сверьху, и стекала внизу, когда вышепомянутый Іисусъ Навинъ переводилъ народъ чрезъ оную, и когда Илія и Елисей преходили чрезъ неяжъ, и солнце возвратилось, при Езекіи. Что же о Венериной звѣздѣ пишетъ Варронъ, оное не по прошенію какого либо угодника Божія учинилось. И такъ пускай изъ познанія природъ не дѣлаютъ себѣ тьмы невѣрные, аки бы не можно Божественною силою въ нѣкоторой вещи иному, нежели они въ природѣ оныя человѣческимъ познали опытомъ, хотя и знаемое въ природѣ не меньше чудно, и было бы удивленія достойно, ежели бы люди не тому единственно удивлялись, что случается рѣдко. Ибо при употребленіи разума кто бы не могъ видѣть въ безчисленномъ множествѣ людей, и толикомъ сходствѣ природы чудно устроенныя каждаго лица, что ежели бы не были они подобны, то не можно было бы различить людей отъ прочихъ животныхъ; и паки, ежели бы не были они не сходственными, то одного отъ другаго различить было бы не можно? И такъ которыхъ подобными

признаваемъ, тѣхъ же несходственными находимъ. Но удивительнѣе разсужденіе о несходствѣ, понеже подобія праведнѣе по видимому требуетъ общая природа. Однако рѣдкое есть удивленія достойно; то мы болѣе удивляемся, когда двухъ толь подобныхъ находимъ, что въ разпознаніи ихъ или всегда, или не рѣдко ошибаемся. Но предложенному мною изъ Варрона, наиученѣйшаго ихъ историка, можетъ статься не вѣрятъ, что оное дѣйствительно было; или поелику не долго пребыло инаковое звѣзды оной теченіе, но возвратилось оное на обыкновенное, не удивляются сему примѣру. Такъ вотъ имъ другой примѣръ, который нынѣ показать имъ можно, которой, думаю, доволенъ будетъ къ убѣжденію ихъ, когда иное примѣтятъ въ нѣкоторомъ постановленіи природы, и познаютъ, что не должны они Богу предписывать правилъ, акибы Онъ не въ силахъ былъ въ иное, нежели какъ познана вещь, премѣнить и превратить. Земля Содомская не была таковою, но была подобна прочимъ, и имѣла таковоежъ, или и большее плодоносіе; ибо Божію раю въ Священномъ Писаніи уподоблена. Сія какъ огнемъ небеснымъ сожжена, какъ и ихъ языческіе историки повѣствуютъ, и свидѣтельствуютъ тѣ, кои въ тѣхъ мѣстахъ странствовали, то пепеломъ своимъ въ ужасъ приводитъ зрителей, и яблоки оной внутрь скрываютъ пепелъ, а поверхность ложную

по-

показываютъ зрѣлости. Вотъ не была земля такова, а нынѣ стала таковою. Вотъ отъ Творца природъ природа оной въ различной крайнѣ видъ превращена. И что по толикой долговѣчности приключилось, столь долговѣчно пребываетъ. И такъ какъ для Бога не было невозможнымъ устроить, какія Ему было угодно природы, такъ не невозможно Ему же, во что Ему будетъ угодно, премѣнить природы. Почему и оныхъ чудныхъ приключеній множество не удивительно, которыя называются явленіями, предвѣщаніями и предзнаменованіями; которыя ежели бы я восхотѣлъ предлагать, то сему сочиненію не было бы конца. Но пускай осмотрятся таковые люди, какъ они въ разсужденіи тѣхъ обманываются или внушеніемъ и наущеніемъ злыхъ духовъ, которые тщатся достойныя таковыя казни души людей уловить сѣтьми любопытства, и которые иногда справедливо предвозвѣщаютъ, или много говоря ложнаго, въ многословесности своей нападаютъ на нѣкоторую истинну. Для насъ же то, что бываетъ какъ бы противъ природы, какъ по обыкновенію человѣческому и Апостолъ сказалъ, что противъ природы дивія маслина къ доброй маслинѣ прицѣпилась и участницею сталась тука оныя, сіе являть долженствуетъ, сіе предвѣщать, сіе предзнаменовать, что Богъ имѣетъ содѣлать съ тѣлами человѣческими, которому въ томъ ни-

никакая не воспрепятствуетъ трудность; никакой не предпишетъ противнаго Его изволенію законъ природы. Какимъ же образомъ Онъ о томъ предвозвѣстилъ, о томъ довольно въ вышеоконченной предъ сею книгѣ показалъ я, предлагая и доказывая то изъ Священнаго Писанія новаго и ветхаго завѣта, хотя не всѣ къ тому принадлежащіе представляя доводы, но которые довольными къ тому почелъ.

Глава девятая.

О Геэннѣ и качествѣ вѣчныхъ мученій.

И такъ что о вѣчномъ мученіи чрезъ своего Пророка Богъ сказалъ, оное будетъ всенепремѣнно: *Червь ихъ не умретъ, и огнь ихъ не угаснетъ.* Ибо и Господь Іисусъ внушая сіе, когда рѣчь имѣлъ о удахъ соблажняющихъ, которые повелѣлъ отсѣкать: *Унее*, говоритъ, *тебѣ безъ руки внити въ животъ, неже двѣ руцѣ имущему низринуту быть въ Геэнну, во огнь неугасимый, идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь ихъ не угасаетъ.* Подобно и о ногѣ: *Унее тебѣ*, сказалъ, *хрому внити въ животъ, неже двѣ нозѣ имущему ввержену быти въ Геэнну огня неугасимаго, идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ.* Не инако говоритъ и о окѣ: *Унее есть тебѣ безъ оку внити въ царствіе Божіе, неже два ока имущему ввержену быти въ Геэнну огненную, идѣже червь*

червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ: Благоволилъ тѣ же слова повторить трижды, и кого бы въ ужасъ не привело толь сильное отъ устъ Божіихъ прещеніе? Обое же сіе, то есть огнь и червь, которые хотятъ къ мученію душевному, а не тѣлесному отнесть, говорятъ, что горятъ печалію души поздо и безплодно разкаявающіяся тѣхъ людей, которые отлучены отъ Бога и Его царствія, и утверждаютъ, что не непристойно могъ положенъ быть огнь вмѣсто сея печали. Откуда оное Апостольское произошло слово: *Кто соблажняется, и азъ не разжизаюся?* Они также думаютъ, что тужъ самую печаль чрезъ червь разумѣть надлежитъ. Ибо пишется, говоритъ, *якоже моліе ризы, и червь древо, тако печаль снѣдаетъ сердце мужа.* Которые же не сомнѣваются, что въономъ мученіи и тѣлесныя и душевныя мученія быть имѣютъ, тѣ утверждаютъ, что тѣло жегомо будетъ огнемъ, а душа снѣдаема будетъ нѣкоторымъ образомъ червіемъ прискорбности и печали. Что хотя вѣроятнѣе говорится, понеже безмѣстно сказать, что тамъ или душевнаго, или тѣлеснаго мученія не будетъ; однако я думаю, что обое то принадлежитъ къ тѣлу, неже одно изъ нихъ которое либо, и поставляю, что для того умолчано въ Божественномъ Писаніи о печали душевной, понеже послѣдовательно подразумѣвается,

хотя не изъясняется, что при скорби тѣлесной мучиться будетъ душа раскаяніемъ безплоднымъ. Ибо пишется въ ветхомъ писаніи: *Мщеніе плоти нечестиваго огня чреліе.* Можно было короче сказать: *Месть нечестиваго.* Для чегожъ приложено, *плоти нечестиваго?* Не для инаго чего конечно, какъ только, что огнь и червіе казнію будутъ плоти. Или ежели *мщеніемъ плоти* того ради написано, понеже сіе въ человѣкѣ будетъ отмщаемо, что онъ по плоти жилъ; ибо за то впадетъ въ смерть вторую, которую означилъ Апостолъ, сказавъ: *Аще бо по плоти живете, имате умрети.* Пускай избираетъ всякъ, что кому угодно, или огнь присвоить тѣлу, и душѣ червь, одно свойственно, другое преносительно; или обое свойственно тѣлу. Ибо я довольно выше говорилъ, что могутъ животныя въ огнѣ жить не сгарая, и въ болѣзни и печали не умирая чуднымъ всемогуществомъ Творца, которому кто сіе невозможнымъ почитаетъ, тотъ конечно не знаетъ, что Онъ все то въ природахъ сотворилъ, чему люди удивляются. Ибо Онъ есть тотъ Богъ, который всѣ въ мірѣ семъ великія и малыя чудеса, о коихъ мы упоминали, и большія несравненно, о коихъ мы не говорили, сотворилъ, и оныя заключалъ въ мірѣ, который есть наивеличайшимъ изъ всѣхъ чудомъ. И такъ пускай изберетъ всякъ одно изъ двухъ, что хо-

хочетъ, къ тѣлу ли червь свойственно, или къ душѣ преносительно отъ тѣлесныхъ къ безтѣлеснымъ принадлежитъ. Что же изъ сихъ справедливо, оное самая тогда покажетъ вещь, когда знаніе святыхъ будетъ толико, что не потребуютъ они опыта для узнанія мученій оныхъ, но полная и совершенная мудрость и къ вѣденію сего будетъ довольна. Ибо нынѣ познаваемъ отчасти, покуда пріидетъ совершенное. Однако никакъ не должно вѣрить, аки бы тѣла грѣшниковъ таковыя тогда быть имѣютъ, что отъ огня никакой прискорбности чувствовать не будутъ.

Глава десятая.

Требуетъ ли того правда, дабы не было премя казни и мученій продолжительнѣе, нежели было грѣхопаденія.

Нѣкоторые же изъ тѣхъ, противъ которыхъ мы защищаемъ градъ Божій, неправеднымъ почитаютъ, дабы за грѣхи хотя великіе, содѣланные въ малое и короткое время, вѣчною наказывать мукою, какъ будто бы правда какого либо закона то наблюдаетъ, дабы чрезъ толикое время кто наказываемъ былъ, въ коликое сдѣлалъ то, за что наказывается. Восемь родовъ казней, въ законахъ уставленныхъ, описываетъ Туллій: штрафъ, узы, біенія, или раны, воздаяніе равнаго за равное, без-

честіе, изгнаніе, неволя, или рабство, и смерть. Которое изъ сихъ соразмѣряется краткости времени по краткости согрѣшенія, то есть, дабы отмщаемо было чрезъ толь же краткое время преступленіе, въ каковое было содѣлано, кромѣ одного развѣ воздаянія равнаго за равное. Ибо оно то дѣлаетъ, дабы равное претерпѣлъ тотъ, кто что сдѣлалъ, какъ оное закона слово гласитъ: *Око за око, зубъ за зубъ.* Понеже статься тому можно, что въ столь же краткое время лишится самъ ока по строгости мщенія, который нанесъ таковой же вредъ другому наглостію злодѣянія. Естьли же за лобзаніе чуждой жены приговоръ учиненъ будетъ наказать таковаго человѣка ранами, то учинившій оное въ мгновеніи ока, соразмѣрно ли въ разсужденіи времени наказуется, и удовольствіе минутное минутнымъ ли біеніемъ отмщается? Что во узахъ? Не уже ли всякой судимый до толѣ претерпѣвать въ оныхъ долженъ, покуда исполнится время, въ которое онъ достойнымъ сталъ содержимъ быть въ оныхъ, когда не неправедно долголѣтно страждетъ въ оныхъ рабъ, который господина своего или словомъ, въ мигъ изчезающимъ, или поспѣшнымъ ударомъ оскорбилъ? Штрафъ же, безчестіе, изгнаніе и рабство такъ въ наказаніе полагаются, что уже прощенія не удостоиваются: то наказаніе сея жизни не подобится ли наказанію

вѣч-

вѣчному? Ибо для того вѣчнымъ быть не можетъ здѣшнее наказаніе, поелику и самая жизнь, оное претерпѣвающая, не продолжается во вѣки; однако преступленія, отмщаемыя долговременною казнію, въ кратчайшее время дѣлаемы бываютъ, и не было ни одного, которой бы узаконилъ, чтобъ преступниковъ мученіе столь же было кратко, сколь кратко было время, въ которое они содѣлали или человѣкоубійство, или прелюбодѣяніе, или святотатство, или другое какое злодѣяніе; ибо не по долготѣ времени, но по великости преступленія и нечестія размѣряется наказаніе. Который же за великое нѣкоторое злодѣйство наказываемъ бываетъ смертію, то не уже ли злодѣяніе его законы соразмѣряютъ краткостію времени, въ которое онъ умерщвляется, а не то ли намѣреваютъ, дабы на вѣки истребить таковаго отъ общества живыхъ? Что же въ семъ градѣ смертномъ людей казнить первою смертію, тожъ и отъ онаго безсмертнаго града потребить грѣшниковъ второю смертію. Ибо какъ не могутъ сдѣлать законы сего града, дабы казненный смертію кто либо былъ возвращенъ, такъ и въ ономъ градѣ осужденный на вторую смерть не возвратится въ жизнь вѣчную. Какимъ же образомъ говорятъ, будетъ неложнымъ, что Христосъ вашъ сказалъ: *Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*, естьли временное согрѣшеніе наказано будетъ мученіемъ

емъ вѣчнымъ? Таковые не внимаютъ, что не ради равномѣрности времени, но ради заимности зла, то есть, дабы тотъ претерпѣвалъ зло, который содѣлалъ зло, сказана мѣра, хотя собственно о той вещи разумѣть сіе должно, о которой Христосъ сказалъ, то есть о судахъ и осужденіяхъ. И такъ кто осуждаетъ неправедно, когда самъ осуждается праведно, то тоюжъ мѣрою воспріимаетъ, хотя не то, что мѣрилъ и далъ. Ибо судомъ содѣлалъ, судомъ претерпѣваетъ; хотя учинилъ осужденіемъ неправеднымъ, и претерпѣваетъ осужденіемъ праведнымъ.

Глава перваянадесять.

О великости преступленія первороднаго, за которое всѣ подлежатъ вѣчной казни, кои внѣ благодати Спасителевой находятся.

Но наказаніе вѣчное для того жестокимъ и неправеднымъ кажется чувствамъ человѣческимъ, понеже въ сей немощи смертныхъ чувствъ не достаетъ чувства высочайшей и чистѣйшей премудрости, коимъ бы постигнуть можно было, сколь великое беззаконіе въ первомъ ономъ преступленіи учинено. Ибо чѣмъ болѣе наслаждался человѣкъ Богомъ, тѣмъ съ большимъ нечестіемъ оставилъ Бога и сталъ достойнымъ зла вѣчнаго, который потребилъ въ себѣ добро, которое могло быть вѣчнымъ. Отсюда весь

чело-

человѣческій родъ осужденъ, понеже учинившій преступленіе съ потомствомъ своимъ осужденъ, такъ что ни одинъ отъ сего праведнаго и должнаго наказанія избавиться не можетъ, развѣ милосердіемъ и не должною благодатію Божіею; и человѣческій родъ такъ раздѣляется, что на нѣкоторыхъ открывается, что можетъ благодать щедротъ, на прочихъ, что праведное мщеніе. Ибо на всѣхъ обое открыться не могло бы: понеже естьли бы всѣ пребывали въ казни праведнаго осужденія, то ни на единомъ не видима была бы благодать Искупителя; также естьлибъ всѣ преселены были отъ тьмы во свѣтъ, то ни на единомъ нечувствительна была бы строгость мщенія, въ которой того ради большая часть находится, дабы такимъ образомъ открылось, что всѣмъ долженствуетъ. Естьлижъ бы всѣмъ оставлено и прощено было, то никтобъ не вѣдалъ правды отмщающаго праведно. А поелику многіе отпуда свобождаются, то подается причина приносить великое благодареніе за благодатный даръ Избавителю.

Глава втораянадесять.

Что все дѣйствіе благодати Божіей, избавляющія насъ отъ глубины древняго зла, къ новости принадлежитъ будущаго вѣка.

Однако въ тяжкомъ игѣ, возложенномъ на сыновъ Адамовыхъ отъ дня исхожденія

ихъ отъ чрева матери ихъ до дня возвращенія къ матери всѣхъ, недостойнымъ жалости есть средствомъ, дабы знали и разумѣли мы, что сія жизнь за грѣхъ оный ужасный, содѣланный въ раю, сталась для насъ положенною и опредѣленною въ наказаніе, и что все, дѣйствуемое съ нами чрезъ новый завѣтъ, не къ иному чему либо принадлежитъ, какъ только къ наслѣдію новому новаго вѣка, дабы по полученіи здѣсь залога наслѣдить въ свое время то, чего онъ есть залогомъ. Нынѣ же должны ходить во упованіи, и успѣвать день отъ дня, духомъ дѣла плотская умерщвляя. Ибо Господь знаетъ своихъ, и что *елицы духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи*; но по благодати, а не по природѣ. Понеже единый по естеству, Сынъ Божій умилосердившись, сталcя Сыномъ человѣческимъ, дабы насъ, по природѣ сыновъ человѣческихъ, сынами Божіими содѣлать по благодати. И такъ, пребывая неизмѣннымъ, и не оставивъ своего Божества, участникомъ сталъ нашея немощи, дабы мы, въ лучшее премѣнившись, поелику были грѣшниками, причастіемъ Его безсмертія и правды возобновились, и содѣланное по природѣ въ насъ добро, наполнившись высочайшимъ благомъ, въ благости Его естества сохранили. Ибо какъ единымъ человѣкомъ согрѣшившимъ въ толь тяжкое зло мы впали, такъ единымъ Богочеловѣкомъ оправдающимъ къ

ономy

оному высочайшему добру достигнемъ. Никто же не долженъ уповать, аки бы онъ уже того достигъ, покуда не будетъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого искушенія, и удержитъ миръ, котораго въ брани сей, въ коей плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть, многими и различными подвигами ищетъ. Сея же брани никогда не было бы, естьлибъ природа человѣческая свободнымъ своимъ произволеніемъ въ правости, въ коей была сотворена, пребыла. Нынѣ же, не восхотѣвши въ благодѣнствіи съ Богомъ имѣть мира, сама съ собою воюетъ нещастная, и сіе зло хотя жалости достойное, однако лучшее, нежели начатки жизни сея. Понеже лучше, гораздо имѣть сраженіе съ пороками, нежели не сражаясь обладаему быть отъ оныхъ. Лучше, говорю, брань съ надеждою вѣчнаго мира, нежели плѣненіе безъ всякаго чаянія свободы. Желаемъ правда не имѣть и сей брани, и къ пріобрѣтенію благоустройнаго мира, гдѣ неизмѣннымъ постоянствомъ немощное сильному покаряется, огнемъ Божественныя любве воспаляемся. Но ежели бы не было никакой надежды, чего не дай Богъ, то желать бы долженствовали пребывать въ семъ сраженіи безъ огорченія, нежели не противоборствуя попускать порокамъ обладать нами.

Глава

Глава третіянадесять.

О тѣхъ, кои думаютъ, что ни одного человѣка не продолжится на вѣки мученіе.

Нынѣ, мнѣ кажется, должно съ нашими поговорить и дружелюбно спязаться, которые великое милосердіе имѣютъ, которые утверждаютъ, что ни одного изъ тѣхъ, коихъ праведнѣйшій Судія достойными признаетъ Геэнны, вѣчнымъ мученіе не будетъ, но что въ разсужденіи или великихъ грѣховъ, или малыхъ соразмѣрное претерпѣвъ мученіе, оттуда свобождены быть имѣютъ. Въ семъ случаѣ несравненно милосерднѣйшимъ былъ Оригенъ, который признавалъ, что по долговременнѣйшемъ и тяжчайшемъ мученіи и самый діаволъ и аггели его избавятся отъ муки, и присоединены будутъ къ числу святыхъ Ангеловъ. Но его какъ за сіе, такъ и за иное, особливо что онъ допускалъ перемѣны блаженствъ и бѣдностей безпрестанныя, и что въ уставленныя вѣковъ времена неоканчаемыя будутъ шествія и возвращенія отъ однихъ къ другимъ, достойно отвергла церковь. Понеже онъ и то, чѣмъ казался милосердымъ, потерялъ, дѣлая святымъ прямыя бѣдности, коими оные наказываемы были бы, и ложныя блаженства, въ которыхъ истинной и безъ страха вѣчнаго добра радости имѣть не моглибъ. Инако же совсѣмъ милосердіе заблуждаетъ тѣхъ, которо-

торые думаютъ, что бѣдность людей, осужденныхъ на мученіе временно, а блаженство всѣхъ, которые или не скоро, или скоро избавятся отъ мукъ, вѣчно; которое мнѣніе ежели истинно и неложно по тому, понеже оно заключаетъ въ себѣ милосердіе, то лучшимъ будетъ и неложнѣйшимъ, ежели оно болѣе въ себѣ содержать будетъ милосердія. И такъ пускай изліютъ таковые источникъ щедротъ и на самыхъ осужденныхъ Ангеловъ, и хотя по долговѣчномъ мученіи ихъ освободятъ. Для чегожъ сей источникъ простирается до всей природы человѣческой, а когда достигнетъ до Ангеловъ, тогда изсыхаетъ? Не дерзаютъ простираться милосердіемъ своимъ далѣе, и достигнуть до избавленія отъ мукъ діявола. Но ежели кто дерзаетъ, тотъ побѣждаетъ сихъ; при всемъ томъ заблуждаетъ болѣе, и тѣмъ поступаетъ не сообразнѣе изреченіямъ Божественнымъ, чѣмъ является милостивѣйшимъ.

Глава четвертаянадесять.

О тѣхъ, которые думаютъ, что въ послѣднемъ судѣ ради ходатайствъ святыхъ никто изъ грѣшниковъ осужденъ не будетъ.

Находятся и такіе, каковыхъ я самъ въ бесѣдахъ слыхалъ, которые, уважая Священное Писаніе, сами жизнь препровождаютъ развращенно, и оправдая себя, болѣе не-

несравненно милосердія Богу присвояютъ, нежели сіи, къ роду человѣческому. Они говорятъ, что о злыхъ и невѣрныхъ людяхъ Богъ не ложно предвозвѣстилъ, что они достойны казни; но какъ приближится судъ, тогда милосердіе препобѣдитъ. Ибо утверждаютъ они, что проститъ имъ милосердый Богъ по моленію и ходатайству угодниковъ своихъ. Понеже естьли молились за оныхъ, когда чувствовали на себя отъ нихъ гоненіе и вражду, кольми паче помолятся о нихъ, когда увидятъ ихъ со смиреніемъ предъ ними простершихся и падшихъ. Ибо, продолжаютъ, невѣроятно де, и не можно сказать, что святые оставятъ тогда утробы щедротъ, когда будутъ въ полной и совершенной святости, чтобъ, когда прежде молились за враговъ своихъ, когда еще и сами не были безъ грѣха, не молились тогда, когда начнутъ никакого не имѣть порока. Чтожъ, не уже ли тогда Богъ не послушаетъ толикихъ и толь многихъ чадъ своихъ, когда въ толикой ихъ святынѣ не найдетъ препятствующаго ничего молитвѣ? Свидѣтельство же Псаломниково, которое употребляютъ и тѣ, кои думаютъ, что невѣрные и нечестивые люди не вѣчно имѣютъ мучиться, но нѣкогда отъ оныхъ золъ избавлены будутъ, сіи приводятъ къ своему мнѣнію, гдѣ пишется: *Еда забудетъ Богъ милость свою, или удержитъ во гнѣвѣ своемъ щедроты своя?* Гнѣвъ Его, говорятъ, есть

есть, дабы всѣ недостойные блаженства вѣчнаго наказаны были мученiемъ вѣчнымъ; но дабы сiе быть могло, то долженъ Богъ удержать щедроты свои, чему въ Немъ быть, Пророкъ открываетъ, не можно. Ибо не говоритъ: *Еда долговременно удержитъ по гнѣвѣ своемъ щедроты своя,* но совсѣмъ не удержитъ. Такимъ убо образомъ признаваютъ суда Божiя прещенiе неложнымъ, хотя оное никого не осудитъ, какъ и оное прещенiе, коимъ грозилъ разрушить градъ Ниневiю, не можемъ признать ложнымъ; однако говорятъ не исполнилось, хотя безъ условiя было сказано. Ибо не написано: Ниневiя превратится, ежели не покаются и не исправятся; но безъ приложенiя сего предвозвѣщено имѣющее быть разрушенiе онаго града. Которое прещенiе потому неложнымъ почитаютъ, понеже предвозвѣстилъ Богъ, что поистиннѣ достойны они были пострадать оное, хотя Онъ того учинить не имѣлъ. Ибо хотя кающихся простилъ, говорятъ, поелику зналъ, что они раскаются; однако разоренiе ихъ города неопредѣлительно имѣющую быть предвозвѣстилъ. И такъ сiе, говорятъ, было во истиннѣ строгости, коея они были достойны; но не въ разсужденiи милосердiя, которое не удержалъ во гнѣвѣ своемъ, дабы не простить съ уничиженiемъ раскаявающимся, коимъ Онъ грозилъ непокоривымъ. Почему ежели тогда, продолжаютъ, простилъ

грѣшникамъ, когда святаго своего Пророка имѣлъ чрезъ то огорчить, кольми паче простить жалостно просящимъ прощенія, когда, дабы простилъ, всѣ святые будутъ молиться. Но то, что они помышляютъ въ сердцахъ своихъ, для того, говорятъ, умолчало Священное Писаніе, дабы многіе исправлялись или долговременныхъ, или вѣчныхъ мученій страхомъ; дабы были такіе, которые могли бы за оныхъ молиться, которые не исправились. Однако притомъ говорятъ, что и Божескія изреченія о томъ не умолчали; ибо куда, прилагаютъ, принадлежитъ написанное: *Коль многое множество благости твоея Господи, юже скрылъ еси боящимся тебе?* Не къ иному чему, какъ только дабы разумѣли мы, что наведенія ради страха сокрыты Божія щедроты и многое множество благости. Прибавляютъ также, что и Апостолъ для того сказалъ: *Заключи Богъ всѣхъ въ непокорствіи, да всѣхъ помилуетъ*, дабы показать, что отъ Него ни одинъ не будетъ осужденъ. При всемъ томъ и сего мнѣнія держащіеся не отважатся утверждать, что діаволъ и аггелы его не будутъ осуждены. Ибо милосердіе человѣческое къ человѣку только простирается, и защищаетъ единственно человѣчество, обѣщая развращеннымъ своимъ разумомъ себѣ безнаказательность по общимъ къ роду человѣческому Божіимъ щедротамъ. И потому таковыхъ въ прославленіи Божіихъ щедротъ пре-

превосходятъ тѣ, которые безнаказательность и князю демоновъ и общникамъ его всѣмъ безъ изъятія обѣщаютъ.

Глава пятаянадесять.

О тѣхъ, кои безнаказательность всѣхъ грѣховъ обѣщаютъ и еретикамъ, по причинѣ общенія ихъ тѣлу Христову.

Находятся также и таковые, которые освобождаютъ отъ вѣчнаго мученія хотя не всѣхъ, но по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые крещеніемъ Христовымъ омыты и бываютъ участниками тѣла Его, хотя бы они какъ ни жили и въ какой бы ереси и нечестіи ни были, по оному Христову слову: *Сей есть хлѣбъ сходяй съ невесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный сшедый съ невесе. Аще кто ястъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки.* Слѣдовательно, говорятъ, отъ смерти вѣчной должно имъ быть избавленнымъ и введеннымъ въ животъ вѣчный.

Глава шестаянадесять.

О тѣхъ, которые не всѣмъ, но только тѣмъ, кои у правовѣрныхъ отрождены, хотя бы послѣ по многія преступленія и заблужденія впали, прощеніе обѣщаютъ.

Есть подобно и таковые, которые не всѣмъ имѣющимъ крещеніе и таинство пло

ти Христовой, но однимъ правовѣрнымъ, хотя впрочемъ худо живущимъ, сіе обѣщаютъ; понеже не только по таинству, но самою вещію снѣдали плоть Христову, въ самомъ Его тѣлѣ пребывая. О которомъ Апостолъ говоритъ: *Единъ хлѣбъ, едино тѣло, мнози есмы.* Такъ что естьлибъ послѣ въ нѣкакую ересь, или въ языческое идолопоклонство впали, то поелику въ тѣлѣ Христовомъ, то есть въ церкви православной приняли крещеніе Христово и снѣдали тѣло Христово, не умрутъ во вѣки, но нѣкогда жизнь вѣчную наслѣдятъ, и сколь бы ни велико ихъ было нечестіе, не послужитъ имъ къ вѣчному, но только долговременному и великому мученію. Видимъ и таковыхъ, которые по написанному: *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ.* Пребывающимъ въ церкви православной, хотя худо живущимъ и развращенно, сіе обѣщаютъ чрезъ огнь, то есть спастися имѣющимъ заслугою основанія, о которомъ говоритъ Апостолъ: *Основанія бо инаго никто же можетъ положити, паче лежащаго, иже есть Христосъ Іисусъ. Аще кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе, когождо дѣло явлено будетъ. День бо явитъ, зане огнемъ открывается, и коегождо дѣло, якого же есть, огнь искуситъ. И его же дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ: а его же дѣло сгоритъ, отщетится, самъ же спасется тако-*

кожде, якоже и огнемъ. И такъ говорятъ, что всякаго житія православный Христіанинъ имѣетъ во основаніи Христа, котораго основанія никакая ересь не имѣетъ, отсѣченная отъ единства тѣла Его. И того ради думаютъ, что для сего основанія, хотя бы худой жизни былъ православный Христіанинъ, какъ бы наздавшій на основаніи семъ дрова, сѣно, тростіе, спасется огнемъ, то есть по мученіи въ ономъ огнѣ, коимъ въ послѣдній судъ наказаны будутъ злые.

Глава седьмаянадесять.

О тѣхъ, которые думаютъ, что между подаяніемъ милостыни дѣлаемыя злыя дѣла не принадлежатъ къ суду осужденія.

Нашелъ я и такихъ, которые говорятъ, что тѣ только въ вѣчномъ огнѣ мучиться будутъ, которые за грѣхи свои о должныхъ и достойныхъ милостыняхъ не радѣли, по оному Апостола Іакова слову: *Судъ безъ милости несотворшимъ милости.* И такъ которые творили, хотя нравовъ въ лучшее не измѣнили, но между милостынями беззаконно жили, тѣмъ судъ будетъ съ милостію, такъ что или никакого наказанія не понесутъ, или по нѣкоторомъ времени маломъ, или великомъ, отъ онаго осужденія свободятся. Того ради, говорятъ, самъ Судія живыхъ и мертвыхъ не иное что сказать имѣетъ какъ одесную стоящимъ, коимъ

имѣетъ даровать вѣчную жизнь, такъ и ошуюю, которыхъ осудитъ на мученіе, какъ напомянуть о дѣлахъ милосердія содѣланныхъ, или несодѣланныхъ. Къ сему, прилагаютъ, принадлежитъ въ молитвѣ Господней всегдашнее прошеніе: *Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Ибо всякъ, кто оставляетъ согрѣшившему къ нему, безъ сомнѣнія милостыню творитъ. Что самое самъ Господь столь одобрилъ, что сказалъ: *Аще отпущаете согрѣшенія человѣкомъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ согрѣшенія ваша: аще же не отпустите человѣкомъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ.* Слѣдовательно къ сему роду милостынь принадлежитъ, что сказалъ Апостолъ Іаковъ: *Судъ безъ милости несотворшимъ милости.* Не сказалъ, говорятъ, Господь: великія, или малыя, но отпуститъ вамъ Отецъ вашъ согрѣшенія ваша, естьли отпустите и вы человѣкомъ. И потому думаютъ, что и непотребно живущимъ, покуда скончаютъ дни жизни сея, по силѣ сея молитвы всякіе всегда отпущаются грѣхи, какъ всегда самая молитва чтется, естьли только тщательно станутъ наблюдать, дабы согрѣшившимъ къ нимъ и оскорбившимъ ихъ отъ всего сердца прощать. Когда на все сіе дамъ отвѣтъ помощію Божіею, тогда и книгу сію оканчаю.

Глава

Глава осьмаянадесять.

Противъ мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ, что мученіе ни діаволамъ, ни злымъ людямъ не будетъ вѣчнымъ.

И вопервыхъ разсмотрѣть надлежитъ и познать, для чего церковь стерпѣть не могла раздору и мнѣнія тѣхъ, кои обѣщали и діаволу по долговѣчномъ мученіи прощеніе? Ибо толь многіе святые, въ Священномъ Писаніи ветхаго и новаго завѣта искусные, не изъ зависти то учинили, что откинули очищеніе діаволовъ и послѣ мученіи причисленіе ихъ къ блаженству; но наипаче видѣли, что слова Христова отвергнуть не можно, который сказалъ, что во время послѣдняго суда изрещи имѣетъ: *Идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный уготованный діаволу и аггеломъ его.* Ибо такимъ образомъ показалъ Онъ, что діаволъ съ аггелами своими въ вѣчномъ огнѣ горѣть будетъ. И написаннаго въ Апокалипсисѣ: *И діаволъ лстяй ихъ ввърженъ бысть въ езеро огненно и жупельно, идѣже звѣрь и лживый пророкъ, и мучени будутъ день и нощь во вѣки вѣковъ.* Что тамъ сказано вѣчный, здѣсь изображено во вѣки вѣковъ, которыми словами Священное Писаніе ничего обыкновенно не означаетъ, кромѣ того, что не имѣетъ конца времени. Почему нѣтъ вины праведнѣйшей и явственнѣйшей, для чего неизмѣнно мы содержимъ

сіе, что діаволу и аггеломъ его не будетъ возвращенія къ блаженству, какъ что Священное Писаніе, которое есть не ложно, увѣрнетъ насъ, что Богъ ихъ не пощадѣлъ и осудилъ ихъ такъ, что подъ мракомъ они блюдутся на день суда, въ которой вержены будутъ во огнь вѣчный, гдѣ мучимы быть имѣютъ во вѣки вѣковъ. Естьли сіе не ложно, то какимъ образомъ или всѣ, или нѣкоторые люди отъ сего мученія чрезъ нѣсколько времени избавятся, и тѣмъ самимъ не повредится вѣра, коею вѣруемъ, что мученіе демоновъ имѣетъ быть вѣчное? Ибо естьли тѣ, коимъ речется: *Идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его*, или всѣ, или нѣкоторые тамъ вѣчно не будутъ, то какая будетъ причина, для чего діаволъ и аггелы его тамъ будутъ вѣчно? Не уже ли Божій приговоръ, который на діавола и злыхъ людей произнесется, въ разсужденіи ангеловъ злыхъ будетъ истиннымъ, а въ разсужденіи злыхъ людей ложнымъ? Конечно должно тому такъ быть, ежели болѣе уважаемо будетъ мнѣніе людское, нежели изреченіе Божіе. Но какъ тому статься не можно, то не доказательства противъ Бога предлагать, но наипаче, ежели время не погублено, повиноваться должны заповѣдямъ Божіимъ, которые не хотятъ претерпѣвать вѣчныхъ мученій. Притомъ почитать, что вѣчное мученіе не вмѣсто долго-

долговременнаго положено, и вѣрить, что жизнь вѣчная есть безъ конца, когда Христосъ въ томъ же самомъ мѣстѣ и въ томъ же приговорѣ обое совокупивъ сказалъ: *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.* Ежели и то и другое полагается вѣчнымъ, то или обое долговременнымъ, или обое безконечнымъ разумѣть должно. Сказать же въ одномъ и томъ же смыслѣ, жизнь вѣчная будетъ безъ конца, мученіежъ вѣчное конецъ имѣть будетъ, крайнѣ безмѣстно. Почему какъ жизнь вѣчная святыхъ будетъ безъ конца, то и мученіе грѣшникамъ вѣчное и діаволу безъ сомнѣнія конца имѣть не будетъ.

Глава девятаянадесять.

Противъ умствованія тѣхъ, кои думаютъ, что въ судѣ Божіемъ грѣшникамъ ради ходатайства святыхъ прощено будетъ.

Сіе же и противъ тѣхъ сильно, которые себя защищая, изреченіямъ Божіимъ противополагаютъ щедроты; то есть, что для того неложно есть Божіе изреченіе, поелику изреченное Богомъ претерпѣвать грѣшники достойны; а не для того сказано, аки бы претерпѣвать оное будутъ. Ибо проститъ, говорятъ, ихъ ходатайствомъ и моленіемъ святыхъ своихъ, которые тогда наипаче за враговъ своихъ ходатайствовать и молить станутъ, чѣмъ они будутъ святѣе,

 и

и чѣмъ молитва ихъ дѣйствительнѣе и вниманія Божія достойнѣе, когда никакого они не будутъ имѣть грѣха. Такъ для чегожъ при той же совершенной святости, и тѣмижъ все исходатайствовать могущими непорочными и милости наполненными молитвами и за аггеловъ молиться не будутъ, коимъ уготованъ огнь вѣчный, дабы Богъ приговоръ свой премѣнилъ и ихъ избавилъ отъ огня? Не уже ли сыщется кто либо, которой и сіе предпріиметъ, утверждая, что и святые Ангелы съ святыми людьми, которые тогда будутъ равны Ангеламъ, за осужденныхъ и аггеловъ и людей станутъ молить Бога, дабы по щедротамъ Его они того не претерпѣли, что по правосудію заслужили? чего никто изъ правовѣрныхъ не говорилъ, и уповательно, говорить не будетъ. Вь противномъ случаѣ нѣтъ причины, для чего нынѣ за діавола и аггеловъ его не молится церковь, которой наставникъ Богъ повелѣлъ за враговъ молиться. И такъ сіе есть причиною, что нынѣ церковь не молится за злыхъ аггеловъ, о коихъ вѣдаетъ, что они ей враги; тожъ и будетъ причиною, что во время суда за людей, осуждаемыхъ во огнь вѣчный, хотя будетъ имѣть совершенную святость, не станетъ молить Бога. Ибо нынѣ для того за тѣхъ молится, коихъ чувствуетъ къ себѣ въ родѣ человѣческомъ вражду, поелику время есть плодоноснаго

пока-

покаянія. Понеже для чего наипаче за нихъ молитъ Бога? Не для чего инаго, какъ только чтобъ далъ имъ Богъ, яко же Апостолъ глаголетъ, покаяніе, и дабы они освободились отъ сѣти діавольской, отъ котораго они держатся въ плѣненіи по его волѣ. Притомъ ежели бы церковь была извѣстна, кто суть таковы, которые хотя еще въ сей жизни находятся, но предопредѣлены во огнь вычный съ діаволомъ, то конечно и объ оныхъ не молила бы Бога, какъ и о самомъ діаволѣ. Но поелику ни о единомъ она не знаетъ, то молится за всѣхъ людей, своихъ враговъ, въ семъ тѣлѣ пребывающихъ; однако не за всѣхъ услышана бываетъ. Ибо о тѣхъ единственно услышана бываетъ, которые хотя противляются церкви, однако такъ предуставлены, что церковь, о нихъ молящаяся, услышана бываетъ, и они становятся чадами церкви. Естьлижъ которые имѣютъ нераскаянное сердце до смерти, и изъ враговъ не премѣнятся въ сыновъ, то не уже ли о таковыхъ молитъ церковь? Для чегожъ такъ? Понеже въ части уже почитаются діавольской, которые, будучи въ тѣлѣ, не прешли ко Христу. И такъ вина тажъ есть, для чего тогда за людей, имѣющихъ осудиться во огнь вѣчный, молить Бога не будетъ, которая и нынѣ дѣйствуетъ, что ни нынѣ, ни тогда за злыхъ аггеловъ молиться церковь не станетъ, такъ какъ и нынѣ

нынѢ церковь хотя за людей живыхЪ и за самыхЪ злыхЪ молится, однако не молится за невѢрныхЪ и нечестивыхЪ умершихЪ. Почему когда скажетЪ Судія живыхЪ и мертвыхЪ: *Пріидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамЪ царствіе отЪ сложенія міра*, и другимЪ напротивЪ: *отЪидите отЪ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діяволу и аггеломЪ его. И идутЪ сіи вЪ муку вѣчную, праведницы же вЪ животЪ вѣчный.* Крайняго дерзновенія будетЪ знакомЪ утверждать, что никому изЪ осужденныхЪ мученіе не будетЪ вѢчнымЪ, когда БогЪ открываетЪ, что пойдутЪ на мученіе вѢчное, и дѢлать симЪ дерзновеніемЪ, что и вЪ жизни вѢчной или отчаяваться, или сумнѢваться должно. И такЪ никто Псаломниково оное слово пускай не понимаетЪ и не разумѢетЪ: *Еда забудетЪ ущедрити БогЪ, или удержитЪ во гнѣвѣ своемЪ щедроты своя*: аки бы сей Божій приговорЪ о людехЪ добрыхЪ неложенЪ, а вЪ разсужденіи злыхЪ несправедливЪ, или вЪ разсужденіи же злыхЪ людей ложенЪ. Ибо сіе, что ПсаломникЪ говоритЪ, принадлежитЪ кЪ сосудамЪ милости и кЪ чадамЪ обѢтованія, изЪ коихЪ числа и самЪ былЪ ПророкЪ, который когда сказалЪ: *Еда забудетЪ ущедрити БогЪ, или удержитЪ во гнѣвѣ своемЪ щедроты своя?* непосредственно приложилЪ: *И рѣхЪ, нынѣ начахЪ, сія измѣна десницы Вышняго*:

изЪ-

изъяснилъ точно, о чемъ онъ прежде сказалъ: *еда удержитъ во гнѣвѣ своемъ щедроты своя?* Ибо гнѣвомъ Божіимъ есть и сіе смертное житіе, въ которой *человѣкъ суетѣ уподобися, и дніе его, яко сѣнь преходятъ.* Въ которомъ однако гнѣвѣ не забудетъ ущедрити Богъ: *Сіяя солнце свое на благіе и злые, и одождяя на праведные и на неправедные.* И такимъ образомъ *не удерживаетъ во гнѣвѣ своемъ щедротъ своихъ*, особливо въ томъ, что изъяснилъ сей псаломъ сказавъ: *Нынѣ начахъ, сія измѣна десницы Вышняго*; понеже въ самой сей бѣдственной жизни, которая есть гнѣвомъ Божіимъ, сосуды милости премѣняетъ въ лучшее, хотя еще въ бѣдствіи и бѣдности сего тлѣнія пребываетъ гнѣвъ Его, поелику ни въ самомъ гнѣвѣ своемъ не удерживаетъ щедротъ своихъ. И такъ когда такимъ образомъ исполняется псалма онаго Божественнаго истинна, то не должно его относить къ тому, когда непринадлежащіе къ граду Божію на вѣчное осудятся мученіе. Впрочемъ тѣхъ, кои думаютъ, аки бы претительно наипаче, нежели истинно сказано: *отъидите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный: и идутъ сіи въ муку вѣчную, и мучени будутъ во вѣки вѣковъ: и червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угаснетъ*; и прочее таковое, довольно и совершенно обличаютъ и отражаютъ. Ибо Ниневиты въ сей жизни принесли покаяніе, и слѣдо-

слѣдовательно благоплодное какъ бы сѣя на полѣ, на коемъ повелѣлъ Богъ сѣять со слезами, дабы послѣ радостїю пожать. При всемъ томъ кто скажетъ, что предсказанное Богомъ на Ниневитахъ не исполнилось, развѣ тотъ, кто мало примѣчаетъ, какимъ образомъ Богъ не только гнѣваяся, но имилосердствуя грѣшниковъ превращаетъ? Ибо превращаются грѣшники двоякимъ образомъ: или какъ Содомляне, когда за беззаконія свои сами люди наказываются; или какъ Ниневитяне, когда самыя беззаконія разрушаются. И такъ исполнилось, что предвозвѣстилъ Богъ; понеже разрушилась Ниневія, которая была развращенною, и создалась доброю, каковою не была. При цѣлости бо градскихъ стѣнъ и домовъ разрушился градъ въ развращенныхъ нравахъ. И такимъ образомъ хотя Пророкъ опечалился, поелику не учинилось того, чего оные люди убоялись по его пророчеству; однако исполнилось оное, что Богомъ, предвидящимъ будущее, сказано, понеже Онъ вѣдалъ, что они въ лучшее состояніе пріидутъ. А дабы познали развращенно милосердые, куда надлежитъ написанное: *колъ многое множество благости твоея Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебе!* то пускуй читаютъ и слѣдующее: *соделалъ еси, или совершилъ еси уповающимъ на тя.* Ибо что означаетъ *скрылъ еси боящимся тебе, совершилъ еси уповающимъ на тя?* Не иное что, какъ только,

ко, что тѣмъ, кои страхомъ наказанія хотятъ свою правду поставить сущую въ законѣ, правда Божія не пріятна, поелику они не знаютъ оной; ибо не вкусили ея. Понеже они на себя надѣются, а не на него; и потому скрывается отъ нихъ множество благости Божіей. Ибо хотя они и боятся Бога, но страхомъ онымъ рабскимъ, не состоящимъ въ любви, понеже *любы совершенна изгонитъ страхъ*. Того ради совершаетъ благость свою уповающимъ на Него, вливая имъ любовь, дабы чистымъ страхомъ, не изгоняемымъ отъ любви, но пребывающимъ во вѣкъ вѣка, когда хвалятся, о Господѣ хвалятся. Правда бо Божія Христосъ есть, *иже бысть намъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе: да якоже писано есть: хваляйся о Господѣ, да хвалится.* Сея Божія правды, которую даруетъ благодать безъ заслугъ, не знаютъ тѣ, которые свою правду хотятъ поставить; и того ради правдѣ Божіей, которою есть Христосъ, не покаряются. Въ которой правдѣ многое множество благости Божіей, коея ради глаголется въ псалмѣ: *Вкусите и видите, яко благъ Господь.* И сію въ семъ странствованія вкушая не до сытости, алчемъ и жаждемъ, дабы наконецъ насытиться, когда *узримъ Бога, яко же есть*, и исполнится написанное: *Насыщуся, внегда явится мнѣ слава твоя.*

Такъ

Такъ совершилъ Христосъ многое множество благости своея уповающимъ на Него. Естьли же оную, которую они почитаютъ, благость свою скрылъ Богъ боящимся Его; понеже нечестивыхъ не имѣетъ осудить, дабы они не вѣдая, и боясь наказанія, жили брагонравно, и дабы были такимъ образомъ молящіеся за непотребно живущихъ: то какимъ образомъ совершилъ уповающимъ на Него, когда они бредятъ, по сей благости не осудитъ тѣхъ, кои не уповали на Него? И такъ оныя должно искать Его благости, которую совершаетъ уповающимъ на Него; а не оныя, которую по мнѣнію ихъ совершаетъ презирающимъ и хулящимъ Его. Тщетно убо человѣкъ, въ тѣлѣ семъ пребывающій, тайныхъ судебъ Божіихъ знаніе себѣ присвоять предпріемлетъ. И оное Апостольское слово: *заключи Богъ всѣхъ въ невѣрствіи, да всѣхъ помилуетъ*, не для того сказано, аки бы Богъ никого не осудитъ, но изъ вышеписаннаго Апостоломъ явствуетъ, для чего оное речено. Ибо когда о Іудеяхъ наконецъ, увѣровать имѣющихъ, Апостолъ говорилъ языкамъ, къ которымъ безъ сомнѣнія вѣрующимъ писалъ посланія: якоже бо, говоритъ, вы иногда не вѣровали Богу, а нынѣ помилованы ихъ невѣрствіемъ: такъ и они не увѣровали въ вашемъ помилованіи, дабы и имъ удостоиться милости. Потомъ приложилъ, откуда они себѣ, заблуждая ласкатель-

тельствуютъ, и сказалъ: *Заключи во Богъ всѣхъ въ невѣрствіи, да всѣхъ помилуетъ.* Коихъ всѣхъ? Не иныхъ, какъ тѣхъ, о коихъ говорилъ, какъ бы такъ пиша: и васъ и ихъ. И такъ Богъ и язычниковъ и Іудеевъ, коихъ предувѣдалъ и предуставилъ сообразнымъ быть образу Сына своего, всѣхъ заключилъ въ невѣрствіи, дабы они, устрамившись чрезъ раскаяніе горести невѣрія своего и къ благости милосердія Божія вѣрою обратившись, вопили оное Псаломниково слово: *Коль многое множество благости твоея Господи, юже скрылъ еси боящимся тебе, содѣлалъ,* или совершилъ, *еси уповающимъ,* не на ся, но *на тя.* Всѣхъ убо милуетъ сосудовъ милости. Что значитъ всѣхъ? То есть изъ Іудеевъ и язычниковъ, коихъ предуставилъ, призвалъ, оправдалъ, прославилъ; изъ сихъ, говорю, никого не осудитъ, а не всѣхъ вообще людей.

Глава двадесятая.

Тѣ, которые между еретиками крещены и худшими стали послѣ того по своему житію; также и тѣ, которые у правовѣрныхъ крестившись въ ереси и расколы отъ церкви удалились; подобно и тѣ, которые отъ правовѣрныхъ, у коихъ крестились, не удаляясь жизнь препровождали развращенную, могутъ ли по причинѣ таинствъ надѣяться избавленія отъ вѣчнаго мученія.

Но дадимъ уже отвѣтъ и тѣмъ, которые не только діяволу и ангеламъ его, какъ

и сіи, но и всѢмЪ людямЪ свобожденіе отЪ вѢчнаго огня не обѢщаютЪ, но только тѢмЪ, кои крещеніемЪ во Христа очищены и стали участниками тѢла Его и крови, какЪ бы они жизнь ни препровождали, и вЪ какой бы ереси и нечестіи ни были. Но противорѢчитЪ имЪ АпостолЪ, глаголя: *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣяніе вражды, рвенія, завиды, ярости, разженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, безчинны кличи и подобная симъ: яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ.* Сіе Апостольское слово должно быть несправедливо, естьли таковые по прошествіи нѢсколько времени царствіе Божіе наслѢдятЪ. Но понеже не ложно есть, слѢдовательно царствія Божія не наслѢдятЪ; и ежели вЪ наслѢдіи онаго царствія никогда не будутЪ, то вЪ вѢчномЪ пребудутЪ мученіи. Ибо нѢтЪ средняго мѢста, дабы тотЪ не былЪ вЪ вѢчномЪ мученіи, который внѢ онаго царствія пребываетЪ. Чего для о томЪ, что ХристосЪ изрекЪ: *Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, аще кто отъ него ястъ, не умретъ: азъ есмь хлѣбъ живоtный сшедый съ небесе, аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки,* какимЪ образомЪ разумѢть надлежитЪ, не безЪ причины вопрошается. И сіи противЪ коихЪ мы говоримЪ, таковой, какЪ выше мы сказали, смыслЪ вы-

выводятъ, которымъ теперь и отвѣтствовать должно. Сіи-то суть, которые сіе свобожденіе обѣщаютъ не всѣмъ тайну крещенія принявшимъ и причащающимся тѣла Христова, но однимъ правовѣрнымъ, хотя впрочемъ развращенно живущимъ; понеже, говорятъ, не только въ таинствѣ, но самою вещію вкушали тѣло Христово, въ самомъ то есть Его тѣлѣ пребывая, о коемъ тѣлѣ Апостолъ говоритъ: *Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози.* И такъ который въ единствѣ его тѣла, то есть въ союзѣ Христіянскихъ членовъ, котораго тѣла таинство вѣрные причащаясь пріемлютъ обыкновенно отъ олтаря, о томъ не ложно сказать должно, что онъ ястъ тѣло Христово и піетъ кровь Христову. И потому еретики и раскольники, удалившіеся отъ единства сего тѣла, могутъ тожъ принимать таинство, но не въ пользу себѣ, а во вредъ, наипаче дабы тяжчае имъ быть осужденнымъ; ибо они не состоятъ въ ономъ союзѣ мира, который въ ономъ изображается таинствѣ. Но и тѣ также, которые прямо разумѣютъ, что не можно сказать, что тотъ ястъ тѣло Христово, который не пребываетъ въ тѣлѣ Христовомъ, не право обѣщаютъ свобожденіе отъ муки вѣчной нѣкогда тѣмъ, которые или въ ересь, или и въ суевѣріе языческое, отъ онаго единства тѣла отдѣлившись, впали. Вопервыхъ, должныбъ они разсмотрѣть, сколь не совмѣстно и отъ здра-

ваго ученія удалено, что многіе и почти всѣ, изшедшіе изъ церкви, и оставшись ересеначальниками, основавшіе нечестивыя ереси, выгоды болѣе имѣютъ, нежели тѣ, которые никогда правовѣрными не были, когда въ ихъ сѣти впали, естьли ересеначальниковъ сіе свобождаетъ отъ вѣчнаго мученія, что они въ православной церкви крестились, и таинство тѣла Христова въ истинномъ тѣлѣ Христовомъ сперва принимали, когда хуждшимъ есть оставившій вѣру и сдѣлавшійся оныя противоборцомъ, нежели тотъ, который вѣры не оставилъ, коея не содержалъ. Вовторыхъ, понеже и имъ противополагаетъ Апостолъ тѣжъ слова, и по исчисленіи оныхъ дѣлъ плотскихъ съ тожъ неложностію предвѣщаетъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ. Почему и оные въ разсужденіи своихъ развращенныхъ нравовъ не должны быть въ безопасности, которые до конца какъ бы въ общеніи православной церкви пребываютъ, взирая на оное слово: *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ*; и чрезъ непотребство жизни, самую житія правду, которою имъ есть Христосъ, оставляютъ или любодѣйствуя, или скверняся въ другихъ нечистотахъ, коихъ и Апостолъ не хотѣлъ изобразить; или тѣломъ погружаясь въ сладострастіи, или другое подобное дѣлая, о коихъ говоритъ: *Яко таковая творящіи царствія Божія не на-*

наслѣдятъ. И потому таковая творящіе не во иномъ мѣстѣ, какъ въ вѣчномъ мученіи будутъ, которые въ царствѣ небесномъ быть не возмогутъ. Ибо въ сихъ пребывая до конца жизни, не могутъ признаваемы быть пребывшими во Христѣ до конца; понеже пребывать во Христѣ означаетъ пребывать въ Его вѣрѣ, которая вѣра, какъ оную Апостолъ опредѣляетъ, дѣйствуетъ любовію. Любовь же, какъ тотъ же Апостолъ говоритъ, зла не творитъ; слѣдовательно не можно сказать о таковыхъ, что они пріемлютъ тѣло Христово, понеже ихъ и въ числѣ членовъ Христовыхъ почитать не должно; ибо, дабы умолчать о иномъ, не могутъ быть они купно и удами Христовыми и удами блудницы. Притомъ самъ глаголя: *Ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ*, показываетъ, что значитъ ясти неложно тѣло Христово и пити кровь Его: сіе бо есть пребывать во Христѣ, дабы и Христосъ пребывалъ въ человѣкѣ. Ибо такъ Онъ сіе реклъ, какъ бы сказалъ: кто не во мнѣ пребываетъ, и въ комъ я не пребываю, тотъ пускай не почитаетъ, что ястъ тѣло мое и піетъ кровь мою. И такъ не пребываютъ во Христѣ, которые не суть же членами Его, которые себя дѣлаютъ удами блудничими, развѣ зло оное покаяніемъ исправятъ, и къ сему добру чрезъ примиреніе возвратятся.

 Глава

Глава двадесять первая.

Противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что не воспрепятствуютъ грѣхи, между которыми творимы были милостыни, къ полученію блаженства.

Остается отвѣтствовать тѣмъ, которые говорятъ, что тѣ только въ вѣчномъ огнѣ горѣть будутъ, которые за свои грѣхи о должной милостынѣ не радятъ, по оному Апостола Іакова слову: *Судъ безъ милости не сотворшему милости.* И такъ кто, говорятъ, хотя не исправилъ развращенныхъ своихъ нравовъ, но при подаяніи милостыни непотребно жизнь препровождалъ, тому судъ будетъ съ милостію, такъ что или совсѣмъ осужденъ таковой не будетъ, или чрезъ нѣсколько времени отъ послѣдняго онаго осужденія избавится. И признаваютъ, что Христосъ не напрасно учинитъ раздѣленіе между стоящими одесную и ошуюю, признаніемъ однихъ творенія, другихъ небреженія милостынь, изъ коихъ однихъ пошлетъ въ царство небесное, другихъ въ муку вѣчную. А чтобъ всегда можно было имъ дѣлать преступленія, въ коихъ они при подаяніи милостыни и твореніи погружаются, и увѣрять, что оныя, каковы бы ни были, отпущаются: то молитву, которой научилъ самъ Господь, приводятъ во свидѣтельство. Ибо какъ ни одного, говорятъ, нѣтъ дня,

въ которой бы Христіане сію молитву не читали: такъ нѣтъ ни одного грѣха, всякой день творимаго, каковъ бы онъ ни былъ, которой бы по силѣ оной не былъ отпущаемъ, когда говоримъ: *Остави намъ долги наша*, естьли только потщимся дѣлать то, что въ оной молитвѣ слѣдуетъ: *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Понеже, продолжаютъ, не говоритъ де Господь: *Аще отпущаете согрѣшенія человѣкомъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ* всегдашнія малыя *ваши согрѣшенія*; но *отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша.* Слѣдовательно какія бы и сколь бы велики ни были дѣлаемы всегда преступленія, и хотябъ человѣкъ ни мало отъ оныхъ не удалялся и не приходилъ въ лучшее состояніе, однако ласкаютъ себя надеждою, что имъ посредствомъ милостыни прощено все то будетъ. Но извинительны они нѣсколько тѣмъ, когда говорятъ, что должно достойныя согрѣшеніямъ милостыни творить; понеже естьлибъ сказали, что какія нибудь милостыни за грѣхи всегдашніе и великіе и за привычку къ преступленіямъ довольны къ исходатайствованію Божія помилованія и прощенія, то увидѣли бы, что они говорятъ безмѣстное и смѣшное. Ибо такимъ образомъ принужденыбъ они были признать, что статься тому можно, что богатый человѣкъ за десять копѣекъ, употребляемыхъ на всегдашнюю милостыню, въ состояніи ку-

пить себѣ право и безнаказательность дѣлать человѣкоубійства, прелюбодѣянія и всякія непотребства. Сего когда сказать не пристойно, безмѣстно и безумно, то ежели вопросить, какія суть достойныя милостыни за грѣхи, о которыхъ и Предтеча Христовъ говорилъ: *Сотворите плоды достойны покаянія*: окажется, что они ихъ не творятъ, которые жизнь свою изнуряютъ до смерти въ дѣланіи всякихъ пороковъ. Вопервыхъ, что они вещей чужихъ несравненно болѣе похищаютъ, нежели даютъ неимущимъ; ибо даютъ они крайнѣ малую часть, и думаютъ, что они Христа питаютъ, дабы, почитая, что они вольность и позволеніе на злодѣянія купивши, могли безопасно дѣлать казни достойныя преступленія. Которые ежели бы за одно свое беззаконіе все свое имѣніе требующимъ удамъ Христовымъ раздѣлили, то и тогда не моглибъ никакой получать пользы, естьли не престанутъ отъ таковыхъ дѣлъ, имѣя любовь, которая тщетно ничего не дѣлаетъ. И такъ который достойныя за свои согрѣшенія творитъ милостыни, тотъ долженъ начать отъ самаго себя. Ибо недостойно человѣка не дѣлать себѣ того, что дѣлаетъ ближнему, когда слышитъ Господа глаголющаго: *Возлюбиши ближняго своего, якоже себе самаго*; и когда видитъ на другомъ мѣстѣ написанное: *Люби душу твою, благоугождая Богу.* И такъ не творящій милосты-

стыни сея, то есть благоугождая Богу, душѣ своей, какимъ образомъ достойныя за грѣхи свои милостыни творящимъназваться можетъ? Для сего бо и оное написано: *Иже себѣ золъ, кому добръ будетъ?* Ибо милостыни пособствуютъ молитвамъ. И поистиннѣ взирать мы должны на оное, что начертано въ Писаніи: *Сыне, согрѣшилъ ли еси, не приложи паки, и о бывшемъ помолися, да отпустится тебѣ.* Для того убо милостыни творить надлежитъ, дабы, когда о бывшихъ согрѣшеніяхъ молимся, услышаны были; а не чтобъ думали, акибы чрезъ твореніе милостыни можемъ снискать вольность къ творенію злодѣяній. Того же ради Господь предвозвѣстилъ, что имѣетъ вмѣнить и одобрить одесную стоящихъ за твореніе милостыни, и ошуюю стоящихъ осудить за нетвореніе, дабы отсюда показать, сколько могутъ милостыни къ заглажденію бывшихъ грѣховъ, а не тѣхъ, которые акибы при подаяніи милостыни дѣлаемы всегда быть должны. Таковыхъ же не можно назвать творящими милостыни, которые жизнь отъ привычки къ порокамъ на лучшее премѣнить не хотятъ; понеже и въ томъ, что говоритъ: *Понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ братій моихъ, мнѣ не сотвористе*, показалъ, что и тогда они не дѣлаютъ, когда себѣ дѣлающими кажутся. Ибо ежели бы алчущему Христіанину какъ Христу подавали бы хлѣба, то коне-

нечно въ разсужденіи себя хлѣба правды, коимъ есть Христосъ, не отвергли бы. Богъ бо взираетъ не на то, кому подается, но съ какимъ намѣреніемъ подается: слѣдовательно которой Христа любитъ въ Христіанинѣ, тотъ подаетъ милостыню ему съ тѣмъ духомъ, коимъ приближается ко Христу; а не съ тѣмъ, коимъ хощетъ безъ наказанія удалиться отъ Христа. Ибо тѣмъ наипаче всякъ Христа оставляетъ, чѣмъ болѣе любитъ ненавидимое Христомъ. Понеже какую пользу приноситъ человѣку, что онъ крещенъ, естьли не оправдается? Не уже ли который рекъ: *Аще кто не родится водою и духомъ, не внидетъ въ царство небесное*; не тотъ самый есть, который сказалъ: *Аще не преизбыточествуетъ правда ваша паче книжникъ и Фарисей, не внидете въ царство небесное*? Для чего онаго страшась, стремятся многіе ко крещенію, а сего не ужасаясь, не многіе тщатся оправдаться? И такъ, естьли кто тронутъ будучи преступленіемъ брата своего, называетъ его юродивымъ, тогда не братство онъ поноситъ, но преступленіе; въ противномъ случаѣ повиненъ будетъ геэннѣ огненной. Такъ напротивъ, кто подаетъ милостыню Христіанину, не Христіанину подаетъ, когда не любитъ въ немъ Христа; не любитъ же Христа, который не хощетъ оправдаться во Христѣ. И какъ естьли кто, предубѣжденъ симъ преступленіемъ, называетъ брата сво-

своего уродомъ, не порокъ какой либо въ ономъ истребить стараясь, но понося напрасно: тому мало къ заглажденію того творить милостыни, естьли купно, какъ тамъ же повелѣно, не употребитъ средства примиренія. Ибо тамъ далѣе пишется: *Аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой иматъ нѣчто на тя, остави даръ твой при олтарѣ, и шедъ прежде примирися брату твоему, и тогда пришедъ принесеши даръ твой*: такъ мало творить, какіябъ то ни были милостыни, за какое либо преступленіе, и отъ привычки къ грѣхопаденію не отстать. Молитва же всегдашняя, которой научилъ насъ самъ Господь, чего для и Господнею она нарицается, безспорно заглаждаетъ всегдашніе грѣхи, читаема будучи всегда такъ: *Остави намъ долги наша*; когда слѣдующее не только читается, но исполняемо бываетъ: *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Но читается она, поелику грѣхи бываютъ; а не для того читается, дабы грѣхи впредь были. Ибо чрезъ сію молитву благоволилъ Спаситель намъ показать, что хотябъ мы и праведно въ семъ житія мракѣ и немощи жили, однако имѣемъ грѣхи, въ отпущеніи коихъ молиться Богу должны, и согрѣшающимъ противъ насъ прощать, дабы и самимъ въ согрѣшеніяхъ удостоиться прощенія. И такъ не для того Господь говоритъ: *Аще отпущаете*

чело-

человѣкомъ согрѣщенія, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ согрѣшенія ваша, дабы, надѣясь на сію молитву, безопасно дѣлали всякій день преступленія, или въ разсужденіи силы и власти, не боясь человѣческихъ законовъ, или въ разсужденіи лукавства, обманывая людей: но дабы чрезъ оную познали и научились не думать, аки бы мы можемъ быть безъ грѣховъ, хотябъ отъ большихъ беззаконій были мы удалены, какъ и Священниковъ ветхаго завѣта Богъ наставлялъ въ томъ самомъ, повелѣвая имъ прежде о своихъ грѣхахъ жертву приносить, потомъ же о людскихъ. Ибо о самыхъ словахъ толь великаго Наставника и Господа нашего бодрственно разсуждать надлежитъ, понеже не глаголетъ: *Аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша*, какія бы оныя ни были; но согрѣшенія ваша. Ибо Онъ научилъ ежедневной молитвѣ, и говорилъ оправданнымъ ученикамъ. Какіежъ означаетъ грѣхи ваша? Не иные, какъ тѣ, безъ которыхъ ниже вы оправданные и освященные быть не можете. Гдѣ убо оные, которые чрезъ сію молитву ищутъ случая къ согрѣшеніямъ, почитаютъ Господа означающимъ великіе грѣхи; понеже де не сказалъ, оставитъ вамъ грѣхи малые, но грѣхи ваша. Тамъ мы разсуждая о томъ, каковымъ онъ говорилъ, и слушая реченное, грѣхи ваша, ничего инаго по-

помышлять не должны, какъ малые грѣхи, поелику таковыхъ согрѣшенія не были великими. И великіе, отъ коихъ измѣнивъ нравы въ лучшее, удаляться надлежитъ, не отпущаются молящимся безъ того, естьли не будетъ исполняемо тамъ же сказуемое: *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Ибо естьли и малыя согрѣшенія, безъ коихъ не можетъ быть и житіе святыхъ, инаково не отпущаются: кольми паче во многія и великія преступленія падшіе, хотябъ уже и престали оныя дѣлать, прощенія не получатъ, ежели къ отпущенію согрѣшеній къ нимъ другихъ бываютъ неумолимы, когда глаголетъ Господь: *Аще же не отпущаете человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Къ тому бо служитъ и оное Іякова Апостола слово: *Судъ безъ милости не сотворшимъ милости.* Долженъ также приходить на мысль нашу рабъ оный, должный господину своему тьмою талантъ, которому прежде Господь его оные оставилъ, но потомъ повелѣлъ все возвратить съ него; понеже не помиловалъ клеврета своего, который долженъ былъ ему сто динарій. И такъ въ сынахъ обѣтованія и въ сосудахъ милости сильно то, что говоритъ тотъ же Апостолъ, непосредственно присовокупляя: *И хвалится милость на судѣ*; или какъ въ Латинской Библіи: и превозноситъ милость на судѣ. Понеже и оные

свя-

святые, кои столь непорочно жили, что и другихъ приняли въ вѣчные свои кровы, ставшись другами отъ маммоны неправды, по милосердію избавлены отъ того, который оправдаетъ нечестиваго, вмѣняя мзду по благодати, а не по долгу. Ибо въ числѣ оныхъ есть Апостолъ, который говоритъ: *Помилованъ отъ Господа вѣренъ быти.* Признаться же должно, что тѣ, кои пріемлются въ вѣчные кровы, не столь совершенны въ благонравіи, дабы безъ пособія святыхъ довольною къ тому была ихъ собственная жизнь; и потому несравненно въ разсужденіи ихъ превозноситъ ихъ милость на судѣ. Однако не должно думать, что какой либо беззаконникъ, не премѣнивъ своея жизни, пріемлется въ вѣчные кровы, поелику послужилъ святымъ отъ маммоны неправды, то есть имѣнія злѣ пріобрѣтеннаго; или и хорошо снисканнаго, но не истиннаго, но неправеднаго; понеже таковый и самъ не знаетъ, которое есть истинное; а оно есть то самое, коимъ изобилуютъ пріемлющіе другихъ въ вѣчные кровы. Но я не рѣдко удивляюся, что и у Виргилія смыслъ онаго слова Христова находится: *Сотворите себѣ други отъ маммоны неправды, да пріимутъ вы въ вѣчные кровы.* Съ которымъ сходственно и оное: *Пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ: и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу* *пpi-*

пріиметъ. Ибо, когда описывалъ оный стихотворецъ Елисейскія поля, о коихъ думаютъ, что пребываютъ на оныхъ души блаженныхъ, не только положилъ тамъ тѣхъ, которые собственными своими заслугами къ онымъ жилищамъ достигли, но приложилъ: *Которые памятуя о себѣ, другихъ заслугами своими тогожъ участниками содѣлали.* Тожъ почти онъ говоритъ, что и Христіяне, съ уничиженіемъ препоручая себя святымъ, произносятъ: *помяни мя, или насъ.* Но какой сей способъ, и какіе грѣхи, которые мѣшаютъ достигнуть царствія Божія, и требуютъ ходатайства и заслугъ святыхъ друговъ: трудно найти и опасно опредѣлять. Я съ своей стороны до сего времени размышляя объ ономъ, ни мало того не могъ постигнуть. И можетъ статься для того оно намъ не открыто, дабы тщаніе наше въ удаленіи отъ беззаконій не ослабѣло. Понеже естьлибъ люди о томъ знали, какіе то грѣхи, за которые въ человѣкѣ незаглаженные, ожидать должно ходатайства святыхъ, то въ оные нерадѣніе человѣческое погружалось бы, и отъ оныхъ сѣтей не тщалось бы избѣгнуть, но искалобъ только избавиться заслугами иныхъ, которыхъ другами себѣ отъ маммоны неправды подаяніемъ милостыни содѣлало. Нынѣ же, когда простительнаго грѣха, хотябъ онъ пребывалъ въ человѣкѣ, не извѣстна мѣра, то и тщаніе

успѣ-

успѣвать въ лучшее молитвѣ бодрственнѣе прилагается, и попеченіе дѣлать святыхъ другами отъ маммоны неправды не презирается. Но сіе свобожденіе, которое бываетъ или своими собственными моленіями, или ходатайствомъ святыхъ дѣлается то, что нѣкоторые во огнь вѣчный не посылаются, не будетъ тогда, когда кто посланъ будетъ во огнь; ибо тотъ уже чрезъ нѣсколько времени, какъ они думаютъ, не возвратится. Сего съ моей стороны въ отвѣтъ сказано кажется довольно тѣмъ, которые Священнаго Писанія, которое есть намъ съ ними общимъ, богодухновенности не презираютъ; но оные худо разумѣя, не то, что оное намъ представляетъ; но то, что они мечтаютъ, имѣющимъ быть себѣ воображаютъ. И такъ давши имъ сей отвѣтъ, сей книгѣ, какъ мы выше обѣщали, конецъ полагаемъ.

Конецъ двадесять первой книгѣ о градѣ Божіемъ.

ПРИ-

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, двадесять первую.

На главу четвертую.

(1) Саламандра живетъ въ огнѣ. Аристотель и Плиній описываютъ саламандру въ видѣ ящерицы, имѣющей на кожѣ нѣкотораго рода звѣздки, которая рождается во время великихъ дождей, и умираетъ во время хорошей погоды; которая толь холодна, что огонь погашаетъ не инако, какъ ледъ.

(2) Сицилійскія горы. Горы во многихъ мѣстахъ горятъ, какъ-то Этна въ Сициліи, также въ Іерѣ, которая въ древности называлась Θеразіею; не далеко отъ Сициліи холмъ выкидываетъ по ночамъ пламень; подобно Θеонохема въ Еθіопіи, Везувій въ Компаніи и проч.

На главу пятую.

(1) Въ Сициліи Агригентинская соль. Смотри о ней Плинія въ книгѣ 21.

(2) У Гарамантовъ. Сіе видѣть можно изъ Плинія книги 5 и книги 2, главы 106; также Лукреція, Иродота, Діодора, Мелы, Овидія, Силія, Солина, Арріана.

(3) Въ Эпирѣ. О томъ смотри книгу 2 Мелы и Плинія книгу 2.

(4) Асбестонъ. О немъ пишетъ Плиній въ книгѣ 38.

(5) Смоковницы Египетской. О семъ видѣть можно у Плинія въ книгѣ 13, въ главѣ 7.

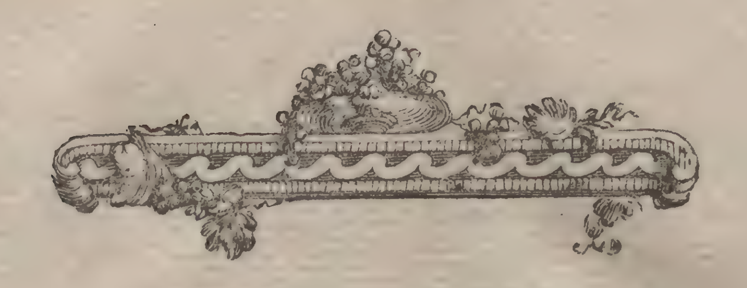

(6) ВЪ землѢ Содомской яблоки. ОбЪ оныхЪ пишетЪ СолинЪ вЪ ПолигисторѢ, ТацитЪ вЪ книгѢ послѢдней, ЕгезиппЪ вЪ книгѢ 4.

(7) ПиритесЪ. Плиній вЪ книгѢ послѢдней и вЪ книгѢ 36.

(8) СилинитЪ. Плиній вЪ книгѢ послѢдней изЪ Діоскорида.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,
ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,
КЪ МАРКЕЛЛИНУ
О градѣ Божіемъ.

КНИГА XXII.

Глава первая.

О сотвореніи Ангеловъ и человѣковъ.

Какъ въ оконченной предъ сею книгѣ обѣщали, сія нашего сочиненія послѣдняя книга содержать будетъ разсужденіе и словопрѣніе о блаженствѣ вѣчномъ Божія града, которое не по долготѣ вѣка, простирающейся во множество лѣтъ, которыя нѣкогда конецъ получить долженствуютъ, вѣчности имя пріобрѣло, но какъ написано въ Евангеліи: *Царствію Его не будетъ конца*; ниже въ такомъ разумѣ, что смертію однихъ и рожденіемъ другихъ видъ вѣчности представлять будетъ, какъ въ древѣ, которое какъ бы вѣчными вѣтвями одѣвается, тажъ по видимому зеленость пребываетъ, когда по спаденіи листовъ другіе раждающся,

ющся,

ются, сохраняющїе видъ густоты и тѣни; но всѣ въ ономъ граждане будутъ безсмертны, по полученїи и людьми того, чего Ангели святые никогда не потеряли. Сотворитъ сїе Всемогущїй Богъ, онаго Творецъ; ибо обѣщалъ и солгать не можетъ; и дабы въ томъ увѣрить, многое содѣлалъ и необѣщанное и обѣщанное. Понеже Онъ тотъ самый есть, который въ началѣ сотворилъ мїръ, наполненный всѣми добрыми вещьми видимыми, въ которомъ ничего Онъ лучшаго не устроилъ, какъ духовъ, коимъ даровалъ разумѣнїе и способность зрѣть Его умомъ, и союзомъ общества утвердилъ, которое мы святымъ и горнимъ называемъ градомъ, въ которомъ пребыванїемъ, существованїемъ и блаженствомъ есть Самъ Богъ, какъ бы жизнїю и пищею общею; который свободное произволенїе той же разумной твари даровалъ таковое, что ежели она восхощетъ оставить Бога, то есть свое блаженство, то немедленно впала бы въ бѣдность; который, вѣдая, что нѣкоторые Ангелы своимъ превозношенїемъ, которое къ блаженству своему почитали довольнымъ, толь великое добро оставятъ, не лишилъ ихъ сея власти, благоизволяя по всемогуществу своему и благости изъ зла добро производить, нежели возбранять и не попускать злу, которое было бы ничто, естьлибъ измѣняемая природа, хотя добрая, и отъ Всевышняго Бога и неизмѣняемаго блага,

ко-

который всякое добро сотворилъ и устроилъ, грѣхопаденіемъ онаго зла себѣ самой не сдѣлала, и по свидѣтельству своего согрѣшенія показываетъ, что она сотворена доброю природою. Ибо естьлибъ не была и она великимъ, хотя неравнымъ Творцу добромъ, то конечно удаленіе отъ Бога, какъ отъ своего свѣта, не моглобъ быть его зломъ. Понеже какъ слѣпота есть порокъ очей, и показываетъ, что очи къ зрѣнію свѣта сотворены, и по сему наипаче пороку открывается, что очи, способныя къ вмѣщанію свѣта, превосходнѣе другихъ членовъ; ибо не видѣть свѣта не было бы въ противномъ случаѣ порокомъ: такъ и природа, наслаждавшаяся Богомъ, показываетъ, что она изрядною сотворена, и даетъ знать о томъ и чрезъ самый свой порокъ, коимъ она по тому бѣдна, понеже не наслаждается Богомъ, который самопроизвольное паденіе Ангеловъ наказалъ вѣчнымъ нещастіемъ, и прочимъ въ ономъ высочайшемъ благѣ пребывающимъ, дабы они о своемъ безконечномъ пребываніи были извѣстны, какъ бы возмездіе самаго пребыванія даровалъ. Который сотворилъ человѣка также правымъ, съ таковымъ же свободнымъ произволеніемъ, животное хотя земное, но достойное неба, естьли будетъ прилѣпляться своему Творцу; напротивъ ежели Творца оставитъ, то попадетъ въ бѣдность, какая природѣ его прилична; о которомъ подобно когда вѣ-

далъ, что онъ преступленіемъ заповѣди Его оставитъ и согрѣшитъ, не отнялъ и у него свободнаго произволенія, предвидя купно, какое добро изъ его зла произвесть имѣетъ; который изъ смертнаго рода, достойно осужденнаго, толикій народъ по благодати своей собралъ, что онымъ наполняетъ часть падшихъ Ангеловъ; и такимъ образомъ возлюбленный и горній градъ не лишается числа своихъ гражданъ, а можетъ быть и произбыточествуетъ. Ибо много дѣлается отъ злыхъ противъ хотѣнія Божія, но Онъ толикія есть премудрости и толикія силы, что къ тѣмъ концамъ, которые благи и праведны, по Его предвѣденію все управляетъ, которое кажется волѣ Его противно. И потому когда говорится о Богѣ, что Онъ измѣняетъ свое хотѣніе, какъ-то на примѣръ къ кому былъ милостивъ, является гнѣвающимся: то люди наипаче измѣняются, но почитаютъ, аки бы Онъ измѣнился, такъ какъ солнце въ разсужденіи перемѣны очей человѣческихъ будто измѣняется, иногда дѣлая онымъ удовольствіе, иногда нетерпимость, которое однако само въ себѣ одинаково всегда пребываетъ, каково и было. Называется же волею Божіею, которую Богъ производитъ въ сердцахъ повинующихся повелѣніямъ Его, о коей Апостолъ говоритъ: *Богъ бо есть дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти.* Понеже какъ правдою Божіею не только

то называется, коею Онъ праведенъ; но и та, которую въ человѣкѣ отъ Него оправдаемомъ дѣлаетъ: такъ и законъ закономъ Божіимъ нарицается, которой наипаче есть человѣческой, но отъ Бога человѣкамъ данный Ибо безъ сомнѣнія были тѣ людьми, коимъ говорилъ Іисусъ: *Въ законѣ вашемъ написано*, когда на иномъ мѣстѣ читаемъ: *Законъ Бога его въ сердцѣ его.* По сему хотѣнію, которое Богъ почитается дѣйствующимъ, котораго однако не хощетъ, но дѣлаетъ хотящими своихъ, такъ какъ называется познавшимъ, которое, дабы познано было, дѣлаетъ, въ разсужденіи тѣхъ, кои того не знали. Ибо когда говоритъ Апостолъ: *Нынѣ же познавше Бога, паче же познани бывше отъ Бога*: то не должно вѣрить, что тогда ихъ Богъ позналъ, когда зналъ Онъ ихъ прежде сложенія міра; но нарицается тогда познавшимъ, когда учинилъ, дабы люди о томъ познали. О сихъ образахъ реченій въ вышеписанныхъ книгахъ я говорилъ. И такъ по сему хотѣнію, по коему нарицаемъ Бога хотящимъ, котораго хотѣніе въ людехъ возбуждаетъ, которые не знаютъ будущаго, много хощетъ, но не творитъ.

Глава вторая.

О вѣчной и неизмѣняемой Божіей волѣ.

Много хотятъ святые по вдохновенной отъ Бога святой волѣ, однако того не бываетъ, какъ на примѣръ, когда благоговѣйно за нѣкоторыхъ молятся, и не дѣлаетъ Богъ того, о чемъ они молятся, когда Самъ Онъ хотѣніе молитвы въ нихъ святымъ своимъ Духомъ производитъ. И потому, когда по Богу хотятъ и молятся святые, дабы всѣ спаслися, можемъ онымъ образомъ реченія сказать: хощетъ Богъ и не творитъ, дабы мы говорили, что Онъ хощетъ, который дѣлаетъ, дабы они хотѣли. По сей же волѣ Божіей, которая съ Его предвѣденіемъ есть вѣчна, подлинно все на небеси и на земли, что восхотѣлъ, не только прошедшее, или настоящее, но и будущее уже сотворилъ. Но прежде, даже не пріидетъ время, въ которое благоволитъ Богъ быть чему либо, которое прежде всѣхъ временъ предвидѣлъ и устроилъ, говоримъ: будетъ, когда Богъ благоволитъ. Естьли же времени не только не знаемъ, въ которое имѣетъ быть что либо, но и не вѣдаемъ, будетъ ли оное, говоримъ: будетъ, естьли Богъ благоволитъ; не потому, аки бы Богъ новую тогда волю и хотѣніе имѣть будетъ, котораго не имѣлъ; но поелику то, что отъ вѣка неизмѣннымъ Его хотѣніемъ опредѣлено, тогда будетъ.

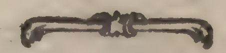
Глава

Глава третія.

О обѣщаніи вѣчнаго блаженства святымъ, и о прещеніи вѣчными муками нечестивымъ.

Чего для, дабы о прочемъ умолчать, какъ нынѣ на Христѣ исполнившееся видимъ, что Богъ обѣщалъ Аврааму, глаголя: *О сѣмени твоемъ благословятся вси языцы:* такъ исполнится, что томужъ сѣмени его обѣщалъ, когда сказалъ чрезъ Пророка: *Востанутъ сущіи во гробѣхъ: и будетъ небо ново и земля нова, и не помянутъ прежнихъ, ниже взыдутъ на сердце ихъ, но радость и веселіе обрящутъ въ ней. И се Азъ творю Іерусалимъ веселіемъ, и людей моихъ въ радованіе, и возрадуются во Іерусалимѣ, и возвеселюся въ людехъ моихъ, и къ тому не услышится въ немъ гласъ плача;* и чрезъ другаго Пророка что предвозвѣстилъ, глаголя томужде Пророку: *Во время оно спасутся людіе мои вси, обрѣтшіися написанными въ книгѣ: и мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ: овіи въ жизнь вѣчную, овіи же въ поношеніе и стыдѣніе вѣчное.* И на иномъ мѣстѣ чрезъ тогожъ Пророка: *И пріимутъ царствіе святіи Вышняго, и воцарятся въ немъ во вѣкъ и во вѣки вѣковъ.* И нѣсколько ниже: *Царство,* говоритъ, *Его, царство вѣчное.* И прочее, которое къ сему принадлежащее положилъ я въ книгѣ сего сочиненія двадесятой, или котораго и не положилъ, но

оно содержится въ тѣхъ же священныхъ книгахъ. Пріидетъ и сіе, какъ пришло и оное, которому невѣрные не чаяли быть; ибо той же обое обѣщалъ, о обоемъ предвозвѣстилъ, что быть имѣетъ Богъ, котораго, по свидѣтельству знаменитаго языческаго философа Порфирія, языческіе боги трепещутъ.

Глава четвертая.

Противъ мудрецовъ міра сего, которые думаютъ, что земныя человѣческія тѣла въ небесныя обители преселиться не могутъ.

Но люди ученые и мудрые противъ толикой силы, которая всѣ роды людей къ вѣрованію и чаянію того обратила, остроумно доказывающими себя почитаютъ противъ воскресенія тѣлъ, когда говорятъ, что въ третьей о обществѣ книгѣ Цицеронъ упомянулъ. Ибо когда сказалъ, что Ираклій и Ромулъ изъ людей сталисъ богами, то приложилъ, что не тѣла ихъ на небеса вознесены и преселены: понеже природа не терпитъ, дабы то не осталось на земли, что взято отъ земли. Сіе доказательствомъ сильнымъ есть у мудрецовъ, коихъ *Господь вѣстъ помышленія, яко суть суетна.* Ибо естьлибъ мы были души, то есть безтѣлесные духи, живущіе на небесахъ, и не знали бы земныхъ животныхъ, и сказано былобъ намъ, что пріидетъ такое

кое время, въ которое для оживотворенія тѣлъ земныхъ нѣкоторымъ чуднымъ образомъ должны будемъ соединиться: то не сильнѣе ли возразилибъ, не хотя тому вѣрить, и не сказалиль бы, что природа не терпитъ, чтобъ вещь безтѣлесная съ тѣломъ была сопряжена? Однако наполнена земля душами, съ коими земные члены соединены и совокуплены чуднымъ образомъ. Для чегожъ изволеніемъ тогожде Бога, который сотворилъ сіе животное, не можно тому статься, дабы земное тѣло на небесное преселилось, естьли духъ всякаго, а потому и небеснаго тѣла превосходнѣйшій могъ земному тѣлу соединиться? Неуже ли частица земная толь малая могла нѣчто небеснаго тѣла лучшее у себя удержать, дабы имѣть чувство и жизнь; и напротивъ оную чувствующую и живущую не удостоитъ пріятія небо, или пріятую не въ силахъ держать, когда она чувствуетъ и живетъ вещію лучшею, нежели все небесное тѣло? Но нынѣ для того онаго не бываетъ, понеже не приспѣло еще время, въ которое благоволилъ оному быть Той, который въ разсужденіи всегдашняго человѣческаго зрѣнія ставшее маловажнымъ несравненно чуднѣйшее, нежели то, чему они не вѣрятъ, сотворилъ. Ибо для чего мы сильнѣе не удивляемся, что безтѣлесныя души, небеснаго тѣла превосходнѣйшія, съ земными тѣлами соединяются, нежели тому,

му, что тѣла, хотя земныя, въ обители, хотя небесныя, но тѣлесныя преселяются? Не для чего инаго, какъ что сіе видимъ обыкновенно, поелику бытіе имѣемъ, а тѣмъ быть никому не случилось, и никогда того не видали. Понеже естьли здраво разсудить, то чуднѣйшимъ должно быть дѣломъ Божіимъ соединять безплотное съ тѣлеснымъ, нежели, хотя различныя, то есть небесное и земное, тѣла совокуплять.

Глава пятая.

О воскресеніи тѣлъ, которому при увѣрованіи тому почти цѣлаго міра нѣкоторые не вѣрятъ.

Да пускай сіе когда либо было невѣроятнымъ: вотъ уже увѣровалъ міръ, что земное Христово тѣло вознесено на небо. Воскресенію тѣла и вознесенію къ горнимъ обителямъ, выключая малочисленныхъ сумнящихся, или ученыхъ, или неученыхъ, уже увѣровали и ученые и неученые. Естьли они вѣроятному повѣрили, то пускай разсмотрятъ, сколь безумны тѣ, кои не вѣруютъ. Естьлижъ невѣроятному, то оное гораздо невѣроятнѣе, что повѣрено невѣроятному. Сіи убо двѣ вещи невѣроятныя, то есть воскресеніе тѣлъ на вѣки, и что міръ толь невѣроятной вещи повѣритъ, той же Господь, прежде нежели одно которое либо изъ оныхъ было, предвозвѣстилъ,

стилЪ, что и то и другое быть имѣетЪ. Одно изЪ двухЪ оныхЪ невѣроятныхЪ вещей исполнившееся видимЪ, то есть, что тому мірЪ повѣрилЪ, что было невѣроятнымЪ: то для чегожЪ отчаяваться вЪ томЪ, что осталось, дабы и оное исполнилось, чему, хотя невѣроятно оно, повѣрилЪ мірЪ, какЪ уже исполнилось, что равно было невѣроятнымЪ, дабы мірЪ толь невѣроятной вещи повѣрилЪ, когда обое изЪ оныхЪ невѣроятно, изЪ коихЪ одно видимЪ, другаго надѣемся, какЪ о томЪ вЪ тѣхЪ же книгахЪ предсказано, по которымЪ увѣровалЪ мірЪ? И самый образЪ, коимЪ увѣровалЪ мірЪ, естьли разсмотрѣть, то онЪ невѣроятнѣйшимЪ представляется. НеискусныхЪ вЪ свободныхЪ наукахЪ, и совсѣмЪ непросвѣщенныхЪ, незнающихЪ грамматической науки, невооруженныхЪ діалектикою, ненадмѣнныхЪ краснорѣчіемЪ, рыбарей ХристосЪ сЪ мрежами вѣры на море міра сего малочисленныхЪ послалЪ, которые всякаго рода безчисленныхЪ рыбЪ, и тѣмЪ удивительнѣйшихЪ, чѣмЪ оныя рѣже, самихЪ философовЪ поймали. КЪ двумЪ онымЪ вещамЪ невѣроятнымЪ, ежели угодно, да и должно быть угодно, прибавимЪ сіе третіе. Слѣдовательно три уже вещи невѣроятныя, которыя однако исполнились. Ибо невѣроятно, что ХристосЪ воскресЪ по плоти, и сЪ плотію вознесся на небо. Невѣроятно, что мірЪ вещи невѣро-

вѣроятной повѣрилъ. Невѣроятно, что люди незнаменитые, низкаго состоянія, малочисленные, неученые, въ толь невѣроятной вещи міръ и въ немъ ученыхъ увѣрить могли. Изъ сихъ трехъ вещей невѣроятныхъ первой не хотятъ тѣ вѣрить, съ которыми мы стязуемся; вторуюжъ и видятъ, но не находятъ, почему оная сдѣлалась, естьли не будутъ вѣрить третьей. Воскресеніе бо Христово, и на небеса съ плотію вознесеніе всему уже міру проповѣдается, и во всей вселенной вѣруется: естьли оно невѣроятно, то для чего весь свѣтъ тому уже вѣритъ? Естьли многіе знаменитые, важные, ученые признавались, что оное видѣли, и тщались видѣнное прославлять, то неудивительно, что міръ имъ повѣрилъ; но сіе весьма безумно, что сіи еще вѣрить не хотятъ. Естьли же не ложно то, что малочисленные, низкаго состоянія, неученые увѣряли, что они то видѣли и тому повѣрилъ міръ, то для чего малочисленные упрямцы оставшіеся самому міру вѣрующему не вѣрятъ, который для того малочисленнымъ, худороднымъ, немощнымъ, неученымъ людемъ повѣрилъ, понеже въ таковыхъ презираемыхъ свидѣтеляхъ несравненно чуднѣе Божество само себя являло? Ибо вмѣсто изреченій увѣрительныхъ чудныя служили дѣла, а не слова. Понеже которые Христа воскресшаго не видѣли и на небеса съ плотію вознесшагося, тѣ увѣровали не

проповѣдающимъ о томъ только, но и чудеса творящимъ. Ибо они слышали, что люди, знающіе одинъ, или много два діалекта, нечаянно начали говорить на всѣхъ языкахъ всѣхъ народовъ. Видѣли, что хромый отъ чрева матери своея, имѣя отъ рожденія четыредесять лѣтъ, исцѣленъ и сталъ здравъ Христовымъ именемъ, отъ Апостоловъ произнесеннымъ. Убрусцы ихъ и главотяжи врачевали немощныхъ; тѣнь ихъ на посажденныхъ недужныхъ нарочно народомъ напути падшая подавала здравіе, и прочія дѣлаемы были чудеса отъ нихъ Христовымъ именемъ. Наконецъ видѣли, что и мертвыхъ они воскрешали. Которое все, ежели признаваютъ, что какъ написано было, то вотъ сколько невѣроятныхъ вещей къ тремъ онымъ мы прилагаемъ. И дабы вѣрили одному невѣроятному, что о воскресеніи плоти и на небеса вознесеніи повѣствуется, которыя не до крайности упорныхъ преклонить могутъ. Ежели же не вѣрятъ и тому, что Апостоли Христовы, проповѣдавшіе о воскресеніи и вознесеніи Христовомъ, дабы имъ вѣрили, творили чудеса: то для насъ сего одного чуда довольно, что міръ тому безъ всякихъ чудесъ повѣрилъ.

Глава

Глава шестая.

О чудесахъ, которыя творимы были, дабы міръ увѣровалъ, и которыя при увѣрованіи міра быть не престаютъ.

Но для чего, говорятъ, нынѣ оныхъ чудесъ, кои вы бывшими признаваете и проповѣдуете, не видно? Могу я правда сказать, что тогда чудеса были потребны для того, дабы увѣровалъ міръ. Кто еще ищетъ чудесъ, дабы ради оныхъ вѣровать: тотъ самъ есть великимъ чудомъ, который при вѣрованіи вселенной не вѣритъ. Но сіе они для того говорятъ, дабы доказать, что и тогда таковыхъ чудесъ не было. Для чего съ толикою вѣрою Христосъ съ плотію вознесшимся всюду проповѣдуется? Для чего во времена просвѣщенныя и всего невозможнаго не пріемлющія безъ всякихъ чудесъ весьма чудно невѣроятному повѣрилъ міръ? Не уже ли они скажутъ, что то было вѣроятнымъ, и для того принято? Для чегожъ они не вѣрятъ? Мы кратко заключаемъ: или невѣроятную вещь, которой не было видно, другія невѣроятныя дѣлаемыя и видимыя сдѣлали вѣроятною; или поистиннѣ вещь вѣроятная, не требующая никакихъ чудесъ сихъ, крайнее обличаетъ невѣріе. Сіе къ отраженію безумствующихъ могу сказать. Ибо отрещись не можемъ, что многія содѣланы чудеса, свидѣтельствующія объ одномъ ономъ чудеси, что Христосъ съ плотію,

тію, съ которою воскресъ, вознесся на небо. Понеже въ тѣхъ же неложныхъ книгахъ написано, каковыя чудеса и въ доказательство чего сотворены. Оныя, дабы людей увѣрить, были творимы; но вѣрою, которую собою утвердили, несравненно яснѣе познаваются. Ибо читаются и проповѣдаются народамъ, дабы онымъ вѣрили; однако не были бы оныя проповѣдуемы, естьлибъ онымъ народы не вѣровали. Понеже и нынѣ дѣлаются Христовымъ именемъ чудеса, или чрезъ таинства Его, или молитвами, или призываніемъ угодниковъ Его, но не столь всѣмъ бываютъ извѣстны и не столь проповѣдуемы явно. Поелику Священному Писанію прославлену быть во всей вселенной надлежало, того ради оныя чудеса во всѣхъ мѣстахъ прославляются и углубляются въ памяти народовъ; нынѣ же бывающія чудеса тамъ только бываютъ извѣстны, гдѣ бываютъ, да и то едва весь градъ, или все общество нѣкотораго мѣста объ оныхъ знаетъ. Ибо по большой части и тамъ рѣдкіе знаютъ, а прочіе совсѣмъ не вѣдаютъ, особливо естьли градъ будетъ великій; и когда въ другомъ мѣстѣ другимъ людямъ сказуемо о содѣлавшихся чудесахъ повѣствуется, то не безъ трудности, или сомнѣнія онымъ довѣряемо бываетъ, хотя вѣрующіе Христіане вѣрнымъ же объ оныхъ внушаютъ. Чудо, которое сдѣлалось въ Медіаланѣ, когда мы тамъ бы-

были, когда отверзлись очи слѣпому, многіе знаютъ, понеже городъ оный былъ великій, и что тогда самъ тамъ былъ Императоръ, и что при зрѣніи многочисленнаго народа оное сдѣлалось, который отвсюда стекся къ мощамъ явившихся мучениковъ Протасія и Гервасія, которыя когда были прежде скрыты и не извѣстны, то Епископу Амвросію открыто въ сонномъ видѣніи, и такимъ образомъ обрѣтены будучи, даровали слѣпому зрѣніе. Кто же знаетъ, кромѣ малочисленныхъ, что въ Карѳагенѣ Иннокентій адвокатъ намѣстническаго правленія получилъ исцѣленіе, гдѣ мы сами были и своими видѣли очами. Ибо пришедшихъ насъ съ той страны моря меня и брата моего Алипія, когда еще мы не были клириками, но уже однако благоугождали Богу, будучи со всемъ своимъ домомъ человѣкомъ набожнымъ, принялъ, и у него тогда мы пребывали. Лечили его тогда лѣкари отъ ранъ, называемыхъ фистулами, которыхъ онъ имѣлъ много, одна чрезъ другую прошедшихъ въ нижнихъ частяхъ тѣла. Они уже разрѣзывали оныя, и наконецъ по своему искусству лѣкарствами оканчивали дѣло. Онъ претерпѣлъ во время рѣзанія долговременныя и жестокія болѣзни. Но одна изъ многихъ обманула лѣкарей фистула, которая толь была сокрыта, что они ее не примѣтивъ не разрѣзали, которую разрѣзать

ать надлежало. Потомъ по заживлѣніи сѣхъ, кои были разрѣзаны, одна сія оставалась, надъ которою напрасно они трудъ свой тратили. Иннокентій, смотря по долговременности, сомнѣвался о лѣкаряхъ, и боялся, дабы они его вторично не начали рѣзать; что напередъ сказалъ ему домашній его лѣкарь, котораго они не допустили и посмотрѣть, какъ въ первой разъ рѣзали ему фистулы, какимъ образомъ оное будутъ дѣлать, за что раздраженъ бывши Иннокентій, изъ дому его выслалъ, и едва паки согласился принять: съ негодованіемъ имъ сказалъ: не уже ли вы опять хотите меня рѣзать? Я долженъ теперь буду вѣрить словамъ того, котораго вы зрителемъ быть вашего перваго опыта не допустили. Они начали смѣяться неискусному оному лѣкарю, и облагонадеживать его словами и уничтожать страхъ. Прошло уже много дней, и никакого успѣха не имѣло все то, что они дѣлали. Лѣкари однако въ своихъ обѣщаніяхъ пребывали, то есть, что они рану оную не желѣзомъ, но лѣкарствами затворятъ. Пригласили къ себѣ въ общество еще престарѣлаго лѣкаря и довольно отъ всѣхъ хвалимаго, который тогда еще живъ былъ, Аммонія, который посмотрѣвъ на болящее мѣсто, тожъ, что и оные, по своему искусству обѣщалъ. Котораго словами обнадеженъ будучи, домашнему своему лѣкарю насмѣхался, кото-

рый утверждалъ, что вторично его рѣзать будутъ. Что болѣе? Послѣ того много дней прошло безъ успѣха, такъ что наконецъ изнуривъ свое искусство, и истощивъ знаніе, не безъ зазрѣнія признаться принуждены были, что естьли не разрѣжутъ оной фистулы, то никакимъ инымъ образомъ вылечить его не въ состояніи. Ужаснулся онъ, и отъ страха смущенъ будучи, измѣнился въ лицѣ; и какъ пришелъ потомъ въ себя, и въ силахъ былъ говорить, приказалъ имъ отъ себя удалиться, и впредь къ себѣ не приходить. Въ слезахъ и въ толикой крайности ничего инаго на мысль ему не приходило, какъ только призвать къ себѣ Александрійскаго лѣкаря, который тогда былъ въ славѣ, для зделанія надъ нимъ того, чего онъ тѣмъ, гнѣваясь на нихъ, позволить не хотѣлъ. Но какъ пришелъ оный, и трудъ ихъ, такъ какъ человѣкъ искусный, въ заживленіи увидѣлъ, не выступая изъ предѣлъ честнаго человѣка, совѣтовалъ, дабы онъ позволилъ имъ, которые столько трудились, какъ онъ не безъ удивленія видѣлъ, имѣть плодъ и окончаніе своего врачеванія, прилагая притомъ, что инаково, ежели не позволитъ фистулу разрѣзать, здравія получить не можетъ, и сказывая про себя, что онъ не сроденъ къ тому, дабы у искусныхъ людей, коихъ онъ примѣчалъ тщаніе въ заживленіи ради самой малости, ко-

торая осталась, отнимать честь. Со-
тъ сей принужденъ онъ былъ принять,
просилъ онаго Александрійскаго лѣкаря,
бы онъ присутствовать не отрекся тутъ,
гда будутъ разрѣзывать болячку, естьли
приговору всѣхъ не можно было инаково
цѣлиться. Произведеніе того въ дѣйство
ложено было до слѣдующаго дня. Но какъ
лько вышли всѣ сторонніе изъ дому, тог-
по причинѣ болѣзни онаго Иннокентія,
кой поднялся плачь въ домѣ, какъ бы по
ршемъ, что мы едва возмогли оный ути-
ть. Посѣщали его каждый день святые
ки и благочестивые, Епископъ тогда
шій Узаленскій (1), блаженной памяти
урнинъ, и Гелосъ пресвитеръ, и діако-
Кареагенской церкви. Въ числѣ сихъ
ъ изъ всѣхъ нынѣ оставшійся, съ честію
насъ и уваженіемъ поминаемый Аврелій
скопъ, съ которымъ мы воспоминая чуд-
дѣла Божія, о семъ часто бесѣдовали,
шли, что онъ о томъ совершенно и не-
енно, о чемъ мы упомянули, помнитъ.
рые когда по обыкновенію своему веч-
къ нему пришли, то онъ просилъ ихъ
езами, дабы они въ слѣдующій день
поили его быть при его погребеніи нап-
нежели при уврачеваніи; ибо таковой
къ отъ прежнихъ мученій напалъ на
что онъ не сомнѣвался умереть отъ
лѣкарей. Утѣшали они его и увѣща-
дабы онъ на Бога уповалъ и Его из-

воленіе мужественно сносилЪ. ПослѢ то
начали мы всѢ молиться. КакЪ скоро
по обыкновенію нашему стали на колѢни
простерлись на землю, то онЪ броси
такЪ на землю, какЪ бы былЪ силою о
кого повер женЪ, и простершись на зем
началЪ молиться. СЪ какимЪ усердіемЪ,
какимЪ движеніемЪ духа, сЪ какими сл
ми, сЪ какими воздыханіями; которыя
его члены вЪ движеніе приводили и за
тывали почти дыханіе, кто можетЪ и
разить словами? Молились ли прочіе вЪ
время, и не былаль обращена ихЪ мыс
вниманіе отЪ молитвы, я не знаю; что
касается до меня, то я ни мало не м
молиться, а только кратко говорилЪ вЪ
емЪ сердцѢ: Господи! какія твоихЪ ра
услышишь ты молитвы, естьли сихЪ
услышишь? Ибо я чувствовалЪ, что ни
болѢе вЪ семЪ случаѢ не не доставало,
только, дабы душа разсталась сЪ тѢл
Мы послѢ того востали, и принявЪ
Епископа благословеніе, разошлися, прос
бывши, дабы вЪ слѢдующій день пріи
нему не почли за трудЪ; а мы увѢща
его, дабы онЪ благодушествовалЪ. Нас
день для Иннокентія ужасный; пришли
Божіи, какЪ обѢщались. Вошли лѢкари,
уготовляется все, чего часЪ той требо
полагаются ужасЪ наводящія желѢзныя
дія, при объятіи всѢхЪ страхомЪ. ТѢ
торые изЪ лѢкарей были важнѢе, ослаб

его духъ утѣшеніями подкрѣпляли; разполагаются члены на одрѣ Иннокентіевы, которые рѣзать надлежало; развязываются перевязки, обнажается мѣсто; лѣкарь осматриваетъ, и ищетъ болячки со тщаніемъ, которую разрѣзывать долженствовало; ищетъ глазами, и осязаетъ руками; всѣми наконецъ покушается способами, но не находитъ ни малыхъ слѣдовъ болѣзни. Уже оную радость, хвалу и благодареніе, которыя приносили милосердому и всемогущему Богу съ наполненными веселія слезами, изобразить не можно: воображеніе всякому наипаче, нежели слова, совершеннѣе представить могутъ.

Въ томъ же Карѳагенѣ Иннокентія благочестивая жена, изъ числа первѣйшихъ онаго города, близь сосца имѣла болѣзнь, называемую ракъ, о которомъ лѣкари единогласно утверждаютъ, что онаго излечить никакими лѣкарствами не можно; и такъ, или отрѣзываютъ оную часть, обыкновенно въ которой оный появится; или, ежели хочетъ больной долговременнѣе жить, ибо не умереть отъ онаго, по мнѣнію Иппократову, какъ сказываютъ, не можно, должно оставить всякое врачевство. О семъ она извѣстилась отъ лѣкаря, который былъ ей пріятель, и къ единому Богу обратилась съ моленіемъ. О томъ открывается ей въ сонномъ видѣніи, дабы она при наступленіи Пасхи не пропускала случая, когда креститься будутъ пріуготовленныя къ крещенію

жены, и которая прежде всѣхъ крестится, просила бы оную, дабы она знаменовала крестнымъ знаменіемъ болящее мѣсто. Учинила она то, и тотъ часъ воспослѣдовало здравіе. Лѣкарь, который ей совѣтовалъ не употреблять никакого лѣкарства, ежели хощетъ долговременнѣе жить, когда увидѣлъ послѣ того, и нашелъ оную въ полномъ здравіи, просилъ ее униженно, дабы она открыла, какое лѣкарство она употребляла, желая, какъ догадаться можно, знать лѣкарство, коимъ бы Иппократово опредѣленіе уничтожить. И когда отъ нея услышалъ, какимъ образомъ оное сдѣлалось, гласомъ, какъ бы являющимъ презрѣніе, и видомъ на то же сходствующимъ, такъ что она убоялась, дабы онъ на Христа чего хульнаго не сказалъ, съ благочестною забавою отвѣтствовалъ: я, говорилъ онъ, думалъ, что ты нѣчто важное мнѣ скажешь. А какъ она отъ сихъ словъ болѣе пришла въ ужасъ, то немедленно приложилъ: велико ли содѣлалъ Христосъ исцѣленіемъ рака, который четвероднечнаго воскресилъ мертвеца? О семъ когда я провѣдалъ и негодовалъ, что въ толь великомъ и многолюдномъ городѣ, и на такой особѣ сдѣлавшееся чудо никому не извѣстно, за долгъ почелъ уличать и увѣщавать оную жену, которая когда мнѣ отвѣтствовала, что она того ни мало не скрывала, тогда вопрошалъ я по случаѣ прилучившихся тамо женъ, ея пріятель-

шельницѣ, зналиль онѣ о шомѣ прежде нынѣшняго дня? Онѣ отвѣтствовали, что совсѣмъ не знали. Вотъ какъ, говорилъ тогда я, не скрываешь ты онаго, что и тѣ самыя отъ тебя сего не слышали, съ которыми ты дружеское обхожденіе имѣешь. И какъ я кратко у нее вопрошалъ, то тѣмъ самимъ сдѣлалъ, что при слушаніи, крайнемъ удивленіи и прославленіи прочихъ бывшихъ тамъ Бога, все по порядку, какъ оно было, она все открыла.

Также кому извѣстно, что лѣкарь нѣкоторый, имѣвшій подагру, и жившій въ томъ же городѣ, когда оглашенъ былъ къ крещенію, и за день до крещенія во снѣ возбраняемъ былъ въ оный годъ креститься отъ юношей черныхъ, коихъ признавалъ онъ демонами, и не послушался оныхъ, въ такую впалъ болѣзнь, какой никогда не чувствовалъ; но побѣждая ихъ банею отъ рожденія, какъ обѣщался, не отложилъ крещенія, и въ крещеніи самомъ исцѣлился отъ болѣзни; и съ того времени не имѣлъ оной, хотя послѣ крещенія долго жилъ. Знаемъ о томъ только мы и нѣкоторые малочисленные братія, къ коимъ свѣденіе сіе по близости достигло.

Нѣкоторый Курубитянинъ когда крестился, то не только исцѣлился отъ разслабленія, но избавился и отъ несносной и чудовищной тягости дѣтородныхъ удовъ, и свободился отъ обоего того такъ, какъ

бы никакого зла въ тѣлѣ прежде не имѣлъ вышедъ отъ источника отъ рожденія. Кто о семъ извѣстенъ, кромѣ города Куруба, и выключая малочисленныхъ нѣкоторыхъ, которые гдѣ либо о семъ слышать могли? Но мы, когда о томъ извѣстились, то по приказанію Святаго Епископа Аврелія потщились доставить его въ Карѳагенъ, хотя мы отъ такихъ людей прежде о томъ слышали, о коихъ достовѣрности сомнѣваться не могли.

Полковникъ Есперій, жительство имѣющій у насъ, имѣетъ въ округѣ Фуссалійской селеніе, называемое Зуведою, когда познаѣ, что въ домѣ его и рабы и скоты отъ демоновъ претерпѣваютъ великой вредъ, просилъ въ небытность мою нѣкоторыхъ пресвитеровъ, дабы кто нибудь изъ нихъ отправился туда и отгналъ бѣсовъ. Согласился одинъ, принесъ тамъ жертву тѣла Христова, и молился отъ всея души, дабы престалъ вредъ, причиняемый отъ бѣсовъ, и по Божію благоволенію и милосердію престалъ оный. Получилъ же прежде того оный Полковникъ отъ друга своего часть земли святой изъ Іерусалима, отъ мѣста, гдѣ Христосъ погребенъ и въ третій день воскресъ, и оную привѣсилъ въ ономъ селеніи въ своей спальни, дабы и самому не претерпѣть отъ бѣсовъ какого либо зла. А какъ отгнаны стали бѣсы отъ дому его, тогда онъ размышлялъ, что съ

оною

оною землею ему сдѣлать: ибо изъ уваженія къ оной не хотѣлъ онъ держать ее въ своей ложницѣ. Случилось мнѣ тогда, и другому Епископу Синикійской церкви Максимину, быть не въ дальнемъ разстояніи; онъ просилъ насъ, дабы мы къ нему пріѣхали. И какъ по пріѣздѣ нашемъ все намъ подробно расказалъ, то и просилъ, дабы оную гдѣ либо зарыть въ землю, и тамъ сдѣлать храмъ молитвенный, гдѣ бы Христіане могли собираться и отправлять свое богослуженіе. Мы тому не воспротивились; оно такъ сдѣлано: былъ тамъ у земледѣльца сынъ, юноша разслабленный, который услышавъ о томъ, просилъ своихъ родителей немедленно отнесть его къ священному оному мѣсту. Куда принесенъ будучи, помолился, то своими ногами ставши здравъ, въ домъ возвратился.

Викторіанское селеніе отъ Иппона столичнаго города менѣе тритцати тысяч шаговъ отстоитъ; тамъ совершается память Медіоланскихъ мучениковъ Гервасія Протасія. Принесенъ туда былъ юнош бѣснующійся, который когда лежалъ тамъ или близокъ будучи къ смерти, или мертвому подобенъ, тогда на вечернее молитв словіе съ своими рабынями и нѣкоторым женами, посвятившими себя особенно Бог по обыкновенію пришла туда госпожа т го селенія. Началось пѣніе, которымъ гл сомъ возбужденъ будучи, съ ужаснымъ ст

млеціемъ бросился къ олтарю, которой опровергнуть не смѣя, или силы не имѣя, какъ бы былъ къ нему привязанъ, или прикованъ, держался за оный, и съ великимъ воплемъ просилъ о помилованіи себя (здѣсь разумѣется прошеніе бѣса) сказывая, какъ онъ напалъ на юношу и гдѣ. Наконецъ объявлялъ, что онъ выдетъ изъ него, угрожая притомъ, что онъ лишитъ его нѣкоторыхъ членовъ, кои онъ по именамъ произносилъ. Выговоривъ сіе, оставилъ юношу, но гласъ его изъ мѣста исторгнулъ такъ, что онъ на тончайшей жилкѣ висѣлъ по щекѣ, и средняя чернота онаго превратилась въ бѣлизну. Сіе увидѣвъ тогда бывшіе въ собраніи, а притомъ и еще сбѣжавшіеся на голосъ его, начали всѣ за него молиться, хотя видѣли и радовались, что онъ не неистовствуетъ, но ради ока его будучи въ прискорбности, совѣтовали искать врача. Тутъ зять его, который его туда привелъ, можетъ, сказалъ, Богъ, который изгналъ изъ него бѣса, ради молитвъ святыхъ своихъ возвратитъ ему зрѣніе. Тогда сколько могъ око исторгнутое и висящее, вложивъ на свое мѣсто, обвязалъ ораремъ, и не прежде развязать попустилъ, какъ по прошествіи семи дней. По прошествіи коихъ нашли око въ совершенномъ здравіи. Получали и другіе многіе въ томъ же мѣстѣ исцѣленіе, которыхъ ежели описывать, то книга сія мѣру свою превзойдетъ.

Знаю

Знаю одну дѣвицу Иппонійскую, которая помазаніемъ елея, надъ коимъ пресвитеръ читалъ молитвы, отъ бѣснованія избавилась.

Знаю также Епископа, который за юношу, имъ невидѣннаго, молился, и юношу онаго отъ бѣса свободилъ.

На воды Тибилитанскія приизношеніи мощей славнаго мученика Стефана Епископомъ Проектомъ, великое множество стекалось отвсюда народа. Тамъ слѣпая жена упросила нѣкоторыхъ довести себя до Епископа, священный залогъ носящаго. Доведена бывши, цвѣты, которые имѣла въ рукахъ, положила къ мощамъ, и паки ихъ взяла; приложила къ очамъ, и тотчасъ прозрѣла. И и удивленіи всѣхъ, тамъ бывшихъ, шла отъ радости впреди народа, не требуя, какъ прежде, себѣ вожатаго.

Во время памяти, тогожъ мученика совершаемой въ крѣпости Синикійской, отстоящей не далече отъ Иппонійской колоніи, тамошній Епископъ Лукиллій при предшествіи и послѣдованіи народа носилъ мощи тогожъ мученика, то ношеніемъ оныхъ исцѣлился отъ долговременной болѣзни нечаянно, и не нашелъ оныя болѣзни на тѣлѣ своемъ и слѣдовъ.

Евхарій пресвитеръ изъ Испаніи, живущій въ Каламѣ, совершеніемъ памяти тогожъ мученика, которую совершать ввелъ Поссидій Епископъ, отъ долговременной

камен-

каменной болѣзни избавился. Той же самый послѣ того отъ иной болѣзни такъ изнемогъ, что лежалъ какъ мертвый, которому уже и большіе персты были связаны: тогда какъ принесли изъ того мѣста, гдѣ память совершаема была первомученика, пресвитерская одежда и положена надъ бездыханно лежащимъ, то оный тотчасъ осталъ.

Въ томъ же мѣстѣ былъ мужъ, по достоинству своему первый, именемъ Марціалъ, человѣкъ уже престарѣлой, отъ Христіанства крайнѣ удаляющійся; имѣлъ дочь Христіанку, и зятя, въ томъ годѣ крестившагося, которые въ тяжкой его болѣзни хотя со слезами просили, дабы онъ принялъ Христіанскую вѣру, однако онъ совсѣмъ отъ того отрекся, и ихъ съ негодованіемъ отъ себя изгналъ. Зять его за благо разсудилъ итти къ памяти Святаго Стефана, и тамъ отъ всего сердца молиться, дабы даровалъ ему Богъ разумъ истинный, по силѣ котораго не отлагалъ бы онъ болѣе принять Христіанское благочестіе. Учинилъ онъ то съ великими воздыханіями, съ слезами, съ горящимъ благоговѣніемъ и усердіемъ; и возвращаясь оттуда, взялъ нѣсколько цвѣтовъ отъ олтаря, кои тамъ прилучились, и ночью положилъ оному подъ голову; всѣ тогда уже покоились: тогда вдругъ предъ свѣтомъ закричалъ оный старикъ, дабы бѣжали скорѣе за Епископомъ,

ко-

который тогда былъ со мною въ Иппонѣ. А какъ услышалъ, что онаго нѣтъ, то просилъ, дабы пришли къ нему пресвитеры. Они пришли, и онъ съ своей стороны объявилъ, что онъ принимаетъ вѣру: чего для при радости всѣхъ и удивленіи крещенъ. И покуда жилъ, произносилъ оныя непрестанно слова: Христе! пріими духъ мой. И хотя не зналъ, что сіи слова были послѣднія первомученика Стефана, когда побиваемъ онъ былъ каменіемъ отъ Іудеевъ, однако тѣжъ самыя слова были и ему послѣдними; ибо по прошествіи немногаго времени онъ скончался.

Получили тамъ же исцѣленіе двое безпокоимые подагрою, изъ коихъ одинъ былъ тамошній житель, другой пришлецъ, но гражданинъ тамошній незапно; пришлецу же было откровеніе, дабы приложилъ вещь, ему показанную, когда болѣзнію мучиться будетъ; которое какъ скоро онъ учинилъ, то тотчасъ свободился отъ болѣзни.

Есть селеніе, Авдуръ называемое, гдѣ находится и церковь въ память мученика Стефана; въ ономъ нѣкоторый отрокъ, играющій на гумнѣ, отъ воловъ везущихъ возъ колесомъ раздавленъ былъ, и въ тожъ время лишился жизни. Мать его взявъ отнесла къ оному памяти мучениковой храму и положила, который не только ожилъ, но и знаковъ никакихъ вреда онаго неимѣющимъ оказался.

Нѣ-

Нѣкоторая дѣвица въ селеніи Каспаліанскомъ когда занемогла и была уже отчаяна, тогда послали одежду оной къ памяти мученика; но покуда еще съ оною не возвратилась, она между тѣмъ скончалась. Однако родители сею принесенною одеждою покрыли трупъ оной и немедленно оная востала жива и здрава.

Въ Иппонѣ Вассъ нѣкоторый Сирянинъ въ храмѣ памяти тогожъ мученика молился о дщери, находящейся въ опасной болѣзни, и съ собою носилъ туда ея одежду; но какъ онъ еще не совершилъ своей молитвы, прибѣгли рабы его, возвѣщая, что дщерь его скончалась. Однако, дабы не пресѣчь его моленіе, то други его удержали рабовъ, и объявлять о томъ запретили, дабы не сдѣлать того, чтобъ онъ всенародно плакалъ. Но какъ скоро онъ въ домъ свой возвратился и услышалъ, что воплемъ домашнихъ наполняется домъ, тогда повергъ одежду дщери своей, которую съ собою носилъ, на трупъ, и оная немедленно воскресла.

Тамъ же у насъ, когда у Иринея нѣкоего сборщика сынъ отъ болѣзни скончался, и тѣло его лежало бездушно, и при плачѣ всѣхъ и рыданіи пріуготовляемо было все къ его погребенію, то одинъ изъ числа друговъ его утѣшающихъ сказалъ, дабы преставльшагося помазали елеемъ отъ тогожъ мученика. Какъ скоро оное учинили, такъ скоро оный умершій воскресъ.

Пол-

Полковникъ у насъ же Елеузинъ умершаго своего сына отнесши положилъ въ храмѣ, памяти тогожъ мученика посвященномъ, и помолившись со многими слезами, воспріялъ онаго жива.

Что мнѣ дѣлать? Исполненіе обѣщанія, дабы сократить сочиненіе сіе, нудитъ меня поспѣшать, такъ что я не могу всего исчислить, что знаю, и не не вѣдаю, что многіе изъ нашихъ, когда сіе будутъ читать, станутъ сожалѣть и негодовать на меня, что я много оставилъ, о чемъ и они также извѣстны, которыхъ я нынѣ прошу, дабы они того на мнѣ не взыскивали, и помыслили, сколь продолжительнаго труда требуетъ, дабы оное учинить, что меня необходимость предпріятаго сочиненія заставляетъ пропустить. Ибо естьлибъ чудеса однихъ цѣленій восхотѣлъ я описать, уже о прочихъ не упоминая, которыя чрезъ сего мученика, то есть преславнаго Стефана содѣланы, въ колоніи Каламинской и въ нашей единственно, то многія сочинить потребнобъ было книги; однако всего собрать мы не могли, но только которыя въ списки введены читаемыя народу. Ибо мы быть тому приказали, когда видимъ, что подобныя древнимъ чудеса и въ наши времена содѣваются, дабы оныя не изгладились изъ памяти. Нѣтъ же еще двухъ лѣтъ, какъ въ Иппонѣ столичномъ городѣ начали совершать память сего мученика, и притомъ, какъ намъ и

всѣмъ извѣстно, многія чудеса не внесены въ списокъ, однако внесенныхъ въ книги число простирается до седмидесяти уже, когда я сіе писалъ. Въ Каламѣ же, гдѣ совершается сія память гораздо прежде, гдѣ и чудесъ болѣе несравненно, безчисленнымъ множествомъ превосходятъ. Въ Узалѣ также колоніи, отстоящей не далеко отъ Утики, знаемъ сколь многія содѣланы тѣмъ же мученикомъ чудеса, гдѣ память его прежде празднована, нежели какъ оная къ намъ введена Епископомъ Еводіемъ. Но у нихъ нѣтъ обыкновенія записывать оныя чудеса въ книги, или лучше сказать не было: ибо нынѣ можетъ быть уже и начали. Понеже мы какъ тамъ недавно были, то совѣтовали съ позволенія тамошняго Епископа Петроніи, знаменитой женѣ, которая будучи въ тяжчайшей болѣзни, и отъ всѣхъ лѣкарей оставлена, чудесно отъ оной болѣзни исцѣлилась, дабы она вписала свою повѣсть въ книгу для прочтенія народу, и для вписанія прочихъ чудесъ тщалась, на что она охотно согласилась, въ которой повѣсти, о чемъ умолчать я не могу, хотя и поспѣшаю окончать книгу, приложила и сіе, что Іудеанинъ нѣкоторой присовѣтывалъ ей, надѣвъ перстень на поясъ шерстяный, опоясывать по нагому тѣлу, въ которомъ перстнѣ былъ камень обдѣланъ, найденный въ почкахъ воловьихъ. Опоясавъ оный какъ средство, къ храму святаго мученика ходила,

но

но отправясь изъ Карѳагена, и бывъ въ своей отчинѣ при рѣкѣ Баградѣ, когда по снѣ востала для докончанія пути остальнаго, увидѣла лежащъ оной перстень предъ ногами ея, тогда начала она осязывать руками шерстяный свой поясъ, и къ удивленію своему нашла оный неразвязаннымъ. Не нашедъ рѣшенія своему сомнѣнію, обратила вниманіе свое на перстень, думая, что оный преломился, и потому спалъ. Но какъ и оный нашла въ цѣлости, то какъ бы принявъ залогъ будущаго своего здравія отъ такого чуда, и развязавъ оныя узы, то есть поясъ, бросила купно съ перстнемъ въ рѣку. Сему не вѣруютъ тѣ, которые не признаваютъ, что Господь Іисусъ, не разрушивъ печати дѣвства, родился, и затворенными сущимъ дверемъ къ ученикамъ пришелъ. Однако пускай изслѣдуютъ сіе, и ежели найдутъ оное неложнымъ, то должны будутъ и оному вѣрить. Женщина оная знатная, знаменитаго рода, знатнаго мужа жена, живущая въ Карѳагенѣ. Городъ славный, славная фамилія и особа, и такъ не можетъ быть то любопытствующимъ скрыто. Самъ мученикъ въ Родившагося отъ Приснодѣвы, и дверемъ заключеннымъ къ ученикамъ вшедшаго вѣровалъ, котораго ходатайствомъ оная жена изцѣлилась; наконецъ вѣровалъ въ того, который на небеса съ плотію, въ коей воскресъ, возшелъ, и для того имъ толикія дѣлаются чудеса, понеже

онъ душу свою за сію вѣру положилъ. И такъ дѣлаются и нынѣ многія чудеса дѣйствіемъ и силою того же Бога, чрезъ коихъ хощетъ, и какимъ образомъ хощетъ, который и читаемыя нами творилъ; но нынѣшнія не столь въ памяти людской впечатлѣваются, дабы не могли изъ оной изгладиться, и для того часто напоминаемы чрезъ чтеніе бываютъ. Ибо гдѣ и тщаніе есть, какъ нынѣ у насъ быть начало, что повѣсти получившихъ благодѣянія прочитываемы бываютъ народу: то единожды слушаютъ оное тѣ только, кои присутствуютъ, а множайшихъ въ томъ собраніи не бываетъ; да и присутствовавшіе чрезъ нѣсколько дней уже того, что слышали, не помнятъ, и рѣдкой найдется изъ оныхъ, который бы не бывшему изъяснилъ, что самъ слышалъ. Одно сдѣлалось у насъ чудо, которое хотя не болѣе тѣхъ, о коихъ мы выше упоминали, но столь всѣмъ извѣстное, что, я думаю, ни одного не найдется Иппонійца, который бы сего не видалъ, или не слыхалъ, и ни одного, которой бы забыть оное возмогъ. Было десять человѣкъ единоутробныхъ, изъ коихъ седмь мужеска и трое женска пола, изъ Кесаріи Каппадокійскія не послѣдніе между своими гражданами, которые овдовѣвшею ихъ матерью за оскорбленіе, ей ими учиненное, прокляты, и за таковое преступленіе предъ нею наказаны отъ Бога тѣмъ,

что

что всѣми своими членами тряслися ужасно, въ каковомъ гнусномъ видѣ согражданамъ своимъ болѣе являться не хотя, разошлися по государству Римскому, кому куда за благо разсудилось. Изъ тѣхъ числа и къ намъ пришли двое, братъ и сестра, Павелъ и Палладія, которые уже въ другихъ мѣстахъ потому были знаемы. Пришли же они до Пасхи почти за пятнатцать дней, ходили всегда къ церкви и памяти святаго и славнаго мученика Стефана, моля, дабы умилостивился Богъ, и возвратилъ прежнее ихъ здравіе. И когда хаживали изъ церкви куда либо, всѣхъ гражданъ очи на себя обращали. Нѣкоторые въ другихъ мѣстахъ бывшіе, и вину трясенія ихъ знающіе, разсказывали о томъ другимъ. Наступила и Пасха, и въ самый воскресный день, когда уже народу безчисленное было множество, оный юноша стоялъ въ придѣлѣ, гдѣ мученикъ былъ почитаемъ, потомъ повергся на землю, и лежалъ подобясь спящему, однако не трясясь, какъ съ нимъ и во время сна то бывало. Когда изъ предстоящихъ иные изумѣвались, другіе ужасались, а иные соболѣзновали, другіежъ поднять его хотѣли, тогда нѣкоторые возбранили дѣлать оное, но присовѣтовали ожидать окончанія. Онъ скоро восталъ и уже не трясся, понеже исцѣлился и стоялъ твердо, смотря на зрителей. Кто же изъ зрителей не восхвалялъ тутъ

 Бога?

Бога? Наполнилась церковь гласомъ вопіющихъ и восклицающихъ. Потомъ бѣгутъ спѣшно ко мнѣ, гдѣ я сидѣлъ, имѣя начать шествіе. Бѣгутъ и другіе по нихъ одни за другими, возвѣщая какъ нѣчто новое, которое есть тожъ самое, что уже я слышалъ. При радованіи моемъ и благодареніи Богу входитъ онъ со многими самъ, повергается къ ногамъ моимъ, потомъ востаетъ и подъемлется лобзать меня. Вышли мы къ народу, церковь была полна и наполнялась гласомъ радости: одинъ говорилъ: благодареніе Богу; другіе восклицали: хвалите Бога: однимъ словомъ, никто не молчалъ. Привѣтствовалъ я обыкновеннымъ образомъ народъ, но онъ восклинкулъ съ большимъ усердіемъ тожъ самое. По утишеніи наконецъ совершаемо было обыкновенное чтеніе Священнаго Писанія. И какъ дошло по порядку до моего поученія, я сказалъ нѣчто пристойное времени и таковой радости; ибо я внушилъ народу, дабы онъ въ божественныхъ не краснорѣчія слышать стремился, но упражнялся въ размышленіяхъ. Оный юноша съ нами въ той день обѣдалъ, и подробно о себѣ и своихъ братьяхъ и матери разсказалъ повѣсть. Послѣ того по окончаніи слова къ народу обѣщался я во утріи повѣсть сію сообщить для прочтенія предъ народомъ. Когда оная въ третій день Пасхи читаема была, тогда приказалъ я

пе-

поставить и юношу онаго и сестру его на степенехъ возвышеннаго мѣста, съ верьху котораго говаривалъ я рѣчи къ народу. Смотрѣлъ весь народъ обоего пола, и видѣлъ, что одинъ стоитъ не трясясь, другая же всѣми членами тряслася. И которые не видѣли прежде онаго, коликаго удостоился онъ милосердія Божія, тѣ видѣли оное въ его сестрѣ. Ибо видѣли, чѣмъ въ немъ радоваться, въ чемъ за оную надлежитъ молиться. Между тѣмъ по прочтеніи ихъ повѣсти приказалъ я имъ удалиться отъ зрѣнія народа и о томъ самомъ началъ я обстоятельнѣе къ народу бесѣдовать. Но вдругъ гласы новыя радости отъ мѣста, гдѣ мученику совершаема была память, произошли. Обратились туда всѣ слушавшіи меня, и начали сбѣгаться. Ибо сестра онаго юноши, какъ скоро сошла со степеней, на коихъ стояла, прямо пошла къ святому мученику молиться. И какъ только начала, то также повергласъ какъ бы ко сну, и потомъ востала здрава. И такъ когда мы вопрошали, чтобъ такое сдѣлалось, отъ чего оной радостный шумъ произшелъ, тогда немедленно входятъ къ намъ въ настоящій храмъ, гдѣ мы были, ведя съ собою оную здраву отъ мѣста, посвященнаго мученику. Толикое тогда съ удивленіемъ и слезами соединенное произошло восклицаніе отъ обоего пола, что мы и конца оному дождаться не на-

дѣялись. Приведена паки на то мѣсто, гдѣ не за долго предъ тѣмъ стояла трясяся. Радовался весь народъ, видя, что она стала подобна брату, о которой прежде соболѣзновали, что и она не исцѣлилась. Еще не проливалъ народъ молитвъ къ Богу о ней, но Богъ предварительно хотѣнiе народа скоро услышалъ, и исполнилъ. Произносимы были въ хвалу Божiю гласы, которые безъ словъ толь всюду разливались, что слухъ нашъ едва снести былъ въ силахъ. Что же было въ сердцахъ радующихся, кромѣ вѣры во Христа, за которую Стефанъ кровь свою излилъ?

Глава седьмая.

Что всѣ чудеса, кои чрезъ мучениковъ Христовымъ именемъ бываютъ, той вѣрѣ свидѣтельство подаютъ, и оную одобряютъ, которою мученики во Христа вѣровали.

Сiи чудеса какую вѣру одобряютъ, кромѣ оной, въ которой проповѣдается Христосъ воскресшимъ во плоти, и на небеса вознесшимся съ плотiю? Ибо и самые мученики сея вѣры мучениками, то есть свидѣтелями были, сей вѣрѣ свидѣтельство подавая, мiра вражду и жестокость претерпѣли, и оный, не оружiя противъ его употребляя, но умирая побѣдили. За сiю вѣру скончались тѣ, которые таковое у Господа испросить могутъ, за имя котораго они убiены. За сiю вѣру пред-

предшествовало чудное ихъ терпѣніе, дабы въ сихъ чудесахъ явилась ихъ толикая сила. Ибо ежели воскресеніе тѣлъ на вѣки или не предшествовало во Христѣ, или совсѣмъ быть не имѣетъ, какъ предсказано отъ Христа, или какъ предвозвѣщено оно Пророками, коими предреченъ и Христосъ: то для чего мученики толико могутъ, которые за оную вѣру, въ коей воскресеніе проповѣдается, умерщвлены? Ибо хотя Богъ самъ чудеснымъ образомъ, коимъ будучи вѣчнымъ, временныя вещи творитъ, хотя чрезъ своихъ слугъ, дѣлаетъ: и то самое, что чрезъ слугъ дѣлаетъ, хотя нѣчто дѣлаетъ чрезъ души мучениковъ, какъ и чрезъ людей, въ плоти еще находящихся, хотя все оное чрезъ Ангеловъ, коимъ не видимо, неизмѣнно и невещественно повелѣваетъ, дѣлаетъ, такъ что то, кое мучениками творимое почитается, дѣлается ихъ молитвами и прошеніемъ; или хотя иное такимъ, другое другимъ образомъ бываетъ, котораго смертные никакъ постигнуть не могутъ: однако все той вѣрѣ свидѣтельство подаетъ, и ту вѣру одобряетъ, въ которой плоти на вѣки воскресеніе проповѣдается.

Глава осьмая.

Сколь достойнѣе почитаются мученики, которые для того многія дѣлают чудеса, дабы люди истиннаго Бога почитали, нежели демоны, которые что дѣлают, то дѣлают для того, дабы люди вѣрили, что они боги.

Здѣсь может быть скажут, что и их боги (языческіе) нѣкоторыя дѣлали удивленія. Изрядно, ежели они начинают богов своих сравниват с нашими умершими людьми. Или скажут, что и они имѣют богов из людей умерших, как то Геркулеса, Ромула и других, коих в число богов принятыми почитают? Но у нас мученики не боги: понеже мы знаем, что и нашим и мучеников Богом есть един; при всем том чудеса, дѣлаемыя чрез мучеников, никаким образом сравнить не можно с чудесами, описываемыми у них. Но ежели оныя нѣсколько кажутся подобными, то как от Мѵсея волхвы Фараоновы, так боги их побѣждены от наших мучеников. Дѣлали же оное демоны с тѣм намѣреніем непотребной гордости, коим у них богами быть хотѣли. Мученики напротив дѣлают, или наипаче Бог их молитвами и ходатайством, дабы вѣра оная успѣвала, по силѣ которой вѣрим, что они не боги наши, но что они с нами единаго

го Бога имѣютъ. Потомъ язычники богамъ своимъ таковымъ и храмы и жертвенники и священниковъ поставляли, и жертвы имъ приносили; а мы мученикамъ нашимъ не храмы какъ богамъ, но памяти какъ людямъ умершимъ созидаемъ, коихъ души живутъ у Бога, и не поставляемъ имъ престоловъ и жертвенниковъ, дабы на оныхъ мученикамъ приносить жертвы, но единому Богу и мучениковъ и нашему жертву приносимъ, при которой жертвѣ мучениковъ какъ человѣковъ Божіихъ, побѣдившихъ міръ исповѣданіемъ, въ своемъ мѣстѣ и чинѣ имянуемъ, однако священникъ служащій ихъ не призываетъ. Ибо Богу, а не имъ жертву приноситъ, хотя въ ихъ памяти оное дѣйствуетъ, понеже онъ Божій есть священникъ, а не ихъ. Самою же жертвою есть тѣло Христово, которое не приносится имъ. И такъ которымъ наипаче надлежитъ вѣрить чудеса творящимъ? Тѣмъ ли, которые сами богами почитаемы быть хотятъ отъ оныхъ, коимъ дѣлаютъ; или тѣмъ, которые что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ для того, дабы люди вѣровали въ Бога, коимъ и Христосъ есть? Тѣмъ, которые требовали, дабы и пороки ихъ были имъ жертвою; или тѣмъ, кои ни хвалы своей не хотятъ себѣ въ жертву, но всебѣ то, что они неложно хвалимы бываютъ, къ славѣ того спѣлось, въ коемъ они хвалятся? Въ Господѣ бо хва-

лят-

лятся души ихЪ. Да вѣруемЪ убо и истинная и неложная глаголющимЪ, и чудная творящимЪ. Ибо говоря они истинное, пострадали, дабы могли дѣлать чудное. ВЪ числѣ истиннаго ими глаголаннаго главнымЪ было то, что ХристосЪ воскресЪ изЪ мертвыхЪ, и безсмертія воскресеніе вЪ своей плоти первый показалЪ, которое и намЪ обѣщалЪ или вЪ началѣ новаго вѣка, или вЪ концѣ сего.

Глава девятая.

ПротивЪ ПлатоническихЪ философовЪ, которые изЪ природныхЪ стихій тягостей доказываютЪ, что земному тѣлу на небеси быть не можно.

ПротивЪ толь великаго Божія дарованія мудрецы, коихЪ *вѣсть Господь помышленія, яко суть суетна*, изЪ тягостей стихій доказываютЪ невозможность онаго: понеже у своего учителя Платона научились, что два главныя міра тѣла и великія двумя средними, воздухомЪ то есть и водою, соединены. И потому говорятЪ, поелику земля отЪ насЪ есть первою, второю вода выше земли, третій воздухЪ выше воды, четвертое небо выше воздуха: слѣдовательно не можетЪ быть земное тѣло на небѣ. Ибо тягостію своею, дабы могли хранить порядокЪ, всѣ стихіи соразмѣряются. ВотЪ какими доводами чело-

ловѣческое безсиліе, обладаемое суетою и неразуміемъ, противорѣчитъ всемогуществу Божію. Что же дѣлаютъ въ воздухѣ толь безчисленныя земныя тѣла, когда отъ земли воздухъ есть третьимъ? Не уже ли даровавшій чрезъ легкость перьевъ и пуху земнымъ птицъ тѣламъ, дабы онѣ носимы были въ воздухѣ, не можетъ безсмертіе получившимъ тѣламъ человѣческимъ дать силы и способности, дабы оныя могли жить на небѣ? И животныя самыя земныя, которыя летать не могутъ, въ числѣ коихъ заключаются и люди, такъ какъ подъ водою рыбы, сущія животныя водныя, всенепремѣнно подъ землею жить долженствуютъ. Для чегожъ по крайней мѣрѣ не отъ второй, то есть воды, но отъ третіей стихіи жизнь животныя земныя получаютъ? Для чего, когда принадлежатъ они къ землѣ, во второй сущей выше земли стихіи, естьли принуждены будутъ жить, немедленно лишаются жизни, и дабы жить, то живутъ въ третьей? Не уже ли не въ устройствѣ находится сей порядокъ стихій, или лучше сказать, не въ природѣ вещей, но въ ихъ доказательствахъ изнемогаетъ? Я уже умалчиваю о томъ, что выше въ книгѣ третіейнадесять говорилъ, сколь много тяжелыхъ земныхъ тѣлъ, какъ на примѣръ свинецъ, однако ежели отъ художника образъ инаковой пріиметъ, можетъ плавать по водѣ:

такъ

такъ для чегожъ противоръчатъ всемогущему Художнику, что Онъ можетъ одарить тъло человъческое таковымъ качествомъ, что оно въ состояніи будетъ возноситься на небо, и пребывать на небъ? Но противъ и онаго, о чемъ я выше говорилъ, то есть разсуждая о порядкъ стихій, на которой они надъются, не находятъ, что отвътствовать. Ибо начиная отъ насъ, земля есть первою, вода второю, третьимъ воздухъ, четвертымъ небо, такъ что природа души есть выше всего. Ибо и Аристотель душу пятымъ тъломъ называетъ, а Платонъ не тъломъ. Естьлибъ была душа пятымъ тъломъ, то она будетъ выше всъхъ. Естьлижъ не тъло, то кольми паче превосходитъ все. Что же она въ земномъ тълъ дълаетъ? Въ семъ составъ, что дъйствуетъ тончайшая всъхъ? Въ сей тягости, что легчайшая всъхъ? Въ сей неудободвижимости, что поспъшнъйшая всъхъ? Не уже ли сея толь превосходныя природы свойство не можно статься, дабы тъло оныя вознесено было на небо? И когда въ силахъ природа тълъ нынъ влещи души внизъ, то не могутъ ли и души нъкоторымъ образомъ поднять горъ земныя тъла? Ежелижъ разсмотрътъ языческія чудеса, которыя они противополагаютъ мученикамъ нашимъ, и которыя мнимыми богами ихъ сдъланы: то не пособствуютъ ли оныя намъ, и не споспъшествуютъ ли совершен-

шенно? Ибо между прочими боговЪ своихЪ чудесами великими не малымЪ полагаютЪ то, что ВарронЪ пишетЪ. Весталъская дѣвица, когда была вЪ опасности лишиться жизни за донесенное на оную любодѣянiе, наполнила рѣшето водою изЪ Тибра, и кЪ своимЪ судьямЪ, такЪ что ни капля оной воды на землю не пала, принесла. Кто тягость воды вЪ рѣшетѣ удержалЪ? Кто не попустилЪ чрезЪ столь безчисленныя скважины пасть ни единой каплѣ на землю? Отвѣтствовать будутЪ: богЪ нѣкакой, или нѣкакой демонЪ. Естьли богЪ, то не уже ли онЪ болѣе того Бога, который сотворилЪ сей мiрЪ? Естьли демонЪ, то не уже ли онЪ сильнѣе Ангела, служащаго Богу, которой сотворилЪ вселенную? И такЪ ежели БогЪ меньшiй, по ихЪ понятiю, или демонЪ могЪ тягость влажной стихiи удержать такЪ, что по видимому воды премѣнилась природа: то столь ли БогЪ немощенЪ, который сотворилЪ стихiи, что не можетЪ отнять тягости тѣла, дабы вЪ той же стихiи могло оно жить, вЪ которой духЪ, оное оживотворяющiй? ПотомЪ когда воздухЪ среднимЪ полагаютЪ между огнемЪ, горѣ находящимся, и водою внизу, для чегожЪ мы находимЪ огонь между водою и водою, и между водою и землею? Для чего также между водяными облаками и морями воздухЪ находится вЪ срединѣ? ОтЪ какой, скажи пожалуй, стихiй тяго-

сти

сти и порядка происходитъ, что ручье сильные и многоводные прежде нежели начинаютъ подъ воздухомъ на земли течь, выше воздуха на облакахъ висятъ? Для чего наконецъ воздухъ находится между высотою небесъ и дольности земли, гдѣ ни простирается, естьли мѣсто его между небомъ и водами, какъ водъ между имъ и земли устроено? Напослѣдокъ естьли стихій порядокъ такъ устроенъ, что по мнѣнію Платонову двумъ среднимъ, то есть воздуху и водѣ, двѣ другія, то есть огонь и земля соединяются, и небеса одержатъ горнее мѣсто, сія же преисподнее, какъ бы основанія міра, и потому на небеси быть не можетъ земля, для чегожъ самый огонь на земли? По сему разсужденію сія двѣ стихіи въ мѣстахъ собственныхъ преисподнемъ и горнемъ земля и огнь быть долженствовали, такъ что естьли не хотятъ допустить преисподнему быть горѣ, такъ на преисподнемъ не долженствуетъ быть горнее; слѣдовательно какъ думаютъ, что никакой не находится и быть не можетъ части земной на небеси, такъ не надлежало видѣть намъ ни одной частицы на земли огня. Нынѣ же не только на земли, но и въ земли такъ находится, что оный выбрасываютъ изъ себя верьхи горъ, выключая то, что для употребленія человѣческаго и на земли есть и раждается отъ земли, когда раждается онъ отъ

дре-

древа и камня, которыя тѣла безъ сомнѣнія земныя. Но оной, говорятъ, огнь есть тихій, чистый, невредительный, присносущный; сей же волнующійся, или бурный, дымный, тлѣнный и въ тлѣніе приводящій. Однако онъ не разрушаетъ горъ, въ коихъ пылаетъ, и пещеръ земныхъ. Да пускай такъ, пускай онъ различенъ отъ сего, дабы сходствовалъ съ земнымъ пребываніемъ; для чегожъ не вѣрятъ, и не хотятъ, дабы мы вѣрили, что природа земныхъ тѣлъ, ставшись нѣкогда нетлѣнною, будетъ приличною небесамъ, такъ какъ нынѣ огнь тлѣнный сей приличествуетъ землѣ? И такъ ничего они не доказываютъ изъ тяжести и порядка стихій, чрезъ что бы могли они предписать всемогущему Богу, дабы Онъ не содѣлалъ нашихъ тѣлъ таковыми, чтобъ оныя и на небесахъ обитать могли.

Глава десятая.

Противъ клеветы невѣрныхъ, которые вѣруемому Христіянами воскресенію мертвыхъ смѣются.

Но вопрошаютъ, и вѣрѣ, коею мы вѣруемъ, что тѣла имѣютъ воскреснуть, такъ обыкновенно смѣются: младенцы, говорятъ, во чревѣ матернинѣмъ прежде рожденія умершіе, воскреснутъ ли? И поелику Господь реклъ: *Аминь глаголю вамъ, влась*

главы вашея не погибнетъ: то возрастъ и сила равная ли быть имѣетъ у всѣхъ, или различныя тѣлъ количества? Естьли будетъ равенство тѣлъ, то откуда получатъ они то, чего здѣсь не имѣли въ возрастѣ тѣлесномъ умершіе прежде рожденія во чревѣ матернином, ежели воскреснутъ и они; а ежели не воскреснутъ, понеже они и не родились, то тожъ заключаютъ и о младенцахъ, откуда имъ мѣра тѣла, которой нынѣ не имѣютъ, приложится, естьли они въ томъ своемъ возрастѣ умираютъ? Ибо сказать мы не можемъ, что они воскреснутъ, которые къ рожденію, но и ко отрожденію были способны. Потомъ вопрошаютъ, каковую мѣру самое равенство имѣть будетъ. Ибо ежели столь будутъ высоки, каковы были здѣсь самые огромные возрастомъ, то не только о младенцахъ, но и о многихъ возрастныхъ вопрошаютъ, откуда они получатъ, чего у нихъ здѣсь не доставало, естьли всякъ тамъ то воспріиметъ, что здѣсь имѣлъ? Естьли же, что здѣсь Апостолъ говоритъ, *достигнемъ всѣ мы въ мѣру возраста исполненія Христова*: или оное вовторыхъ: *Ихъ же предустави сообразныхъ быти образу Сына своего*, такъ разумѣть, что возрастъ и мѣра Христова тѣла у всѣхъ, кои въ царствіи Его будутъ, имѣютъ быть: то у многихъ, говорятъ, великости и долготы убавлять будетъ должно. Гдѣжъ будетъ

спра-

справедливость онаго: *Власъ главы вашея не погибнетъ*, естьли отъ самаго количества тѣла столь много погибнетъ? Хотя и о самыхъ власахъ вопрошать можно, возвратится ли все то, что чрезъ стриженіе оныхъ спадаетъ? Естьли возвратится, то кто не ужаснется онаго безобразія? Ибо и о ногтяхъ по видимому тожъ воспослѣдуетъ, что возвратится все то, что опрятность человѣческая часто отдѣляла. Гдѣжъ будетъ благолѣпіе, которое несравненно большее въ ономъ безсмертіи быть долженствуетъ, нежели могло въ сей тлѣнности? Естьлижъ не возвратится, слѣдовательно погибнетъ; какъ же, говорятъ, будетъ неложнымъ: *Власъ главы вашея не погибнетъ*? О сухости, также и тучности подобно разсуждаютъ; ибо ежели равными всѣ будутъ, слѣдовательно одни тучными, другіе сухощавыми не будутъ: и такъ либо у однихъ прибавится, либо у другихъ умалится. И потому не то воспріято будетъ, что было; но индѣ прибавится, чего не было; индѣ умалится, что было. И по самому истлѣнію тѣлъ умершихъ разсуждая, когда иное обращается въ прахъ, другое претворяется въ пары, нѣкоторыя звѣри, а нѣкоторыя огнь снѣдаетъ; иныя утопаютъ въ водахъ, и премѣняются въ влажную гнилость, не вѣрятъ, дабы всѣ оныя возобновлены и въ прежній видъ плоти собраны были отвсю-

ду части. Продолжаютъ также предлагать о безобразіи и порокахъ тѣлесныхъ, или съ коими нѣкоторые люди раждаются, или которые въ жизни уже приключаются, гдѣ и о уродахъ съ ужасомъ и насмѣшкою упоминаютъ, и вопрошаютъ, каково каждаго изъ оныхъ безобразій воскресеніе быть имѣетъ? Ибо ежели по воскресеніи на тѣлахъ человѣческихъ не будетъ, то думаютъ, что сказаніе наше и увѣреніе о мѣстахъ язвъ, съ коими Господа нашего Христа воскресшимъ проповѣдуемъ, сами чрезъ то отвергнемъ. Но между всѣми сими наитруднѣйшій предлагаютъ вопросъ: въ чье тѣло возвратится оное человѣческое тѣло, коимъ другій принужденный гладомъ питался? Ибо оно превратилось въ тѣло того, кто онымъ питался, и тѣ недостатки наполнялъ, которые худость и сухота показывали. И такъ вопрошаютъ, къ кому оное тѣло возвратится, къ тому ли, чье оно было прежде, или къ тому наипаче, котораго послѣ сталось? Вопрошаютъ же для того, дабы вѣрѣ воскресенія посмѣяться. И такимъ образомъ душѣ человѣческой или измѣняемое, какъ думаетъ Платонъ, истинное нещастіе и ложныя обѣщать блаженства; или, дабы утвердить, что душа по многимъ и различнымъ скитавшись тѣламъ, нѣкогда, какъ Порфирій говоритъ, окончаетъ свою бѣдность и къ оной никогда не возвратит-

тится; однако не тѣло безсмертное имѣя, но удаляясь всякаго тѣла.

Глава перваянадесять.

Во чревѣ матернемъ умершие принадлежатъ ли къ воскресенію, когда принадлежатъ къ числу мертвыхъ?

И такъ на то, что съ противной стороны, выключая мое вопросовъ оныхъ расположеніе, мнѣ предложено, при помощи Божіей, поспѣшествующей моему усилію, отвѣчаю: и вопервыхъ, что умершіе во утробѣ матерней воскреснутъ, или нѣтъ, того ни утверждать, ни опровергать не дерзаю, хотя не вижу основанія, для чего бы къ нимъ не принадлежало воскресеніе, когда они не изключаются изъ числа умершихъ. Ибо или не всѣ мертвые воскреснутъ, и будутъ нѣкоторыя человѣческія души безъ тѣлъ вѣчно, которыя тѣла хотя внутрь чрева матернина носили; или, ежели всѣ души человѣческія воспріимутъ воскресшія свои тѣла, которыя имѣли, гдѣ бы оныя ни жили, и гдѣ бы ихъ умершіе ни оставили: то не имѣю причины утверждать, что умершіе во утробахъ матернихъ не принадлежатъ къ воскресенію мертвыхъ. Впрочемъ какъ бы кто о нихъ ни разсуждалъ и ни заключалъ, однако ежели воскреснутъ младенцы рожд-

шіеся, о коихъ мы ниже говорить будемъ, то и о нихъ тожъ самое разумѣть должно.

Глава вторая надесять.

Въ томъ ли возрастѣ младенцы воскреснутъ, какой могли имѣть продолженіемъ своихъ лѣтъ?

Что же мы скажемъ о младенцахъ, кромѣ того, что они не въ той возраста мѣрѣ востанутъ, въ коей умерли? Но что они не скоро со временемъ получить имѣли, сіе чуднымъ Божіимъ дѣйствомъ мгновенно получатъ. Ибо въ словѣ ономъ Христовомъ, гдѣ сказано: *власъ главы вашея не погибнетъ*, не выговорено, что того не будетъ, что было; не отречено же, аки бы того не будетъ, чего не было. Не доставало же младенцу совершеннаго количества тѣлеснаго, которое когда имѣть будетъ, тогда уже къ возрасту его ни мало не прибудетъ. Сей совершенства образъ такъ всѣ имѣютъ, что съ онымъ зачинаются и раждаются; но сіе въ возможности, а не въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ и самые члены сокровенно находятся въ сѣмени, когда и у родившихся уже нѣкоторыхъ не достаетъ, какъ то зубовъ и прочаго подобнаго. Въ семъ случаѣ въ вещество каждое вліяна способность къ тому, дабы то, что сокровенно, или чего не достаетъ, со временемъ явилось. Въ ономъ заклю-

ключается, каковаго возраста младенецъ быть долженствуетъ. По сему разсужденію въ воскресеніи тѣлъ недостатковъ тѣлесныхъ не страшимся; понеже естьли и равенство быть имѣетъ всѣхъ, такъ что достигли бъ всѣ до возраста исполинскаго, то ни самые величайшіе въ своемъ возрастѣ не лишатся ничего по слову Христову: *Власъ главы вашея не погибнетъ*; ибо какъ можно статься, дабы у Творца, который все сотворилъ изъ ничего, не доставало, откуда приложить, что должнымъ чудный содѣтель и художникъ почитаетъ.

Глава третіянадесять.

Тѣла всѣхъ умершихъ воскреснутъ имѣютъ не въ мѣру ли Господня тѣла.

Но Христосъ въ той мѣрѣ тѣла, въ коей умеръ, воскресъ, и не можно сказать, что когда приспѣетъ время всѣхъ воскресенія, аки бы приложится тѣлу Его такое количество, котораго Онъ не имѣлъ, когда въ ономъ ученикамъ, въ коемъ ими былъ знаемъ, дабы могъ наивозрастнѣйшимъ равенъ. Естьли же скажемъ, что въ мѣру тѣла Христова должны всѣхъ тѣла приведены быть, то погибнетъ много у многихъ тѣлъ, когда напротивъ самъ Христосъ обѣщалъ, что *власъ главы не погибнетъ*. И такъ остается сказать, что всякъ въ своемъ возрастѣ, которой имѣлъ въ совершен-

 ныхъ

ныхъ лѣтахъ, востанетъ, хотя онъ въ старости умеръ; или могъ имѣть, ежели прежде лишился жизни. И такъ оное, о чемъ Апостолъ упомянулъ, то есть *о мѣрѣ возраста исполненія Христова*, разумѣть надлежитъ, что или о иномъ сказаннымъ, то есть тогда мѣра возраста Христова исполняется, когда присоединеніемъ всѣхъ въ людехъ Христіянскихъ удовъ, глава оная (Христосъ) совершеніе исполненія пріемлетъ. Или ежели сіе о воскресеніи тѣлъ сказано, то такъ разумѣть надобно, что ни выше, ни ниже совершенныхъ лѣтъ вида воскреснутъ тѣла умершихъ, но въ томъ возрастѣ и крѣпости, до котораго Христосъ достигнулъ. Ибо и ученые вѣка сего люди до тритцати лѣтъ съ немногимъ приложеніемъ къ онымъ совершенный возрастъ опредѣлили, которыя какъ скоро скончаются, тогда уже человѣкъ наклоняется къ дряхлости. И для того-то не сказано: *Въ мѣру тѣла*, или въ мѣру роста, но въ мѣру вѣка, или лѣтъ (въ Славянскомъ переведено возраста) исполненія Христова.

Глава четвертаянадесять.

Въ какомъ разумѣ понимать должно о сообразности святыхъ образу Сына Божія.

Оное также, что говоритъ Апостолъ, то есть, что предуставленные должны быть сообразными образу Сына Божія, можно

жно разумѣть по внутреннему человѣку. Почему на иномъ мѣстѣ намъ говоритъ: *Не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего.* И такъ когда преобразуемся, дабы не сообразоваться вѣку сему, тогда сообразуемся Сыну Божію. Можно и такимъ образомъ разумѣть, что какъ Онъ намъ сообразенъ былъ смертностію, такъ мы сообразны будемъ Ему безсмертіемъ, что и къ самому воскресенію тѣлъ принадлежитъ. Ежелижъ въ сихъ словахъ заключается и то, въ какомъ образѣ воскреснутъ тѣла, то какъ чрезъ вышепомянутую мѣру, такъ и чрезъ сіе сообразованіе разумѣть надобно не количество, но возрастъ, или лѣта. И такъ воскреснутъ всѣ съ таковымъ тѣломъ, съ каковымъ долженствовали бы въ совершенномъ быть возрастѣ, хотябъ прежде было тѣло или младенческое, или старостію одряхлѣвшее: ибо тогда какъ въ разумѣ, такъ и въ тѣлѣ не останется немощи. Чего для естьли кто будетъ спорить, что въ таковомъ образѣ всякъ воскреснетъ, въ каковомъ погребенъ, то я и съ таковымъ стязаться и прекословить за нужное не почитаю.

Глава пятаянадесять.

Женъ умершихъ тѣла въ своемъ ли полѣ и возрастѣ востанутъ.

Нѣкоторые по оному слову: *Дондеже достигнемъ въ единство вѣры въ мужа со-*

нетшенча, въ мѣру возраста, исполненія Христова: и сообразнымъ быти образу Сына Божія, думаютъ, что жены воскреснутъ не въ женскомъ полѣ, но всѣ въ мужескомъ; понеже, говорятъ, Богъ сотворилъ одного мужа изъ земли, жену же отъ мужа. Но по моему мнѣнію тѣ лучше умствуютъ, которые утверждаютъ, что во обоихъ полахъ воскреснутъ люди; ибо не будетъ тамъ сладострастія, которое есть виною зазрѣнія. Понеже первозданные люди, прежде нежели впали въ преступленіе, были наги, и не стыдилися. И такъ пороки отъ тѣлъ отъимутся, а природа сохранена будетъ. Женою же быть не есть порокъ, но природа, которая и отъ совокупленія и отъ рожденія имѣетъ быть свободною. Однако будутъ уды женскіе не къ древнему употребленію служащими, но къ новому благолѣпію, коимъ не будетъ привлекаемо вожделѣніе взирающаго, коего тогда совсѣмъ не будетъ, но прославляема быть имѣетъ Божія премудрость и милосердіе, который и небывшее сотворилъ, и бытіе имѣющее избавилъ отъ тлѣнія. Ибо въ началѣ рода человѣческаго созданная жена изъ ребра спящаго мужа, знаменовала пророчески Христа и церковь. Понеже сонъ оный означалъ смерть Христову, котораго умершаго и висящаго на крестѣ ребро копіемъ прободенное источило кровь и воду, которыя таинства мы знаемъ и ко-

коими созидается церковь. Поелику сего слова употребило Писаніе, въ коемъ не пишется, содѣлалъ или сотворилъ, но *созда ю въ жену*. Чего для и Апостолъ нарицаетъ церковь созиданіемъ тѣла Христова. И такъ твореніе Божіе есть жена, какъ и мужъ; но чтобъ ей быть отъ мужа, въ томъ единственно одобрено. А чтобъ ей быть такимъ образомъ, въ томъ знаменовались Христосъ и церковь. Слѣдовательно который оба пола уставилъ, тотъ оба и возставитъ. Наконецъ и самъ Христосъ, вопрошенъ бывши отъ Саддукеевъ, которые не вѣровали воскресенію, котораго будетъ женою въ будущемъ вѣкѣ жена, которую седмь братій по повелѣнію закона ради возставленія сѣмя брату своему имѣли женою; *прелъщаетеся*, сказалъ, *не вѣдуще писанія ни силы Божія*. И когда удобное было мѣсто сказать такъ: о коей вы меня вопрошаете, она не будетъ женою, но мужемъ; однако сего не выговорилъ, но рeклъ: *Въ воскресеніи бо ни женятся, ни посягаютъ, но якоже Ангели Божіи суть на небесѣхъ*. Равны они Ангеламъ по безсмертію и блаженству, а не по плоти, такъ какъ ни по воскресенію, котораго не требуютъ Ангели, поелику и умирать не могутъ. И такъ сими словами отрѣшилъ Христосъ браки по воскресеніи, а не женъ; и въ такомъ случаѣ сего не сказалъ, гдѣ такой былъ вопросъ, который сказаніемъ еди-

единаго слова, что тогда то есть женскій полъ измѣнится, удобнобъ разрѣшенъ былъ, естьлибъ Христосъ зналъ, что оно такъ будетъ. Да что болѣе? Онъ наипаче утвердилъ, что жены въ своемъ полѣ быть имѣютъ, сказавъ: *Ни женятся*, что къ мужьямъ; *ни посягаютъ*, что къ женамъ принадлежитъ. Слѣдовательно будутъ тамъ и кои женятся и кои посягаютъ, но что того тамъ дѣлать уже не станутъ.

Глава шестаянадесять.

О мужѣ совершенномъ, то есть Христѣ, и тѣлѣ Его, то есть церкви, которая есть исполненіемъ Его.

Притомъ, что говоритъ Апостолъ, *достигнемъ вси въ мужа совершенна*, должны разсмотрѣть всѣ обстоятельства цѣлаго состава, который есть нижеслѣдующій: *Сшедый, той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая. И той далъ есть, овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова: да не бываемъ къ тому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестей, въ ко-*

котварстве козней льщенія: истинствующе же въ любви да возрастимъ въ него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ него же все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію. Вотъ который есть мужъ совершенный, глава и тѣло, которое состоитъ изъ всѣхъ членовъ, кои во свое время исполнятся. Однако всегда прилагаются къ сему тѣлу, когда созидается церковь, коей глаголется: *Вы же есте тѣло Христово и уди.* И на иномъ мѣстѣ: *За тѣло*, говоритъ, *его, еже есть церковь.* Также на иномъ: *Единъ хлѣбъ, едино тѣло, есмы мнози.* О которомъ тѣла созиданіи сказано: *Къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія къ созиданію тѣла Христова.* И потомъ приложено, о чемъ мы нынѣ говоримъ: *Дондеже достигнемъ вси въ единство вѣры, и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна въ мѣру возраста исполненія Христова*, и проч. Дабы показать, въ какомъ тѣлѣ тужъ мѣру разумѣть надлежитъ, присовокупилъ, глаголя: *Да возрастимъ въ него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ него же все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части.* И такъ какъ мѣра каждой части, такъ всего тѣла, которое изъ всѣхъ своихъ частей состоитъ, есть

есть мѣра исполненія, о коей сказано: *въ мѣру возраста исполненія Христова.* О которомъ исполненіи и въ ономъ упомянулъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о Христѣ: *И того даде главу выше всѣхъ церкви, яже есть тѣло его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ.* Но ежели бы сіе къ образу воскресенія, въ коемъ всякъ будетъ, относить надлежало, то чтобъ намъ препятствовало подъ именованіемъ мужа разумѣть и жену? Ибо понять можнобъ, что мужъ здѣсь положенъ вмѣсто человѣка, какъ въ ономъ словѣ: *блаженъ мужъ боящйся Господа*; ибо здѣсь познать удобно, что блаженны и жены, боящіяся Господа.

Глава седьмаянадесять.

Что всѣ пороки тѣлесные, противные въ сей жизни благообразію, въ воскресеніи не будутъ, гдѣ при бытіи природнаго существа въ едино благолѣпіе качество и количество соединятся.

Какой же отвѣтъ дамъ о власахъ и ногтяхъ? Ибо единожды выразумѣвши, что въ тѣлѣ ничего не погибнетъ, что не причинитъ безобразія, купно уразумѣется, что то въ смѣшеніе общее смѣсится, что можетъ причинить безобразіе, а не къ мѣстамъ присовокупится, чрезъ кои обезобразится образъ. Такъ какъ естьлибъ изъ глины сосудъ былъ здѣланъ и паки превращенъ

бы-

бывши въ глину, изъ всего того смѣшенія вторично дѣлаемъ былъ бы: тогда не было бы нужды, дабы та глина, которая составляла дно, на дно паки употреблена была, когда все смѣшеніе превращается въ цѣлый сосудъ, то есть вся оная глина въ цѣлый сосудъ безъ изъятія какой либо части. Чего для ежели власы, толикократно остриженныя, или ногти обрѣзанныя, поелику составилибъ своимъ возвращеніемъ безобразіе, не возвратятся; однако у воскресшихъ не погибнутъ, понеже въ тожъ тѣло, какоебъ мѣсто что въ ономъ ни занимало, сохранивъ свою частей пристойность, измѣняемостію вещества превратится. Хотя, что говоритъ Господь, *власъ главы вашея не погибнетъ*, не о долготѣ, но о числѣ власовъ пристойнѣе разумѣть должно. Почему и на иномъ мѣстѣ говоритъ: *власы главы вашея изочтени суть вси.* Сіе же не для того я говорю, акибы думалъ, что у тѣла каковаго либо нѣчто погибнетъ что природно оно имѣетъ; но то только, что родилось къ безобразію; не для чего инаго, какъ только, дабы и отсюда показать, сколь нещастно есть состояніе человѣческое, въ которомъ тогда единственно сохранится существо, а безобразіе погибнетъ. Ибо ежели человѣкъ художникъ статую, которую какимъ ни есть случаемъ сдѣлалъ безобразною, можетъ сплавить и сдѣлать благолѣпнѣйшею, такъ что изъ существа ничего,

а

а только одно безобразіе пропадетъ; и то только, что было не пригоже и не сообразовало прочимъ частямъ, исправляетъ, что оно ни гнусности уже не станетъ казать, ни умалять количества: то что о всемогущемъ Содѣтелѣ думать надлежитъ? Не уже ли Онъ не въ силахъ будетъ всякія безобразія человѣческихъ тѣлъ не только обыкновенныя, но и рѣдкія и чудовищныя, которыя въ бѣдственной сей жизни терпимы, оному же будущему блаженству не пристойны, такъ истребить, чтобъ ничего изъ оныхъ, хотябъ оныя были природныя, но нелѣпые уметы существа тѣлеснаго, безъ всякаго умаленія существа не оставалось? И потому не должны страшиться сухіе и тучные, дабы имъ не остаться таковыми и тамъ, каковыми, ежелибъ въ ихъ было власти, и здѣсь быть бы не хотѣли. Понеже всемъ благолѣпіемъ тѣлеснымъ есть пристойность частей съ нѣкоторымъ румянца пріятствомъ; гдѣ же нѣтъ стройности частей, оное или тѣмъ намъ противно, что мало, или тѣмъ, что крайно излишно. И такъ не будетъ тамъ никакого безобразія, которое дѣлаетъ нестройность частей; тамъ и малое исправится, и то, которое менѣе гораздо, нежели надлежало, оттуда дополнится, откуда вѣдаетъ Творецъ; и то отъимется безъ нарушенія цѣлости вещества, что болѣе было, нежели приличествовало. Какоежъ будетъ

пріятство въ видѣ, гдѣ *праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ?* Ибо вѣрить должно, что сіе сіяніе въ плоти Христовой, когда Онъ воскресъ, отъ очей учениковъ наипаче было сокрыто, нежели думать, что онаго не было. Понеже зрѣніе человѣческое слабое не моглобъ снести, когда онъ отъ своихъ чрезъ вниманіе познанъ быть долженствовалъ. Къ томужъ принадлежало, что Ему и показать язвы, и осязаему быть, и пищи и питія вкусить надлежало не изъ нужды къ пищи, но по власти, коею Онъ могъ тое учинить. Когда же нѣчто бываетъ невидимо, хотябъ оно было предъ очами, хотя напротивъ другое предъ очами находящееся видится: какъ мы объ ономъ сіяніи говоримъ, что оно было, хотя было не видимо тѣми, кои на оное взирали, оное по Гречески называется *ἀορασία*, котораго слова наши переводчики не въ силахъ будучи въ Бытейской книгѣ перевесть, нарекли слѣпотою. Сею бо поражены были Содомляне, когда искали дверей праведнаго Лота, но не могли найти. Которая ежели бы дѣйствительно была слѣпота, отъ которой дѣлается, что человѣкъ ничего видѣть не можетъ, то Содомляне не дверей бы искали, но вождей пути, которые бы ихъ отвели въ домы ихъ.

Глава осьмаянадесять.

Что въ воскресеніи мертвыхъ природа тѣлъ, какимъ бы образомъ оныя разсѣяны ни были, должна будетъ во едино собрана быть.

Не могу же постигнуть, для чего мы такъ къ мученикамъ любовію расположены, что желаемъ воономъ царствіи на тѣлахъ ихъ зрѣть слѣды язвъ и ранъ, которыя они за имя Христово претерпѣли; что можетъ статься и узримъ. Ибо не безобразіе въ оныхъ, но достоинство будетъ: и нѣкоторое, хотя въ тѣлѣ, однако не тѣлесное, но добродѣтели и мужества благолѣпіе сіять станетъ. Однако не можно думать, поелику нѣкоторые мучениковъ члены отсѣчены или отрѣзаны, аки бы въ воскресеніе мертвыхъ безъ тѣхъ они быть имѣютъ, когда сказано: *Власъ главы вашея не погибнетъ*. Но ежели въ ономъ новомъ вѣкѣ будетъ пристойно, дабы слѣды преславныхъ язвъ на оной безсмертной плоти были видимы, то при цѣлости членовъ слѣды отсѣченій и отрѣзаній видимы будутъ. И такъ хотя всѣхъ приключившихся тѣлу пороковъ тогда не будетъ, однако слѣдовъ мужества духовнаго не можно назвать знаками пороковъ, и отвергать не должно. Безумія же знакомъ будетъ вѣрить, что всемогущество Творца не можетъ совокупить и собрать, что или звѣри, или огнь истребили, что или въ

прахъ

прахъ разсыпалось, или превратилось въ пары, или въ влажность; не должно думать, аки бы нѣгдѣ въ удаленномъ отъ чувствъ человѣческихъ и сокровенномъ природы мѣстѣ могло что утаиться отъ всевѣденія и власти Божіей. Ибо Бога, сколько могъ, желая опредѣлить толь великій языческій писатель Цицеронъ, говоритъ: Богъ есть умъ нѣкоторый независимый и свободный и непричастный смертнаго сложенія, все объемлющій и движущій, имѣющій движеніе вѣчное. Сіе же нашелъ онъ въ ученіи великихъ философовъ. И такъ, чтобъ сказать ихъ словами: какимъ образомъ можетъ утаиться отъ объемлющаго все, или скрыться все движущаго? Теперь уже разрѣшить должно вопросъ, который труднѣйшимъ другихъ кажется, коимъ вопрошается: когда тѣло мертваго человѣка бываетъ тѣломъ живаго, то кому оное въ воскресеніи принадлежать будетъ? Ибо ежели кто изнуренный гладомъ принужденъ будетъ употребить въ пищу трупы человѣческіе, что самое нѣсколько кратъ случалось, какъ древняя исторія и нашихъ временъ случаи свидѣтельствуютъ: то кто съ основаніемъ прекословить можетъ, аки бы все оное снѣденное чрезъ уметы возвращено въ землю, и не пришло въ питательные соки питавшагося онымъ, когда бывшая прежде того сухость и наполненіемъ оной пищи премѣнившаяся, противное сви-

дѣтельствуетъ? Я уже служащее къ разрѣшенію сего отчасти прежде положилъ. Ибо сколько гладъ изнурилъ тѣла, оное въ пары превратилось, которое Богъ всемогущій можетъ возвратить. И такъ возвратится оная плоть человѣку, въ которомъ плоть человѣческая сперва быть начала. Ибо почитать должно, что гладнымъ отъ мертваго какъ бы въ займы взята, которая на подобіе денежнаго долга возвращена быть должна, откуда взята. А тому, котораго изнурилъ гладъ, отъ того, которой возвратить можетъ истощенное. Да хотябъ оная совсѣмъ погибла, такъ что ни въ какомъ сокровенномъ мѣстѣ какого либо существа не осталось, и тогда Всемогущій можетъ наполнить оное, откуда Ему угодно. Но по слову неложному, коимъ объявлено, что *власъ главы вашея не погибнетъ*, неприлично думать, аки бы, когда власъ человѣческій погибнуть не можетъ, толикія плоти гладомъ изнуренныя и снѣденныя погибнуть могли.

Глава девятаянадесять.

О новости тѣла духовнаго, въ которую святыхъ плоть измѣнится.

И такъ возвращено будетъ, что отъ тѣлъ живыхъ или по смерти отъ труповъ ихъ погибло, и купно съ тѣмъ, что осталось во гробѣхъ, въ новость духовнаго тѣла,

да, изъ ветхости душевнаго тѣла измѣнившись, воскреснетъ нетлѣніемъ и безсмертіемъ облечено. Но хотя бы жесточайшимъ какимъ либо приключеніемъ и свирѣпствомъ враговъ все тѣло въ прахъ раздроблено было и пущено на воздухъ, или на воду, однако отъ всемогущества Божія не утаится, но и власъ главный не погибнетъ. Будетъ убо подвластно тѣло духовное духу; но однако тѣло, а недухъ, такъ какъ духъ покоренъ былъ плотскій тѣлу, но духъ, а не тѣло. Сему опытъ имѣемъ мы въ ужасности нашей казни; ибо не по плоти, но по духу плотскими были тѣ, коимъ говорилъ Апостолъ: *Не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ.* И человѣкъ духовнымъ въ жизни сей называется такъ, что еще по тѣлу онъ есть плотскій, и видитъ *инъ законъ во удесѣхъ моихъ, воюющь противу закона ума моего.* Будетъ же и тѣломъ духовенъ, когда плоть востанетъ, такъ что сбудется написанное: *Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.* Какова же и сколь велика есть благодать духовнаго тѣла, поелику еще опытомъ оное не извѣдано, то опасаюсь, дабы не было то пустымъ, что о томъ говорится. Однако понеже надежды нашея радости, въ разсужденіи хвалы Божіей, скрывать не надлежитъ, и отъ горящей внутренности священныя любви сказано: *Гос-*

роди, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего: то о дарахъ его, которые въ сей бѣдственной жизни добрымъ и злымъ даруетъ, при помощи Его, не опредѣлительно и по догадкѣ, сколько можемъ, поговоримъ, сколь велико оное, котораго не испытавъ совершенно, изъяснить не въ силахъ. Не упоминаю я о томъ, когда сотворилъ человѣка правымъ; не говорю о жизни оной двухъ супруговъ въ райскомъ обиліи блаженной, когда она столь была кратка, что до чувства раждающихся и сама не достигла: въ сей, которую знаемъ, въ которой еще пребываемъ, которыя искушенія, или лучше сказать, которая вся есть искушеніемъ, покуда въ ней находимся, сколькобъ ни успѣвали, претерпѣвать не престаемъ, какіе являются знаки благости Божіей къ роду человѣческому, кто можетъ подробно изобразить?

Глава двадесятая.

О бѣдствіяхъ и злѣ, которымъ достойно за первородное преступленіе родъ человѣческій подверженъ, и отъ которыхъ никто не избавляется, разцѣ благодатію Христовою.

Что принадлежитъ до перваго начала всѣхъ смертныхъ, то весь родъ былъ осужденъ, что доказываетъ сія жизнь, есть ли оную жизнію наименовать можно, которая толиками злами наполнена. Ибо

что

что иное означаетъ ужасная нѣкоторая невѣденія глубина, отъ которой всякое заблужденіе проистекаетъ, которое всѣхъ сыновъ Адамовыхъ мрачнымъ лономъ объемлетъ, такъ что человѣкъ отъ онаго свободиться безъ труда, прискорбности и страха не можетъ? Что любовь самая къ толь многимъ суетнымъ вещамъ и пагубнымъ, и отъ оной проистекающія мучительныя заботы, смущенія, прискорбности страхи, несмысленныя радости, несогласія, раздоры, войны, коварства, гнѣвы, вражды, лукавства, ласкательства, хитрости, татьбы, хищенія, гордости, надменія, вѣроломства, зависти, убійства, отцеубійства, жестокость, непотребство, сладострастіе, наглости, беззазрѣніе, безстыдство, любодѣяніе, прелюбодѣянія, блуды, и противъ природы каждаго пола совокупленія, и нечистоты, кои и описывать гнусно, святотатства, ереси, хулы, клятвопреступленія, утѣсненіе невинныхъ, клеветы, умыслы, преступленія, лжесвидѣтельства, неправедные суды, насильства, разбои и прочія таковыя, которое и во умъ не вмѣщается, однако въ жизни сей суть дѣлами обыкновенными? Но сіе есть злыхъ людей, однако отъ онаго заблужденія и развращенной любви корене произтекаетъ, съ коимъ всякой сынъ Адамовъ раждается. Ибо кто не знаетъ, съ коликимъ невѣденіемъ истинны, которое въ

младенцахъ видно, и съ коликимъ обиліемъ суетнаго вожделѣнія, которое въ отрокахъ начинаетъ являться, человѣкъ приходитъ въ жизнь сію, такъ что ежели позволить ему жить, какъ онъ хочетъ, и дѣлать, что ему угодно, то онъ въ сіи беззаконія и злодѣянія, о которыхъ я упоминалъ, и изъ которыхъ многихъ упомянуть не могъ, впадетъ? Но по промыслу Божію, не оставляющему совсѣмъ осужденныхъ, и Богу, не *удерживающу по гнѣвѣ своемъ щедротъ своихъ*, въ самыхъ чувствахъ рода человѣческаго противъ сего, съ коимъ раждаемся, мрака, бодрствуютъ запрещеніе и наставленіе, и противъ сихъ силятся стремленія, однако наполненныя трудовъ и скорбей. Понеже что означаютъ многовидные страхи, употребляемые для обузданія суетностей отроческихъ? Къ чему служатъ приставники, учители, наказанія и обученіе оное, въ Священномъ Писаніи повелѣваемое, дабы отецъ сыну своему сокрушалъ ребра, чтобъ не возрасъ онъ необузданнымъ, котораго обуздать со временемъ или будетъ трудно, или совсѣмъ не возможно? Что сими казньми дѣлается, кромѣ того, дабы истребить невѣжество и искоренить злое вожделѣніе, съ которыми мы живемъ въ семъ вѣкѣ? Что собою означаетъ, что мы съ трудностію помнимъ, безъ труда забываемъ; съ трудомъ познаваемъ, безъ труда не знаемъ; съ трудомъ бываемъ го-

то-

товыми и тщательными, безъ труда нерадивыми? Не видно ли изъ сего, къ чему стремится поврежденная природа, и коликой помощи, дабы отъ того свободиться, требуетъ? Разлѣненіе, неприлѣжаніе, нерадѣніе, безпопечительность, суть пороки, убѣгающіе труда, когда и самъ трудъ, который есть полезенъ, составляетъ наказаніе. Но выключая отроческія наказанія, безъ коихъ ничему научиться не можно, чему наставлять хотятъ родители, которые едва ли чего либо полезно хотятъ: сколь великими и сколь многими наказаніями родъ человѣческій сопровождается, которыя не къ злобѣ и непотребству преступниковъ, но къ состоянію и бѣдности общей принадлежатъ, кто словомъ описать, кто мыслію обьять въ состояніи? Коликій есть страхъ, коликое бѣдствіе отъ лишенія дѣтей, и рыданія отъ убытковъ, отъ осужденій, отъ обмановъ, отъ лжи людской, отъ ложныхъ подозрѣній, отъ наглыхъ беззаконій и злодѣяній чужихъ: когда отъ оныхъ и расхищеніе, и плѣненіе, и узы, и темницы, и изгнанія, и мученіе, и отсѣченіе членовъ, и лишеніе чувствъ, и утѣсненіе тѣла къ удовольствованію непотребнаго сладострастія, жетомаго вожделѣніемъ, и другія многія ужасныя часто приключаются? Что отъ безчисленныхъ случаевъ, коихъ люди по наружности тѣлесной страшатся, отъ зноевъ,

 мра-

мразовъ, непогодъ, дождей, наводненій, блистаній молніи, громовъ, града, землетрясеній и разсѣлинъ земныхъ, паденія зданій, отъ разсвирепѣнія скотовъ, отъ смертоносностей растѣній, водъ, воздуха, звѣрей и гадовъ, или прискорбныхъ только, или и пагубныхъ угрызѣній; отъ неистовства псовъ, которые въ неистовствѣ своемъ болѣе бываютъ страшны, нежели львы и драконы, хотя сіи животные къ хозяевамъ своимъ ласку иногда великую и услугу оказываютъ, которые въ неистовствѣ дѣлаютъ ядовитымъ своимъ угрызѣніемъ человѣка таковымъ, что его родители, жена, дѣти болѣе боятся, нежели всякаго звѣря? Какое зло претерпѣваютъ по морю плавающіе? Какое по матерой землѣ шествующіе? Кто изъ ходящихъ гдѣ либо неподлежитъ нечаяннымъ случаямъ? Съ торжища нѣкто возвращаясь въ домъ (1), будучи въ полномъ здравіи, упалъ, преломилъ ногу, и отъ онаго скончалъ жизнь свою. Что по видимому безопаснѣе сидящаго? Съ престола однако, на коемъ сидѣлъ, Илій жрецъ палъ и умеръ. Земледѣльцы, или лучше сказать всѣ люди, сколь великихъ и многихъ отъ неба и земли и отъ тлетворныхъ животныхъ боятся случаевъ? Однако по собраніи въ житницы плодовъ нѣсколько ободряютъ себя надеждою и безопасностію: но у нѣкоторыхъ, коихъ мы знаемъ, хорошій урожай хлѣба не-

незапно протекшая рѣка, по разбѣжаніи людей, съ гуменъ похитила жита и изъ житницъ. Противъ безчисленныхъ демоновъ нападеній, кто можетъ уповать на свою непорочность, когда, дабы никто не уповалъ, и крещенныхъ младенцовъ, коихъ не можно быть непорочнѣе, толь жестоко мучатъ, что изъ оныхъ видѣть можно бѣдность, оплакиванія достойную сея жизни, и желать другаго блаженства? Отъ самаго же тѣла толикія приходятъ болѣзней злая, что и въ книги врачей вмѣщены быть оныя не могутъ; изъ коихъ у многихъ и почти у всѣхъ самыя средства и врачества составляютъ мученіе, дабы люди отъ казней казнію были избавляемы. Не жаръ ли безмѣрный жажды до того людей довелъ, что они урину людскую, или и свою въ питье употребляютъ? Не былъ ли виною гладъ, что люди человѣческое мясо въ пищу обращали; и притомъ не умершихъ людей, но нарочно для того убитыхъ, и не чуждыхъ, но своихъ дѣтей матери съ невѣроятнымъ жестокосердіемъ, томимы будучи безмѣрнымъ гладомъ, снѣдали? Самой наконецъ сна покой, который свойственно по видимому покоемъ названъ, кто описать можетъ, сколько сновидѣніями причиняетъ безпокойства, и сколь великимъ, хотя ложныхъ вещей ужасомъ, которой представляетъ такъ, что отъ настоящей вещи отличить не можно,

но, бѣдную душу и чувства смущаетъ? Которою ложностію видѣннаго уже не во снѣ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ жалостно безпокоятся, хотя многовиднымъ различіемъ лукавства злые духи и въ совершенномъ разумѣ иногда прельщаютъ; и хотя таковыми видѣніями ихъ къ своему намѣренію привести не возмогутъ, однако чувства ихъ однимъ желаніемъ обманываютъ. Отъ сея толь бѣдственныя и какъ бы приличной преисподнимъ жизни ничто насъ не избавляетъ, кромѣ благодати Спасителя Христа, Бога и Спаса нашего. Сіе имя составляетъ Іисусъ, который толкуется Спаситель, особливо, дабы послѣ сея жизни бѣдственнѣйшая и вѣчная не постигла насъ не жизнь, но смерть. Но сіе хотябъ великимъ было утѣшеніемъ, однако не всегда благодѣянія даруются просящимъ, дабы не для того искомо было благочестіе, котораго ради другія жизни, гдѣ никакого зла не будетъ, искать надлежитъ. И къ тому избраннѣйшимъ въ сихъ злыхъ пособствуетъ благодать, дабы оныя мужественнѣйшимъ сердцемъ сносимы были: къ чему, по мнѣнію ученыхъ вѣка сего, принадлежитъ и пособствуетъ и философія, которую малочисленнымъ нѣкоторымъ, какъ говоритъ Туллій, истинную даровали. Людемъ, пишетъ онъ, отъ боговъ не дано большаго дарованія, и даровано быть не могло. Такъ то и самые тѣ, противъ коихъ мы говоримъ,

римъ, принуждены признать за благодать Божію не какую либо философію имѣть, но истинную; притомъ ежели малочисленнымъ отъ Бога даровано противъ бѣдствій жизни сей единое любомудрія пособіе, то довольно и отсюду явствуетъ, что человѣческій родъ осужденъ къ претерпѣнію казней. И какъ сего по ихъ признанію большаго Божія дара нѣтъ, такъ вѣрить должно, что сіе дарованіе ни отъ какого Бога даровано быть не могло, кромѣ того, котораго и почитатели многихъ боговъ нарицаютъ всѣхъ большимъ.

Глава двадесять первая.

О томъ, что кромѣ золъ оныхъ добрымъ и злымъ общихъ, къ труду праведныхъ особенно принадлежитъ.

Выключая злая сея жизни, добрымъ и злымъ общія, имѣютъ праведные и свои нѣкоторые труды, коими противъ пороковъ вооружаются, и въ таковыхъ сраженій искушеніяхъ и бѣдствіяхъ обращаются. Ибо иногда стремительнѣе, иногда легче, однако не престаетъ плоть похотствовать на духъ, и духъ на плоть, да не яже хощемъ творимъ, не все злое вожделѣніе потребляя, но сколько Богъ поможетъ, оное не ласкосердствуя ему, покаряя, бодрствуя непрестанными бдѣніями: дабы не обмануло насъ мнѣніе, видъ правды имѣющее, дабы

не

не прельстило слово лукавое, дабы не помрачило насъ какое либо заблужденіе, дабы не почитали мы добра худомъ и худа добромъ, дабы не отвратилъ насъ отъ того, что дѣлать надлежитъ, страхъ, и не ввергло напротивъ желаніе въ то, чего удаляться должно; дабы не зашло солнце во гнѣвѣ нашемъ; дабы вражда не склонила къ воздаянію зла за зло; дабы не поглотила безчестная, или безмѣрная печаль; дабы неблагодарность не вселила во умъ нашъ не дѣлать никому благодѣяній; дабы злословіями людскими совѣсть наша не безпокоилась; дабы не вперилось въ насъ безразсудное о другихъ подозрѣніе, и чуждое ложное о насъ дабы насъ не сокрушало; дабы не царствовалъ грѣхъ въ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ, воеже послушати его въ похотѣхъ его; дабы не представляли мы удовъ нашихъ оружіями неправды грѣху; дабы око не послѣдовало вожделѣнію; дабы мщенія желаніе насъ не побѣдило; дабы въ зломъ удовольствіи ни око, ни помышленіе не медлило; дабы уши наши съ удовольствіемъ непотребнаго и непристойнаго слова не слушали; дабы мы не дѣлали того, чего не должно, хотя было бы и можно; и дабы въ семъ сраженіи съ трудностями и бѣдствіями наполненномъ не надѣялись побѣду одержать своими силами, и одержанную не приписывали бы онымъ, но благодати того, о коемъ говоритъ Апостолъ: *Богу же благо-*

да-

дареніе, дапшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ. И на другомъ мѣстѣ: *Въ сихъ же всѣхъ*, говоритъ, *препобѣждаемъ возлюбльшимъ насъ.* Однако вѣдать должны, что сколь бы мужественно ни противоборствовали мы порокамъ, и сколькобъ ни преодолѣвали и покаряли оные, однако безъ оныхъ быть не можемъ, дабы не говорить: *Остави намъ долги наша.* Въ ономъ же царствіи, гдѣ вѣчно съ тѣлами безсмертными будемъ, не будемъ имѣть ни сраженій сихъ, ни долговъ, которыхъ и здѣсь никогда бы мы не имѣли, ежели бы природа наша, какъ сотворена правою, правою и пребыла. А потому и сіе наше противоборствованіе, въ коемъ мы бѣдствуемъ и отъ котораго послѣднею побѣдою желаемъ свободиться, къ зламъ жизни сея принадлежитъ, о которой мы безчисленными свидѣтельствами показали, что она вмѣсто казни намъ оставлена.

Глава двадесять вторая.

О благихъ, коими и сію жизнь, осужденію подлежащую, Творецъ наполнилъ.

Теперь уже разсмотрѣть надлежитъ, какими и коль многими наполнила благими благость Божія, все сотворенное собою управляющая, сію самую бѣдность рода человѣческаго, въ наказаніи коего похваляется правда наказующаго. Вопервыхъ благо-

сло-

словеніе оное, которое произнесъ прежде преступленія человѣческаго, глаголя: *Растите и множитеся, и наполните землю*: и по паденіи не отмѣнилъ, и осталось въ осужденномъ потомствѣ чадородіе, котораго чудной силы сѣмене, и еще чуднѣйшей, коею начинается сѣмя, влiянную въ человѣческія тѣла, и какъ бы вкорененную не могло истребить преступленіе, коимъ впечатлѣна намъ необходимость смерти, но обое сіе течетъ какъ бы рѣкою, симъ источникомъ рода человѣческаго. Зло, которое отъ прародителей влечемъ, и добро, которое даруется отъ Творца. Въ первородномъ злѣ, два заключаются: преступленіе и казнь. Въ первородномъ добрѣ два же: распространеніе и сообразность. Но что принадлежитъ до настоящаго нашего намѣренія, о злыхъ, изъ коихъ одно отъ нашей проистекаетъ дерзости, то есть грѣхъ, другое отъ суда Божія, то есть наказаніе, уже довольно говорили. Теперь о благихъ Божіихъ, которыя и самой поврежденной и осужденной природѣ даровалъ, или которыя даже донынѣ даруетъ, говорить намѣренъ. Ибо осужденіемъ ни все отнялъ, что даровалъ, ни отъ своего владычества отринулъ, когда и самаго діявола не изключилъ отъ своея власти, поелику продолжаетъ его бытіе. И такъ два оныя добра и въ поврежденной преступленіемъ и осужденной къ наказанію природѣ

отъ

отЪ источника благости его проистекаютЪ. Умноженіе вЪ первыхЪ міра дѣлахЪ благословеніемЪ даровалЪ, отЪ коихЪ почилЪ вЪ день седьмый. Сообразность же вЪ ономЪ своемЪ дѣлѣ, коимЪ даже до нынѣ дѣйствуетЪ. Ибо ежели бы онЪ отнялЪ дѣйствующую свою силу отЪ вещей, то оныя продолжаться будутЪ не вЪ состояніи, и совершать движеніями своими времена, и наконецЪ совсѣмЪ бытіе свое потеряютЪ. ТакимЪ убо образомЪ БогЪ сотворилЪ человѣка, что онЪ имѣетЪ врожденное себѣ чадоплодіе, дабы разумножалЪ человѣческій родЪ, то есть имѣетЪ врожденную кЪ рожденію дѣтей возможность, а не нужду, или необходимость. Однако у коихЪ ему было угодно, отнялЪ оную БогЪ, и были безплодными; при всемЪ томЪ не лишилЪ рода человѣческаго однажды двумЪ супругамЪ даннаго благословенія кЪ чадородію. Сіе продолженіе рода человѣческаго хотя за преступленіе не отнято, однако не таково, каковымЪ было бы, естьлибЪ никто не согрѣшилЪ. Ибо сЪ котораго времени человѣкЪ, вЪ чести бывшій, по согрѣшеніи уподобился скотомЪ, то подобно раждаетЪ; однако вЪ ономЪ не погашена какЪ бы искра нѣкоторая разума, вЪ коей онЪ созданЪ по образу Божію. КЪ сему же рожденію ежели бы не была прилагаема сообразность, то и оное не могло бы произходить вЪ образы и виды своего рода. Понеже есть-

либѣ не совокуплялись люди, однако Богѣ естьлибѣ восхотѣлѣ наполнить землю людьми, какѣ сотворилѣ одного безѣ смѣшенія мужа и жены, такѣ бы могѣ всѣхѣ; совокупляющіеся же безѣ Его творенія раждающими быть не могутѣ. И такѣ, какѣ говоритѣ Апостолѣ о духовномѣ наставленіи, коимѣ человѣкѣ кѣ благочестію и правдѣ наставляется: *Ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богѣ*: такѣ и здѣсь сказать можно: ни совокупляяйся, ни сѣяй что есть, но даяй образѣ и видѣ Богѣ. Ни мать, зачатаго младенца носящая, и рождшагося питающая есть что, но возращаяй Богѣ. Ибо Онѣ дѣйствіемѣ, коимѣ имѣ дѣйствуетѣ по нынѣ, производитѣ то, что сѣмена совершаются, и отѣ сокровенныхѣ и невидимыхѣ препонѣ вѣ образы видимые и благолѣпные приходятѣ. Онѣ безтѣлесную и тѣлесную природу, одну начальствующую, другую подверженную и подвластную чуднымѣ образомѣ соединяя, творитѣ животное; которое дѣло его толь велико и чудно, что не только вѣ человѣкѣ, который есть животное разумное, и потому всѣхѣ земныхѣ животныхѣ превосходнѣйшее, но вѣ каждой наималѣйшей мушкѣ разсуждаемое вѣ изумленіе приводитѣ, и восхищаетѣ кѣ хвалѣ Творца. И такѣ Онѣ даровалѣ душѣ человѣческой умѣ, котораго разумѣніе вѣ младенцѣ какѣ бы усыплено, и какѣ бы она-

го

го не было, которое какъ бы возбуждаемо быть долженствуетъ продолженіемъ лѣтъ, въ кои бываетъ способенъ къ понятію и ученію истиннѣ и доброй любви; коею способностію почерпаетъ премудрость и объемлетъ добродѣтели, которыми благоразумно, мужественно, воздержно и праведно противъ всѣхъ врожденныхъ заблужденій и пороковъ противоборствуетъ, и оныя никакимъ инымъ, кромѣ высочайшаго блага, желаніемъ не побѣждаетъ; котораго хотя бы не учинилъ, при всемъ томъ самая къ толикимъ благамъ способность, природѣ разумной дарованная отъ Бога, коликимъ есть добромъ, коль чуднымъ дѣломъ всемогущества, кто помыслитъ, или словами изобразить можетъ? Ибо кромѣ наукъ жить добродѣтельно, и достигать къ безсмертному блаженству, которыя называются добродѣтелями и благодатію Христовою чадамъ обѣтованія и царствія даруются, не человѣческимъ ли разумомъ столь многія и великія изобрѣтены науки, какъ необходимо нужныя, такъ и произвольныя, которыя о силѣ разума и въ тѣхъ вещахъ, кои излишными, бѣдственными и пагубными кажутся, свидѣтельствуютъ, коликое добро имѣетъ онъ въ природѣ, когда могъ сіе изобрѣсти, или понять, или въ томъ упражняться? Одеждѣ и зданій сколь до чуднаго тщаніе человѣческое достигло, сколько въ земледѣліи и

вѣ мореплаваніи успѣло; что вѣ содѣланіи сосудовѣ, статуй и различной живописи вымыслило; сколь чудное вѣ ѳеатрахѣ для зрителей, невѣроятное для слушателей предложило; вѣ ловленіи безсловесныхѣ животныхѣ, вѣ дѣланіи оныхѣ ручными, вѣ убіеніи сколь многіе способы показало; противѣ самыхѣ людей столько родовѣ отравѣ, столько оружій, столько машинѣ показало; для сохраненія здравія смертныхѣ и поправленія, сколько пособій, сколько лѣкарствѣ предписало; для удовольствія гортани сколько приправѣ вѣ кушаньѣ, сколько поджегѣ кѣ обьяденію сыскало; для сообщенія своихѣ мыслей различіе реченій и знаковѣ, гдѣ первое мѣсто занимаютѣ слова и буквы, выдумало; кѣ утѣшенію сердецѣ украшеніе изреченій и различіе стиховѣ; кѣ услажденію слуха множество музыкальныхѣ орудій и пѣнія тоновѣ начертало; сѣ коликимѣ искусствомѣ размѣренія и счисленія, сѣ коликимѣ проницаніемѣ теченіе звѣздѣ постигло; коликимѣ знаніемѣ мірскихѣ вещей вселенную наполнило, кто описать вѣ состояніи, особливо ежели не о всемѣ вообще, но о каждой вещи особенно разсуждать станетѣ? Вѣ самомѣ наконецѣ заблужденіи и ложностей защищеніи сколь тонки были и велики умы философовѣ и еретиковѣ, кто изьяснить вѣ силахѣ? Ибо мы говоримѣ о природѣ разума человѣческаго, коею сія смертная жизнь украшается, а не

о

о вѣрѣ и пути истинны, коими оная безсмертная пріобрѣтается. Сея толикія природы когда есть Творцемъ Богъ истинный и всевышній, то при управленіи Имъ всего созданнаго, при Его высочайшей власти и правдѣ никогдабы подлинно въ сію бѣдность она не впала, и изъ оной, выключая тѣхъ, кои избавятся, въ вѣчную казнь осуждена не была бы, ежели бы величайшее преступленіе человѣка перваго, отъ котораго всѣ прочіе произошли, не предварило. Въ самомъ тѣлѣ, хотя оно намъ съ безсловесными есть въ разсужденіи смертности общимъ, и во многомъ предъ оными является немощнѣйшимъ, коликая Божія благодать, коликій промыслъ толикаго Творца открывается? Не такъ ли въ ономъ мѣста чувствъ и прочіе члены устроены, и лице самое и образъ и станъ всего тѣла такъ учреждены, что собою показываютъ, что оныя сотворены къ служенію души разумной? Ибо не такъ созданъ человѣкъ, какъ видимъ безсловесныхъ животныхъ поникшими къ земли, но возставленный къ небеси тѣла его образъ наставляетъ его мудрствовать горняя. Также чудное проворство языку къ глаголанію, и рукамъ къ начертанію чего либо способное и приличное отъ Бога данное къ исполненію многихъ должностей и изображенію наукъ, не довольно ли показываетъ, каковой душѣ таковое тѣло, дабы оной служило, соединено? Да хотя оставить

вить всѢ необходимости дѢйствій, при всемЪ томЪ такая частей пристойность находится, и такое одной сЪ другою соотвѢтствіе, что понять не можно, польза ли болѢе, или благолѢпіе вЪ тѢлѢ наблюдаемо было. Подлинно ничего сотвореннаго не видимЪ для пользы, вЪ которомЪ бы не было мѢста и благолѢпію. БолѢе бы намЪ сіе открылось, естьлибЪ мы соразмѢрности, коими между собою все составлено и соединено, познали, которыя можетЪ статься сЪ прилѢжаніемЪ изЪ наружныхЪ вещей постигнуть могло бы. Сокровеннаго же и отЪ зрѢнія нашего удаленнаго, какЪ то на примѢрЪ, что толикое находится преплетеніе жилЪ и проходовЪ жизненныхЪ соковЪ, найти никто не можетЪ. Понеже хотя безчеловѢчное нѢкоторыхЪ врачей любопытство, коихЪ анатомиками называютЪ, раздробило желѢзомЪ нѢсколько умершихЪ тѢлЪ, или вЪ рукахЪ рѢжущихЪ и испытывающихЪ, жизнь оканчивающихЪ, и вЪ тѢлахЪ человѢческихЪ безчеловѢчно все разсматривало сокровенное, и примѢчало что какимЪ образомЪ, и вЪ какихЪ мѢстахЪ врачевать надлежитЪ, однако соразмѢрности и стройности, о коей я говорю, и которая по Гречески Гармоніею называется, никто не могЪ постигнуть, или лучше сказать никто не отважился постигать. Находятся же нѢкоторыя вещи вЪ тѢлѢ, которыя благолѢпіе только представляютЪ, а не употребленіе,

леніе, такъ какъ грудь мужеская имѣетъ сосцы, какъ лице браду, которая не составляетъ защиты, но только украшеніе мужеское, что доказываютъ безбородыя лица женъ, которыхъ, ежели бы брада составляла защиту, какъ немощнѣйшихъ предъ мужами, одарить надлежалобъ бородою. И такъ ежели нѣтъ ни одного уда изъ видимыхъ, который бы не имѣлъ своей потребы, такъ никто не сомнѣвается, чтобъ не было и такихъ, кои имѣютъ свое благолѣпіе. Находятся же и такія, которыя имѣютъ одно украшеніе, а употребленія никаковаго. Я думаю, что въ созиданіи тѣла иногда достоинство предпочтено потребѣ. Ибо прейдетъ нужда и пріидетъ время, въ которое единымъ взаимно благолѣпіемъ безъ сладострастія будемъ наслаждаться, что наипаче къ хвалѣ относить должно Творца, коему глаголется во Псалмѣ: *Во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси.* Уже прочее благолѣпіе и пользу тварей, на которыя человѣкъ, симъ трудностямъ и бѣдствіямъ подверженный и осужденный, взираетъ, и коими пользуется, кто словомъ описать можетъ: красоту неба и земли и моря, свѣта, солнца, луны, звѣздъ, тѣней лѣсныхъ, красокъ, цвѣтовъ, запаховъ, различіе птицъ поющихъ и изпещренныхъ, многовидныхъ животныхъ, изъ коихъ тѣ болѣе имѣютъ удивленія, которыя меньше тѣломъ. Ибо мы болѣе изумѣваемся, взирая на дѣла му-

равьевъ и пчелъ, нежели огромныхъ китовъ; и въ самомъ морѣ толь пространномъ зрѣлищѣ удивляемся, когда оно различные на себя принимаетъ виды, какъ бы нѣкую одежду: иногда кажется зеленымъ, иногда чермнымъ, иногда лазуревымъ. Сколь усладительно взираемъ, когда оно волнуется, когда при удовольствіи зрителя не сокрушаетъ корабля, по немъ плавающаго? Обиліе пищи, изготовляемой противъ глада; различіе вкусовъ противъ отвращенія природы отъ Бога разліянное, а не искусствомъ поваровъ сниcканное; многоразличныя пособія къ защищенію здравія и возвращенію; пріятную перемѣну дня и ночи, воздуха и погоды; пользу растѣній и животныхъ къ содѣланію людемъ одеждъ, кто не только изобразить, но и все упомянуть можетъ? Сіе, которое я какъ бы во едину громаду совокупилъ, ежели бы распространять восхотѣлъ, то крайнѣ продолжительною моя рѣчь показалась бы. И сіе все бѣдныхъ и осужденныхъ есть утѣшеніемъ, а не воздаяніемъ блаженныхъ. Какова же суть оная, естьли толь многая и толь великая сія, что даруетъ тѣмъ, коихъ предуставилъ въ жизнь вѣчную той, который сія даровалъ осужденнымъ на смерть? Какихъ благъ удостоитъ въ оной блаженной жизни тѣхъ, за которыхъ въ сей бѣдственной благоволилъ Сыну своему единородному до смерти толикая злая пре-

претерпѣть? Чего для Апостолъ о самыхъ въ царство оное предуставленныхъ глаголя: *Иже*, сказываетъ, *своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его, како и не съ нимъ вся намъ дарствуетъ?* Когда сіе обѣщаніе исполнится, что будемъ мы и каковы будемъ? Какое благо воспріимемъ въ ономъ царствіи, когда Христу умершу за насъ таковый залогъ получили? Каковымъ будетъ духъ человѣческій? Никакого порока неимущимъ, никакому неподлежащимъ, никакому неповинующимся, ни противъ какого сражающимся, спокойною добродѣтелію совершеннымъ. Вещей всѣхъ сколь превосходно тамъ будетъ знаніе? Безъ заблужденія, безъ трудности, гдѣ самая премудрость Божія изъ своего источника вкушаема будетъ, безъ неудобства и съ высочайшимъ блаженствомъ. Каковымъ будетъ тѣло, во всемъ духу повинующееся, и онымъ довольно оживотворяемое, и никакой не требующее пищи? Понеже оно не душевное будетъ, но духовное, имѣющее правда существо плоти, но безъ тѣлеснаго тлѣнія.

Глава двадесять третія.

О упорствѣ нѣкоторыхъ, которые воскресеніе, всѣмъ свѣтомъ, какъ мы выше сказали, вѣруемое, отвергаютъ.

Но о душевномъ благѣ, которымъ наслаждаться будутъ послѣ сея жизни бла-

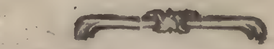
 жен-

женные, знаменитые философы намъ согласуютъ, о воскресеніи же тѣлъ прекословятъ. Сіе, сколько въ нихъ силъ есть, опровергаютъ, но множайшіе вѣрующіе малочисленныхъ тому недовѣряющихъ оставили, и ко Христу, который сіе, что имъ кажется безмѣстнымъ, своимъ воскресеніемъ показалъ, усердно обратились ученые и неученые, премудрые вѣка сего и невѣжды. Ибо тому увѣровалъ міръ, что предвозвѣстилъ Богъ, который и то предрекъ, что міръ тому увѣруетъ. Понеже не очарованіемъ Петровымъ понужденъ былъ оное предсказать съ похвалою вѣрующихъ. Сей бо есть оный Богъ, котораго по признанію Порфиріеву страшатся боги, котораго онъ и Богомъ Отцемъ и Царемъ нарекъ. Не дай Богъ, чтобъ мы разумѣли предреченное такъ, какъ разумѣютъ тѣ, кои съ міромъ не увѣровали, что онъ предсказалъ о увѣрованіи міра. Ибо естьли для того они говорятъ, что инако вѣровать должно предреченному, дабы сказавъ, что то не правда, не оскорбить того Бога, о которомъ великое подаютъ свидѣтельство, при всемъ томъ жесточае Его оскорбляютъ, когда говорятъ, что инаково должно разумѣть, а не такъ какъ міръ увѣровалъ, котораго вѣрованіе самъ одобрилъ, самъ обѣщалъ, самъ исполнилъ. Ибо для чего не можетъ содѣлать того, дабы воскресла плоть и жила вѣчно? Или для того вѣрить сему

не

не должно, что Богъ того содѣлать не имѣетъ силы, и что сіе Бога недостойно и зло? Но о всемогуществѣ Его, коимъ толь многое и невѣроятное дѣлаетъ, уже много мы говорили. Ежели же желаютъ знать, чего Богъ не можетъ, я скажу: Богъ лгать не можетъ. И такъ должны мы вѣрить тому, что Онъ можетъ, не вѣря тому, чего не можетъ. Чего для не вѣря, что Онъ лгать можетъ, пускай вѣруютъ тому, что Онъ имѣетъ содѣлать, что содѣлать обѣщалъ. И вѣруютъ пускай такъ, какъ оному увѣровалъ міръ, о которомъ Богъ, что увѣруетъ, предреклъ; что увѣруетъ, похвалилъ; что увѣруетъ, обѣщалъ; что увѣровалъ, показалъ. А чтобъ сіе было зло, оное чѣмъ намъ докажутъ? Не будетъ тамъ тлѣнія, которое есть тѣлеснымъ зломъ. О порядкѣ стихій уже мы говорили, о другихъ человѣческихъ догадкахъ довольно писали, каково быть имѣетъ въ нетлѣнномъ тѣлѣ удобство движенія, изъ настоящаго совершеннаго здравія, котораго никакимъ образомъ съ онымъ безсмертіемъ сравнить не можно, въ книгѣ третіейнадесять пространно, какъ мнѣ кажется, показали. Пускай прочитаютъ вышеписанное, которые не читали, и которые читали, пускай повторятъ.

Глава

Глава двадесять четвертая.

Каким образом Порфиріево опредѣленіе, коимъ поставляетъ, что блаженнымъ душамъ всякаго тѣла удаляться должно, самаго Платона мнѣніемъ разрушается, который говоритъ, что всевышній Богъ обѣщалъ богамъ, что они никогда не совлекутся своихъ тѣлъ.

Но Порфирій, говорятъ, пишетъ, что душѣ, дабы она была блаженною, всякаго тѣла удаляться должно. И такъ никакой не будетъ пользы, что нетлѣнное, какъ мы сказали, будетъ тѣло, когда душа не можетъ быть блаженною, естьли не удалится отъ всякаго тѣла. Но я уже и о семъ въ помянутой книгѣ предлагалъ, сколько надлежало, при всемъ томъ одно изъ того упомяну. Пускай поправитъ свои книги великій наставникъ ихъ Платонъ, и скажетъ, что боги ихъ, дабы быть блаженными, всякаго тѣла удалиться имѣютъ, то есть умрутъ, коихъ онъ заключенными въ небесныхъ тѣлахъ положилъ, которыхъ однако Богъ, отъ коего они сотворены, дабы могли быть въ безопасности, безсмертіе, то есть въ тѣхъ же тѣлахъ вѣчное пребываніе не по свойству ихъ природы, но по благоволенію своему и совѣту обѣщалъ. Гдѣ опровергъ то, что говорятъ, понеже есть не возможно, слѣдовательно воскресенію плоти вѣровать не надлежитъ. Ибо явствен-

ственно по словамъ сего философа, когда Богъ не созданный сотвореннымъ отъ себя богамъ, хотя оное и кажется невозможнымъ, обѣщалъ безсмертіе по тѣлу. Ибо такимъ образомъ оное мѣсто изъясняетъ Платонъ. *Понеже*, говоритъ Богъ, *вы, начало получивши, безсмертными и неразрушимыми быть не можете, однако не разрушитесь, и никакія судьбы смерти васъ не истребятъ, и не будутъ сильнѣйшими, нежели мой совѣтъ, который большимъ есть союзомъ къ вѣчности вашей, нежели оное, изъ чего вы составлены.* Ежели не говорю разумъ, чувства слышанія не лишились тѣ, кои слышатъ сіе, тѣ конечно не сомнѣваются, что Богъ сотвореннымъ отъ себя богамъ по мнѣнію Платонову невозможное обѣщалъ. Ибо когда Богъ говоритъ: вы правда безсмертными быть не можете, но волею моею безсмертны будете: то что иное говоритъ, какъ то, что быть не можетъ, однако Божіею волею и хотѣніемъ тѣмъ будете? И такъ оный плоть нетлѣнную, безсмертную, духовную возставитъ, который по мнѣнію Платонову невозможное богамъ содѣлать обѣщалъ. Для чего же обѣщанное Богомъ, что Богу обѣщавающему повѣрилъ міръ, о коемъ обѣщано, что увѣруетъ, невозможнымъ признаваютъ, когда мы Бога, который и по мнѣнію Платонову дѣлаетъ невозможное, оное содѣлать имѣющимъ признаваемъ? Слѣдовательно душамъ, дабы мо-

могли быть блаженными, не удаляться всякаго тѣла, но нетлѣнное воспріимать должно. И въ какомъ нетлѣнномъ тѣлѣ приличнѣе радоваться могутъ, какъ въ ономъ, въ которомъ, когда оно было тлѣннымъ, воздыхали? Ибо такимъ образомъ не будетъ въ оныхъ онаго безразсуднаго желанія, которое положилъ изъ Платона Виргилій, гдѣ говоритъ: *Паки и начинаютъ желать въ тѣло возвратиться.* Такимъ, говорю, образомъ желанія возвратиться въ тѣла имѣть не будутъ, когда тѣла, въ кои возвратиться желаютъ, съ собою имѣть будутъ, да еще такъ, что никогда безъ оныхъ быть не возмогутъ, и ни на малое время посредствомъ смерти оныхъ не отложатъ.

Глава двадесять пятая.

О противныхъ между собою Платоновыхъ и Порфиріевыхъ опредѣленіяхъ, въ которыхъ ежели бы одинъ другому уступилъ, то ни одинъ бы изъ нихъ отъ истинны не заблудилъ.

Особое нѣчто говорили Платонъ и Порфирій, которое ежели бы между собою сообщили, то уповательно сдѣлались бы Христіанами. Платонъ говорилъ, что души безъ тѣлъ вѣчно быть не могутъ, и потому признавалъ, что и мудрыхъ души хотя чрезъ весьма долгое время, однако въ тѣла возвратятся. Порфирій же утверждалъ,

далъ, что души очистившіяся, когда преселятся ко Отцу, то уже къ зламъ мірскимъ никогда не возвратятся. И потому, что признавалъ Платонъ справедливымъ, отдалъ бы Порфирію, то есть, что и праведныхъ и мудрыхъ чистѣйшія души къ тѣламъ человѣческимъ возвратятся; также что неложнымъ признавалъ Порфирій, ежелибъ сообщилъ Платону, что души никогда не возвратятся къ бѣдствіямъ тлѣннаго тѣла святыя души, и не каждой бы свое, но оба обое говорили, то думаю сами примѣтили бы, что изъ того слѣдуетъ, что и возвратятся души въ тѣла, и таковыя получатъ тѣла, въ которыхъ блаженно и безсмертно жить будутъ; понеже по мнѣнію Платонову и святыя души въ человѣческія тѣла возвратятся, по мнѣнію Порфиріеву къ бѣдствіямъ сея жизни святыя души не возвратятся. И такъ пускай скажетъ съ Платономъ Порфирій: возвратятся въ тѣла. Пускай скажетъ Платонъ съ Порфиріемъ: не возвратятся къ бѣдствіямъ: то всенепремѣнно согласятся они, что возвратятся въ тѣ тѣла, въ коихъ никакого зла претерпѣвать не будутъ. Но сего не будетъ, естьли не исполнится то, что Богъ обѣщалъ, что блаженныя души вѣчно съ своими тѣлами вѣчными жить будутъ. Ибо сіе бы намъ, какъ думаю, удобно уступили оба, и позволили бы, когда признавалибъ возвращеніе душъ въ тѣла,

дабы святыя души въ свои возвратились, въ коихъ онѣ бѣдствія вѣка сего претерпѣли, въ коихъ Бога, дабы избавиться сихъ золъ, благоговѣйною вѣрою почитали.

Глава двадесять шестая.

О качествѣ зрѣнія, коимъ въ будущемъ вѣкѣ святые Бога узрятъ.

Теперь, сколько Богъ удостоитъ насъ своея помощи, посмотримъ, что имѣютъ дѣлать святые въ тѣлахъ безсмертныхъ и духовныхъ, хотя еще тѣла ихъ не живутъ тѣлесно, но духовно уже живутъ. И оное дѣйствіе, или лучше сказать покой каковъ имѣетъ быть, ежели сказать правду, не знаю; ибо я никогда чувствами тѣлесными того не видалъ. Естьли же сказать, что я видѣлъ умно, или мысленно, то вообразить надлежитъ, сколь скудно наше разумѣніе противъ онаго превосходства. Понеже тамъ находится *міръ Божій*, который, какъ говоритъ Апостолъ, *превосходитъ всякій разумъ*. Да́ чей же? Можетъ быть не только нашъ, но и всѣхъ святыхъ Ангеловъ. И такъ ежели святые жить будутъ въ мірѣ, то всенепремѣнно въономъ, которой превосходитъ всякій разумъ. Ибо что нашъ разумъ превосходитъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Когда же превосходитъ и Ангельскій, поелику безъизъятно сказано: всякій разумъ: то мы дол-

должны разумѣть, что для того сіе речено: понеже мира Божія, въ коемъ Богъ пребываетъ, ни мы, ни Ангели знать не можемъ, кромѣ Бога. И такъ превосходитъ всякій разумъ, безъ сомнѣнія выключая Божій. Но поелику и мы по мѣрѣ нашей участниками онаго будемъ, то такимъ образомъ знаютъ оный Ангели, а люди весьма мало, хотя бы превосходнѣйшій имѣли разумъ. Ибо разсмотрѣть надлежитъ, сколь великій мужъ говорилъ оное: *Отчасти разумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ, донде же пріидетъ совершенное. И, видимъ нынѣ яко же зерцаломъ въ гаданіи, тогда же узримъ лицемъ къ лицу.* Естьли уже видятъ святые Ангели, которые нашими Ангелами наречены, понеже избавлены будучи отъ власти темныя, и пріявъ залогъ Духа, преселены къ царству Христову, къ онымъ Ангеламъ уже начали принадлежать, съ коими будетъ намъ святый и вожделѣнный, о коемъ уже столько мы книгъ написали, градъ Божій общимъ. Такъ убо суть Ангелы нашими, которые суть Ангелами Божіими, какъ Христосъ Божій есть Христомъ нашимъ. Суть Божіими, понеже Бога не оставили; суть нашими, поелику насъ своими согражданами имѣть начали. Реклъ же Господь Іисусъ: *Блюдитеся, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ. Глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небеси выну видятъ лице Отца моего, иже на небе-*

 сѣхъ

сѣхъ. Слѣдовательно какъ они видятъ; такъ и мы зрѣть имѣемъ; однако еще не зримъ. Чего для говоритъ Апостолъ, о чемъ выше я говорилъ: *Видимъ нынѣ яко же зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу.* И такъ возмездіемъ вѣрѣ нашей хранится сіе лицезрѣніе, о которомъ и Іоаннъ Апостолъ пиша: *Егда же,* говоритъ, *явится, подобни ему будемъ, зане узримъ его якоже есть.* Чрезъ лице же Божіе разумѣть должно явленіе и откровеніе, а не таковый членъ, каковый мы имѣемъ въ тѣлѣ, и онымъ именемъ нарицаемъ. Чего для когда меня вопрошаютъ, что имѣютъ дѣлать святые въ ономъ духовномъ тѣлѣ, тогда скажу я въ отвѣтъ, не то, что уже аки бы вижу, но чему вѣрую, по написанному во псалмѣ: *Вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ.* И такъ отвѣтствую, что они будутъ зрѣть Бога въ самомъ тѣлѣ; но посредствомъ ли тѣла, такъ какъ нынѣ видимъ солнце, луну, звѣзды, море и землю и сущее на ней, сей вопросъ не малую заключаетъ трудность. Неприлично кажется сказать, что святые таковыя тѣла имѣть будутъ, что не возмогутъ очей смѣжити, или отверзти, когда восхотятъ. Не пристойнѣе же того, аки бы тотъ, кто очи закроетъ свои, тамъ Бога не узритъ. Ибо естьли Пророкъ Елиссей отрока своего Гіезія, не бывъ тамъ тѣломъ, видѣлъ вземлющаго дары отъ Неемана Сиріа-

ріаннина, котораго ПророкЪ очистилЪ отЪ проказы, о чемЪ отрокЪ оный думалЪ, что тайно дѣлаетЪ: кольми паче вЪономЪ духовномЪ тѣлѣ видѣть будутЪ святые все, не только естьли смѣжатЪ очи, но естьли и удалены будутЪ тѣломЪ. Ибо тогда будетЪ совершенное, о которомЪ пиша АпостолЪ: *Отчасти*, говоритЪ, *разумѣваемЪ, и отчасти пророчествуемЪ; егда же пріидетЪ совершенное, тогда испразднится отчасти.* ПотомЪ, дабы показать отЪ нѣкотораго подобія, сколь будущая жизнь различествуетЪ отЪ настоящей, да и то не какихЪ либо людей, но особливую и отмѣнную святость имѣющихЪ: *Егда*, говоритЪ, *бѣхЪ младенецЪ, яко младенецЪ глаголахЪ, яко младенецЪ мудрствовахЪ, яко младенецЪ смышляхЪ: егда же быхЪ мужЪ, отвергохЪ младенческая. Видимъ нынѣ, яко же зерцаломЪ вЪ гаданіи, тогда же лицемЪ кЪ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, яко же и познанЪ быхЪ.* Когда же вЪ сей жизни чудное людей пророчество вЪ сравненіи сЪ оною жизнію есть таковожЪ, какЪ младенца разумѣніе сЪ юношею; видѣлЪ однако Елиссей отрока своего вземлющаго дары, гдѣ онЪ самЪ не былЪ: то не уже ли, когда пріидетЪ совершенное, и когда тѣло тлѣнное не станетЪ обременять души, но нетлѣнно ставши, не будетЪ дѣлать препятствія, оные святые кЪ тому, что имЪ видѣть должно будетЪ

очей тѣлесныхъ, въ коихъ Елиссей, дабы видѣть отрока своего вземлющаго дары, не бывъ тамъ, не имѣлъ нужды, потребуютъ? Ибо какъ перевели семдесятъ толковниковъ, такъ говорилъ Гіезію Пророкъ: *Не сердце ли мое хождаше съ тобою, и вѣмъ, яко обратися мужъ съ колесницы своея въ срѣтеніе тебѣ, и взялъ еси сребро.* А какъ съ Еврейскаго перевелъ Пресвитеръ Іеронимъ, такова содержанія оныя были слова: не сердце ли мое присутствовало тамъ, когда обратился мужъ съ колесницы своей въ срѣтеніе тебѣ? И такъ объявилъ Пророкъ, что онъ сердцемъ своимъ то видѣлъ, просвѣщеннымъ то есть чудесно отъ Бога. Но сколь несравненно тогда изобиловать симъ даромъ святые будутъ, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ! Однако будутъ имѣть и тѣлесныя оныя очи свою должность, и будутъ въ своемъ мѣстѣ, коихъ духъ станетъ употреблять чрезъ духовное тѣло. Ибо и оный Пророкъ, хотя не имѣлъ нужды въ нихъ, дабы видѣть далече находящагося отрока, но не употреблялъ оныхъ на видѣніе настоящихъ, которыя могъ духомъ видѣть, хотя бы оныя смѣжилъ, такъ какъ видѣлъ далече сущее, гдѣ очи его не были. И такъ не можемъ, да и не должны мы думать, аки бы святые смѣживъ очи не возмогутъ Бога зрѣть, коего духомъ будутъ видѣть. Но будутъ ли зрѣть Его

и очами тѣлесными, отсюда вопрошаютъ. Понеже естьли они въ духовномъ тѣлѣ тожъ будутъ свойство, и столькожъ силы, сколько тѣ, кои нынѣ имѣемъ, то безъ сомнѣнія оными Бога видѣть не можно; и такъ совсѣмъ инаковую будутъ они въ себѣ заключать возможность, естьли оными видима будетъ безплотная оная природа, которая не въ одномъ заключается мѣстѣ, но наполняетъ вся. Ибо когда говоримъ, что Богъ находится на небеси и на земли; когда самъ Онъ чрезъ Пророка глаголетъ: *Небо и землю азъ наполняю*: то не поставляемъ, что одною своею частїю пребываетъ на небеси, другою на земли; но весь на небеси, и весь на земли, въ одно время, каковаго свойства никакая природа сотворенная не имѣетъ. И такъ сила оныхъ очей несравненно большая, не въ такомъ разумѣ, что они проницательнѣе будутъ зрѣть; ибо какаябъ ни была оная, не иное однако что можетъ видѣть, какъ тѣла; но что узрятъ и безплотное. И можетъ статься сїя сила дарована была на малое время, дабы видѣть великая, Іову: святому мужу въ семъ смертномъ тѣлѣ, когда говоритъ онъ къ Богу: *Слухомъ уха слышахъ тя первѣе, нынѣ же око мое видитъ тя: сего ради уничижихъ себя, растаяхъ, и мню себе землю и пепелъ.* Хотя ничто не препятствуетъ здѣсь разумѣть око сердечное, о коемъ говоритъ Апостолъ:

 Про-

Просвѣщены очи имуще сердца нашего. Что сими очами зрѣть будемъ Бога, въ томъ изъ Христіанъ никто не сомнѣвается, который съ вѣрою пріемлетъ слово Наставника своего, рекшаго: *Блажени чисти сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Но будемъ ли зрѣть и тѣлесными очами, о томъ здѣсь мы говоримъ. Ибо то, что написано: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе*, безъ всякой трудности разумѣть можно такъ, какъ бы сказано было: и узритъ всякъ человѣкъ Христа Божія, который поистиннѣ видимъ былъ во плоти, и во плоти узрится, когда будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. А что Онъ есть спасеніе Божіе, тому въ Священномъ Писаніи много находится свидѣтельствъ. Но яснѣе оное открываютъ слова старца онаго Симеона, который когда Христа младенца принялъ на руки своя, *Нынѣ*, сказалъ, *отпущаеши раба твоего Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое.* И оное также, что сказалъ вышепомянутый Іовъ, какъ въ подлинникахъ, съ Еврейскаго взятыхъ, видно: *и въ плоти моей узрю Бога*, воскресеніе плоти безъ сомнѣнія предвозвѣщаетъ, однако не сказалъ: посредствомъ плоти моей. Да ежели бы и то сказалъ, то можнобъ было разумѣть Бога Христа, который посредствомъ плоти и во плоти будетъ видимъ. Нынѣ же можно разумѣть сіе и такъ: *по плоти моей узрю Бога:*

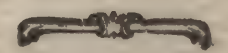
какъ

какЪ бы сказалЪ: во плоти моей буду, когда узрю Бога. И оное, что говоритЪ АпостолЪ, лицемЪ кЪ лицу, не принуждаетЪ насЪ вѣрить, что мы Бога лицемЪ тѣлеснымЪ, гдѣ находятся сіи тѣлесныя очи, узримЪ, котораго духомЪ непрестанно зрѣть будемЪ. Ибо естьлибЪ не было внутренняго лица, то не сказалЪ бы АпостолЪ: *Мы же открovеннымЪ лицемЪ славу Господню взирающе, вЪ той же образЪ преобразуемся, отЪ славы вЪ славу, яко же отЪ Господня Духа.* Не инако разумѣемЪ и во псалмѣ написанное: *Приступите кЪ нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Ибо вѣрою приступаетЪ всякЪ кЪ Богу, которая есть сердца, а не тѣла. Но понеже не извѣстно намЪ, сколько духовному тѣлу приложится, поелику говоримЪ о вещи недознанной: то по нуждѣ дѣлается сЪ нами то, что написано вЪ книгѣ Премудрости: *Помышленія смертныхЪ боязлива, и погрѣшительна умышленія ихЪ.* Ибо доказательство и умствованіе оное философовЪ, коимЪ силятся показать, что мысленнымЪ зрѣніемЪ такЪ видимы бываютЪ умная, и чувствомЪ тѣлеснымЪ чувствуемая, то есть тѣлесная, что ни мысленное чрезЪ тѣло, ни тѣлесное само собою мысль вЪ состояніи видѣть, было безсомнительнымЪ: то не ложно было бы и то, что очами тѣлесными и духовнаго тѣла никакимЪ образомЪ не можнобЪ было Бога видѣть.

 Но

Но сіе умствованіе и здравой разсудокъ и Пророческія гласы осмѣяваютъ. Понеже кто столь безуменъ, который бы дерзнулъ сказать, что Богъ вещей тѣлесныхъ не знаетъ? И такъ не уже ли Онъ имѣетъ тѣло, посредствомъ коего можетъ познавать оныя? Потомъ, что мы выше о Елиссеѣ Пророкѣ сказали, не довольно ли показываетъ, что и духомъ, а не только тѣломъ можно познавать тѣлесное и видѣть? Ибо когда отрокъ его бралъ дары, то конечно оное дѣлалось по плоти, которое однако Пророкъ не по плоти, но по духу видѣлъ. И такъ какъ извѣстно, что духомъ видимы бываютъ тѣла, то что, ежели сила духовнаго тѣла будетъ такова, что и тѣломъ можно будетъ увидѣть духа? Духъ бо есть Богъ. Потомъ жизнь свою, которою нынѣ живетъ въ тѣлѣ, и сіи тѣлесныя уды животворитъ, внутреннимъ чувствомъ всякъ, а не тѣлесными очами знаетъ; жизнь же другихъ, хотя оная не видима, тѣломъ видитъ. Ибо по чему различаемъ тѣла живущія отъ неживущихъ, естьли не видимъ съ тѣлами купно и жизни, которой однако не можетъ видѣть, какъ только тѣломъ? Жизни же безъ тѣлъ тѣлесными очами не видимъ. Чего для статься можетъ, и весьма вѣроятно, что мы тогда узримъ мірскія тѣла неба новаго и новой земли, какъ Бога вездѣ сущаго, и все тѣлесное управляющаго, посредствомъ тѣ-

тѣла, которое тогда носить имѣемъ, куда ни обратимъ взоръ, ясно увидимъ: не такъ какъ нынѣ невидимая Божія твореньми помышляема видима бываютъ, не яко же зерцаломъ въ гаданіи, не отчасти, гдѣ въ насъ болѣе дѣйствуетъ вѣра, коею вѣруемъ, нежели видъ вещей тѣлесныхъ, которой мы зримъ тѣлесными очами. Но какъ на людей живущихъ, и дѣйствія свои жизненныя показывающихъ, когда взираемъ, то не вѣруемъ, что они живутъ; но видимъ, когда ихъ жизни безъ тѣлъ видѣть не можемъ, которую однако посредствомъ тѣла отложивъ всякое сомнѣніе видимъ: такъ духовныя оныя тѣлъ нашихъ очи куда ни обратимъ, безтѣлеснаго Бога все управляющаго тѣломъ увидимъ. Слѣдовательно или потому оными очами узримъ мы Бога, что они будутъ имѣть нѣчто въ толикомъ своемъ превосходствѣ уму подобное, чрезъ что и безтѣлесная природа будетъ видима; но сего никакими примѣрами и свидѣтельствами Священнаго Писанія доказать не можно: или, что къ разумѣнію удобнѣе, Богъ тогда видимъ будетъ духомъ отъ каждаго изъ насъ въ каждомъ изъ насъ, и въ насъ самихъ, и въ небѣ новомъ, и въ земли новой, и во всемъ, которое тогда будетъ, твореніи. Будетъ зримъ тѣломъ во всякомъ тѣлѣ, кудабъ духовнаго тѣла зрѣніе обращено ни было.

Глава двадесять седьмая.

О вѣчномъ блаженствѣ града Божія и вѣчномъ упокоеніи.

Коликое будетъ оное блаженство, гдѣ никакого не будетъ зла, никакое не будетъ сокрыто благо, гдѣ святые упражняться будутъ въ прославленіи Бога, которой *будетъ всяческая во всѣхъ.* Ибо что иное будутъ дѣлать, гдѣ не будетъ мѣста лѣности, гдѣ не будетъ никакого недостатка, я не знаю. Внушаетъ мнѣ сіе написанное въ пѣсняхъ Давидовыхъ: *Блажени живущіи въ дому твоемъ, Господи, въ вѣки вѣковъ восхвалятъ тя.* Всѣ уды и внутренніе нетлѣннаго тѣла, которые нынѣ видимъ по употребленіямъ особыхъ надобностей раздѣленными; поелику тогда и самой не будетъ нужды, но полное, несомнѣнное, безопасное и вѣчное блаженство, успѣвать будутъ въ хваленіи Божіемъ. Ибо вся оная стройность тѣлесная, о коей я выше говорилъ, внутренно и наружно устроенная, откровенна будучи съ прочими вещами, которыя великими и чудными окажутся, словесные умы къ хваленію толикаго Творца благолѣпія возбудитъ. Какія тамъ будутъ движенія, онаго опредѣлять не дерзаю, когда онаго и помыслить не могу; однако и движеніе и состояніе и видъ будутъ приличныя; поелику тамъ ничего непристойнаго не будетъ. Безсомнительно, что въ

мгно-

мгновеніи тамъ будетъ тѣло, гдѣ быть ему восхощетъ духъ; не восхощетъ же духъ того, что ни духу, ни тѣлу не пристойно. Тамъ истинная будетъ слава, гдѣ хвалимый ни ошибкою, ни изъ ласкательства хвалимъ будетъ. Неложная честь, которой всякъ достойный будетъ удостоиваемъ; а недостойному оная присвояема не будетъ; притомъ недостойный оныя и не пожелаетъ, гдѣ не попущено будетъ быть, кромѣ достойныхъ. Истинный тамъ будетъ миръ, гдѣ никакого огорченія ни отъ себя самаго, ни отъ другаго никто терпѣть не будетъ. Возмездіемъ за добродѣтель будетъ той Самъ, который даровалъ добродѣтель, и который Себя самаго, чего не можетъ быть болѣе ничего, обѣщалъ. Ибо что иное Онъ чрезъ Пророка сказалъ: *Буду имъ въ Бога, и тіи будутъ мнѣ людіе?* Не иное что, какъ то: Я буду, коимъ они насытятся; Я буду и жизнію, и здравіемъ, и пищею, и обиліемъ, и славою, и честію, и миромъ, и всемъ добромъ; понеже такимъ образомъ и оное точнѣе разумѣется, что сказалъ Апостолъ: *Будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.* Онъ будетъ концемъ нашихъ желаній, который безконечно будетъ видимъ, безъ отвращенія будетъ любимъ, безъ изнеможенія хвалимъ. Сей долгъ, сія любовь, сіе дѣйствіе всенепремѣнно будетъ общее, какъ и жизнь вѣчная есть общею. Впрочемъ какія будутъ воздаянія за заслуги и славы и чести степе-

пени, о томъ кто можетъ помыслить? уже не говорю изъяснить. Однако что оныя будутъ, въ томъ сомнѣваться не должно. И оное также блаженный градъ великое въ себѣ узритъ добро, что ни одинъ низшій вышшему въ благѣ не позавидитъ, какъ и нынѣ не завидятъ прочіе Ангели Архангеламъ, такъ какъ бы не хотѣлъ каждый быть тѣмъ, чего не получалъ, хотя союзомъ согласія нимало неколеблемымъ между собою соединены непріявшій съ пріявшимъ, подобно какъ въ тѣлѣ око не хочетъ быть перстомъ, когда оба сіи члены состоятъ въ миролюбномъ союзѣ тѣла. И такъ имѣть будетъ дарованіе одинъ другаго меншее; да притомъ и оное дарованіе, что ни одинъ не восхощетъ большаго. Однако изъ сего не слѣдуетъ, акибы они свободнаго произволенія имѣть не будутъ; понеже имъ грѣхи нравиться не могутъ. Ибо оно будетъ свободнѣйшимъ, избавлено будучи отъ удовольствія грѣховнаго и приведено въ удовольствіе, дабы не согрѣшать. Понеже первое свободное произволеніе, человѣку данное, когда онъ сотворенъ правымъ, могло не грѣшить, но могло и грѣшить; сіе же последнее тѣмъ будетъ сильнѣе, что грѣшить не возможетъ. При всемъ томъ сіе будетъ не по возможности своей природной, но по Божію дарованію. Ибо иное есть быть Богомъ, иное причастникомъ Богу. Богъ по естеству грѣшить не можетъ, причастникъ

же

же отъ Него получилъ, дабы не возмогъ грѣшить. Долженствовало же Богу сохранить степени Божественныхъ дарованій, дабы прежде даровать свободное произволеніе, коимъ бы человѣкъ могъ и не согрѣшить, а наконецъ, дабы не могъ согрѣшить; и оное къ пріобрѣтенію воздаянія, сіе къ полученію принадлежитъ. Но понеже сія природа согрѣшила, когда могла согрѣшить, то по щедротамъ Благодати избавляется, дабы изведена была къ оной свободѣ, въ коей согрѣшить не могла бы. Ибо какъ первое безсмертіе, кое Адамъ преступленіемъ потерялъ, состояло въ томъ, что можно не умереть; послѣднее же въ томъ заключится, дабы не можно было умереть: такъ первое свободное произволеніе состояло въ возможности не согрѣшить, послѣднее въ невозможности согрѣшить; поелику воля будетъ непогубляемая благоговѣнія и правды, какъ и блаженства; ибо согрѣшая, лишились и благоговѣнія и блаженства, желать же блаженства и по потеряніи блаженства не потеряли. О Богѣ самомъ, который грѣшить не можетъ, не уже ли сказать можно, что Онъ не имѣетъ свободнаго произволенія? И такъ будетъ онаго града едино во всѣхъ и нераздѣляемое въ каждомъ свободное произволеніе, отъ всякаго зла свобожденное, всякаго добра исполненное, наслаждающееся обильно удовольствіемъ вѣчныя радости, забывшее свои

ви-

вины, забывшее казни, однако незабывшее о своемъ свобожденiи, дабы не быть Избавителю своему неблагодарнымъ. Слѣдовательно, что касается до свѣденiя умнаго, то оно будетъ памятующимъ и о всемъ своемъ злѣ; что же до чувствованiя, совсѣмъ непомнящимъ. Ибо и самый искуснѣйшiй врачь всѣ по наукѣ свѣдомыя знаетъ болѣзни; какъ же оныя чувствуемы бываютъ въ тѣлѣ, многихъ не знаетъ, въ которыхъ самъ не страдалъ. Знанiе золъ есть двоякое: одно постигаемое разумомъ, другое понимаемое опытомъ чувствъ. Понеже инако знаемы бываютъ всѣ пороки чрезъ наставленiе мудрости, инако чрезъ развращенную жизнь малоразсудныхъ людей; такъ и забытiе золъ двоякое: ибо инако забываетъ оныя ученый, инаково оныя на себѣ извѣдавшiй. Оный, когда упражненiе ума оставитъ; сей, когда бѣдствiй лишится. Въ семъ разумѣнiи, которое я на концѣ положилъ, забудутъ святые прошедшее зло; понеже они избавятся отъ золъ всѣхъ такъ, что оныя отъ чувствъ ихъ изгладятся и изчезнутъ. По возможности же онаго знанiя, которое въ нихъ будетъ великое, не только свою минувшую, но и вѣчную осужденныхъ бѣдность будутъ знать. Въ противномъ случаѣ, ежели они не будутъ знать, что были бѣдны, то какимъ образомъ сбудется написанное во псалмѣ: *Милости Господни въ вѣкъ воспоютъ?* ко-

то-

тораго пѣнія въ славу благодати Христовой, коего кровію мы искуплены, не будетъ ничего оному граду пріятнѣе. Тамъ исполнится оное: *Упразднитеся и видите, яко азъ есмь Богъ.* Тамъ будетъ по истиннѣ великая Суббота, не имѣющая вечера, которую одобрилъ Господь по первыхъ дѣлахъ своихъ, гдѣ пишется: *И почи Богъ въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори; и благослови Богъ день седмый, и освяти его, яко въ немъ почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ творити.* Тамъ увидимъ, что Онъ есть Богъ, коимъ мы быть хотѣли, когда отъ Него отпали, послушавъ льстеца сказавшаго: *Будите яко бози,* и отступили отъ истиннаго Бога, котораго не удаляясь, были бы по причастію яко боги. Ибо что мы безъ Него сдѣлали, кромѣ того, что во гнѣвѣ Его изчезли, отъ котораго возставлены и благодатію большею снабдѣны бывши, пребудемъ во вѣки, зря, что Онъ есть Богъ; Имъ мы исполнимся, когда Онъ *будетъ всяческая во всѣхъ.* Понеже и самыя добрыя дѣла суть Его, а не наши; намъ же къ пріобрѣтенію сея Субботы вмѣняются тогда, когда мы ихъ присвояемъ Богу; поелику, ежели мы ихъ присвоимъ себѣ, то оныя будутъ дѣлами работными, или рабскими; когда напротивъ о Субботѣ глаголется: *Всякаго дѣла работнаго да не сотвориши въ оную.* Для тогожъ и чрезъ Іезе-

кіи-

кiнля Пророка глаголетъ Богъ: *И субботы моя дахъ имъ въ знаменiе между мною и ими, да вѣдятъ, яко азъ Господь святяй ихъ.* Сiе совершенно тогда узнаемъ, когда совершенно упразднимся и совершенно увидимъ, что Онъ есть Богъ. И самое число лѣтъ, какъ дней, ежели по онымъ разстоянiямъ времени изчислить, которыя въ Священномъ Писанiи изображены, то сiе субботствованiе ясно откроется; понеже окажется седьмымъ. Первый перiодъ, какъ бы первый день, отъ Адама до потопа; вторый до Авраама, хотя лѣтами не равный, но числомъ родовъ; ибо по десяти въ каждомъ находится. Отсюда же, какъ Евангелистъ Матѳей опредѣляетъ, три послѣдуютъ перiода до пришествiя Христова, изъ коихъ каждый по четырнатцати родовъ въ себѣ заключаютъ: отъ Авраама до Давида одинъ, другiй отъ онаго до преселенiя Вавилонскаго, третiй отъ того до Христова во плоти рождества. Шестый нынѣ продолжается, въ которомъ не должно опредѣлять числа лѣтъ по оному слову: *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти.* По семъ какъ бы въ день седмый почiетъ Богъ. О сихъ же временахъ порознь разсуждать продолжительно будетъ. Сей же перiодъ седмый будетъ Субботою нашею, которая не будетъ имѣть вечера. Тамъ упразднимся и увидимъ; увидимъ и возлюбимъ, возлюбимъ

и

и восхвалимЪ. ВотЪ что будетЪ на кончинѢ безконечной. Ибо какой иной нашЪ конецЪ, какЪ достигнуть до царствія, котораго нѢтЪ конца? Кажется мнѢ, что я совершилЪ помощію Божіею великое сіе сочиненіе. И такЪ ежели оно покажется кому или великимЪ крайнѢ, или малымЪ, тѢхЪ прошу вЪ номЪ меня извинить; а которымЪ покажется оно довольнымЪ, тѢхЪ прошу, не мнѢ, но со мною купно благодареніе возсылать Господу. Аминь.

КонецЪ двадесять второй и послѢдней книгѢ о градѢ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

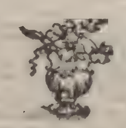
Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, двадесять вторую.

На главу шестую.

(1) Узаленскій. Плиній въ книгѣ пятой въ Африкѣ малой Узалитанской полагаетъ городъ, но Августинъ описываетъ его недалеко отъ Утики отстоящимъ.

На главу двадесятую.

(1) Возвращаясь въ домъ. Таковыхъ смертей немало описываетъ Плиній въ книгѣ седьмой, въ главѣ четвертой, и Валерій въ книгѣ девятой.

СВЯТЫЯ и ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЯ

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Глава первая.

Призываніе Всемогущаго Бога къ позобнопленію склонностей и житія.

Господи Боже мой! даждь сердцу моему, чтобъ оно Тебя желало, желая искало, ища обрѣло, обрѣтши любило, любя согрѣшенія своя очистило, очистивъ уже не повторяло паки оныхъ: даруй, Господи Боже мой! сердцу моему покаяніе, духу сокрушеніе, глазамъ источникъ слезъ, рукамъ щедрость къ милостынѣ. Царю мой! погаси во мнѣ вожделѣнія плотскія, и возжги огнь Твоея любви. Искупителю мой! изжени изъ меня духа гордости, и подаждь милостивый сокровище смиренія Твоего. Спасителю мой! отжени отъ меня гнѣвъ ярости, и даждь щедрый щитъ терпѣнія. Творче мой! истреби изъ меня духа горесть, и даруй мнѣ преблагій мысленную сладость. Подаждь мнѣ премилостивый Отче! вѣру твердую, упованіе приличное, любовь непрестанную.

Правителю мой! отврати отъ меня суету, мысли непостоянство, сердца скитаніе, устъ празднoглаголаніе, глазъ превозношеніе, чрева объяденіе, поношенія ближнихъ, раздеженіе любопытства, похищеніе честей, суетной славы желаніе, лицемѣріе, ядъ ласкательства, презрѣніе убогихъ, утѣсненіе безсильныхъ, сребролюбія жаръ, зависти мерзость, хулы смерть. Отсѣцы во мнѣ Создателю мой! дерзость, непотребство, упрямство, безпокойство, праздность, сонливость, лѣность, мысли колебаніе, слѣпоту сердца, чувствъ упорство, нравовъ суровость, къ добру неповиновеніе, совѣта противленіе, языка необузданность, убогихъ притѣсненіе, немощныхъ насилованіе, невинныхъ оклеветаніе, подчиненныхъ презрѣніе, къ домашнимъ суровость, къ пріятелямъ нечестіе, къ ближнимъ грубость.

Боже мой прещедрый! молю Тебя чрезъ возлюбленнаго Сына Твоего, даруй мнѣ дѣла милосердія и любви упражненія: соболѣзновать о нещастныхъ, наставлять на путь заблуждающихъ, вспомоществовать бѣднымъ, помогать убогимъ, утѣшать печальныхъ, заступать обидимыхъ, нищихъ снабдѣвать, плачущихъ возставлять, оставлять должникамъ, прощать противъ меня согрѣшающихъ, ненавидящихъ меня любить, за зло воздавать доброе, никого не презирать, но почитать; добрымъ подражать, злыхъ остерегаться, добродѣтелей держаться, пороки

роки отрѣвать; въ нещастіяхъ терпѣливость, въ благополучіи воздержаніе, хранение устъ, и дверь огражденія устнамъ моимъ; земная попирать, небесныхъ жаждать.

Глава вторая.

Овиненіе человѣка и выхваленіе милосердія Божія.

Се Создателю мой! многаго я у Тебя, просилъ, не заслуживши ни малаго. Признаюся, увы! признаюся, что я не только просимыхъ мною у Тебя даровъ не заслужилъ, но и многихъ и жестокихъ мученій достоинъ. Но ободряютъ меня мытари, блудницы и разбойники, которые, мгновенно изъ челюстей вражескихъ исторгнувшись, входятъ въ предѣлы Пастыря. Ибо Ты, создателю всѣхъ Боже! хотя и во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ чуденъ еси, но чуднѣйшимъ быть вѣришися въ дѣлахъ любви. Сего ради о себѣ самомъ чрезъ нѣкоего раба Твоего реклъ еси: щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. И мы вѣруемъ, что Ты то, глаголя аки о единомъ, о всѣхъ людяхъ Твоихъ изрекъ: милости же моея не отъиму отъ него. Понеже Ты никѣмъ не гнушаешися, никого не отвергаешь, никого не боишися; развѣ иногда какой безумный Тебя ужастится.

И такъ Ты не только прогнѣванный не поражаеши, но и прогнѣвляющимъ Тебя дары Твои, естьли просить будутъ, подаеши.

ши. Боже мой, рогъ спасенія моего! я нещастный, я прогнѣвалъ Тебя, я зло содѣлалъ предъ Тобою, ярость Твою подвигнулъ, гнѣвъ заслужилъ, согрѣшилъ, и Ты стерпѣлъ; заблудилъ, и Ты доселѣ терпишь; да еще когда я отлагаю, Ты ожидаешь. Обращаешь заблуждающаго, призываешь противящагося, ждешь ослабѣвающаго, объемлешь возвращающагося. Наставляешь не разумѣвающаго, печальнаго утѣшаешь, отъ паденія изимаешь, по паденіи возстановляешь, просящему подаешь, ищущему обрѣтаешися, и толкущему отверзаешь. Се Господи Боже спасенія моего! что напротивъ скажу Тебѣ? Не знаю: какъ отвѣтствовать Тебѣ? Не разумѣю. Никакого нѣтъ отъ Тебя убѣжища, никакого нѣтъ отъ Тебя скрытаго мѣста. Показалъ Ты мнѣ къ добродѣтельному житію путь, и къ шествію по оному далъ разумъ: угрожалъ мнѣ геенною, и обѣщалъ мнѣ райскую славу.

Нынѣ, Отче щедротъ и Боже всякія утѣхи! пронзи страхомъ Твоимъ плоти моя, дабы я того, чѣмъ Ты мнѣ угрожаешь, страхомъ избѣгъ; и воздаждь мнѣ радость спасенія Твоего, дабы я обѣщанное Тобою любовію получилъ. Крѣпосте моя Господи! утвержденіе мое, Боже мой! прибѣжище мое, и Избавителю мой! вложи, что мнѣ о Тебѣ мыслить; научи, какими словами Тебя призывать; даруй, какими дѣлами Тебѣ благоугождать. Ибо

я знаю одно, чѣмъ Ты благоугождаешися, и другое, чего Ты не отвращаешися. Есть точно предъ Тобою жертва духъ сокрушенный, и Ты пріемлешь сердце сокрушенно и смиренно. Сими-то меня, Боже мой! Помощниче мой! обогати дарами; сими-то противъ врага огради покровами; сіе отъ пламени пороковъ даруй прохлажденіе; а симъ желаній страстямъ отверзи милостивое убѣжище.

Сотвори Господи, сила спасенія моего, чтобъ я не былъ изъ числа тѣхъ, которые на время вѣруютъ, и во время искушенія отпадаютъ. Осѣни главу мою въ день брани; надежда моя въ день озлобленія, и спасеніе мое во время печали.

Се Господи, просвѣщеніе мое и спасеніе мое! просилъ я, въ чемъ нужду имѣю; открылъ, чего боюся; но угрызаетъ меня совѣсть, обличаютъ меня тайны сердечныя; и что любовь подаетъ, то расточаетъ страхъ; ревность возбуждаетъ, боязнь не допущаетъ. Дѣянія мои ужасъ, но Твоя благость влагаетъ надежду; Твое призываетъ милосердіе, но мое злосердіе запинаетъ. И истиннѣе сказать, приходятъ на память ужасные пороки, которые отъемлютъ дерзновеніе у покушающихся сердецъ.

Глава третія.

Жалоба человѣка, котораго Богъ за непослушаніе не слушаетъ.

Ибо достойный ненавидѣнія Твоего, съ какимъ лицемъ попроситъ благодѣянія? Достойный наказанія, съ какою дерзостію потребуетъ славы? Раздражаетъ судію, который не удовлетворивши за проступокъ, ищетъ награжденія. Царя обижаетъ преступникъ, который проситъ себѣ неподобающей чести; и родительскую къ себѣ любви преклонность преогорчеваетъ безумный сынъ, который послѣ причиненныхъ ему ругательствъ не раскаявшись, въ наслѣдство его вступаетъ. Что я предъ Тобою, Отче мой, содѣлалъ? Я заслужилъ смерть, и прошу жизни. Я раздражилъ Царя моего, котораго безстыдно ищу покровительства. Презрѣлъ я Судію, котораго безразсудно ищу помощи. Я по своевольству не слушалъ Отца, котораго напослѣдокъ покушаюсь имѣть защитникомъ.

Увы мнѣ! сколь поздо прихожу! Увы! увы! сколь медленно поспѣшаю! Увы мнѣ! что я теку послѣ язвъ, не восхотѣвъ себя невреждениымъ предостеречь отъ ударовъ. Небрегъ предвидѣть стрѣлъ, а теперь уже о приближившейся смерти забочуся. Язвы язвами умножилъ, понеже ко грѣхамъ грѣхи прилагать не боялся. Вновь раны отворились, потому что прежнія грѣхопа-

паденія новыми умножилъ беззаконіями; и которыя Божеское уврачевало врачевство, оныя опять моя растравила безумная чесотка. Плоть, которая наведшися на ранахъ болѣзнь закрывала, отъ истекающаго гноя возсмердѣла: понеже повторенное беззаконіе данную благодать испразднило. Ибо мнѣ извѣстно Писаніе: Въ онь же часъ праведникъ согрѣшитъ, всѣ правды его забвены будутъ. Естьли правда падающаго праведника потребляется, то кольми паче покаяніе грѣшника, на тоже самое обращающагося? Сколько разъ я какъ песъ возвращался на блевотину, и какъ свинія въ грязь?

Признаюся, что я не могу всего упомнить, сколько я изъ смертныхъ неразумѣющихъ научилъ грѣшить, нехотящихъ склонилъ, несоизволяющихъ побудилъ, хотящимъ присовѣтывалъ? Сколько благоразумно текущихъ запиналъ? Сколько ищущимъ праваго пути рвовъ ископалъ? А дабы такихъ не убояться дѣлъ, все забвенію предавать не страшился. Но Ты, праведный Судія! замѣчая грѣхи, какъ бы въ мѣшцѣ блюдешь всѣ стези мои и всѣ шествія мои исчислилъ. Ты ни слова мнѣ не говорилъ, всегда молчалъ, терпѣлъ; увы мнѣ! уже напослѣдокъ возглаголешь Ты ко мнѣ во гнѣвѣ своемъ!

Глава четвертая.

Боязнь Судіи.

Боже боговЪ, Господи превосходяй злобу! я знаю, что Ты откровенно пріидешь; знаю, что Ты не всегда будешь молчать, когда предЪ лицемЪ ТвоимЪ возгорится огнь, и окрестЪ Тебя буря зельная возшумитЪ; когда Ты призовеши небо свыше, и землю разсудити люди Твоя. И се! предЪ толикими тысящами народа обнажатся всѣ грѣхи мои: столько строямЪ АнгельскимЪ открыты будутЪ всѣ беззаконія мои, не токмо самымЪ дѣломЪ содѣянныя, но и самыя помышленія и слова мои. ПредЪ столько Судіями я убогій предстану, сколько меня предварили вЪ дѣлахЪ добрыхЪ. Столько обвинителями я постыжденЪ буду, сколько мнѣ подавали кЪ доброму житію примѣровЪ. Столько обличенЪ буду свидѣтелями, сколько меня полезными наставляли словами, и кЪ подражанію моему себя вЪ примѣрЪ мнѣ добрыми дѣлами представляли. Господи мой! не знаю я, что сказать: не разумѣю, како отвѣчать. И еще не будучи на ономЪ грозномЪ судѣ, мучитЪ меня совѣсть, терзаютЪ сердечныя тайны, связуетЪ сребролюбіе, обвиняетЪ гордость, пожираетЪ зависть, сожигаетЪ похоть, опустошаетЪ роскощь, обезчещиваетЪ обжирство, піянство опровергаетЪ, безславіе раздираетЪ, спѣсь запинаетЪ, по-

хищеніе обличаетъ, несогласіе расточаетъ, гнѣвъ возмущаетъ, тихость разслабляетъ, слабость подавляетъ, лицемѣріе обольщаетъ, ласкательство склоняетъ, пріятство возноситъ, безчестіе колетъ.

Се! Избавителю мой, отъ рода гнѣвливаго: Се! съ кѣмъ я жилъ отъ дня рожденія моего, въ чемъ я упражнялся, и кому служилъ? Самыя любезныя мои упражненія меня осуждаютъ; что я хвалилъ, то меня опорочиваетъ. Сіи-то мои друзья, которыми я любовался; наставники, которымъ повиновался; господа, которымъ служилъ; совѣтники, которымъ вѣрилъ; граждане, съ которыми вмѣстѣ жилъ; домашніе, съ которыми обходился ласково. Увы мнѣ! Царю мой и Боже мой, яко пришельствіе мое продолжися. Горе мнѣ, что я обиталъ съ живущими въ Кѣдарѣ! И когда Давидъ Святый возлюбилъ ихъ много, то кольми паче я окаянный о себѣ сказать могу: зѣло пришельствова душа моя! Утвержденіе мое Боже мой, не оправдится предъ Тобою всякъ живый. Упованія моего не полагаю на сыновъ человѣческихъ. Кого Ты, естьли безъ милосердія Твоего судить будешь, обрящешь праведнымъ? И естьли Ты не предваришь милостію нечестиваго, то не будетъ прославляющаго праведнаго.

Ибо я, Спасителю мой, вѣрю тому, что слышалъ, яко милосердіе Твое на покаяніе

меня ведетЪ; Твои сладчайшія мнѢ изрекли уста: Никтоже можетЪ пріити ко мнѢ, аще не пославый мя ОтецЪ привлечетЪ его. А поелику Ты меня сему научилЪ, и яко милостивый наставилЪ: то я всѢми силами душевными, всемЪ зрѢніемЪ умнымЪ, прошу Тебя, Всемогущій Отче! сЪ возлюбленнѢйшимЪ СыномЪ ТвоимЪ, и Тебя, всевожделѢннѢйшій Сыне! сЪ прелюбезнымЪ призываю УтѢшителемЪ: привлеки меня, чтобЪ я за Тобою радостно текЪ вЪ воню благоуханія Твоего.

Глава пятая.

Призывается ОтецЪ чрезЪ Сына.

Призываю я Тебя, Боже мой! призываю я Тебя; понеже Ты близЪ еси всѢмЪ призывающимЪ Тебя во истиннѢ. Ибо Ты Истинна, научи меня (молю) милосердіемЪ ТвоимЪ, научи меня Святая Истинна призывати Тебя во истиннѢ, понеже я сего здѢлать самЪ не знаю; но наставленія Твоего, блаженная Истинна, смиренно требую. Ибо безЪ Тебя умствовать есть безумствовать; а Тебя знать, есть совершенная премудрость. Настави меня Божія Премудросте, и научи меня закону Твоему; понеже я тому вѢрю, что блаженЪ тотЪ будетЪ, его же Ты накажеши, и отЪ закона Твоего научиши его. Я желаю призывати Тебя, но молю, чтобЪ было то во истиннѢ. Что значитЪ призы-

вать во истиннѣ Истину, естьли не вѣ Сынѣ Отца? И такѣ Святый Отче! Слово Твое Истинна, и начало словесѣ Твоихѣ Истинна: ибо сіе есть словесѣ Твоихѣ Начало, которое вѣ началѣ было Слово. Вѣ томѣ самомѣ Началѣ Тебѣ высочайшему поклоняюся Началу. Вѣ самомѣ Истинны Словѣ Тебя совершенная призываю Истинна, вѣ которомѣ Ты самая Истинна управи меня и научи.

Ибо что того сладостнѣе, какѣ Родителя призывать о имени Единороднаго? Отца воспоминаніемѣ Сына преклонять на милосердіе? Царя наименованіемѣ вселюбезнѣйшаго Сына умилостивлять? Такимѣ способомѣ обыкновенно виноватые избавляются отѣ темницѣ, такѣ заключенные во узы отѣ оныхѣ освобождаются, такѣ приговоренные кѣ смертной казни не только прощеніе, но и сверьхѣ того необыкновенную получаютѣ милость, какѣ только они прогнѣванным владыкамѣ любезныхѣ ихѣ дѣтей любовь кѣ себѣ предложатѣ. Такимѣ образомѣ погрѣшающіе рабы избѣгаютѣ наказаній господскихѣ, когда за нихѣ вступаются любезныя ихѣ дѣти. Такѣ я Тебя, Всемогущій Отче! любовію всемогущаго Сына Твоего прошу, изведи изѣ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему. Освободи меня отѣ узѣ грѣховныхѣ, молю чрезѣ равно-вѣчнаго Тебѣ Единороднаго Сына; и меня, которому собственныя дѣла угро-

жа-

жаютъ смертію, ходатайствомъ предражайшаго, одесную тебя сѣдящаго Сына, возведи милостиве къ животу.

Ибо кого я инаго къ Тебѣ предстателя за меня пошлю? не вѣмъ, естьли не сего, который есть очищеніе о грѣхахъ нашихъ, который сѣдитъ одесную Тебя, ходатайствуя за насъ. Се Ходатай мой у Тебя Бога Отца! Се высочайшій Архіерей, не требующій очищенія чужею кровію: понеже собственною своею окропленъ блещетъ кровію! Се жертва святая, благоугодная и совершенная, въ воню благоуханія принесенная и воспріятая! Се Агнецъ безъ порока, который предъ стригущими Его умолчалъ; который по ланитамъ біенный, заплеванный и укоренный не отверзалъ устъ своихъ! Се Онъ, который грѣха не сотворилъ, а грѣхи наши на себѣ понесъ, и болѣзни наши своею уврачевалъ язвою!

Глава шестая.

Здѣсь представляетъ человѣкъ Отцу страданіе Сына.

Воззри милостиве Отче! на превозлюбленнаго Сына, за меня толико золъ претерпѣвшаго. Воззри всемилостивѣйшій Царю! на страждущаго, и воспомяни прещедрый, за кого Онъ страждетъ. Не сей ли самый, Господи! тотъ неповинный, котораго Ты, для искупленія раба, предалъ Сына? Не сей ли самый

самый источникЪ жизни, который, яко овца на заколеніе веденный, и Тебѣ послушливымЪ бывшій даже до смерти, прелютѣйшій родЪ смерти подъять не убоялся? Вспомни всего спасенія Строитель, что сей самый ТотЪ, котораго хотя Ты самЪ родилЪ, но Ему моея немощи участникомЪ быть благоволилЪ. Истинно сіе Твое Божество, которое облеклось вЪ мое существо; на древо крестное взошло, которое воспріятою плотію горькое претерпѣло мученіе. Возведи, Господи Боже мой! очи Твоего величества на дѣло несказанныя любви. Воззри на любезнѣйшаго Сына, всемЪ тѣломЪ протяженнаго! Виждь руки невинныя, Святую точащія Кровь! И отпусти милосерде грѣхи, которые содѣлали руки мои! Виждь непорочное ребро, жестоко копіемЪ прободенное, и обнови меня святымЪ, изЪ него проистекшимЪ, источникомЪ.

Виждь неоскверненныя стопы, на пути грѣшниковЪ нестоявшія, но всегда вЪ Законѣ ТвоемЪ ходившія, острыми прободенныя гвоздьми: соверши убо шествія мои во стезяхЪ ТвоихЪ, и сотвори милостиве, чтобЪ я возненавидѣлЪ всѣ пути беззаконія. Путь неправды удали отЪ меня, и даруй, чтобЪ я возлюбилЪ путь правды. Молю Тебя Царю СвятыхЪ, чрезЪ сего Святаго СвятыхЪ, чрезЪ сего Искупителя моего: сотвори, чтобЪ я текЪ путемЪ заповѣдей ТвоихЪ, дабы я возмогЪ сЪ НимЪ соединиться, который мое-

ею

ею не возгнушался одѣтися плотію. Не уже ли Ты не зришь, милосердый Отецъ! предражайшую главу вселюбезнѣйшаго Отрока Твоего, съ бѣлѣйшею шеею преклонившуюся къ смерти? Воззри прещедрый Творецъ на человѣколюбіе любезнаго Сына, и помилуй немощное и слабое созданіе Твое.

Бѣлѣетъ нагая грудь, чернѣетъ окровавленный бокъ, протяженная сохнетъ утроба, померкаютъ очи, Царскія блѣднѣютъ уста, величественныя окостенѣваютъ мышцы, голени висятъ мраморныя, омочаетъ пробіенныя ноги струя святыя крови. Виждь преславный Родитель вселюбезнаго Сына растерзанныя члены, и воспомяни человѣколюбивый, какое есть мое существо. Зри Богочеловѣка мученіе, и ослаби созданнаго человѣка нещастіе! Виждь Искупителя жестокое страданіе, и остави искупленному согрѣшеніе! Се той Господи, котораго Ты за беззаконія людей Твоихъ поразилъ, хотя Онъ возлюбленный Твой, о немъ же Ты благоволилъ. Той самый, въ немъ же не обрѣтеся лесть; но однако со беззаконными вмѣненъ былъ.

Глава седьмая.

Здѣсь признаетъ себя человѣкъ причиною страданія.

Что Ты такое сдѣлалъ, сладчайшій Отрокъ! чтобъ Тебя такъ осуждали? Что Ты такое сотворилъ, вселюбезнѣйшій Юноша! чтобъ

чтобъ столь безчеловѣчно съ Тобою поступали? Какой грѣхъ Твой, какой проступокъ Твой, какая смерти причина, что подало случай къ Твоему осужденію? Я, я, я Твоей причина болѣзни, Твоего вина убіенія. Я Твоей смерти заслуга, Твоего мщенія беззаконіе; я Твоего страданія язва, Твоего мученія трудъ. О удивительное смотреніе, и неизглаголанное Таинства распоряженіе! Грѣшитъ нечестивый, а наказывается праведный. Преступаетъ виноватый, а біенъ бываетъ неповинный. Раздражаетъ беззаконный, а осуждается непорочный. Что заслуживаетъ злой, то терпитъ благой; что дѣлаетъ рабъ, то платитъ Господь; что творитъ человѣкъ, то подъемлетъ Богъ. Куда Сыне Божій, куда Твое снизшло смиреніе? До чего Твоя воспламенѣла любовь? До чего дошла благость? До чего возрасло благоутробіе? До чего Твоя достигнула любовь? До чего, до чего дошло состраданіе?

Ибо я неправду сдѣлалъ, Ты наказанъ бываешь. Я беззаконіе содѣялъ, Ты отмщеніе терпишь. Я согрѣшилъ, Ты истязанію подвергаешися. Я возгордѣлся, Ты смиряешися. Я надмѣнъ былъ, Ты унижаешися. Я былъ непослушливъ, Ты послушливый за грѣхъ непослушанія моего платишь. Я работалъ невоздержанію, Ты гладъ терпиши. Меня къ непозволенной похоти плѣнило древо, Тебя совершенная любовь возвела на Крестъ. Я возхитилъ

 запре-

запрещенное, Ты подъялъ истязаніе. Я услаждаюсь пищею, Ты изнемогаешь на древѣ. Я увеселяюся забавами, Ты раздираешися гвоздьми. Я сладость яблока, Ты вкушаешь горесть желчи. Мнѣ усмѣхаясь сорадуется Ева, Тебѣ плачущая состраждетъ Марія. Царю славы! се мое нечестіе, а Твоя видна любовь. Се моя неправда, а Твоя явна правда.

Что, Царю мой и Боже мой, что я воздамъ Тебѣ о всѣхъ, яже Ты воздалъ мнѣ? Ибо ничего въ сердцѣ человѣческомъ не можно обрѣсти достойнаго къ возблагодаренію за толикія благодѣянія. Не уже ли острый разумъ человѣческой можетъ нѣчто такое сдѣлать, съ чемъ бы соравнилось милосердіе Божеское? Не можетъ тварь никакой показать услуги, чтобъ соразмѣрно вознаградить Творца своего къ себѣ попеченіе. Но имѣется, Сыне Божій, въ семъ Твоемъ чудномъ строеніи, имѣется то, во что моя немощь нѣкакъ входитъ, естьли Твоимъ посѣщеніемъ сокрушенная мысль плоть свою распинаетъ со страстьми и похотьми. И когда Ты сіе даруешь, то она какъ бы уже начинаетъ Тебѣ сострадать; понеже и Ты за грѣхъ мой благоволилъ умереть. И такимъ образомъ она, побѣдивши внутреннаго человѣка, за Твоимъ руководствомъ вооружится ко внѣшней побѣдѣ; поелику она преодолѣвши борьбу духовную, не устрашается за

лю-

любовь Твою повергнуть себя подъ мечь вещественной. И сей толь малый способъ, естьли Твоя благоволитъ благость, величеству возможетъ по мѣрѣ соотвѣтствовать Создателя. Но сіе есть небесное лѣкарство. Сіе, благій Іисусе, Твоея любви врачевство. Молю Тебя древними щедротами Твоими, возлей оное на раны мои, чтобы я имъ исцѣлившись отъ лютой ехиднина угрызѣнія заразы, въ прежнее благоденственное пришелъ здравіе; и вкусивши сладость Твоея любви, возгнушался бы всею душею прелестями міра сего, и никакихъ бы его заключеній для Тебя не устрашался; и памятуя вѣчное благородство, всегда презиралъ бы вѣтры сего преходящаго страха.

Ничто мнѣ (молю) безъ Т бя да не будетъ сладостно, ничто мнѣ безъ Тебя да не является любезно. Да омерзѣетъ, прошу, безъ Тебя мнѣ все, да возсмердитъ мнѣ все. Что Тебѣ противно, то да будетъ мнѣ непріятно; и Твое благоволеніе да будетъ непрерывнымъ моимъ желаніемъ. Да скучна мнѣ будетъ безъ Тебя радость, и пріятна печаль за Тебя. Да будетъ мнѣ имя Твое подкрѣпленіемъ, и памятованіе о Тебѣ утѣшеніемъ. Да будутъ мнѣ слезы мои хлѣбомъ день и ночь испытающему оправданія Твоя; да благъ мнѣ будетъ Законъ устъ Твоихъ паче тысящъ злата и сребра. Повиноваться Тебѣ всегда да будетъ мнѣ пріятно, а противляться мер-

 зо-

зостно. Молю Тебя, надежда моя, всѣми щедротами Твоими, да милостивъ будеши согрѣшеніямъ моимъ. Открый очи мои въ заповѣди Твоя, и не уклони (молю) именемъ святымъ Твоимъ сердце мое во словеса лукавствія непщевати вины о грѣсѣхъ (извиняющися во грѣхахъ). Также прошу дивнымъ человѣколюбіемъ Твоимъ, да не пріидетъ мнѣ нога гордыни, и рука грѣшника да не подвигнетъ меня.

Глава осьмая.

Здѣсь изъясняетъ человѣкъ Богу Отцу страданіе Сыновнее за свое примиреніе.

Се всемогущій Боже, Отче Господа моего, устрой милостиво, воеже помиловати меня, понеже я все, что ни обрѣлъ дражайшее, усердно принесъ Тебѣ; что ни нашелъ любезнѣйшее, смиренно Тебѣ представилъ. Ничего себѣ не оставилъ, чегобъ Твоему не открылъ величеству: ибо я все мое упованіе къ Тебѣ послалъ. Отправилъ я къ Тебѣ Ходатая моего, возлюбленнаго Сына Твоего. Послалъ я преславную Отрасль между мною и Тобою посредственникомъ. Послалъ я (говорю) Ходатая, чрезъ котораго надѣюся прощенія. Послалъ я словами Слово, о которомъ сказывалъ, что Оно послано было ради меня, и исчислилъ предъ Тобою Святѣйшаго Сына страданіе, за меня подъятое. Вѣрую, что послан-

сланное отъ Тебя Божество, мое восприяло человѣчество, и въ немъ благоволило заушенія, узы, заплеванія и поношенія претерпѣть, также крестъ, гвозди и копіе подъять. И что оно прежде младенческимъ плачемъ изнуренное, въ отрочествѣ убогими пеленами связанное, въ юности трудами умученное, постами удрученное, бдѣніями изнуренное, отъ пути устававшее, потомъ ранами уязвленное, мученіями раздробленное, вмѣненное съ мертвыми, одаренное славою воскресенія съ радостію небесъ на оныя возвело, и одесную Твоего величества посадило. Оно-то умилостивленіе мое и жертва Твоя.

Здѣсь вонми щедрый, какого Ты родилъ Сына, и какого искупилъ раба. Здѣсь воззри Ты на Творца, и не возгнушайся тварію Объими любезно Пастыря, и воззри милосердо на принесенную къ Тебѣ на собственныхъ Его раменахъ овцу. Сей-то превѣрнѣйшій Пастырь, который овцу, давно заблуждающую по разсѣлинамъ горъ и по стремнинамъ долинъ, со многимъ искалъ стараніемъ; и который уже умирающую, уже отъ долговременнаго странствованія издыхающую, наконецъ обрѣтши, радостно на себя возложилъ, и чуднымъ стремленіемъ любви къ нему прилѣпившуюся, изъ глубокой поруганія пропасти вынулъ, и взявши въ сладкія объятія, къ девятидесяти одну изгибшую принесъ.

Се Господи Царю мой, Боже всемогущій, се Пастырь добрый приноситъ къ Тебѣ то, что Ты Ему поручилъ. Онъ по совѣту Твоему спасти человѣка, котораго приводитъ къ Тебѣ неимѣюща никакой скверны. Вотъ препрославленный Сынъ тварь Твою съ Тобою примиряетъ, которая далеко отъ Тебя заблудила. Вотъ въ стадо Твое Пастырь кроткій приноситъ, что грабитель наглый отгонялъ. Представляетъ предъ лице Твое раба, котораго собственное признаніе сдѣлало бѣглецомъ; дабы заслужившій собою наказаніе, удовлетвореніемъ Его получилъ прощеніе, и повинный за преступленія геннѣ, при толикомъ Предводителѣ уже благодушествовалъ о возвращеніи въ отечество. Могъ я, Святый Отче, собою Тебя раздражить, но не могъ собою Тебя умилостивить. Сталъ помощникомъ моимъ, Боже мой, Твой возлюбленный Сынъ, мое воспріявшій человѣчество, для уврачеванія немощи, дабы тѣмъ самымъ, что было причиною Твоего оскорбленія, принесть Тебѣ жертву хваленія, и меня тѣмъ примирить Твоей благости, чѣмъ онъ, сѣдя одесную Тебя, всегда моего существа объявляетъ себя участникомъ. Се моя надежда, се мое упованіе!

Естьли Ты мною, какъ и достойно, за мое гнушаешися нечестіе, то воззри милосердый на меня хотя изъ любви къ возлюбленному Сыну Твоему. Вѣждь то въ

Сы-

Сынѣ, чѣмъ Ты умилостивляешися къ рабу? Виждь таинство плоти, и остави плоти осужденіе. Когда ни отворяются предъ Тобою возлюбленнаго Сына раны, всегда да изчезнютъ (молю) согрѣшенія мои. Когда ни черинѣетъ дражайшая изъ святаго ребра кровь, да истребляются (молю) пороки моего осквернения. Понеже велико то, что заслуживаетъ мое нечестіе; но гораздо болѣе, чего требуетъ по справедливости Искупителя моего любовь. Велика моя неправда, но несравненно болѣе Искупителева правда. Ибо колико вышшій есть Богъ человѣка, толико меньшая есть злоба Его благости, и качествомъ и количествомъ.

Ибо какой есть грѣхъ человѣческой, котораго бы не загладилъ Сынъ Божій, ставши человѣкомъ? Какая бы столь великая гордость увеличилась, которую бы толикое не попрало смиреніе? Какая столь великая смерти держава, которую бы Сына Божія крестное не разрушило мученіе? Подлинно, Боже мой, естьли грѣхи человѣка и благодать Искупителя прямо взвѣсить, то не столько востокъ отъ запада, не столько преисподнѣйшій адъ далекъ отъ самаго высочайшаго небесъ начала. Такъ свѣта всеблагій Творецъ, такъ преступленія мои прости, ради безмѣрныхъ возлюбленнаго Сына Твоего болѣзней. Уже Его благостію мое нечестіе, скромностію мое злонравіе, Его кротостію моя да укротится свирѣпость, Уже Его

смиреніе мою гордость, терпѣніе мою нетерпѣливость, Его щедрость мою жестокость, Его послушаніе мое непокореніе, Его тихость мое безпокойство, пріятность горесть, сладость гнѣвъ, любовь да пріобрящетъ мою лютость.

Глава девятая.

О призыпаніи Святаго Духа.

Днесь Ты, о Божественная любве Отца всемогущаго и Сына всеблаженнаго Святое общеніе, всесильный Утѣшителю Дусе, печальныхъ всемилостивый Утѣшителю! днесь Ты вниди всемощною силою Твоею внутрь сердца моего, и всѣ мрачныя отъ нерадѣнія потемнѣннаго образа мѣста блестящимъ свѣта сіяніемъ просвѣти, и изобиліемъ Твоея росы, отъ долговремянной нечистоты увядающія, посѣтивъ плодоносны сотвори. Уязви внутренняго человѣка стрѣлою Твоея любви; и силы ослабѣвающаго сердца спасительнымъ пламенемъ проходя, воспламени, и огнемъ горячности освящая, все въ мысли и въ тѣлѣ попали.

Упой меня потокомъ сладости Твоея, дабы я уже никакой ядовитой мірскихъ вещей сладости не вкушалъ. Суди меня Господи, и разсуди прю мою отъ языка неправедна, и научи меня творити волю Твою, яко Ты Богъ мой. Почему я вѣрю, что въ комъ Ты ни будешь обитать, творишь

ришь въ немъ домъ Отцу и Сыну. Блаженъ тотъ, который Тебя удостоится принять; потому что Тобою въ немъ Отецъ и Сынъ обитель себѣ сотворятъ. Пріиди, и такъ пріиди благоутробнѣйшій скорбящія души Утѣшитель, покрывающій во благовременности, и въ печали помощникъ. Пріиди Очиститель скверНъ, Врачу язвъ; пріиди Крѣпость немощныхъ, Отверзатель сокровенности. Пріиди смиренныхъ Наставникъ, гордыхъ Разрушитель. Пріиди милостивый сиротъ Отецъ, вдовамъ сладкій Судія. Пріиди Надежда нищихъ, ослабѣвающихъ Возстановитель. Пріиди плавающихъ управляющая Звѣзда, отъ кораблекрушенія пристанище. Пріиди всѣхъ живыхъ особенная Красота, умирающихъ единое Спасеніе. Пріиди Пресвятый Дусе, пріиди и помилуй меня: устрой меня достойнымъ Тебя, и сниди милостиве ко мнѣ, да моя малость Твоему величеству и мое безсиліе Твоему могуществу, по множеству щедротъ Твоихъ, благоугодна будетъ о Христѣ Іисусѣ Спасителѣ моемъ, который со Отцемъ во единомъ Божествѣ живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ, Аминь.

Глава десятая.

Молитва раба Божія смиренномудрствующаго о себѣ.

Вѣмъ, Господи, вѣмъ и исповѣдаю, что я недостоинъ того, чтобъ Ты меня любилъ,

билЪ, но воистинну Ты предостоинЪ, чтобЪ я Тебя любилЪ. Хотя я недостоинЪ ТебѢ служить, но Ты предостоинЪ служенія твари Твоея. Сего ради даруй мнѢ Господи отЪ достоинства Твоего: и я буду достоинЪ отЪ недостоинства моего. Сотвори волею Твоею, чтобЪ я престалЪ отЪ грѢховЪ, и по надлежащему ТебѢ служилЪ. Даруй мнѢ такЪ хранить, управлять и скончать жизнь мою, чтобЪ я уснулЪ вЪ мирѢ и вЪ ТебѢ почилЪ. Сотвори, чтобЪ при кончинѢ сонЪ ко мнѢ пришелЪ сЪ миромЪ, мирЪ сЪ безопасностію, безопасность сЪ вѢчностію. Аминь.

Глава перваянадесять.

Молитва ко Святой Троицѣ.

Тебя Бога Отца нерожденна, Тебя Сына единороднаго, Тебя Духа Святаго Утѣшителя, Святую и нераздѢлимую Троицу, всемЪ сердцемЪ и усты исповѢдуемЪ, хвалимЪ и благословимЪ: ТебѢ слава во вѢки вѢковЪ. Аминь.

Глава вторaянадесять.

Исповѣданіе всемогущаго Бога и Его Величества.

О Высочайшая Троица, едина сила и нераздѢльное величество, Боже нашЪ, Боже всемогущій! исповѢдаюся ТебѢ я послѢдній

дній отъ рабовъ Твоихъ, и малый членъ церкве твоея исповѣдаюся Тебѣ, и почитаю Тебя достойною жертвою хваленія, что Ты мнѣ толь униженному благоволилъ даровать знаніе и силу. И поелику я наружныхъ даровъ, которые бы Тебѣ принести могъ, не имѣю: то во мнѣ сущіе отъ Твоего дара обѣты хваленія, се охотно и съ радостію Тебѣ приношу, вѣрою нелицемѣрною и совѣстію благою.

И такъ вѣрую въ Тебя всемъ сердцемъ моимъ, Царю неба и земли, Господи! и молю Тебя, исповѣдаю Отца и Сына и Святаго Духа, въ лицахъ тройственнаго, въ существѣ единаго, истиннаго Бога, всемогущаго, единаго простаго, безплотнаго, невидимаго и неописаннаго естества, ничего выше, ниже и болѣе Себя не имѣющаго, но всякимъ образомъ безъ недостатка совершеннаго, безъ количества великаго, безъ качества благаго, безъ времени вѣчнаго, безъ смерти живота, безъ немощи сильнаго, безъ лжи истиннаго, безъ положенія вездѣ присущаго, безъ мѣста повсюду цѣлаго, безъ протяженія все наполняющаго, безъ противленія всюду встрѣчающагося, безъ остановленія во всѣхъ тваряхъ пребывающаго, безъ нужды все творящаго, безъ труда всемъ управляющаго, безъ Твоего начала всему начало дающаго, безъ Твоего премѣненія, все перемѣнамъ подлежащее производящаго; величествомъ безконечнаго, силою всемогущаго,

го, благостію величайшаго, премудростію непостижимаго, совѣтами страшнаго, судомъ праведнаго, помышленіями сокровеннѣйшаго, въ словахъ справедливаго, въ дѣлахъ святаго, въ щедротахъ изобильнаго, къ согрѣшающимъ весьма терпѣливаго, къ раскаевающимся премилосердаго, всегда купно вѣчнаго и безконечнаго, безсмертнаго и непремѣняемаго, котораго ни пространство не увеличиваетъ, ни тѣсность мѣстъ не умаляетъ, и никакое вмѣстилище не заключаетъ, и хотѣніе не перемѣняетъ, ни дружество не преклоняетъ, ни печаль не смущаетъ, ни радость не плѣняетъ; у котораго ни забвеніе ничего не отъемлетъ, ни память не возвращаетъ, ни минувшее не проходитъ, ни будуще не наступаетъ; которому ни начало начала, ни времена приращенія, ни случай окончанія не даетъ, но прежде вѣковъ, въ вѣкахъ, и во вѣки живешь вѣчно и у Тебя вѣчная хвала, вѣчная слава, высочайшая власть, и особенная честь, непрерывное царство, и безъ конца держава, въ неограниченныя и нескончаемыя и безсмертныя вѣки вѣковъ.

Глава третіянадесять.

Какъ роду человѣческому Богъ Отецъ благоволилъ помощь подать, и о воплощеніи Слова, и о благодареніи.

Доселѣ всемогущій Боже, сердца моего Зрителю и Хранителю, исповѣдывалъ я всемогу-

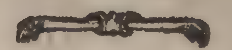
могущество величества Твоего, и величество всемогущества Твоего; а теперь то, какЪ Ты человѣческому роду помочь благоволилЪ на концѣ вѣковЪ, какЪ сердцемЪ вѣрую вЪ правду, такЪ устнами предЪ Тобою исповѣдую во спасеніе. О Тебѣ одномЪ читаемЪ, что Ты никогда посланЪ не былЪ; а о Сынѣ ТвоемЪ пишетЪ АпостолЪ: егда же пріиде кончина лѣта (когда настало исполненіе времени), посла БогЪ Сына своего. СимЪ словомЪ: *посла*, довольно показуетЪ АпостолЪ, что ОнЪ вЪ мірЪ сей посланЪ пришелЪ, когда отЪ блаженныя Присно-Дѣвы Маріи родившись, истиннымЪ и совершеннымЪ человѣкомЪ во плоти явился.

Но что такое обЪ НемЪ особливый тотЪ ЕвангелистЪ говоритЪ: вЪ мірѣ бѣ и мірЪ тѣмЪ бысть? А туда ОнЪ посланЪ по человѣчеству, гдѣ всегда имѣется по Божеству. То есть, сіе посланіе я дѣломЪ всея Святыя Троицы сердцемЪ признаю, и устами исповѣдую. КакЪ же Ты возлюбилЪ насЪ, Святый и Благій Отче? Сколь возлюбилЪ Ты насЪ, что и Сына своего не пощадилЪ, но за насЪ грѣшныхЪ предалЪ Его? ПослушливЪ ОнЪ былЪ Тебѣ даже до смерти, смерти же крестныя; взялЪ рукописаніе грѣховЪ нашихЪ, и пригвоздилЪ оное ко кресту, распялЪ грѣхЪ, и умертвилЪ смерть. ОдинЪ ОнЪ вЪ мертвыхЪ свободЪ, власть имѣ душу свою за насЪ положити, и паки пріяти ю.

СлѢ-

Слѣдовательно Онъ совершитель и жертва; и потому совершитель, что жертва за насъ. Онъ Священникъ Твой и жертвоприношеніе; и для того Онъ Священникъ, что жертвоприношеніе. Праведно я великое имѣю на Него упованіе, потому что Ты исцѣлишь всѣ болѣзни мои тѣмъ, который сѣдитъ одесную Тебя, и ходатайствуетъ о насъ. Ибо болѣзни мои, Господи, велики и многи: многи суть и велики. Понеже много во мнѣ имѣетъ князь міра сего; знаю, и признаюся; но молю Тебя, избави меня сѣдящимъ одесную Тебя Искупителемъ нашимъ, въ которомъ онъ никакого зла обрѣсти не могъ. Тѣмъ Самимъ оправдай меня, который не сотворилъ грѣха, и не обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его. Самою главою нашею, въ которой никакого нѣтъ порока, избави меня, члена Его, аще и послѣдняго и немощнаго. Избави, молю, меня отъ грѣховъ, пороковъ, преступленій и нерадѣній моихъ. Наполни меня Твоими святыми добродѣтелями, и сотвори, чтобъ я возмогалъ въ добрыхъ склонностяхъ. Содѣлай, чтобъ я во святыхъ упражненіяхъ о имени Святомъ Твоемъ пребывалъ до скончанія моего, по Твоему благоволенію.

Глава

Глава четвертаянадесять.

О надеждѣ, которую душа должна имѣть на Господа Іисуса и на Его страданіе.

Я бы въ отчаяніе конечно притти могъ, для безмѣрныхъ грѣховъ моихъ и безчисленныхъ нерадѣній моихъ, естьли бы Слово Твое, Боже, плотію не стало, и не вселилося въ насъ. Но уже отчаяваться не дерзаю: понеже мы, еще бывши врагами, примирилися смертію Сына Твоего, кольми паче примирившеся спасаемся Имъ? ибо вся моя надежда, и всего моего упованія незыблемость на дражайшую кровь Его, для насъ и для спасенія нашего изліянную. Я въ Немъ прохлаждаюся, и на Него уповая притти къ Тебѣ желаю; не имый моея правды, но яже отъ Сына Твоего Господа нашего Іисуса Христа. Чего ради благодаримъ Тебя, премилостивый и прещедрый человѣколюбче Боже, что Ты насъ Сыномъ Твоимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, не у еще бывшихъ, сотворилъ; и погибшихъ своею виною, чудно избавилъ и возвратилъ.

Я благодарю любви Твоей, и многія Тебѣ хвалы воздаю отъ всего сердца моего, что Ты по неизглаголанной любви Твоей, которою насъ бѣдныхъ и недостойныхъ по чудной благости возлюбить благоволилъ, послалъ того же единороднаго Сына Твоего отъ лона Твоего во общую нашу пользу,

спа-

спасти насЪ грѣшныхЪ, тогда бывшихЪ сынами погибельными. Благодарю Тебя за святое воплощеніе и рождество Его, и за славную Матерь Его, отЪ которыя ОнЪ плоть принять благоволилЪ ради насЪ и ради спасенія нашего, дабы ОнЪ, какЪ истинный БогЪ отЪ Бога, такЪ истиннымЪ былЪ человѣкомЪ отЪ человѣка. Благодарю Тебя за страданіе и крестЪ Его, за смерть и воскресеніе Его, за восхожденіе Его на небо, и за сѣденіе величества Его одесную Тебя. Ибо ОнЪ въ четыредесятый день по воскресеніи своемЪ, вознесшись вЪ видѣніи учениковЪ выше всѣхЪ небесЪ, и сѣдши одесную Тебя, послалЪ по обѣтованію своему на сыновЪ усыновленія Духа Святаго.

Благодарю я Тебя за святѣйшее оное дражайшія крови Его изліяніе, которою мы искуплены; купно и о святѣйшей и животворящей тайнѣ Тѣла и крови Его, которою мы повседневно вЪ церкви Твоей насыщаемся, напаяемся, омываемся, и освящаемся, и одного высочайшаго Божества участниками дѣлаемся. Благодарю Тебя за Твою чудную и неизреченную любовь, которою Ты насЪ недостойныхЪ тако возлюбилЪ, и спасЪ чрезЪ единороднаго и возлюбленнаго Сына Твоего. Ибо Ты такЪ возлюбилЪ мірЪ, что Единороднаго Сына далЪ еси, да всякЪ вѣруяй вЪ Него не погибнетЪ, но имать животЪ вѣчный. А сей

есть

есть животъ вѣчный, да познаемъ Тебя истиннаго Бога, и Его же послалъ еси, Іисуса Христа, вѣрою правою и соотвѣтствующими вѣрѣ дѣлами.

Глава пятаянадесять.

О безмѣрной любви вѣчнаго Отца къ роду человѣческому.

О неизмѣримая благость! о невѣроятная любовь! для избавленія раба послалъ Ты Сына. Богъ сталъ человѣкомъ, дабы погибшій человѣкъ отъ власти демонскія былъ избавленъ. Коль премилосердъ человѣколюбецъ Сынъ Твой Боже нашъ, котораго благоутробію не довольно того показалось, чтобъ столько Себя унизить, ставши человѣкомъ отъ Дѣвы Маріи, естьли не подъять крестнаго мученія, изливши кровь для насъ и для спасенія нашего. Пришелъ любящій человѣка Богъ, пришелъ по любви и благости своей, пришелъ взыскати и спасти погибшее. Искалъ овцу погибшую; искалъ, и обрѣлъ, и на раменахъ своихъ принесъ во дворъ овчій, милосердый Господь и поистиннѣ многопопечительный Пастырь.

О любовь! о благость! кто когда слышалъ таковая? Кто о толикомъ милосердія благоутробіи не изумится? Кто не удивится? Кто не возрадуется о преизбыточествующей любви Твоей, которою Ты насъ возлюбилъ? Послалъ Ты Сына Твоего въ подо-

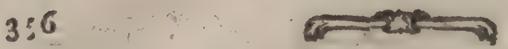

біи плоти грѣха, да о грѣхѣ осудитъ грѣхъ, да мы будемъ правда Твоя въ Немъ. Ибо Онъ есть истинный Агнецъ непорочный, вземшій грѣхи міра: который смерть нашу своею смертію разрушилъ, и жизнь воскресеніемъ (даровалъ) возвратилъ.

Но что мы воздавать Тебѣ можемъ, Боже нашъ, о толикихъ благодѣяніяхъ милосердія Твоего? Какія хвалы и какія благодаренія? Хотя бы мы Ангельскій разумъ и силу имѣли, но ничего бы достойнаго толикой любви и благости Твоей воздать не могли. Естьли бы поистиннѣ всѣ наши члены превратилися въ языки, то къ принесенію Тебѣ достойныхъ хваленій никакъ бы не довольно было наше ничтожество: ибо превосходитъ всякой разумъ Твоя невѣроятная любовь, которую явилъ намъ недостойнымъ по одной Твоей благости и любви. Понеже Сынъ Твой, Боже нашъ, не Ангеловъ, но сѣмя Авраамово принялъ: уподобился намъ по всему, кромѣ грѣха. И такъ не Ангельское, но человѣческое воспріявъ существо, и оное одеждою Святаго воскресенія и безсмертія прославивъ, вознесъ выше всѣхъ небесъ, выше хоровъ Ангельскихъ, выше Херувимовъ и Серафимовъ, посадивъ одесную Тебя. А сіе славятъ Ангели, покланяются Господствія, и всѣ Силы небесныя трепещутъ надъ собою Человѣка-Бога.

ВЪ семЪ-то вся моя надежда и все мое упованіе. Ибо имѣется вЪ самомЪ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемЪ каждаго изЪ насЪ часть, плоть и кровь. ТакЪ гдѣ моя часть царствуетЪ, вѣрю, что и я тамЪ царствую. Гдѣ плоть моя прославляется, тамЪ и я себя прославляемымЪ признаю. Гдѣ кровь моя владычествуетЪ, мню, что и я тамЪ владычествую. Хотя грѣхи мои меня удерживаютЪ, да существо мое взыскиваетЪ. Хотя беззаконія мои меня исключаютЪ, да соединеніе естества не отреваетЪ. Понеже не такЪ немилосердЪ БогЪ, чтобЪ ОнЪ забылЪ человѣка, и не вспомнилЪ того, котораго самЪ на себѣ носитЪ, и котораго собственно для меня воспріялЪ; того, котораго ради меня взыскиваетЪ.

Но щедрЪ и весьма милостивЪ есть Господь БогЪ нашЪ; и любитЪ плоть свою, члены свои, утробу свою. ВЪ самомЪ Богѣ и Господѣ нашемЪ Іисусѣ Христѣ пресладчайшемЪ, благоутробнѣйшемЪ и милостивѣйшемЪ, вЪ которомЪ мы воскресли, и уже на небеса вознеслись, и уже сидимЪ вмѣстѣ сЪ небесными, плоть наша любитЪ насЪ; а мы имѣемЪ преимущество крови нашея вЪ НемЪ. Мы члены Его и плоть Его. ОнЪ наконецЪ глава наша, отЪ котораго все тѣло, какЪ писано есть: кость изЪ костей моихЪ, и плоть отЪ плоти моея; и будутЪ два во плоти единой. И

никто никогда плоть свою не ненавидитъ, но питаетъ и любитъ ее. Тайна сія велика: азъ же глаголю во Христѣ и въ церкви (говоритъ Апостолъ).

Глава шестаянадесять.

О двухъ существахъ Христа, насъ милующаго и о насъ ходатайствующаго.

Того ради благодарю я устами и сердцемъ и всею возможною силою безконечному милосердію Твоему, Господи Боже нашъ, за всѣ щедроты Твои, которыми Ты намъ погибшимъ чудесно помощи благоволилъ, чрезъ того же Сына Твоего, Спасителя и Возстановителя нашего, который умеръ за беззаконія наши, и воскресъ для оправданія нашего, и нынѣ живъ безконечно сѣдитъ одесную Тебя, и ходатайствуетъ о насъ, и вкупѣ съ Тобою милуетъ: понеже Онъ Богъ отъ Тебя Отца, равновѣченъ и соприсносущенъ Тебѣ по всему, почему можетъ навсегда насъ спасти; но по тому что Онъ человѣкъ, чѣмъ меньшій есть Тебя, дана Ему всякая власть на небеси и на земли: да тако о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть во славѣ Твоей, Боже Отче всемогущій. Онъ поставленъ отъ Тебя Судіею живыхъ и мертвыхъ; Ты же не судиши никогоже, но весь

судъ

судъ Твой отдалъ Сыну Твоему, въ котораго сердцѣ сокрыты всѣ сокровищи премудрости и разума.

Онъ Свидѣтель и Судія, Судія и Свидѣтель, котораго избѣжать никакая грѣшная совѣсть не возможетъ; ибо предъ очами Его все наго и открыто. Онъ подлинно, неправедно осужденный, будетъ судить вселенную въ правотѣ и людей во истиннѣ. Почему я благословлю имя Святое Твое во вѣки, и прославляю отъ всего сердца моего, всемогущій милостивый Господи, за оное неизглаголанное и чудное соединеніе Божества и человѣчества во единомъ лицѣ, дабы не иной Богъ иной былъ человѣкъ, но единъ и тотъ же Богъ и человѣкъ, человѣкъ и Богъ. Но хотя по чудному благоволенію Слово стало плотію, однако ни которое изъ двухъ естествъ не перемѣнилося въ другое существо. Къ таинству Троицы не приложилося четвертое лице: понеже соединилось, а не слилось Бога Слова и человѣческое существо, что то въ Бога, что отъ насъ воспріято, перешло, и никогда не бывшее тѣмъ же, чѣмъ всегда было, пребывало.

О удивительное таинство! о несказанное соединеніе! о чудная и всегдашняго удивленія и непрестанной любви достойная Божескаго примиренія благость! Рабами быть мы недостойны, и вотъ сынами Божіими сдѣлалися! наслѣдниками точно Богу, а со-

наслѣдниками Христу! Откуду намъ сіе и кто насъ до сего возвелъ? Но молю Тебя, премилостивый Отче Боже, сею несцѣненною милостію, благостію и любовію Твоею, да содѣлаеши насъ достойными многихъ и великихъ обѣщаній Его же Сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа. Повели силѣ Твоей и утверди сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ; соверши, что Ты началъ, дабы мы до полной Твоея любви благодати достигнуть могли. Сотвори, чтобъ Духомъ Святымъ мы разумѣли, заслуживали и съ достойнымъ всегда благоговѣніемъ почитали сіе великое любви Твоея таинство, которое явилось во плоти, оправдалось въ духѣ, показалось Ангеломъ, проповѣдася языкамъ, увѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ.

Глава седьмаянадесять.

О благодареніи, которымъ человѣкъ обязанъ Богу за искупленіе.

О! сколько мы должны Тебѣ, Господи Боже нашъ, толикою искупленные цѣною, толикою спасенные благодатію и толь преславнымъ снабдѣнные благодѣяніемъ! О! сколько мы непотребные должны Тебя боятися, любить, благословить, хвалить, почитать и прославлять, что Ты насъ такъ возлюбилъ, такъ спасъ, такъ освятилъ, такъ превознесъ! Тебѣ подлинно мы должны

жны всемъ, что можемъ; всемъ, что живемъ; всемъ, что понимаемъ. Ты, Господи Боже нашъ, отъ котораго вся происходитъ благая, ради Тебя и имени Твоего святаго даруй намъ отъ благихъ Твоихъ, да мы благими Твоими служимъ Тебѣ и воистиннѣ благоугождаемъ, и достойныя ежедневно хвалы приносимъ Тебѣ о толикихъ благодѣяніяхъ милосердія Твоего.

Ибо мы не инымъ чѣмъ можемъ служить Тебѣ и благоугождать, токмо Твоимъ дарованіемъ; понеже всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше сходяй отъ Отца свѣтовъ, у Него же нѣсть премѣненія, или преложенія освненія. Господи Боже нашъ, Боже щедрый, Боже благій, Боже всемогущій, Боже неизреченнаго и неописаннаго существа, Боже, основатель всѣхъ вещей, и Господа нашего Іисуса Христа Отче, который Того же возлюбленнаго Сына Твоего Господа нашего пресладчайшаго послалъ отъ лона Твоего во общую нашу пользу воспріять жизнь нашу, да подастъ намъ Свою, и чтобъ Онъ былъ совершенный Богъ отъ Тебя Отца, и совершенный человѣкъ отъ матери, весь Богъ и весь человѣкъ, единъ и той же Христосъ вѣчный и временный, безсмертный и смертный, Творецъ и сотворенный, крѣпкій и немощный, побѣдитель и побѣжденъ, питатель и воспитанный, пастырь и овца, временно умершій и съ Тобою во вѣки живый,

вый, Своимъ возлюбленнымъ ученикамъ объщавая укрѣпленіе къ жизни, сказалъ: все, елико аще просите у Отца о имени Моемъ, дастъ вамъ.

Чрезъ онаго высочайшаго Священника и истиннаго Архіерея и добраго Пастыря, который Себя принесъ Тебѣ въ жертву, положивъ душу Свою о стадѣ Своемъ, Тебя прошу Тѣмъ, который сѣдитъ одесную Тебя и ходатайствуетъ за насъ искупителемъ и ходатаемъ нашимъ; любовь и благость Твою униженно молю, премилостивый, прелюбезный и всеблагій Человѣколюбче Боже! даруй мнѣ, чтобы я Тебя со онымъ же Сыномъ Твоимъ и со Святымъ Духомъ о всемъ благословлялъ и прославлялъ со многимъ сердечнымъ сокрушеніемъ и источникомъ слезнымъ, со многимъ страхомъ и трепетомъ; понеже которыхъ есть одно существо, тѣхъ одинъ и даръ.

Но какъ тлѣнное тѣло отягощаетъ душу, то возстави слабость мою Твоимъ побужденіемъ, и сотвори, чтобъ я твердо пребывалъ въ заповѣдѣхъ Твоихъ и въ хвалахъ Твоихъ день и ночь; даруй, чтобъ согрѣлось во мнѣ сердце мое и въ размышленіи моемъ возгорѣлся огнь. И какъ самъ единородный Сынъ Твой сказалъ: никто же пріидетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его; и никто же пріидетъ ко Отцу, аще не Мною: то я прошу и униженно молю, влеки меня всегда

къ

къ Нему, дабы Онъ самъ напослѣдокъ возвелъ меня къ Тебѣ туда, гдѣ Онъ сѣдитъ одесную Тебя; гдѣ есть вѣчная жизнь и вѣчно блаженная, гдѣ любовь совершенная и страхъ ни единъ, гдѣ день вѣчный и единъ у всѣхъ духъ, гдѣ величайшая и истинная безопасность, и безопасное спокойство, и спокойная прiятность, и прiятное благополучiе, и благополучная вѣчность, и вѣчное блаженство, и блаженное Тебя безъ конца видѣнiе и хваленiе; гдѣ Ты съ Нимъ и Онъ съ Тобою въ соединенiи Святаго Духа вѣчно и превѣчно живешь и царствуешь, Боже во вся вѣки вѣковъ. Аминь.

Глава осьмаянадесять.

Молитва всеусердная ко Христу.

Надежда моя, Христе Боже, сладкiй человѣколюбче, свѣтъ, путь, животъ, спасенiе, слава и все украшенiе, за которыхъ спасенiе все претерпѣть Ты благоволилъ, то есть узы, крестъ, язвы, смерть и погребенiе, потомъ въ третiй день, побѣдивши смерть, возсталъ, и явясь ученикамъ, колеблющiяся сердца ихъ утвердилъ, въ четыредесятый день на высоту небесъ вознесся, и нынѣ живешь вѣчно и во вѣки царствуешь.

Ты Богъ мой живый и истинный, Отецъ мой святый, Господь мой щедрый, Царь мой великiй, пастырь мой добрый, учитель

 мой

мой единъ, помощникъ мой преблагій, возлюбленный мой прекрасный, хлѣбъ мой живый, священникъ мой во вѣки, вождь мой во отечество, свѣтъ мой истинный, сладость моя святая, путь мой прямый, премудрость моя преславная, простота моя чистая, согласіе мое мирное, храненіе мое безопасное, часть моя благая, спасеніе мое вѣчное, милосердіе мое великое, терпѣніе мое претвердое, жертва моя непорочная, искупленіе мое святое, надежда моя твердая, любовь моя совершенная, воскресеніе мое истинное, жизнь моя вѣчная, радованіе и видѣніе мое преблаженное и безъ конца пребыть имѣющее! Тебя прилѣжно прошу, молю и смиренно умоляю, да Тобою я хожу, къ Тебѣ пріиду и въ Тебѣ опочію; понеже Ты путь, истинна и животъ, безъ котораго никтоже приходитъ ко Отцу: я Тебя желаю сладчайшаго и краснѣйшаго Господа.

О сіяніе Отеческія славы, который сѣдишь на Херувимахъ и зришь бездны, свѣтъ истинный, свѣтъ просвѣщающій, свѣтъ непомеркающій, въ него же желаютъ проникнуть Ангели! вотъ сердце мое предъ Тобою, разгони мракъ его, да свѣтомъ любви Твоея полнѣе просвѣтится. Даждь мнѣ, Боже мой, Тебя, отдаждь мнѣ Тебя: вотъ я люблю Тебя, и естьли мало, то да возлюблю сильнѣе. Я не могу справедливо узнать, сколько не достаетъ мнѣ любви Твоей

ей къ совершенству, дабы текла жизнь моя во объятія Твои и не совратилась, пока не сокроется въ тайнѣ лица Твоего. Но сіе знаю, что мнѣ зло безъ Тебя, Господи, не токмо внѣ меня, но и во мнѣ; потому что всякое изобиліе, которое не есть Богъ мой, мнѣ нищета.

Понеже добро, которое ни на лучшее, ни на хуждшее премѣнитися не можетъ, Ты единъ, который просто единъ пребываещи, у котораго не иное есть жить и иное благополучно жить; потому что блаженство Твое Ты Самъ. Но тварь Твоя, у которой иное есть жить, а иное благополучно жить, все то, что живетъ и благополучно живетъ, не иному кому, токмо Твоей должна приписывать благодати. И потому мы нужду имѣемъ въ Тебѣ, а не Ты въ насъ; понеже хотя бы мы вовсе не существовали, то ничего бы Тебѣ не доставало къ тому добру, которое Ты Самъ. И такъ мы къ Тебѣ, Господу Богу нашему, всегда прилѣпляться надобность имѣемъ, дабы мы съ непрестанною помощію Твоею свято, благочестно и праведно жить могли; ибо мы тяжестію нашей слабости внизъ влечемся; но Твоимъ даяніемъ возжигаемся и выспрь устремляемся, возгараемся и идемъ, восходимъ восхожденіе, въ сердцѣ имѣемъ и воспѣваемъ пѣснь степенную; огнемъ Твоимъ благимъ возгараемся, и идемъ.

Куда?

Куда? Выспрь идемъ къ покою Іерусалима; понеже возвеселился о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ. Тамъ поставило насъ благоволеніе, дабы намъ инаго ничего не желать, какъ только пребывать тамъ во вѣки. Но какъ мы, находясь въ тѣлѣ, странствуемъ отъ Тебя, Господи, то не имѣемъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ; наше же житіе на небесѣхъ есть. Того ради я съ благодатію Твоею вхожу въ ложе сердца моего и пою Тебѣ пѣснь, Царю мой и Боже мой, воздыхаю неизглаголанными воздыханіями на мѣстѣ странствованія моего, гдѣ пѣты бяху мнѣ оправданія Твоя.

И воспоминая Іерусалимъ, возвожу къ нему чувствованіе сердца, къ Іерусалиму, отечеству моему, къ Іерусалиму матери моей и къ Тебѣ, обладателю его, просвѣтителю, Отцу, покровителю, опекуну, правителю, пастырю, къ непорочному и твердому увеселенію, къ постоянной радости и всѣмъ благимъ неизреченнымъ вкупѣ всѣмъ, поколику одно высочайшее и истинное добро; и не обращуся, пока Ты въ покой оныя прелюбезныя матери, гдѣ первое начало духа моего находится, всего меня соберешь отъ разсѣянія и безобразія сего, и сообразишь и утвердишь во вѣки, Боже мой, милость моя!

Глава

Глава девятаянадесять.

Здѣсь раздѣляетъ между премудростію, яже дому Божія есть, и премудростію Божескою.

Сей домъ Твой, Боже, не земный и ни по какому небесному сложенію, не тѣлесный, но духовный и причастный вѣчности, тѣмъ что безъ порока пребываетъ во вѣки; ибо Ты утвердилъ его во вѣкъ вѣка: заповѣдь положилъ, и не прейдетъ. Но онъ Тебѣ, Богу, несовѣченъ; потому что не безъ начала сотворенъ, понеже прежде всего создана премудрость. Не оная Премудрость Отцу Богу равная и совѣчная, которою сотворено все и въ которомъ началѣ сотворено небо и земля, но точно премудрость, созданное духовное естество, то есть которое отъ созерцанія свѣта бываетъ свѣтъ; ибо и оное (хотя и созданное) называется премудрость. Но сколько различествуетъ просвѣщающій Свѣтъ отъ свѣта просвѣщаемаго, столько различія между Тобою, высочайшею Премудростію творящею и сею сотворенною; какъ между правдою оправдающею, которая есть Ты, Боже нашъ, и правдою, отъ оправданія сего содѣланною; ибо и мы наречены правдою Бога Отца въ Тебѣ, Сынѣ Его, Господѣ нашемъ, по свидѣтельству Апостола.

И такъ поелику прежде всего создана нѣкоторая премудрость, которая созданная есть мысль разумная и понятіемъ одаренная,

то

то есть чистаго Бога, Отца нашего, яже въ высотѣ, и свободная и вѣчная на небесѣхъ. На которыхъ небесахъ, естьли не на тѣхъ, которыя Тебя хвалятъ, небеса небесъ? потому что сіе-то и небо небеси Господу. И хотя не обрѣтаемъ времени прежде той, которая сотвореніе времени предваряетъ, тѣмъ что она прежде всего создана; однако прежде ее Ты, Богъ вѣчный, Творецъ всѣхъ, отъ котораго ея произведенія зависитъ пребываніе, отъ котораго созданная пріяла начало, хотя на времени, потому что еще оно не было, но самаго устроенія Твоего, чѣмъ она отъ Тебя, Господа Бога нашего, есть совсѣмъ иная, нежели Ты, хотя ни прежде ее, ни въ ней не находимъ времени; ибо она удобна всегда зрѣть лице Твое и никуда не уклоняется отъ него. По сему-то она ни по какой перемѣнѣ не измѣняется. Однако имѣется въ ней премѣненіе, по которому бы она померкла и простыла, естьли бы, великою любовію прилѣпляяся къ Тебѣ, какъ въ полудни не свѣтила и не согрѣвалася Тобою.

Наконецъ столь чистою любовію прилѣпляется къ Тебѣ, Богу истинному и прямо вѣчному, что хотя она Тебѣ и несовѣчна, однако ни по какимъ перемѣнамъ и преложеніямъ отъ Тебя не разрѣшается и не удаляется, но въ одномъ истиннѣйшемъ созерцаніи Твоемъ успокоевается. Понеже Ты, Боже, любящей Тебя столько,

сколько повелѣваешь, являешися и удовлетворяешь ей. Откуда она не уклоняется отъ Тебя, ни отъ себя, но всегда въ одномъ состояніи пребываетъ, Тебя непрестанно зря, Тебя избыточно любя, истинный свѣтъ и непорочную любовь. О блаженная сія и превосходная изъ тварей тварь, весьма блаженная, прилѣпляющаяся всегда къ блаженству Твоему, щастлива и преизбыточно щастлива Тобою, вѣчнымъ Обитателемъ и Просвѣтителемъ своимъ!

И я не нахожу, чтобы удобнѣе было назвать небомъ небеси Господу, какъ домъ Твой, созерцающій сладость Твою безъ недостатка и безъ склонности на что нибудь исхожденія, мысль чистую, пресогласно единую, утвержденіе міра блаженныхъ духовъ: на небесныхъ и сія суть небесная. Откуда пусть понимаетъ душа, которыя странствованіе продолжилося, аще она желаніемъ стремится къ Тебѣ, аще уже стали ей слезы ея хлѣбомъ, естьли уже единаго его проситъ и ищетъ, чтобъ жити ей въ дому Твоемъ во вся дни живота ея. И какой ея животъ, естьли не Твой? И какіе дни ея, естьли не вѣчность Твоя, яже не оскудѣютъ. И такъ здѣсь да разумѣваетъ душа, которая можетъ, сколь Ты паче всѣхъ временъ вѣченъ, когда домъ Твой которой не пришельствовалъ, хотя Тебѣ и несовѣченъ, но непрестанно и неослабно съ Тобою соединяяся, никакой времени не подлежитъ перемѣнѣ,

мнѣ, и всегда непоколебимѣйшею чистотою прилѣпляяся къ Тебѣ, никогда не исходитъ изъ Тебя присущаго, съ которымъ прекрѣпко соединяется, не имѣетъ къ ожиданію будущаго, ни къ воспоминанію прошедшаго, ни перемѣнами не измѣняется и никакими временами не ограничивается.

Глава двадесятая.

Здѣсь проситъ человѣкъ, чтобы и самый домъ Божій молилъ за него.

О домъ Божій пресвѣтлый и прекрасный! я возлюбилъ благолѣпіе твое и мѣсто селенія славы Господа Бога моего, Обладателя и Строителя твоего. Къ тебѣ да воздыхаетъ пришельствіе мое днемъ и ночью, къ тебѣ да стремится сердце мое, къ тебѣ прилѣжно да воскрыляется мысль моя, въ сообщество блаженства твоего внити да желаетъ душа моя. Я къ Сотворившему тебя вопію, да обладаетъ Онъ мною въ тебѣ, понеже Онъ создалъ меня и тебя. Но и ты воззови, ты моли Его, да достойнымъ меня содѣлаетъ причастія славы твоея; ибо я святаго общества твоего и чудной красоты твоей не по заслугамъ взыскиваю, но для крови Того, которымъ я искупленъ, о полученіи не отчаяваюся, токмо да поможетъ мнѣ моленіе Твое; да помоществуютъ злобѣ моей святыя и пречистыя молитвы Твои, которыя недѣйствительными у Бога никакъ быть не могутъ. Я

Я заблудилЪ, признаюсь, какЪ овца погибшая, и странствованіе мое продолжилося, и далече отверженЪ я отЪ лица Господа Бога моего вЪ сію заточенія мрачность, гдѢ, изгнанЪ отЪ веселій райскихЪ, оплакиваю повсядневно бѢдности плѢненія моего печальною пѢснію и зѢльными рыданіями. Когда воспоминаю о тебѢ, мати Іерусалиме; когда ноги мои стоятЪ вЪ притворѢ твоемЪ, святый и прекрасный Сіоне, еще не имѢя возможности внутренность твою откровенно зрѢти, но только питаяся надеждою тою, что я на раменахЪ Пастыря моего, Зиждителя твоего, несуся кЪ тебѢ, да восторжествую сЪ тобою оною неизреченною радостію, которою радуются сущіе сЪ тобою предЪ самимЪ БогомЪ и СпасителемЪ нашимЪ, который разрушилЪ вражду плотію Своею и примирилЪ вся, на небесѢхЪ и на земли сущая, кровію Своею.

Ибо ОнЪ есть мирЪ нашЪ, сотворивый обоя едино, который, двѢ противныя между собою стѢны совокупивЪ Собою, твоего блаженства непоколебимымЪ благополучіемЪ, обѢщалЪ Себя равнымЪ образомЪ и тою же мѢрою дать намЪ, глаголя: будутЪ равны АнгеламЪ (яко Ангели) на небесѢхЪ. О Іерусалиме, домЪ Божій! по любви Христовой буди ты радостію и увеселеніемЪ моимЪ; сладкое воспоминаніе твоего блаженнаго имени да будетЪ открытіемЪ печали и досадЪ моихЪ.

Глава двадесять первая.

Коликими горестями жизнь сія наполнена есть.

Ибо весьма мнѣ скучна, Господи, жизнь сія и сіе горестное странствованіе. Жизнь сія, жизнь нещастная, жизнь тлѣнная, жизнь неизвѣстная, жизнь многотрудная, жизнь нечистая, жизнь госпожа золъ, дщерь Царская гордыхъ, наполненная бѣдностями и погрѣшностями, которая не жизнію, но смертію называться должна, въ которой въ каждую минуту умираемъ чрезъ разные премѣнности недостатки разными смертей родами.

Такъ не уже ли то, что мы живемъ въ свѣтѣ семъ, назвать можемъ жизнію, которую влажности надымаютъ, болѣзни истончаваютъ и жары изсушаютъ, воздухъ заражаетъ, пища утучняетъ, посты сушатъ, веселости разслабляютъ, печали убиваютъ, забота стѣсняетъ, безпечальность притупляетъ, богатство напыщаетъ и колеблетъ, нищета низвергаетъ, юность возноситъ, старость сгорбляетъ, немощь ломаетъ, печаль угнѣтаетъ, и за всѣми сими злыми смерть неистовая наступаетъ и всѣ вдругъ веселости бѣдныя жизни такъ прекращаетъ, что по пресѣченіи ея кажется, что ее и не бывало? Смерть сія жизненная и жизнь смертная хотя сими и другими наполнена горестями, увы! горе! сколь премногихъ своими улов-

уловляетъ прелестями и сколь многихъ своими ложными обѣщаніями обманываетъ!

И когда она столь въ себѣ обманчива и горестна, что и любители ея слѣпые то видѣть могутъ, однако безконечное безумныхъ множество золотою чашею, которую имѣетъ въ мірѣ, напоеваетъ и вовсе пьяными дѣлаетъ. Щастливы тѣ, да и тѣ рѣдкіе, которые свойства ея отрицаются, непостоянныя веселія презираютъ, дружество отвергаютъ, дабы съ сими изчезающими они и сами прелестницею погублены не были.

Глава двадесять вторая.

О благополучіи жизни, которую уготопалъ Богъ любящимъ Его.

О ты жизнь, которую уготовалъ Богъ любящимъ Его, жизнь жизненная, жизнь блаженная, жизнь безопасная, жизнь спокойная, жизнь красная, жизнь чистая, жизнь непорочная, жизнь святая, жизнь не вѣдущая смерти, жизнь не знающая скуки, жизнь безъ порока, безъ болѣзни, безъ заботы, безъ тлѣнія, безъ смятенія, безъ различности и перемѣны, жизнь, всею красотою и достоинствомъ пренаполненная, гдѣ нѣтъ противника нападающаго, гдѣ никакой грѣховной прелести, гдѣ есть любовь совершенная и нѣтъ никакого страха, гдѣ день вѣчный и единъ у всѣхъ духъ,

гдѣ Богъ лицемъ къ лицу зрится и сею жизненною пищею мысль безъ недостатку насыщается! Пріятно мнѣ вникать во свѣтлость твою; услаждаютъ меня благая твоя. Чѣмъ болѣе въ себѣ размышлять могу, тѣмъ болѣе любовію твоею изнемогаю, твоимъ сильнымъ желаніемъ и твоею сладкою памятію услаждаюся. Пріятно и такъ пріятно къ тебѣ очи сердца моего возводить, мысль восперить, наклонность духа соображать; сладостно поистиннѣ о тебѣ говорить, о тебѣ слышать, о тебѣ писать, о тебѣ разглагольствовать, о твоемъ блаженствѣ и славѣ повсядневно читать и о чтенномъ часто размышлять, да хотя такимъ образомъ возмогу отъ жаровъ, бѣдъ и трудовъ сея смертныя и изчезающія жизни подъ сладкимъ твоего жизненнаго воздуха прохлажденіемъ прейти, и прешедъ, на лонѣ твоемъ преутружденную главу къ упокоенію хотя мало преклонить.

Сего ради я на прохладные священныхъ писаній луга выхожу, презеленыя изрядныхъ реченій травы и цвѣты рву, читая снѣдаю, учащая въ память привожу, и наконецъ собирая, въ твердой памяти скрываю, дабы мнѣ, такимъ образомъ вкусивши твою сладость, сея пренещастныя жизни горести не чувствовать.

О ты, жизнь преблагополучная! О царство, прямо блаженное, не имѣющее смерти и конца, въ которомъ никакія времена не

не текутъ по вѣкамъ, гдѣ непрерывный безъ ночи день не имѣетъ времени, гдѣ побѣдитель воинъ, съ оными пѣснопѣсчен-ными Ангельскими соединившись хорамл, поетъ Богу пѣснь безъ пристрастія отъ пѣсней Сіонскихъ, имѣя на главѣ вѣчныя славы вѣнецъ! О когда бы я, получивши оставленіе грѣховъ и вскорѣ сію плоти тяжесть сложивши, во твои радости на вѣчное упокоеніе вошелъ и твоего града въ преславныя и прекрасныя ограды къ пріятію вѣнца жизни отъ руки Господни вошелъ, чтобъ съ оными святѣйшими хорами соединиться, чтобъ съ блаженнѣйшими духами предстоять предъ славою Творца, чтобъ присущее лице Христово видѣть, чтобъ оный высочайшій, неизреченный и неописанный свѣтъ всегда зрѣть, и такимъ бы образомъ никакимъ страхомъ смерти поражаться, но о благодати вѣчнаго нетлѣнія радоватися могъ безконечно!

Глава двадесять третія.

О благополучіи души святыя, отсюду исходящія.

Щастлива душа, которая, разрѣшившися отъ земнаго тѣла, свободно восходитъ на небо, безопасна и спокойна, не боится врага, ни смерти! Ибо она имѣетъ всегда присущаго и зритъ непрестанно прекраснѣйшаго Господа, которому служила, котораго

го любила и къ которому наконецъ пришла. А сію толикаго блаженства славу никакой день умалить, никакой нечестивецъ отнять не возможетъ. Увидѣли ее дщери Сіонскія и вельми ублажили, и Царицы и наложницы похвалили, глаголюще: кто сія, восходящая изъ пустыни, сладостями изобилующая, опертая на возлюбленнаго своего? Кто сія такая грядущая, яко заря возстающая, красна яко луна, избранная яко солнце, страшна яко строй вооруженныхъ? Коль радостно исходитъ, спѣшитъ, течетъ, слыша со ужасомъ возлюбленнаго своего, къ ней глаголющаго: возстани, спѣши, любезная моя, красная моя, и пріиди; уже зима прошла, дождь прошелъ и удалился; цвѣты появились въ землѣ нашей, время подрѣзыванія винограда настало, гласъ горлицы слышанъ былъ въ земли нашей, смоковница произрастила цвѣты свои, виноградъ спѣющій издалъ благоуханіе свое. Возстани, спѣши, ближняя моя, красная моя, голубица моя, въ разсѣлинахъ каменныхъ и въ вертепахъ обитавшая, яви мнѣ лице твое, да возгремитъ гласъ твой во ушію моею; ибо гласъ твой сладокъ и лице твое красно. Гряди, избранная моя, красная моя и голубица моя, нескверная моя, невѣста моя пріиди и положу въ тебѣ престолъ мой, понеже я возжелалъ красоты твоея! Пріиди, да возрадуешися предъ лицемъ моимъ со Ангелами моими, которыхъ дружество тебѣ

бѣ отъ меня было обѣщано! Пріиди послѣ многихъ бѣдъ и трудовъ: вниди въ радость Господа твоего, которую никтоже возметъ отъ тебя!

Глава двадесять четвертая.

Молитва ко святымъ, чтобы они намъ помогали въ нещастіяхъ.

Блаженны вы всѣ святьи Божіи, которые уже прешли сея мертвенности море и сподобились внити въ пристанище всегдашняго покоя, безопасности и тишины, безпечальны и спокойны и всегда вы веселы и радостны! Молю васъ любовію вашею, будите попечительны о насъ. Вы безпечальны о вашей неувядаемой славѣ, пекитеся о нашей многоразличной бѣдности. Тѣмъ самимъ прошу, который васъ избралъ, который васъ такими устроилъ, котораго красотою уже наслаждаетеся, отъ безсмертія котораго уже вы стали безсмертными, котораго о блаженнѣйшемъ зрѣніи всегда веселитеся, будите о насъ приснопамятующіи, помогите намъ нещастнымъ, которые еще на морѣ сея жизни окружающими насъ со всѣхъ сторонъ колеблемся бурями.

Вы, врата прекрасныя, вознесшіяся до высоты великой! вспомоществуйте намъ, подлому подножію, весьма низко поверженнымъ; подайте руки ваши и воздвигните лежащихъ на ноги, да изцѣлѣвъ отъ немощи, крѣпкими содѣлаемся въ брани; засту-

ните и молите прилѣжно и непрестанно о насъ бѣдныхъ и весьма нерадивыхъ грѣшникахъ, да вашими молитвами къ вашему святому присовокупимся обществу; ибо мы инако спастися не можемъ, понеже мы весьма немощны, никакой добродѣтели не имѣющіе люди, животныя, чреву и плоти работающія, въ которыхъ едва нѣкоторой добродѣтели слѣдъ видѣнъ. Но однако, исповѣданіемъ на Христѣ утверждаяся, носимся древомъ крестнымъ по сему морю великому и пространному, гдѣ находятся пресмыкающіяся, имъ же нѣсть числа, гдѣ имѣются животныя малыя съ великими, гдѣ змій (драконъ) прелютѣйшій, всегда готовый къ поглощенію, гдѣ мѣста опасныя, пропасть и пучина и другія безчисленныя, въ которыхъ погибаютъ неосторожные и сомнительные въ вѣрѣ.

Молите Господа, молите прелюбезные, молите всѣ множества святыхъ и безчисленные соборы блаженныхъ, да за помощію вашихъ молитвъ съ неповрежденнымъ кораблемъ и цѣлыми товарами сподобимся внити въ пристанище вѣчнаго спасенія, покоя, и непрерывнаго мира, и никогда некончаемыя безопасности.

Глава

Глава двадесять пятая.

Души стремленіе ко граду вышнему Іерусалиму.

Мати Іерусалиме, градъ святый Божій, прелюбезная невѣста Христова! тебя любитъ сердце мое, красоты твоея желаетъ мысль моя. О сколь красна, сколь преславна, сколь ты благородна! Ты вся красна и порока нѣтъ въ тебѣ. Радуйся и веселися красная дщерь Царева, яко возжелалъ Царь красоты твоея и возлюбилъ благолѣпіе твое красный лицемъ отъ сыновъ человѣческихъ. Но каковъ возлюбленный твой, о прекрасная? Возлюбленный мой бѣлъ и красенъ, избранъ отъ человѣковъ. Какъ яблонь между деревьями лѣсными, такъ возлюбленный мой между сынами. Подъ тѣнію Того, Его же возжелахъ, вотъ я весело сижу и плоды Его сладки гортани моей. Возлюбленный мой посла руку свою сквозѣ скважню, и чрево мое вострепетало отъ прикосновенія Его.

На ложѣ моемъ нощію взыскалъ, Его же возлюбила душа моя, взыскалъ и обрѣлъ, держу и не опущу Его, пока введетъ меня въ домъ Свой и въ ложе Свое, преславная мати моя; ибо тамъ - то мнѣ дашь сосцы твои изобильнѣе и совершеннѣе и насытишь меня чуднымъ насыщеніемъ, такъ что я ни взалчу, ни возжадаю во вѣки. Щастлива душа моя и всегда благополучна во вѣки, когда узрѣть сподобится славу твою,

блаженство твое, красоту твою, врата и стѣны, улицы твои и многія обители твои, преблагородныхъ гражданъ твоихъ и пресильнѣйшаго Царя твоего во всей красотѣ Его! Ибо стѣны твои изъ каменьевъ дорогихъ, врата твои изъ маргаритъ самыхъ лучшихъ, улицы твои изъ золота чистѣйшаго, въ которыхъ сладкое аллилуіа безъ прерыва воспѣвается, обители твои многи, на четвероугольныхъ камняхъ основанныя, изъ сапфира сооруженныя, кровлями златыми покрытыя, въ которыя никто не входитъ, токмо чистый, и никто не обитаетъ оскверненный.

Красна ты стала и сладка утѣхами твоими, мати Іерусалиме; ничего въ тебѣ нѣтъ такого, что мы здѣсь претерпѣваемъ, что въ сей нещастной жизни зримъ: нѣтъ въ тебѣ темноты, или шума, и никакого различія времени; не свѣтитъ въ тебѣ свѣтъ солнца, или свѣтлость луны, или блескъ звѣздъ, но Богъ отъ Бога, свѣтъ отъ Свѣта, Солнце правды всегда освѣщаетъ тебя, Агнецъ чистый и непорочный есть свѣтлый и прекрасный свѣтъ твой, солнце твое и свѣтлость твоя и все добро твое сего прекраснаго Царя непрестанное созерцаніе; самъ Царь царей посредѣ тебя, и отроки Его окрестъ Его.

Тамъ пѣснопѣсненные Ангеловъ хоры, тамъ общество небесныхъ гражданъ, тамъ сладкое торжество всѣхъ отъ сего горестна-

стнаго странствованія въ радости твои возвращающихся, тамъ Пророковъ предвозвѣстительный соборъ, тамъ дванадесятое Апостоловъ число, тамъ безчисленныхъ мучениковъ побѣдительное воинство, тамъ святыхъ исповѣдниковъ священное собраніе, тамъ прямые и совершенные иноки, тамъ святыя жены, похоти вѣка сего и немощи пола побѣдившія, тамъ отроки и отроковицы, лѣта свои во святыхъ склонностяхъ препроводившія, тамъ находятся овцы и агнцы, отъ сѣтей похоти сея уже избѣгшіе, ликуютъ всѣ въ собственныхъ обителяхъ. Различна каждаго слава, но общее есть всѣхъ веселіе.

Полная и совершенная тамъ царствуетъ любовь; понеже Богъ тамъ есть всяческая во всѣхъ, котораго безъ конца видятъ, и видя Его, любовію горятъ, любятъ и славятъ, славятъ и любятъ. Все ихъ упражненіе есть хвала Божія безъ конца, безъ прерыву, безъ труда. Щастливъ я и прямо щастливъ вѣчно, естьли по разрѣшеніи отъ сего тѣла услышать сподоблюся оныя пѣнія небеснаго хора, которыя воспѣваются въ похвалу Царя вѣчнаго отъ оныхъ небеснаго отечества гражданъ и отъ воинствъ блаженныхъ духовъ! Благополученъ я и безмѣрно блаженъ, естьли и я самъ сподоблюся воспѣвать оныя и предстоять предъ Царемъ моимъ, Богомъ моимъ и Вождемъ моимъ, и зрѣть Его во славѣ Его, какъ

Онъ

Онъ обѣщать благоволилъ, говоря: Отче! хощу, да, ихъ же далъ еси мнѣ, будутъ со мною, да видятъ славу мою, юже имѣхъ у Тебѣ прежде сложенія міра! И индѣ: иже служитъ, мнѣ да послѣдуетъ, и гдѣ азъ есмь, ту и слуга мой будетъ. И паки: иже любитъ мя, возлюбленъ будетъ отъ Отца моего, и азъ возлюблю его и явлюся ему самъ.

Глава двадесять шестая.

Хвала непрестанная, посписуемая душею изъ созерцанія Божества.

Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его; благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его; благословите Господа вся дѣла Его на всякомъ мѣстѣ владычества Его; благослови, душе моя, Господа. Восхвалимъ Бога, котораго хвалятъ Ангели, покланяются господствія, трепещутъ власти, которому Херувимы и Серафимы непрестанными гласы вопіютъ: святъ, святъ, святъ. Совокупимъ гласы наши со гласы святыхъ Ангеловъ, и общаго Господа восхвалимъ по мѣрѣ нашей.

Ибо они хвалятъ Господа весьма чистымъ образомъ и непрестанно; потому что они всегда упражняются въ созерцаніи Божескомъ не въ зерцалѣ, или въ гаданіи, но лицемъ къ лицу. Но кто изрещи, или вообразить доволенъ, какое предъ лицемъ Го-

Господа Бога всемогущаго блаженныхъ духовъ и небесныхъ силъ безчисленное множество, какое у нихъ безъ конца торжество о видѣніи Бога, какая радость безъ всякаго недостатка, какой любви жаръ не мучащій, но услаждающій, какое въ нихъ желаніе зрѣнія Божія съ насыщеніемъ и насыщеніе съ желаніемъ, въ которыхъ ни желаніе вины, ни насыщеніе не дѣлаетъ отвращенія, какъ они, прилѣпляяся высочайшему блаженству, сами становятся блаженными, какъ, соединившися съ истиннымъ свѣтомъ, сдѣлались сами свѣтомъ, какъ, всегда зря непремѣняемую Троицу, сами премѣнилися въ неподвижность?

Но когда мы оную Ангельскаго достоинства высоту постигнуть возможемъ, естьли и самыя души нашея естества изслѣдовать не можемъ? Какая она, которая плоть оживлять можетъ, а себя въ святыхъ помыслахъ по изволенію сдержать не можетъ? Какая есть она, столь крѣпкая, такъ слабая, такъ малая, такъ великая, которая испытываетъ тайны Божія и созерцаетъ небесная и въ пользу человѣческую многихъ художествъ знаніе острымъ разумомъ своимъ изобрѣла? И такъ какая есть она, которая столь много о прочихъ вещахъ знаетъ, а себя, какъ сотворена, совсѣмъ не разумѣетъ? Ибо хотя нѣкоторые сомнительное нѣчто о началѣ ея и повѣствуютъ, но мы находимъ, что она есть нѣ-

кій

кій разумный духъ, могуществомъ Творца созданный, безсмертно по мѣрѣ своей живущій, мертвенное тѣло, которое носитъ, оживляющій, перемѣнѣ подверженный, забвенію подлежащій, который страхъ часто поражаетъ, радость возвышаетъ. О вещь чудная и всякаго удивленія предостойная! О Богѣ, Творцѣ всѣхъ, который есть непостижимъ и неизреченъ, высокая и зѣло чудная, безъ всякаго сомнѣнія читаемъ, говоримъ и пишемъ; но объ Ангелахъ и духахъ все, что ни говоримъ, такъ ясно утвердить не можемъ. Но да прейдетъ отъ сихъ душа и да оставитъ все созданное, да течетъ и возносится, да паритъ и дойдетъ и въ Создавшаго всяческая всею своею возможностію очи вѣры да устремитъ. И такъ я сотворю степени восхожденія въ сердцѣ моемъ, и оными войду въ душу мою, и чрезъ нее и мысль мою взыду ко Господу моему, надъ главою моею обитающему.

Все видимое и все духовное воображаемое крѣпкою рукою отъ воззрѣнія сердечнаго и мысленнаго далече да будетъ отринуто; одинъ чистый разумъ и простый, шествуя скорымъ пареніемъ, къ самому да течетъ Творцу Ангеловъ, и душъ, и всѣхъ вещей. Блаженна та мысль, которая дольняя оставляетъ и восходитъ на горняя, которая на высокихъ полагаетъ селеніе обитанія своего и съ высочайшихъ горъ созерца-

цаетъ Солнце правды орлинымъ зрѣніемъ! Ибо ничто столь не пріятно и не сладостно, какъ мысленнымъ зрѣніемъ и сердечнымъ желаніемъ единаго Іисуса созерцать Бога, и чуднымъ образомъ невидимо видѣть невидимаго, и такимъ способомъ иную, а не сію вкушать сладость, и взирать на иной, а не на сей свѣтъ; понеже свѣтъ сей, которой мѣстомъ ограничивается, временемъ оканчивается и нощію прерывается, и которой намъ общій есть съ насѣкомыми, съ червями и скотами, въ сравненіи съ онымъ величайшимъ свѣтомъ не можетъ нарещися свѣтомъ, но нощію.

Глава двадесять седьмая.

Что значитъ нѣкакъ видѣть Бога и имѣть, и какъ о Богѣ помышлять надлежитъ.

А хотя оное высочайшее и непремѣняемое Существо, свѣтъ истинный, свѣтъ непрерывный, свѣтъ Ангеловъ, никѣмъ видимъ быть не можетъ въ жизни сей, которая одна награда святымъ блюдется въ небесной славѣ, но въ Него вѣрить, Его разумѣвать, и о Немъ мыслить, и Его съ горячностію желать, есть нѣкоторымъ образомъ Его видѣть и въ себѣ имѣть. И такъ да возгремитъ гласъ выше Ангеловъ и человѣкъ со вниманіемъ да созерцаетъ Бога, словами, какими можетъ, да прославляетъ Его; ибо достойно и праведно, чтобъ

чтобъ тварь своего хвалила Творца. Понеже для прославленія своего насъ сотворилъ, который въ нашихъ хвалахъ нужды не имѣетъ.

Онъ есть сила непостижимая, ни въ чемъ нужды не имѣющая, сама собою довольная: велій Господь Богъ нашъ, и велія крѣпость Его, и премудрости (разума) Его нѣсть числа; велій Господь Богъ нашъ и хваленъ зѣло. Почему Сего-то мысль да любитъ, языкъ да поетъ, рука да описываетъ, и въ сихъ святыхъ упражненіяхъ вѣрная душа да обучается! Сего именно небеснаго Ритора сладчайшими яствами мужъ желаній и небесный зритель непрестанно да укрѣпляется, да сею небесною пищею утучненъ вопіетъ воплемъ великимъ, вопіетъ всемъ сердцемъ, вопіетъ въ радости и съ горячайшимъ желаніемъ да глаголетъ.

Глава двадесять осьмая.

Молитва, изъясняющая премногія Божескія свойства.

О величайшій, всеблагій, всемогущій, всемилостивый, всеправедный, всесокровенный, всеприсущій, прекрасный и прекрѣпкій, непоколебимый и непостижимый, невидимый, всевидящій, неизмѣнный, все измѣняющій, безсмертный, невмѣстимый, неограниченный, неописанный, безпредѣльный, неоцѣненный, неизреченный, недовѣдомый, непо-

дви-

движимый, все движущій, неизслѣдимый, несказанный, страшный и ужасный, почтенія, трепета и благоговѣнія глубочайшаго предостойный, никогда не новый, никогда не древній, обновляющій всяческая, и въ обетшаніе приводящій гордыхъ, и не разумѣютъ. Всегда дѣлающій и всегда спокойный, собирающій и нетребующій, все носящій безъ отягощенія, все наполняющій безъ включенія, все творящій, покрывающій, воспитывающій и успѣвающій, взыскующій, все у себя имѣя; любящій и неревнующій, ревнующій и безопасный. Раскаеваешися Ты, но не соболѣзнуеши; гнѣваешися и спокоенъ; совѣта своего не премѣняеши; пріемлеши, что обрѣтаеши, и никогда ничего не теряеши; никогда не недостаточенъ, а о прибыли радуешися; никогда не сребролюбивъ, а лихвы требуеши; истощеваютъ на Тебя, дабы Ты былъ должнымъ, но должнымъ не пребываеши.

И кто имѣетъ что не Твое? Отдаешь долги, никому будучи не долженъ; прощаешь долги, ничего не теряя; который одинъ оживотворяешь все, который сотворилъ все, который вездѣ имѣешися и вездѣ цѣлъ, который ощущаемъ быть можешь, но видимъ быть не можешь; который нигдѣ не присутствуешь, но отъ помышленій нечестивыхъ далеко отстоишь; который и тамъ присутствуешь, гдѣ далеко отстоишь; понеже гдѣ нѣтъ Тебя по благодати, тамъ присутствуешь мщеніемъ;

который всего касаешься, но не однимъ образомъ; ибо Ты нѣкоторыхъ касаешься, чтобъ только существовали, однако чтобъ не жили, не чувствовали и не различали; а нѣкоторыхъ касаешься, чтобъ существовали и жили, а не ощущали и различали; нѣкоторыхъ же касаешься, чтобъ существовали, жили и ощущали, но не различали; а нѣкоторыхъ Ты касаешься, чтобъ существовали, жили, ощущали и различали; и Ты, всегда будучи Себѣ сообразенъ, но различно различныхъ касаешься; который вездѣ всегда присутствуешь, но обрѣстися едва можешь; за которымъ стоящимъ мы слѣдуемъ, но достигнуть не можемъ; который держишь все, наполняешь все, объемлешь все, превышаешь все, и не съ одной стороны поддерживаешь, съ другой преодолѣнъ бываешь; ниже съ одной стороны наполняешь, съ другой объемлешь, но окружая наполняешь, и наполняя окружаешь; содержа превосходишь, и превосходя содержишь; который научаешь сердца вѣрныхъ безъ произношенія словъ, который досязаешь отъ конца до конца твердо и располагаешь всяческая сладко; который не протягаешися по мѣстамъ и по временамъ не перемѣняешися, и не имѣешь ни приращенія, ни умаленія, но живешь во свѣтѣ неприступномъ, котораго никакой человѣкъ не видалъ, да и видѣть не можетъ; въ Себѣ самомъ пребывая спокоенъ, всюду окружа-

жаешь все, вездѣ всеконечно весь; ибо Ты ни раздѣленъ, ни раздробленъ быть не можешь; понеже истинно Ты единъ и на части не раздробляешься; потому что Ты весь все содержишь, все наполняешь, все освѣщаешь и обладаешь.

Сея, то есть тайны, неизмѣримую глубину мысль человѣческая понять не можетъ, ни витійственный языкъ повѣдать, ни всѣ въ книгохранительницахъ находящіяся книги истолковать не могутъ. Аще и весь міръ книгами наполненъ будетъ, но Твой неизглаголанный разумъ изреченъ быть не можетъ; понеже Ты подлинно неизреченъ, никоимъ образомъ описанъ и ограниченъ быть не можешь; потому что Ты источникъ свѣта и солнце славы вѣчныя, понеже Ты великъ безъ количества, и потому неизмѣримъ; благъ безъ качества, и потому истинно благъ, и никто же благъ, токмо Ты единъ, котораго воля есть дѣло; котораго хотѣнія есть возможность, который все изъ ничего сотворилъ, что единою произвелъ Твоею волею; который всею тварію Твоею безъ всякія нужды обладаеши, и безъ труда управляеши, и безъ скуки распоряжаеши, и ничто не можетъ поколебать порядокъ Твоего владычества, ни въ вышнихъ, ни въ дольнихъ; который во всѣхъ мѣстахъ имѣешися безъ мѣста, и все содержишь безъ окруженія, и вездѣ присутствуешь безъ положенія и движенія, который

злу не виновникЪ, котораго сдѣлать не можешь который все можешь; и ни вЪ какомЪ дѣлѣ ТвоемЪ не раскаявался и никакимЪ возмущенiемЪ духа не перемѣняешися, да и всея земли нещастiя не Твой вредЪ; никакiе пороки, или беззаконiя Ты не одобряешь, или не повелѣваешь.

Никогда Ты не лжеши; потому что Ты вѣчная Истинна; котораго единаго благостiю мы сотворены, правосудiемЪ наказаны и милостiю спасаемся. Ибо ничто небесное, ничто огненное, ничто земное, и ничего, что чувства тѣлесныя поражаетЪ, почитать не должно Тобою, который истинно пребываешь тѣмЪ, чѣмЪ пребываешь, и не измѣняешися, которому весьма прилично Греческое слово ὤν, сый, или сущiй; который всегда той же еси, и лѣта Твоя не оскудѣютЪ. Сему и иному многому научила меня святая мать церковь, которыя я сподобился быть членомЪ благодатiю Твоею. Она научила меня подлинно, что Ты единЪ только истинный БогЪ, безтѣлесный и безстрастный, и что вЪ существѣ ТвоемЪ, или естествѣ, ничего нѣтЪ нарушаемаго, или премѣняемаго, или сложнаго, или сотвореннаго; и потому явственно, что Ты тѣлесными очами видимЪ быть не можешь, но и ни отЪ кого изЪ смертныхЪ вЪ собственномЪ существѣ когда зримЪ быть не могЪ. Ибо отЪ сего ясно дается знать, что откуда Ангелы Тебя зрятЪ, оттуда и мы

но-

послѣ сей жизни Тебя увидимъ. Но и они подлинно Тебя видѣть не могутъ въ Твоемъ истовомъ естествѣ, и наконецъ никому иному, токмо Тебѣ единому, извѣстна есть вся всемогущая Троица.

Глава двадесять девятая.

О множествѣ лицъ и о единомъ Божествѣ.

Но Ты, единица Божества, лицъ множественнымъ числомъ различная, числомъ неизчисляемая, вѣсомъ недомыслимая; ибо мы высочайшей благости, которая Ты Самъ, не познаемъ начала, отъ котораго вся, которымъ вся, въ которомъ вся, но называемъ все добрымъ по участію Его. Понеже Твое Божеское существо никогда не имѣло и не имѣетъ вещества; хотя и имѣетъ видъ, видъ, то есть несозданный, видъ видовъ, видъ прекраснѣйшій, которой когда Ты, аки печать изображаешь въ каждой вещи, то ихъ безъ премѣны Твоего приращенія, или умаленія, безъ сомнѣнія творишь отъ Тебя различными; но все сотворенное въ природѣ тварь Твоя есть.

О единая Троица и тройственная единица Боже! котораго всемогущество всѣмъ обладаетъ, управляетъ и наполняетъ, что сотворило; и мы не потому говоримъ, что Ты все наполняешь, аки бы все Тебя содержало; но паче, что все оное Тобою содержится, и Ты не по частямъ на-

полняешь все. Всеконечно мыслить такъ не должно, что будто бы каждая тварь по великости своей мѣры Тебя вмѣщала, то есть весьма великая болѣе, а самая малая менѣе, когда Ты самъ находишься во всѣхъ и всяческая въ Тебѣ; котораго всемогущество объемлетъ все, и никто отъ Твоего владычества избѣжать не возможетъ. Ибо кто Тебя не имѣетъ къ себѣ милостивымъ, тотъ никакъ не избѣжитъ отъ прогнѣваннаго, такъ какъ писано есть: Ниже отъ востока, ниже отъ запада, ни отъ пустыхъ горъ, яко Богъ Судія есть. И на иномъ мѣстѣ: Камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо убѣгу?

Неизмѣримость Божескаго величества Твоего сія есть, дабы познали, что Ты во всѣхъ твореніяхъ, но не включенъ; внѣ всѣхъ, но не изключенъ. И потому Ты внутрь всего находишься, что все содержишь, и для того внѣ всего, что неизмѣримостію неописаннаго величества Твоего все объемлешь. Чрезъ то, что Ты во внутренности всего находишься, являешися Творцемъ; а чрезъ то, что внѣ всего имѣешися, показуешися Правителемъ всего; и чтобъ все сотворенное не было безъ Тебя, то Ты во внутренности онаго находишься, а внѣ всего для того, чтобы все ограничивалось Тобою; не мѣста великостію, но всемощнымъ присутствіемъ, ко-

который вездѣ присущъ и все Тебѣ присуще есть, хотя нѣкоторые сіе разумѣютъ, а иные и не знаютъ.

И такъ нераздѣлимая существа Твоего единица хотя разныя лица имѣетъ, но не раздѣлима есть; потому что какъ Ты Троица въ единицѣ и единица въ Троицѣ, такъ раздѣленія не можешь имѣти, хотя именуются Твои лицы порознь и раздѣльно. Но такъ Ты Тебя благоволилъ, Боже Троица, нераздѣльнымъ показать по естеству, что тѣ имена, которыя существо, или власть, или естество Твое означаютъ, или все то, что собственно нарицается Богъ, всѣмъ лицамъ равномѣрно приличествуетъ, какъ-то Богъ великій, всемогущій, вѣчный и все существенно о Богѣ глаголемое. Почему нѣтъ никакого существеннаго имени, которое бы Тебѣ, Богу Отцу, такъ приличествовало, чтобы оное или Сыну, или Духу Святому приличествовать не могло. Мы называемъ Тебя Отца по естеству Богомъ, но по естеству и Сынъ Богъ, по естеству есть и Духъ Святый Богъ; однако не три Бога, но единъ по естеству Богъ: Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ.

Того ради нераздѣлимою Тебя, Святая Троица Боже, въ естествѣ разумомъ понимать должно, хотя Ты раздѣльныя имѣешь лица; понеже Ты множественнаго числа въ именахъ естественныхъ не пріемлешь. Ибо тѣмъ означается, что сущность

лицЪ не можетЪ быть раздѣлена вЪ Святой Троицѣ, которая есть единЪ истинный БогЪ; потому что каждаго лица имя всегда относится кЪ другому лицу. Естьли я называю Отца, то показую Сына; естьли Сына нарицаю, то проповѣдаю Отца; когда Святаго Духа называю, надобно понимать, что ОнЪ чей нибудь есть, а имянно ОтцевЪ. Ибо сія есть истинная вѣра, приходящая отЪ здраваго ученія; сія истинно есть вѣра Каѳолическая православная, которой меня научилЪ БогЪ вЪ лонѣ матери церкви благодатію своею.

Глава тридесятая.

Молитва ко Святой Троицѣ.

И такЪ Тебя, Господи, призываетЪ вѣра моя, которую Ты мнѣ далЪ по благодати Твоей ко спасенію моему. Но вѣрная душа вѣрою жива; содержитЪ то надеждою, что увидитЪ вЪ Тебѣ. ПризываетЪ Тебя, Боже мой, непорочная совѣсть моя и сладкая любовь вѣры моея, которую Ты, разгнавши невѣденія тьму, кЪ познанію истинны привелЪ, и которую отЪ безумной вѣка сего горести извелЪ, и приложивши Твоея сладости любовь, сладостною и медоточною сдѣлалЪ. ПризываетЪ Тебя, Святая Троица, свѣтлый гласЪ и искренняя любовь вѣры моея, которую Ты, отЪ самаго воспитывая младенчества, просвѣщалЪ

всег-

всегда освященіемъ благодати Твоея, и которую умноживъ, утвердилъ во мнѣ чрезъ наставленія матери церкви. Тебя призываю, блаженная и благословенная и славная единая Святая Троица, Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, Богъ Господь, Утѣшитель, любовь, благодать, сообщеніе, Родитель, рожденный, отраждающій, истинный свѣтъ отъ свѣта истиннаго, истинное просвѣщеніе, источникъ, рѣка, наводненіе; отъ единаго вся, чрезъ единаго вся, въ единомъ вся. Жизнь живая, жизнь отъ живущаго, живыхъ оживотворитель. Единъ отъ себя, единъ отъ единаго. Истинна Отецъ, истинна Сынъ, истинна Святый Духъ. Почему одно (Отецъ слово и Утѣшитель) существо, одна сила, одна благость, одно Божество, отъ котораго, чрезъ котораго и въ которомъ все бываетъ блаженно, что ни имѣется блаженнымъ.

Глава тридесять первая.

Что Богъ есть истинная и высочайшая жизнь.

Боже, истинная и высочайшая жизнь, отъ котораго, которымъ и въ которомъ живо все, что истинно и блаженно живетъ! Боже, добро и красота, отъ Него же, Имъ же, въ Немъ же все добро и красно, что ни есть добро и красно! Боже, котораго вѣра насъ возбуждаетъ, надежда возставляетъ, любовь совокупляетъ! Боже,

который повелѣваешь Тебя просить, и самъ намъ обрѣтаешися, и толкущему отверзаеши! Боже, отъ котораго отвратиться есть упасть, къ которому обратиться есть возстать, въ которомъ пребывать есть твердо стоять! Боже, котораго никто не лишается, токмо прельщенный; никто не ищетъ, токмо наказанный; никто не обрѣтаетъ, токмо очищенный! Боже, котораго знать есть жизнь, которому служить есть царствовать, котораго хвалить есть спасеніе и веселіе души! Тебя устами и сердцемъ и всею возможною силою и крѣпостію хвалю, благословлю и покланяюся, и Твоей благости и милосердію о всѣхъ благодѣяніяхъ Твоихъ благодареніе приношу, и пѣснь славѣ Твоей пою: святъ, святъ, святъ.

Тебя призывая, о блаженная Троица! да внидеши въ меня и сотвориши меня храмомъ, достойнымъ славы Твоея, молю Отца чрезъ Сына, молю Сына чрезъ Отца, молю Духа Святаго чрезъ Отца и Сына, да всѣ пороки удалятся отъ меня и всѣ святыя добродѣтели да будутъ насаждены во мнѣ. Боже неизмѣримый, отъ котораго вся, которымъ вся; и въ которомъ сотворена вся видимая и невидимая; который дѣла Твои внѣшно окружаешь и внутренно наполняешь, горѣ управляешь и низу носишь! храни меня, дѣло рукъ Твоихъ, на Тебя надѣющагося и на Твое единое только милосердіе уповающаго; храни меня,

мо-

молю, здѣсь и вездѣ, нынѣ и всегда, внутрь и внѣ, предо мною и за мною, свыше и снизу, вокругъ всего меня такъ, чтобы во мнѣ никакого не осталося мѣста навѣтамъ и COзнямъ вражескимъ.

Ты, Богъ всемогущій, стражъ и покровитель всѣхъ, на Тебя уповающихъ, безъ котораго никто же безопасенъ, никто отъ бѣдъ несвободенъ. Ты Богъ, и нѣтъ инаго Бога, кромѣ Тебя, ни на небеси горѣ, ни на земли низу; который творишь великая и дивная и непостижимая, ихъ же нѣсть числа. Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ честь, Тебѣ подобаетъ пѣніе, Тебѣ вси Ангели, Тебѣ небеса и всѣ власти поютъ пѣнія и хвалы непрестанно воспѣваютъ, яко Творцу твари, Господу раби, Царю воины; Тебя, Святую и нераздѣлимую Троицу, всякая тварь величаетъ, всякое дыханіе хвалитъ.

Глава тридесять вторая.

Хваленіе Ангеловъ и человѣковъ.

Тебѣ святіи и смиренные сердцемъ, Тебѣ дуси и души праведныхъ, Тебѣ небесные граждане и всѣ блаженныхъ духовъ чины славу и честь, благоговѣйно покланяющеся, воспѣваютъ безъ конца. Восхваляютъ Тебя, Господи, оные небесные граждане великолѣпно и преславно. Хвалитъ Тебя человѣкъ, великая часть твари Твоея. Но

и я, грѣшный человѣкъ, великимъ желанiемъ желаю Тебя хвалить, любить Тебя желаю любовiю особливою. Боже мой, жизнь моя, блаженство мое и хвала моя! сподоби меня восхвалити Тебя; даруй мнѣ свѣтъ въ сердце, слово во уста, да сердце мое помышляетъ о славѣ Твоей, а языкъ мой весь день воспѣваетъ хвалы Твоя.

Но поелику не красна похвала во устахъ грѣшника, и какъ я мужъ нечистый устами: то очисти, молю, сердце мое отъ всякiя скверны, освяти меня Освятителю всемогущiй внутренно и внѣшно, и сотвори меня достойнымъ хваленiя Твоего. Прiими милостиво и благоутробно отъ руки сердечныя и отъ мысленныя любви, прiими жертву устъ моихъ, и да внидетъ къ Тебѣ въ воню благоуханiя. Память Твоя святая и сладость Твоя пребхаженная да обладаетъ всею душею моею, и къ любви невидимыхъ да восхититъ ее. Да прейдетъ она отъ видимыхъ къ невидимымъ, отъ земныхъ къ небеснымъ, отъ временныхъ къ вѣчнымъ; да прейдетъ и видитъ видѣнiе чудное.

О вѣчная Истинна, и истинная Любовь, и любезная Вѣчность, Ты, Боже мой! къ Тебѣ воздыхаю нощiю и днемъ, къ Тебѣ взираю, къ Тебѣ устремляюся, къ Тебѣ притти желаю. Кто позналъ Тебя, тотъ позналъ истинну, позналъ вѣчность. Ты истинно надъ всѣми владычествуешь, котораго мы увидимъ, яко же еси; когда пройдетъ

детъ сія жизнь слѣпая и смертная, въ которой глаголютъ намъ: гдѣ есть Богъ твой? И я говорю: Боже мой! гдѣ Ты? Я успокоиваюся въ Тебѣ нѣсколько, когда изливаю на Тебя душу мою во гласѣ радованія и исповѣданія шума пирующаго и празднующаго; но она еще прискорбна есть: потому что отпадаетъ и дѣлается бездною, или паче она признаетъ себя бездною. Говоритъ ей вѣра моя, которую Ты возжегъ въ нощи предъ ногами моими:

Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога: свѣтильникъ ногамъ моимъ слово Его. Уповай и продолжай, пока пройдетъ нощь, мать нечестивыхъ; пока прейдетъ гнѣвъ Божій, которыя и мы нѣкогда были дѣти (ибо были мы нѣкогда тьма); пока пройдетъ устремленіе водъ, мы еще останки влечемъ въ тѣлѣ нашемъ, для грѣха мертвомъ; пока возсіяетъ день и уклонится тьма. Уповай на Господа, заутра (рано) предстану и узрю и всегда исповѣмся Ему. Заутра предстану и узрю спасеніе лица моего Бога моего, который оживотворитъ мертвенныя тѣла наши ради живущаго въ насъ Духа Его; да будемъ уже свѣтъ, когда еще надеждою стали спасени и сынами свѣта и сынами дне, а не нощи, ниже тьмы. Ибо мы были нѣкогда тьмою, но нынѣ свѣтъ въ Тебѣ, Боже нашъ; но однако еще вѣрою, еще не лицемъ; понеже упованіе видимое не есть упованіе.

Хва-

Хвалятъ Тебя, Господи, оныя безсмертныя множества Ангеловъ Твоихъ, и прославляютъ имя Твое небесныя силы, которыя не имѣютъ нужды читать сіе наше писаніе и познать Тебя, Святую и нераздѣлимую Троицу; ибо онѣ видятъ лице Твое всегда, и въ немъ читаютъ безъ слоговъ временъ, что требуетъ вѣчная воля Твоя; читаютъ, избираютъ и любятъ, и всегда читаютъ и никогда то не преходитъ, что они читаютъ. Избирая и любя читаютъ самую непоколебимость совѣта Твоего, и не закроется книга ихъ, и не сложится свитокъ ихъ; понеже Ты самъ имъ сіе еси и будешь во вѣки. О! блаженны безмѣрно оныя небесныя силы, которыя хвалить Тебя могутъ свято и весьма чисто, съ преизбыточною сладостію и неизреченнымъ ликованіемъ. Онѣ оттуда Тебя хвалятъ, откуда видятъ; понеже всегда видятъ, откуда радоватися могутъ и хвалить.

Но мы, тяжестію плоти обремененные и далече отъ лица Твоего въ семъ странствованіи находящіеся, и мірскими перемѣнами отягощенные, Тебя достойно хвалить не можемъ; хвалимъ, однако вѣрою, а не лицемъ; но оные Ангельскіе духи лицемъ, а не вѣрою; понеже плоть то дѣлаетъ, что мы гораздо иначе, нежели они, Тебя хвалимъ. Но хотя разными образами Тебя хвалимъ, да Ты единъ Богъ Творецъ всѣхъ, которому жертва хвалы на небеси и на

земли приносится; однако и мы милосердіемЪ Твоимъ имѣемЪ внити вЪ ихЪ общество, сЪ которыми Тебя всегда увидимЪ и безЪ конца восхвалимЪ. Даруй Господи, пока я вЪ семЪ тлѣнномЪ нахожуся тѣлѣ, да хвалитЪ Тебя сердце мое, да хвалитЪ Тебя языкЪ мой, и да рекутЪ вся кости моя: Господи! кто подобенЪ Тебѣ?

Ты еси БогЪ всемогущій, котораго тройственнаго лицами, единаго существомЪ Божества почитаемЪ, и покланяемся Отцу нерожденному, Сыну отЪ Отца рожденному, Духу Святому, отЪ Отца происходящему, Святей и нераздѣльней Троицѣ, единому Богу всемогущему, который, когда еще мы не были, силою своею насЪ сотворилЪ; и когда мы нашею виною погибли, любовію и благостію Твоею чудесно насЪ возвратилЪ. Не попусти намЪ быть неблагодарными, молю, за толикія благодѣянія, и недостойными столь многихЪ щедротЪ. Тебя молю, прилѣжно прошу и умоляю: умножи вѣру, умножи надежду, умножи любовь.

Сотвори насЪ самою благодатію Твоею всегда вЪ вѣрѣ непоколебимыхЪ, вЪ дѣлѣ сильныхЪ, да вѣрою правою и соотвѣтствующими вѣрѣ дѣлами вЪ жизнь Твоею милостію внидемЪ вѣчную, да тамо, видя славу Твою, яко же есть, поклонимся Величеству Твоему, и вкупѣ сЪ удостоившимися видѣть славу Твою возглаголемЪ: слава

Отцу,

Отцу, сотворшему насъ; слава Сыну, искупившему насъ; слава Духу Святому, освятившему насъ; слава высочайшей и нераздѣлимой Троицѣ, которыя дѣла нераздѣльны, которыя владычество безконечно пребываетъ. Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе, Тебѣ подобаетъ всякая честь, Тебѣ благословеніе и слава, Тебѣ благодареніе, Тебѣ честь, сила и крѣпость, Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь.

Глава тридесять третія.

Здѣсь жалуется человѣкъ, что онъ отъ созерцанія не приходитъ въ сокрушеніе, чему и Ангели, Бога зрящіи, въ ужасѣ дивятся.

Прости, Господи, остави милостиве, отпусти и помилуй, пощади и невѣденіе мое и многое недостоинство мое! Не отвергни меня, яко непотребнаго, что дерзаю я рабъ, о когда бы добрый, и не непотребный, и не злый! но для того я весьма золъ, что Тебя, всемогущаго Бога нашего, страшнаго и ужаснаго, безъ сокрушенія сердечнаго и безъ источника слезъ, безъ должнаго страха и трепета хвалю, благословляю и покланяюся. Ибо естьли Ангели, Тебѣ покланяющіеся и прославляющіе, трепещутъ, чудною радостію исполнившися: то я грѣшный когда предстою предъ Тобою, когда хвалю, когда жертву приношу, для чего сердцемъ не содрогаюся, лицемъ не блѣднѣю,

уста-

устами не трепещу, всемъ тѣломъ не ужасаюся, и такимъ образомъ испустивъ слезы, непрестанно предъ Тобою не плачу? Хочу я, да не могу; понеже не могу, чего желаю. О чемъ самъ въ себѣ весьма удивляюся, когда Тебя страшнаго очами вѣры зрю; но что сїе безъ помоществующей благодати Твоей? Ибо все спасенїе наше есть Твое великое милосердїе.

О меня нещастнаго! какъ столько нечувствительна сдѣлалась душа моя, что не поражается великимъ ужасомъ, предстоя предъ Богомъ и воспѣвая хвалы Его? Меня нещастнаго! какъ столько ожесточилось сердце мое, что глаза мои непрестанно не испускаютъ рѣки слезъ, когда рабъ бесѣдуетъ съ Господемъ своимъ, человѣкъ съ Богомъ, тварь съ Творцемъ, сдѣланный изъ глины съ Создавшимъ все изъ ничего? Вотъ, Господи! положи меня предъ Тобою, и что въ сокровенности чувствую, о томъ предъ братними ушесы не молчу. Ты, богатый въ милости и щедрый въ награжденїяхъ! даждь мнѣ отъ благихъ Твоихъ, да ими служу Тебѣ; ибо не инымъ чѣмъ можемъ служить Тебѣ, ни угодить Тебѣ, токмо Твоимъ дарованїемъ.

Пригвозди, молю, страхомъ Твоимъ плоти, да возрадуется сердце мое, воеже боятися имени Твоего. О! когда бы такъ Тебя боялась грѣшная совѣсть моя, какъ оный мужъ святый, который сказалъ: выну бо,

яко же воспѣняющихся на мя волнѣ, боянхся Бога. Ибо, Подателю благихъ, Боже! даруй мнѣ въ хвалѣ Твоей источникъ слезъ вкупѣ съ сердечною чистотою и съ радостію мысленною, да совершенно Тебя любя и достойно Тебя хваля, самымъ сердцемъ ощущу и вкушу, сколь Ты благъ и сладокъ, Господи! якоже писано есть: вкусите и видите, яко сладокъ Господь. Блаженъ мужъ, иже уповаетъ на Него. Блажени людіе, вѣдущіи воскликновеніе. Блаженъ мужъ, ему же заступленіе его отъ Тебе, восхожденія въ сердцѣ своемъ положи во юдоли плачевной въ мѣстѣ, его же положи. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Блажени живущіи въ дому Твоемъ, Господи, въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя.

Глава тридесять четвертая.

Молитва, много побуждающая къ усердію и къ любви Божеской.

Іисусе, искупленіе наше, любовь и желаніе, Боже отъ Бога! буди со мною, рабомъ Твоимъ. Тебя призываю, къ Тебѣ вопію воплемъ великимъ отъ всего сердца моего, Тебя призываю въ душу мою: вниди въ нее и принорови ее къ Тебѣ, да обладаеши ею безъ всякія скверны и порока. Ибо чистѣйшему Господу чистое подобаетъ обиталище; того ради освяти меня, сосудъ Твой, его же содѣлалъ еси; отъ злобы очисти, напол-

ни

ни благодатію и полонъ сохрани такъ, дабы я достойнымъ содѣлался Твоего обитанія храмомъ здѣсь и во вѣки. Сладчайшій, всемилостивѣйшій, прелюбящій, любезнѣйшій, всемощнѣйшій, вожделѣннѣйшій, предражайшій, прекраснѣйшій! Ты меда сладостнѣе, млека и снѣга бѣлѣе, нектара сладчае, дорогихъ камней и злата дражае, и всѣхъ земныхъ богатствъ и честей мнѣ милѣе и любезнѣе.

Но что я глаголю, Боже мой, едина надежда моя! столь велія милость Твоя? что я говорю, сладость блаженная и безопасная? Что я говорю, таковая глаголя? Говорю я, что могу; но не говорю, что долженствую. Когда бы я могъ таковая возглаголати, яковая оные пѣснопѣсненные Ангельскіе лики: о сколь бы я охотно на похвалы Твои всего меня излилъ! О какъ бы всеусердно оныя небеснаго сладкопѣнія пѣсни въ похвалу и славу имени Твоего посредѣ церкви неутружденно воспѣлъ! Но поелику я сего не могу, то не уже ли умолчу? Горе молчащимъ о Тебѣ, который уста нѣмыхъ разрѣшаешь и языки младенческіе дѣлаешь краснорѣчивыми! Горе умолчавающимъ о Тебѣ; потому что самые говорливые нѣмы бываютъ, когда похвалъ Твоихъ не возвѣщаютъ!

Кто достойно похвалити Тебя можетъ, о неизреченная Сила и Премудросте Отчая! И поелику я не обрѣтаю словъ, которыми

 бы

бы достаточно возмогъ изъяснить всемогущее и всевѣдущее Слово: то скажу однако, что могу, доколѣ повелиши мнѣ притти къ Тебѣ, гдѣ могу говорить то, что Тебѣ прилично и мнѣ должно. И для того смиренно молю, да не на глаголемое теперь мною токмо зриши, но и на то, что я глаголати желаю; ибо я съ великимъ усердіемъ желаю о Тебѣ изглаголати, что должно и прилично; понеже Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе и Тебѣ подобаетъ всякая честь. И такъ Ты, сокровенная испытующій! знаешь Боже, что Ты неба, земли и всѣхъ на нихъ сущихъ мнѣ милѣе, Ты мнѣ любезнѣе; ибо я люблю Тебя паче неба и земли и всего прочаго, что на нихъ ни имѣется; но еще по любви имени Твоего все преходящее безъ сомнѣнія любить не должно. Люблю Тебя, Боже мой! любовію великою и болѣе любить Тебя желаю.

Даруй мнѣ, чтобъ я любилъ Тебя всегда, сколько хощу и сколько долженствую, да Ты единъ будеши все намѣреніе мое и все помышленіе мое. О Тебѣ да помышляю днями непрестанно, Тебя да ощущаю вкусомъ, въ нощи съ Тобою да бесѣдуетъ духъ мой, съ Тобою да разглагольствуетъ мысль моя. Свѣтомъ святаго видѣнія Твоего да просвѣтится сердце мое; да съ Тобою, наставникомъ и предводителемъ моимъ, шествую отъ добродѣтели въ добро-

дѣ-

дѣтель, и наконецъ узрю Тебя, Бога Боговъ, въ Сіонѣ, хотя нынѣ въ зерцалѣ и въ гаданіи, но тогда лицемъ къ лицу, гдѣ я познаю Тебя, яко же и познанъ есмь. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Блажени живущіи въ дому Твоемъ, Господи! въ вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя. Сего ради молю Тебя, Господи, всѣми щедротами Твоими, которыми мы отъ вѣчныя смерти избавлены: умягчи сердце мое жестокое, каменное и желѣзное, Твоимъ святѣйшимъ и сильнымъ помазаніемъ, и сотвори меня чрезъ огонь сокрушенія, чтобъ я всякой часъ былъ предъ Тобою живою жертвою.

Сотвори, чтобъ я предъ лицемъ Твоимъ всегда имѣлъ сердце сокрушенное и смиренное со множествомъ слезъ; сотвори, чтобъ я отъ всего желанія и усердія сему міру всеконечно умеръ и вовсе преходящія вещи позабылъ отъ великаго страха и любви Твоея такъ, дабы я о временныхъ ни плакалъ, ни радовался и ничего не боялся временнаго и не любилъ, и благополучіемъ не попортился и нещастіями не колебался. И поелику Твоя крѣпка, яко смерть, любовь, то да потопитъ (молю) мысль мою отъ всѣхъ сущихъ подъ солнцемъ пламенная и медоточная сила любви Твоея, да къ Тебѣ единому прилѣпляюся и единою Твоея сладости памятію да насыщаюся.

Да снидетъ, Господи! да снидетъ (молю), да снидетъ въ сердце мое воня Твоя пресладчайшая, да внидетъ любовь Твоя медоточная, да внидетъ въ меня Твоего благоуханія чудная и несказанная сладость, которая вѣчныя во мнѣ да возбудитъ желанія, и изъ сердца моего да изведетъ рѣки воды, текущія въ животъ вѣчный. Неизмѣримъ Ты, Господи! и для того безъ мѣры долженъ Ты любимъ и хвалимъ быть отъ тѣхъ, которыхъ Ты дражайшею искупилъ кровію. Человѣколюбче благоутробнѣйшій, премилостивый Господи и всеправедный Судія, которому весь судъ отдалъ Отецъ! Ты премудрѣйшимъ Твоея правды судомъ разсматриваешь, что сынове вѣка сего, нощи и тьмы, съ большимъ устремленіемъ, силою и стараніемъ любятъ и ищутъ гибнущія богатства и бѣглыя чести, нежели мы, раби Твои, любимъ Тебя, Бога нашего, которымъ мы сотворены и искуплены.

Ибо естьли человѣкъ человѣка толикою любитъ любовію, что одинъ другаго отсутствія терпѣть не можетъ; естьли невѣста съ женихомъ такимъ связуются мысленнымъ жаромъ, что отъ великія любви никакого не могутъ имѣть покоя, снося отсутствіе любимаго не безъ печали: такъ какоюжъ любовію, съ какимъ попеченіемъ, съ какимъ жаромъ душа, которую обручилъ Ты Себѣ вѣрою и щедротами, должна любить

бить Тебя, истиннаго Бога и прекраснаго Жениха, который насъ тако возлюбилъ и спасъ, который ради насъ столько, толикая и такая содѣлалъ? А хотя сія долняя имѣютъ свои услажденія и свои любви, но не такъ услаждаютъ, якоже ты, Боже нашъ; ибо Тобою услаждается праведникъ, потому что любовь Твоя сладка и спокойна; понеже сердца, которыми Ты обладаешь, пріятностію и сладостію и спокойствіемъ наполняешь. Напротивъ любовь вѣка и плоти скучна и безпокойна: она подлинно душамъ тѣмъ, въ которыя входитъ, не попускаетъ быть спокойными; потому что она всегда подозрѣніями, смущеніями и различными страхами ихъ безпокоитъ.

И такъ Ты увеселеніе правыхъ и праведно; понеже твердый покой у Тебя есть и безмятежный животъ. Кто входитъ въ Тебя, благій Господи, тотъ входитъ въ радость Господа своего, и болѣе уже не убоится, но имѣть оной будетъ, но преизрядно въ наилучшемъ мѣстѣ скажетъ: сей покой мой въ вѣкъ вѣка; здѣ вселюся, яко избрахъ его. И оное: Господь пасетъ мя, и ничто же мя лишитъ (Господь управляетъ мною, и я ни въ чемъ нужды имѣть не буду: все у меня будетъ) на мѣстѣ пажити, тамо мя поселилъ. Сладкій Христе, благій Іисусе! наполни всегда (молю) сердце мое неугасимою любовію Твоею, непрерывною памятію Твоею столько, чтобъ

я, какъ угль горящій, весь горѣлъ въ сладости любви Твоея, котораго бы и многія воды угасить не могли. Сотвори, сладчайшій Господи! чтобъ я любилъ Тебя и желаніемъ Твоимъ сложилъ съ себя тяжесть всѣхъ плотскихъ вожделѣній и земныхъ похотей претягчайшее бремя, которыя возстаютъ и отягчаютъ бѣдную душу мою; да за Тобою скоро, въ вони благоуханія Твоего шествуя, къ совершенному моему насыщенію до видѣнія красоты Твоея за предводительствомъ Твоимъ какъ наискорѣе дойти удостоюся.

Ибо двѣ любви, одна благая, другая злая; одна сладкая, другая горькая, не вмѣщаются вмѣстѣ въ одномъ сердцѣ. И потому естьли кто, кромѣ Тебя, что нибудь любитъ, то нѣтъ любви Твоей, Боже, въ немъ. Любовь скадкая и сладость любезная, любовь немучащая, но услаждающая; любовь искренно и чисто пребывающая во вѣкъ вѣка; любовь, которая всегда горишь и никогда не угасаешь, сладкій Христе, благій Іисусе, любве Боже мой! воспламени меня всего огнемъ Твоимъ, сладостію и услажденіемъ Твоимъ, пріятностію и радостію Твоею, утѣхою и вожделѣніемъ Твоимъ, которое есть святое и благое, непорочное и чистое, спокойное и безопасное, да весь, сладостію любви Твоей наполнившися, весь пламенемъ оныя воспалившись, возлюблю Тебя, Бога моего, отъ всего сердца моего и

всѣми силами и крѣпостію моею, имѣя Тебя въ сердцѣ и во устахъ и предъ очами моими всегда и вездѣ, да ни едино мѣсто во мнѣ не останется ложной любви.

Услыши, Боже мой! услыши, свѣтъ очей моихъ! услыши, что я просилъ, дабы Ты услышалъ меня. Благій и премилосердый Господи! не буди неумолимъ мнѣ ради грѣховъ моихъ, но по благости Твоей пріими молитву раба твоего, и подаждь мнѣ плодъ моленія моего, и желанія моего предстательствомъ, моленіемъ и прошеніемъ преславныя Дѣвы, Матере Твоея Маріи, Владычицы моея, со всѣми святыми Твоими. Аминь.

Глава тридесять пятая.

Молитва всеусердная на хваленіе.

Христе Господи, Слово Отчее, пришедый въ міръ сей грѣшные спасти! молю Тебя человѣколюбнѣйшею милосердія Твоего утробою, исправи жизнь мою, содѣлай лучшими дѣянія, установи склонности, отъими отъ меня все, что Тебѣ не пріятно и мнѣ вредно, и даруй, что Ты самъ знаешь, Тебѣ угодное и мнѣ полезное. Кто можетъ сдѣлать чистымъ отъ нечистаго сѣмени зачатаго? Токмо Ты единъ, Ты Богъ всемогущій, безконечныя благости, который оправдаешь нечестивыхъ и оживотворяешь умершихъ ради беззаконій; который измѣняешь грѣшниковъ, и не суть. И такъ отъ-

ими отъ меня, что Тебѣ не пріятно во мнѣ; ибо премногія несовершенства мои видятъ очи Твои. Посли, молю, руку Твоея любви ко мнѣ, и отъими отъ меня все, что ни оскорбляетъ очи человѣколюбія Твоего во мнѣ. Предъ Тобою, Господи, здравіе и немощь моя: оное (прошу) сохрани, сію изцѣли.

Изцѣли меня, Господи, и спасуся: спаси меня, и спасенъ буду. Ты, который немощная врачуешь и уврачеванная хранишь; Ты, который однимъ мановеніемъ Твоимъ возставляешь раззоренная и падшая. Ибо естьли Тебѣ благоугодно на полѣ Твоемъ, въ сердцѣ моемъ, посѣять доброе сѣмя, то надобно напередъ десницею любви Твоея истребить тернія пороковъ моихъ. Сладчайшій, благоутробнѣйшій, любезнѣйшій, вожделѣннѣйшій, дражайшій, прекраснѣйшій! влей, молю, множество сладости Твоея въ сердце мое, дабы я ничего земнаго, ничего тѣлеснаго не желалъ и не помышлялъ, но Тебя единаго любилъ, Тебя единаго имѣлъ въ сердцѣ и во устахъ моихъ. Напиши перстомъ Твоимъ на сердцѣ моемъ сладкую память Твоего медоточнаго имени, никакимъ забвеніемъ истребиться не могущую. Напиши на скрыжалѣхъ сердца моего волю Твою и оправданія Твоя, дабы я Тебя, неизмѣримыя сладости Господа, и заповѣди Твоя всегда и вездѣ имѣлъ предъ очами моими. Воспали мысль мою огнемъ Твоимъ онымъ, который послалъ Ты на землю и благоволилъ

без-

безмѣрно вожженъ быть, да жертву духа сокрушеннаго и сердца смиреннаго съ пролитiемъ слезъ повсядневно приношу Тебѣ.

Сладкiй Христе, благiй Iисусе! якоже желаю, какъ я всею мыслiю моею прошу, даруй мнѣ любовь Твою святую и чистую, которая бы меня наполняла, мною управляла и всемъ мною обладала; и даждь мнѣ явное знаменiе любви Твоея, орошающiй источникъ слезъ, присностекущiй; да и самыя слезы о Твоей ко мнѣ любви свидѣтельствуютъ; онѣ да изъявляютъ, онѣ да глаголютъ, сколько Тебя любитъ душа моя, когда отъ преизбыточествующей сладости любви Твоея не можетъ себя удержать отъ слезъ.

Воспоминаю я, Господи! оную добрую жену Анну, которая въ скинiю вошла просить о сынѣ, о которой объявляетъ Писанiе, что лице ея послѣ слезъ и молитвы болѣе не измѣнилося. Но я, воспоминая толикую добродѣтель и толикое постоянство, болѣзнiю мучимъ и стыдомъ смущаемъ бываю; потому что я себя нещастнаго зрю весьма далеко отъ нее отстоящаго. Ибо естьли такъ плакала и въ плачѣ пребывала жена, просившая сына, то какъ плакать и въ плачѣ пребывать должна душа, взыскующая и любящая Бога и къ Нему притти желающая? Какъ должна стенать и плакать такая душа, которая взыскуетъ Бога днемъ и нощiю, которая, кромѣ Христа, ничего любить не хочетъ? Понеже дивно то,

естьли слезы ея не сдѣлались ей хлѣбомъ денноощнымъ. И такъ призри и помилуй меня, яко болѣзни сердца моего умножилися. Даруй мнѣ утѣшеніе Твое небесное, и не возгнушайся грѣшницею душею, за которую Ты умеръ. Даруй мнѣ, молю, слезы, отъ всего усердія изливаемыя, которыя бы грѣховъ моихъ могли разрѣшить узы и небесною сладостію всегда наполняли душу мою. Естьли не съ истинными и совершенными иноками, которыхъ слѣдамъ не могу подражать, то хотя съ усердными и ревностными женами какую нибудь часть во царствіи Твоемъ получить да удостоюся.

Приходитъ мнѣ на мысль и другой жены чудное усердіе, которая Тебя, во гробѣ лежащаго, отъ любви искала, которая съ уходящими учениками отъ гроба не отходила; потому что при немъ сидѣла, печаляся и скорбя, и долго и много плакала, и возставши со многими слезами, паки и паки пещеру оставленнаго ею гроба недремлющими очами озирала, не можетъ ли гдѣ Тебя увидѣть, котораго съ пламенѣющимъ желаніемъ искала. Уже подлинно она, единожды и дважды вошедши во гробъ, видѣла, но безмѣрно любящая тѣмъ не удовольствовалася; понеже постоянное пребываніе въ добрѣ есть добродѣтель. И какъ она паче прочихъ любила, любя плакала, плача искала и ища твердо пребывала: то для того прежде всѣхъ Тебя обрѣсти, Тебя видѣть и

съ

съ Тобою говорить удостоилась. И не токмо сіе, но и самымъ ученикамъ славнаго воскресенія Твоего сдѣлалась предвозвѣстницею, по повелѣнію и милостивому наставленію Твоему: иди, рцы братіи моей, да идутъ въ Галилею; тамо мя узрятъ.

И такъ естьли такъ плакала и въ слезахъ пребывала жена, которая живаго съ мертвыми искала, которая Тебя руками вѣры касалась: то какъ рыдать и въ рыданіи пребывать должна душа, которая въ Тебя, Искупителя своего, уже на небеси владычествующаго и вездѣ царствующаго, сердцемъ вѣруетъ и устами исповѣдуетъ? Какъ воздыхать и плакать должна та душа, которая Тебя всемъ сердцемъ любитъ, и Тебя всемъ устремленіемъ видѣть желаетъ, едино прибѣжище и едину надежду бѣдныхъ, который никогда безъ надежды помилованія просимъ не бываешь?

Даруй мнѣ благодать сію ради Тебя и ради имени святаго Твоего, дабы я, когда о Тебѣ помышляю, о Тебѣ говорю, о Тебѣ пишу, о Тебѣ читаю, о Тебѣ повѣствую, когда о Тебѣ вспоминаю, предъ Тобою предстою, хвалы, молитвы и жертву приношу, всегда бы обливишись слезами предъ лицемъ Твоимъ изобильно и сладостно плакалъ такъ, дабы слезы мои содѣлалися мнѣ хлѣбомъ днемъ и нощію. Ты, Царю славы и всѣхъ духовъ Учитель! научалъ насъ словомъ и примѣромъ воздыхать и плакать, глаголя:

бла-

блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся. Ты плакалъ по умершемъ другѣ, и вельми плакалъ надъ погибающимъ градомъ.

Молю Тебя, благій Іисусе, оными дражайшими слезами Твоими и всѣми щедротами Твоими, ими же насъ погибшихъ помиловати благоволилъ: даруй мнѣ благодать слезъ, которыхъ много желаетъ душа моя: я безъ дарованія Твоего оную имѣть не могу, но чрезъ Духа Святаго Твоего, который твердыя сердца грѣшниковъ умягчаетъ и въ слезы сокрушаетъ. Даруй мнѣ благодать слезъ, якоже далъ еси отцемъ нашимъ, которыхъ стезямъ послѣдовать я долженъ, да оплакиваю меня во всю жизнь мою, какъ и они оплакивали себя днемъ и нощію. Ради молитвъ Тебѣ благоугодившихъ и всеусердно служившихъ помилуй меня, пренещастнаго и недостойнаго раба Твоего, и даруй мнѣ благодать слезную. Даруй мнѣ наводненіе вышнее и наводненіе долнее; да будутъ мнѣ слезы мои пищею моею во дни и въ нощи, и да содѣлаюся предъ лицемъ Твоимъ, Боже мой, всесожженіемъ тучнымъ и пріятнымъ; да закланъ буду весь на жертвенникѣ сердца моего, и яко тучнѣйшее всесожженіе да воспріятъ буду Тобою въ воню благоуханія.

Даруй мнѣ, пресладчайшій, источникъ орошающій, источникъ чистѣйшій, въ которомъ бы омывалося непрестанно оное оскверненное всесожженіе; ибо хотя я и всего

меня

меня принесъ Тебѣ за благодатію Твоею, но во многомъ ежедневно оскорбляю Тебя по великой слабости моей. Такъ даруй мнѣ благодать слезъ, благословенный и любви предостойный Боже! а особливо отъ многой сладости любви Твоея и воспоминанія щедротъ Твоихъ; уготови сію трапезу рабу Твоему, и поручи мнѣ оную, да когда ни пожелаю, насыщаюся отъ оной.

Даруй по любви и благости Твоей, да сія чаша Твоя упоевающая и преславная утоляетъ жажду мою, дабы къ Тебѣ стремился усильно духъ мой и горѣла мысль моя любовію Твоею, забывши суету и бѣдность. Услыши, Боже мой! услыши, свѣтъ очей моихъ, услыши, чего прошу, и даруй, чтобъ я просилъ, да услышиши. Благій и милостивый Господи! не буди неумолимъ мнѣ ради грѣховъ моихъ, но ради благости Твоея пріими молитву раба Твоего, и даруй мнѣ плодъ прошенія моего и желанія моего, молитвами и моленіемъ славныя Дѣвы Маріи, Владычицы моея и всѣхъ святыхъ. Аминь.

Глава тридесять шестая.

Въ сей молитвѣ мысль человѣческая въ обильнѣйшее сокрушеніе входитъ, естьли въ уединеніи (въ покоѣ) чтена будетъ.

Іисусе Господи, Іисусе любезный, Іисусе благій, который благоволилъ умереть ради беззаконій нашихъ, и воскресъ для оправ-

оправданія нашего! молю Тебя славнымъ воскресеніемъ Твоимъ: воскреси меня отъ гроба пороковъ и согрѣшеній моихъ всѣхъ, и даруй мнѣ повсядневно часть въ первомъ воскресеніи, дабы я воскресеніемъ Твоимъ неложно удостоился принять часть. Пресладкій, премилостивый, прелюбезный, преблагій, превожделѣнный, прелюбимый, прекрасный! Ты возшелъ на небо съ торжествомъ славы Твоея, и сѣдиши одесную Отца, Царю всемогущій! влеки меня горѣ къ Тебѣ, да теку за Тобою въ воню благоуханія Твоего, да теку и не ослабѣю, да теку, за Тобою влекущимъ и текущаго ведущимъ. Влеки уста, жаждущія Тебя, души моея, къ превыспреннимъ источникамъ вѣчнаго насыщенія; но и влеки меня къ Тебѣ, источнику живому, да отъ Него по возможности моей пію и тѣмъ всегда живъ буду, Боже мой, жизнь моя!

Ибо Ты рекъ святыми Твоими и благословенными устами: жаждущій да грядетъ ко мнѣ, и да піетъ. Источниче жизни! сотвори, чтобъ жаждущая душа моя всегда пила отъ Тебя, да по святому и неложному обѣщанію Твоему отъ чрева моего потекутъ воды живыя. Источниче жизни! наполни мысль мою потокомъ сладости Твоея, упой сердце мое цѣломудреннымъ питіемъ любви Твоея, дабы я забылъ все суетное и земное, и Тебя единаго непрестанно имѣлъ въ памяти моей, яко же писано есть: помянухъ Бога, и утѣшихся. Да-

Даруй мнѣ Духа Святаго Твоего, котораго означали оныя воды, которыя Ты дать обѣщалъ жаждущимъ. Даруй мнѣ, чтобъ я со всемъ желанiемъ и со всемъ попеченiемъ текъ туда, куда Ты по воскресенiи въ четыредесятый день вознесся, дабы я въ настоящей жизни однимъ держался тѣломъ, а помышленiемъ и желанiемъ всегда былъ съ Тобою; дабы тамо было сердце мое, гдѣ Ты находишься сокровище мое вожделѣнное, несравненное и многолюбезное. Понеже въ семъ великомъ жизни потопѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружающими ударяемся бурями, не находится надежнаго пристанища, ни возвышеннаго мѣста, гдѣ бы нога голубицы могла нѣсколько успокоиться; нѣтъ нигдѣ безопаснаго покоя, нигдѣ истинныя тишины, вездѣ брани и свары, вездѣ непрiятели: внѣ брани, внутрь страхи.

И поелику мы одною частiю небесные, другую земные, то тѣло тлѣемое отягощаетъ душу. И для того духъ мой, товарищъ и другъ мой, отъ путешествiя возвращаяся, изнемогаетъ и немоществуетъ; раздробленъ и растерзанъ тѣми, по которымъ проходилъ, суетами, алчетъ и жаждетъ зѣло; а я не имѣю что предложить ему; потому что я нищъ и убогъ. Ты, Господи Боже мой, богатый всѣми благими и даровъ небеснаго насыщенiя прещедрый податель! даждь утомленному пищу, собе-

ри расточеннаго, возобнови раздробленнаго. Се онъ стоитъ при дверяхъ и ударяетъ. Молю утробою человѣколюбія Твоего, ею же Ты посѣтилъ востокъ съ высоты, отверзи толкущему бѣдному длани благости Твоея, и повели благопривѣтливо, да внидетъ къ Тебѣ, да успокоится въ Тебѣ, да подкрѣпится Тобою, живымъ и небеснымъ хлѣбомъ, которымъ бы насытившись и въ силахъ укрѣпившись, восходилъ въ горняя, и изъ сей юдоли плачевной, поднявшись на крылахъ святаго желанія, парилъ въ царство небесное.

Да возпріиметъ, Господи! да возпріиметъ, молю, духъ мой крылѣ, яко орлины, да паритъ и не ослабѣетъ, да паритъ и достигнетъ даже до благолѣпія дому Твоего и до мѣста селенія славы Твоея, да тамо за трапезою упокоенія небесныхъ гражданъ насытится отъ тайныхъ Твоихъ на мѣстѣ пажити Твоея при источникахъ изобильнѣйшихъ; да упокоится въ Тебѣ, Боже. сердце мое, сердце, море великое, надымающееся волнами. Ты, который запретилъ вѣтрамъ и морю, и стала тишина великая, пріиди и шествуй по волнамъ сердца моего, да спокоенъ и веселъ весь буду я; поколику единое добро мое, Тебя обьиму, и сладостный свѣтъ очей моихъ, Тебя узрю безъ темнаго мрака волнующихся помышленій. Да утечетъ, Господи! мысль моя подъ тѣнь крылъ Твоихъ отъ жаровъ помышле-

ній

нїй вѣка сего, да сокрывшись въ благорастворенномъ воздухѣ Твоего прохлажденія, радостно возпоетъ и возглаголетъ: въ мирѣ вкупѣ усну и почію.

Да уснетъ, молю, Господи Боже, да уснетъ память моя отъ всѣхъ золъ! неправду да возненавидитъ, а правду да возлюбитъ. Ибо что краснѣе и что сладостнѣе, какъ во тьмѣ сея жизни между многими горестями прилѣжно желать Божескія сладости и къ вѣчному блаженству устремляться, и тамъ содержаться мыслію, гдѣ истинная пребываетъ радость? Сладчайшій, прелюбезный, благоутробнѣйшій, дражайшій, вождедѣннѣйшій, любимѣйшій, прекраснѣйшій! когда я Тебя увижу, когда явлюся предъ лицемъ Твоимъ, когда насыщуся красоты Твоея, когда изведеши меня изъ мрачныя темницы сея исповѣдатися имени Твоему, такъ, чтобы я напослѣдокъ не сокрушался?

Когда я прейду въ оный чудный и прекрасный домъ Твой, гдѣ раздается гласъ радости и возкликновенія въ обителяхъ праведныхъ? Блажени живущїи въ дому Твоемъ, Господи! въ вѣки вѣковъ возхвалятъ Тя. Блажени и истинно блажени тѣ, которыхъ Ты избралъ и прїялъ въ свое небесное наслѣдїе! Се святые Твои, Господи, цвѣтутъ предъ Тобою, яко лилея (кринъ)! Ибо они насыщаются отъ обилія дому Твоего, и Ты потокомъ сладости Твоея напоева-

еваешь ихъ, которыхъ жизни источникъ Ты Самъ, и они во свѣтѣ Твоемъ видятъ свѣтъ столько, что они и сами, просвѣтившись Тобою, Богомъ просвѣщающимъ ихъ, яко солнце сіяютъ предъ лицемъ Твоимъ. О сколь чудныя, сколь красныя дому Твоего селенія, Господи силъ! Желаетъ внити въ оныя сія грѣшница душа моя. Господи! возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего, мѣсто селенія славы Твоея.

Едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего. Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Когда приду и явлюся лицу Твоему? когда увижу Бога моего, Его же жаждетъ душа моя? Когда узрю Его на земли живыхъ? Ибо въ сей земли мертвыхъ Онъ не можетъ видимъ быть смертными глазами. Что сотворю я бѣдный, тяжкими узами мертвенности моея связанный? Что сотворю? Мы, находясь въ тѣлѣ, странствуемъ отъ Господа, не имѣемъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, а житіе наше на небесѣхъ есть.

Увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися! Вселихся съ живущими въ Кидарѣ, много пришельствова душа моя. Кто дастъ мнѣ крылѣ, яко голубины, да полечу и почію? Ничто мнѣ столь сладостно, какъ быть съ Господемъ моимъ. Мнѣ же

при-

прилѣплятися Богови благо есть. Даруй мнѣ, Господи, пока я въ семъ слабомъ нахожусь тѣлѣ, чтобъ я къ Тебѣ прилѣплялся по написанному: Прилѣпляяйся Господеви, единъ есть духъ съ Господемъ. Даруй мнѣ созерцанія крылѣ, дабы я оными возлеталъ къ Тебѣ горѣ; и какъ всякое вредное долу имѣется, то управи мысль мою, дабы она въ преисподняя мрачныя долины не обрушилася, дабы она надходящею тѣнью земною отъ Тебя, истиннаго Солнца правды, не отдѣлилась, и ввергнувшись въ глубокую тьму, не была воспящена взирать на высоту. Того ради я горѣ теку къ радостямъ мирнымъ, къ веселостямъ свѣта и къ блаженнѣйшему состоянію.

Управи сердце мое десницею Твоею; понеже оно безъ Тебя на высоту не возносится. Туда я поспѣшаю, гдѣ высочайшій миръ царствуетъ и непрестанная тишина блещетъ. Обладай и управи духъ мой и пріими его въ волю Твою, да за предводительствомъ Твоимъ войдетъ въ оную страну изобилія, гдѣ Ты пасеши Израиля вѣчно злакомъ истинны; да тамо хотя скоротечнымъ помышленіемъ коснется Тебя, высочайшія Премудрости, надъ всѣми пребывающей, все проницающей, и всемъ управляющей. Но возлетающей къ Тебѣ душѣ многія приключаются смятенія. Повелѣніемъ Твоимъ, Господи, да умолкнетъ для меня все; сама душа моя да мол-

чишЪ вЪ себѢ, все да прейдетЪ, выше всего сотвореннаго да шечетЪ и кЪ ТебѢ да пріидешЪ, вЪ Тебя единаго, Творца всѢхЪ, очи вѢры да вонзитЪ, Тебя да желаетЪ, ТебѢ да внемлетЪ, о ТебѢ да размышляетЪ, Тебя да созерцаетЪ, Тебя предЪ очами своими всегда да имѢетЪ, Тебя вЪ сердцѢ да содержитЪ, истинное и высочайшее добро и радость, во вѢки пребывающую!

Многія наконецЪ бываютЪ созерцанія, которыми душа благоговѢйная чудно насыщается; но никакою изЪ оныхЪ столько не услаждается и не успокоивается душа моя, какЪ Тобою; и когда она о ТебѢ единомЪ помышляетЪ, Тебя единаго созерцаетЪ. Коль великое множество сладости Твоея, Господи, которую Ты чудно вливаешь вЪ сердца любителей ТвоихЪ! Коль чудная сладость любви Твоея, которою наслаждаются тѢ, которые ничего не ищутЪ и ни о чемЪ, кромѢ Тебя, мыслить не желаютЪ! Благополучны тѢ, которымЪ Ты единЪ вся надежда, и все дѢло ихЪ, молитва! БлаженЪ, кто живетЪ во уединеніи и безмолвствуетЪ, и стоитЪ на стражѢ своей непрестанно днемЪ и ночью, дабы онЪ еще вЪ семЪ разрушаемомЪ находясь тѢлѢ, возмогЪ вкусить нѢсколько сладости Твоея!

Молю Тебя оными спасительными язвами, которыя Ты подЪялЪ на крестѢ за спасеніе наше; изЪ которыхЪ произтекла оная дражайшая кровь, которою мы искуплены.

Уязви

Уязви душу мою, сію грѣшницу, за которую Ты и умереть благоволилъ; уязви ее огненною и всесильною стрѣлою Твоею изобильныя любви: ибо живо есть слово Божіе и дѣйствительно и проницательнѣе (острѣйшее) всякаго меча, обоюду остраго. Ты, стрѣла избранная и мечь острѣйшій, могущій твердый щитъ сердца человѣческаго пронзить Твоею силою! пронзи сердце мое стрѣлою любви Твоея, да возглаголетъ къ Тебѣ: любовію Твоею уязвленна есмь. Такъ, дабы изъ самыя раны любви Твоея преизобильно текли слезы во дни и въ нощи.

Порази, Господи! порази (прилѣжно молю) сію твердѣйшую мысль мою святымъ и крѣпкимъ остріемъ любви Твоея, и глубочае во внутренность пронзи всемощною силою; и такимъ образомъ изъ главы моея изведи воду безмѣрную, и изъ очей моихъ истинный источникъ слезъ, непрестанно текущій отъ преизбыточествующаго усердія и желанія видѣнія красоты Твоея, да плачу день и ночь, никакого въ настоящей жизни не пріемля утѣшенія, пока въ Тебѣ, брачномъ чертогѣ, сподоблюся видѣть возлюбленнаго и прекраснаго Жениха моего, Бога и Господа моего. Да тамо зря славное, чудное и превелелѣпое лице Твое, всякою сладостію исполненное, съ избранными Твоими Величеству Твоему благоговѣйно поклонюся; и тамъ наконецъ небесною и неизреченною наполнившись радостію вѣчнаго вос-

кликновенія, возвопію съ любящими Тебя, глаголя: Се я вожделѣнное мною уже вижу; чего надѣялся, то уже держу; чего желалъ, уже то имѣю! Ибо я съ Тѣмъ на небеси соединился, котораго, на земли находясь, всею крѣпостію любилъ, всею любовію обънималъ, которому всею любовію прилѣплялся; Его славлю, благословлю и покланяюся, который живетъ и царствуетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Глава тридесять седьмая.

Молитва въ скорби.

Помилуй, Господи, помилуй, Святый, помилуй меня пренещастнаго грѣшника, неприличное творящаго и достойное воспріемлющаго, непрестанно согрѣшающаго и Твое наказаніе повседневно терпящаго. Когда я разсуждаю о содѣянномъ мною злѣ, то оно не соразмѣрно тому, что я терплю; то тягчае, что я сдѣлалъ; легче то, что несу. Праведенъ еси, Господи, и праведенъ судъ Твой, всѣ суды Твои праведны и истинны! Праведенъ и справедливъ Ты, Господи, Боже нашъ! и нѣтъ никакой неправды въ Тебѣ; ибо Ты не неправедно и не жестоко наказываеши насъ грѣшныхъ, всемогущій и милостивый Господи, который еще не бывшихъ насъ силою сотворилъ и погибшихъ своею виною чудно благостію и любовію Твоею возвратилъ.

Я подлинно знаю, что жизнь наша не безразсудными управляется движеніями; но Тобою, Господемъ Богомъ нашимъ, она располагается и управляется. Почему Ты печешися о всѣхъ, особливо о рабахъ Твоихъ, которые всю надежду свою возложили на единое милосердіе Твое. Того ради молю и униженно прошу, да не сотвориши со мною по грѣхамъ моимъ, которыми гнѣвъ Твой заслужилъ; но по великому милосердію Твоему, которое превосходитъ и всего міра грѣхи. Ты, Господи, наружно наказующій! даруй всегда внутренно неослабное терпѣніе, дабы похвала Твоя не отступала отъ устъ моихъ. Помилуй мя, Господи, помилуй меня и помоги мнѣ, якоже Ты вѣси, въ чемъ я нужду имѣю тѣломъ и душею. Ты знаешь все, можешь все, живый во вѣки.

Глава тридесять осьмая.

Молитва весьма горячая къ Сыну.

Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, который на крестѣ, разпростерши руки для искупленія всѣхъ смертныхъ, испилъ чашу страданія! благоволи нынѣ подати мнѣ помощь. Се я нищій прихожу къ Тебѣ богатому, бѣдный къ милосердому, да не отъиду тощъ, или презрѣнъ! Алчущій начинаю, да не отступлю отъ Тебя тощъ; жаждущій приступаю, да не отъиду гладенъ. И естьли я прежде

 насы-

насыщенія воздыхаю, то даруй, чтобЪ я хотя послѢ сѢтованія насытился. Вопервыхъ, сладчайшій Іисусе, предЪ великолѢпіемЪ сладости Твоея исповѢдую на меня неправду мою. Се, Господи! я во грѢхахЪ зачатЪ былЪ, но Ты меня омылЪ и освятилЪ; а я послѢ того большими себя осквернилЪ грѢхами. Ибо я по нуждѢ во грѢхѢ рожденЪ, послѢ своевольно сталЪ оскверненЪ.

Но Твое, Господи, вЪ памяти обношу милосердіе: Ты взялЪ меня отЪ дому отца моего плотскаго, и отЪ селеній грѢшничихЪ; и вложилЪ мнѢ, чтобЪ я слѢдовалЪ за Тобою сЪ родомЪ ищущихЪ лица Твоего, живущихЪ между кринами (лилеями) чистоты, и возлежащихЪ сЪ Тобою на вечери глубочайшія нищеты. И я, кЪ толикимЪ благодѢяніямЪ нечувственный, по вступленіи моемЪ вЪ благочестіе много содѢлалЪ непозволеннаго, многія сотворилЪ непотребства; и гдѢ грѢхи исправить долженствовалЪ, тамЪ грѢхи ко грѢхамЪ приложилЪ. Сія суть злая моя, которыми я Тебя обезчестилЪ, и меня осквернилЪ (котораго Ты по образу и по подобію Твоему сотворилЪ) гордостію, тщеславіемЪ, и прочими иными многими злыми, которыми утѢсняется и озлобляется, раздирается и опровергается бѢдная душа моя.

Се, Господи! беззаконія превзыдоша главу мою, и яко бремя тяжкое отяготѢша на мнѢ! И естьли Ты, которому собственно есть миловать всегда и щадить, десни-

лицею величества Твоего не поддержишь меня, то я принужденъ погрязнуть бѣдственно во глубинѣ. Вонми, Господи Боже! и виждь, яко святъ; и се возстаетъ на меня врагъ мой, глаголя: Богъ оставилъ его: пожену и постигну его; зане нѣтъ избавляющаго. И Ты, Господи, доколѣ? Обратися и избави душу мою; спаси меня ради милости Твоея. Помилуй сына Твоего, котораго Ты съ великою болѣзнію родилъ; и не зри на зло мое, чтобъ Тебѣ забыть добро Твое. Какой отецъ, который сына не избавляетъ? Какой сынъ, котораго отецъ жезломъ любви не исправляетъ?

И такъ, Отче и Господи, хотя я и грѣшникъ, но не могу не быть сыномъ Твоимъ: понеже Ты меня сотворилъ и обновилъ, яко согрѣшилъ, исправи меня; и сперва наказаніемъ исправивши, вручи меня Сыну Твоему. Еда можетъ забыть мать отроча утробы своея? И поистиннѣ, естьли она забудетъ, Ты, Отецъ, обѣщался не забыть. Се я вопію! и Ты не внемлешь, болѣзную, и не утѣшаешь меня. Что возглаголю, или что сотворю нещастнѣйшій? Я толикаго лишенъ утѣщенія, отверженъ отъ лица очей Твоихъ. Увы мнѣ! отъ коликаго добра въ коликое я упалъ зло! Куда текъ, и куда пришелъ? Гдѣ я нахожусь, и гдѣ меня нѣтъ? Къ чему я устремлялся, и теперь о чемъ воздыхаю? Искалъ я благихъ, и се смятеніе! Се я уже

уми-

умираю, а Іисуса нѣтъ со мною! и воистинну лучше мнѣ не быть, нежели безъ Іисуса быть. Лучше не жить, нежели жить безъ живота.

И ты, Господи Іисусе! гдѣ суть милости Твои древнія? Еда прогнѣваешися на меня въ конецъ? Умилостивися, молю, и помилуй меня; и не отврати лица Твоего отъ поношающихъ и заплевающихъ Тебя. Признаюсь, что я согрѣшилъ, и совѣсть моя достойна осужденія, и покаяніе мое не довольно къ удовлетворенію; но извѣстно мнѣ то, что милосердіе Твое побѣждаетъ всякое досажденіе. Не напиши, Господи, противу меня горестей моихъ, чтобъ Тебѣ внити въ судъ съ рабомъ Твоимъ; но по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконія моя. Горе мнѣ бѣдному! когда придетъ день судный и отверсты будутъ книги совѣстей; когда сказано мнѣ будетъ: се человѣкъ и дѣла его! что сотворю тогда, какъ небеса откроютъ неправду мою, и противу меня возстанетъ земля? Тогда ничего отвѣчать не возмогу; но повѣсивъ голову отъ смущенія, предъ Тобою стану въ великой робости и смятеніи.

Увы меня бѣднаго! что возглаголю? Воззопію къ Тебѣ, Господи Боже мой: вскую молча погибаю? Но однако, аще и возглаголю, не утишится болѣзнь моя; и аще молчати стану, то презѣльнѣйшею горестію мучимъ буду внутренно. Плачи, душе моя,

яко

яко вдова о мужѣ юности твоея! Рыдай бѣдная и плачи, яко оставилъ тебя Женихъ твой, то есть Христосъ! Такъ, Всемогущій! не возстани противъ меня; понеже я противу Тебя устоять не могу. Поистиннѣ нѣтъ во всемъ мнѣ, что бы могло подъять Тебя. Помилуй, да не впаду въ отчаяніе, но да отъ онаго избавлюся. Хотя я и содѣлалъ, за что Ты меня осудить можешь; но Ты не лишился того, чѣмъ спасаешь всегда.

Ты, Господи, не хощеши смерти грѣшниковъ и не радуешися о погибели умирающихъ: но еще, чтобъ мертвые ожили. Ты умеръ, и смерть Твоя грѣховную смерть умертвила, и они смертію Твоею ожили. Молю Тебя, Господи, да и я при Тебѣ животѣ не умру. Посли руку Твою съ высоты и избави меня изъ руки враговъ моихъ, да не порадуются о мнѣ и рекутъ: пожремъ его! Кто когда, благій Іисусе, о Твоемъ милосердіи усомнится, который насъ, когда еще врагами Твоими были, искупилъ кровію Твоею и примирилъ Богу? Се милосердія Твоего сѣнію покровенъ, къ престолу славы прихожу, прося теку, вопія и толцая: Господи! помилуй мя. Ибо естьли Ты позвалъ насъ къ прощенію, прощенія не ищущихъ, то кольми паче прощеніе получимъ просящіе.

Не воспламени, сладчайшій Іисусе! правды Твоея противу грѣшника Твоего, но по-

помяни милосердіе Твое къ созданію твоему. Не помяни гнѣва противъ виноватаго, но воспомяни благоутробіе Твое къ нещастному. Позабуди гордаго раздражающаго, и воззри на бѣднаго призывающаго; ибо что есть Іисусъ, естьли не Спаситель? Такъ, Іисусе, Тобою самимъ возстани въ помощь мою, и рцы душѣ моей: Спасеніе твое Азъ есмь: Весьма я, Господи, на благость Твою надѣюся; потому что Ты самъ научаешь просить, искать и толкать. И для того по словамъ Твоимъ прошу, ищу и толку.

И Ты, Господи, повелѣвающій просить, сотвори, чтобъ я и получилъ; Ты совѣтуешь искать, даруй, чтобъ и обрѣлъ; научаешь толкать, такъ отверзи толкущему и укрѣпи меня немощнаго, возврати погибшаго, возстави умершаго, и всѣми чувствами моими, помышленіями и дѣяніями управлять благоволи по воли Твоей, да прочее Тебѣ служу, Тебѣ живу и Тебѣ предамъ себя. Вѣмъ, Господи мой! что я за то, что Ты меня сотворилъ, долженъ Тебѣ всемъ мною; и что Ты меня искупилъ и ради меня сталъ человѣкомъ, долженъ бы Тебѣ болѣе, нежели мною, естьли бы я имѣлъ то, чѣмъ Ты болѣе меня, за котораго предалъ самаго Себя. Се я ни болѣе не имѣю, и что имѣю, отдать Тебѣ не могу безъ Тебя; но пріими меня Ты самъ и влеки меня къ Тебѣ, да буду Твой и подражаніемъ и любовію, какъ есмь Твой по состоянію и по созданію; Ты,

который живешь и царствуешь во вѣки. Аминь.

Глава тридесять девятая.

Молитва полезная.

Господи Боже всемогущій, который тройственъ и единъ, который существуешь всегда и во всѣхъ, который былъ прежде всего и будешь всегда во всемъ! Боже, благословенный во вѣки! Тебѣ вручаю нынѣ и на всякое время душу мою, тѣло мое, видѣніе, слышаніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе, всѣ помышленія мои, наклонности, глаголанія, дѣянія, всю наружность и внутренность, чувство и разумъ, память мою, вѣру и маловѣріе, и продолженіе мое, въ руки могущества Твоего, да хранишь ихъ во днехъ и въ нощахъ, во всякой часъ и минуту. Услыши меня, Троица Святая, и сохрани меня отъ всякаго зла, отъ всякаго соблазна и отъ всякаго смертнаго грѣха, отъ всѣхъ навѣтовъ и нападеній демонскихъ, и враговъ видимыхъ и невидимыхъ, молитвами Патріарховъ, моленіемъ Пророковъ, прошеніемъ Апостоловъ, твердостію Мучениковъ, вѣрою Исповѣдниковъ, чистотою Дѣвъ и ходатайствомъ всѣхъ святыхъ, отъ начала свѣта Тебѣ благоугодившихъ.

Изжени изъ меня превозношеніе мысли, и умножи сокрушеніе сердечное; умали гордость мою, и соверши во мнѣ смиреніе истинное,

ное, возбуди во мнѣ плачь, умягчи сердце мое жестокое и каменное. Избави меня, Господи, и душу мою отъ всѣхъ навѣтовъ и козней вражескихъ, и соблюди мя въ волѣ Твоей. Научи мя, Господи, творити волю Твою, яко Богъ мой еси Ты. Даждь мнѣ, Господи, смыслъ совершенной и понятіе, да возмогу удивлятися глубокому снизхожденію Твоему. То мнѣ даруй у Тебя просить, что Тебѣ ко услышанію пріятно и мнѣ къ полученію полезно. Даруй мнѣ слезы отъ всего усердія, которыя бы грѣховъ моихъ могли разрѣшить узы.

Услыши, Господь мой и Богъ мой, услыши, свѣтъ очей моихъ, услыши, о чемъ прошу! и даруй, чтобъ Ты прошеніе мое услышалъ. Естьли Ты презираешь, то я погибаю; естьли призираешь, то я оживаю. Ежели Ты правды моея ищешь, я мертвъ смержу; ежели съ милосердіемъ воззришь, то смердящаго возставляешь отъ гроба. Что Ты ненавидишь во мнѣ, то удали отъ меня, и духа чистоты и воздержанія вложи въ меня, да о чемъ ни буду просить, самымъ моленіемъ Тебя не оскорблю. Отними отъ меня все вредное и подаждь полезное. Даруй мнѣ, Господи, врачевство, которымъ бы могли уврачеваться язвы мои. Даруй мнѣ, Господи, страхъ Твой, сердца сокрушеніе, мысли смиреніе и совѣсть чистую. Даруй мнѣ, Господи, дабы я могъ

имѣть

имѣть всегда братскую любовь и золъ моихъ не забывалъ, а чужихъ не взыскивалъ.

Пощади душу мою, прости злая моя, прости грѣхи мои, прости преступленія моя, посѣти меня немощнаго, изцѣли больнаго, уврачуй разслабленнаго и воскреси мертваго. Даруй мнѣ, Господи, сердце, которое бы Тебя боялося; мысль, которая бы Тебя любила; смыслъ, который бы Тебя понималъ; ушеса, которыя бы Тебя слышали; глаза, которые бы Тебя зрѣли. Помилуй мя, Боже, помилуй мя, и воззри на меня отъ святаго престола величества Твоего, и тьму сердца моего лучемъ сіянія Твоего просвѣти. Даждь мнѣ, Господи, способность различать между добромъ и зломъ, и даруй мнѣ умъ бодрственный. Прошу у Тебя, Господи, оставленія всѣхъ грѣховъ моихъ, отъ котораго и которымъ да будетъ мнѣ умилостивленіе во время нужды и скорби моея.

Святая и непорочная Дѣва Богородица Марія и Мати Господа нашего Іисуса Христа! благоволи о мнѣ ходатайствовать у Того, Его же удостоилась быти храмомъ. Святый Михаиле, святый Гавріиле, святый Рафаиле, святые хоры Ангеловъ, Архангеловъ, Патріарховъ и Пророковъ, Апостоловъ, Евангелистовъ, Мучениковъ, Исповѣдниковъ, Священниковъ, Левитовъ, Иноковъ, Дѣвъ и всѣхъ праведныхъ. Тѣмъ, который васъ избралъ, и о зрѣніи кото-

раго радуетеся, васъ просить дерзаю, да о мнѣ грѣшномъ умолите самаго Бога, чтобы я отъ челюстей діавольскихъ и отъ смерти вѣчныя избавиться могъ. Благоволи, Господи, мнѣ даровать вѣчную жизнь по милости и по безприкладному милосердію Твоему.

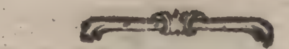
Даруй, Господи Іисусе Христе, священникамъ согласіе, Царямъ и властямъ, право правящимъ, тишину и миръ. Молю, Господи, о всей святой церкви православной, о мужахъ и женахъ, о духовныхъ и свѣтскихъ, о всѣхъ правителяхъ Христіянскихъ и о всѣхъ, въ Тебя вѣрующихъ, труждающихся по любви Твоей святой, да благопоспѣшество во благомъ дѣлѣ получатъ. Даруй, Господи, Царю вѣчный, дѣвамъ чистоту, посвятившимъ себя Богу непорочность, бракосочетавшимся воздержаніе, кающимся прощеніе, вдовамъ и сиротамъ пропитаніе, нищимъ покровъ, странствующимъ возвращеніе, плачущимъ утѣшеніе, умершимъ вѣрнымъ вѣчный покой, плавающимъ ко пристанищу спасенія приходить, благимъ во благости пребывать, среднимъ лучшими быть, не право творящимъ и согрѣшающимъ, какъ мнѣ окаянному, скоро во исправленіе приходить.

О сладчайшій и премилосердый Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, Искупителю міра! я между всѣми и паче всѣхъ признаю себя нещастнаго грѣшникомъ; но

Ты,

Ты, премилостивый и всевышній ОтецЪ, милующій всѣхЪ, не попусти мнѣ чужду быть отЪ милосердія Твоего. И Ты, Господи Царю Царей, который творишь перемиріе вЪ жизни! даруй мнѣ усердіе ко исправленію моему. Возбуди во мнѣ мысль, которая бы Тебя искала, Тебя желала и Тебя, который вездѣ весь тройственЪ и единЪ, всегда паче всего любила, Тебя боялась и творила волю Твою. И такЪ особливо Тебя, Господи Святый Отче, умоляю, благословеннаго и прославляемаго во вся вѣки, да всѣхЪ память творящихЪ о мнѣ вЪ своихЪ молитвахЪ и поручившихЪ себя моимЪ недостойнымЪ молитвамЪ, и всѣхЪ мнѣ самому нѣкоторыя любви и усердія услуги оказавшихЪ, и всѣхЪ моихЪ сродниковЪ и пріятелей, какЪ нынѣ вЪ тѣлѣ находящихся, такЪ и преставльшихся, милостиво благоволиши управить, да не погибнутЪ.

Также и всѣмЪ ХристіанамЪ живымЪ благоволи подать помощь, и скончавшимся православнымЪ разрѣшеніе и вѣчный покой во вся вѣки. Также и о томЪ всесмиренно молю Тебя, Господи, начало и конецЪ, да, егда послѣдній день мой и конецЪ жизни моея придетЪ, будеши Ты мнѣ милостивый Судія противЪ злобнаго обвинителя діявола, и будеши мнѣ вѣчный Защититель противу навѣтовЪ врага древняго, и вЪ обществѣ АнгеловЪ и всѣхЪ святыхЪ во святомЪ раю ТвоемЪ меня всели

Ты благословенный во вѣки вѣковъ. Аминь.

Глава четыредесятая.

Молитва горячая о воспоминаніи страданія Христова.

Господи Іисусе Христе, искупленіе мое, милосердіе мое, спасеніе мое! Тебя хвалю, Тебѣ благодареніе приношу, хотя и не соразмѣрное Твоимъ благодѣяніямъ, хотя весьма лишенное усердныя горячности, хотя не имѣющее желанныя тучности сладчайшія любви Твоея, однако посильное благодареніе, не какое долженъ, но какое можетъ приносить Тебѣ душа моя. Упованіе сердца моего, сила души моея! да исполнитъ Твое всемогущее благоволеніе, что силится моя горящая слабость, жизнь моя; Ты край желанія моего. Хотя я и не могу столько, сколько долженствую, любить Тебя, да желаю столько Тебя любить, сколько должно.

Просвѣщеніе мое! Ты видишь совѣсть мою; понеже предъ Тобою все желаніе мое, и Твой даръ есть, естьли что хорошее желаетъ совѣсть моя. Естьли благо то, Господи, что Ты мнѣ влагаешь, то болѣе то добро, что я любить Тебя желаю. Даруй, чтобъ столько возлюбить Тебя могъ, сколько Ты повелѣваешь. Хвалу и благодареніе приношу, да не будетъ даръ Твой во мнѣ безплоденъ, которой Ты по благоволенію Твоему дать мнѣ благоволилъ. Соверши

верши то, что Ты началъ, и даруй то, къ чему Ты, предваривъ благостію меня недостойнаго, во мнѣ желаніе вложилъ. Обрати, Всемилостивый, мою слабость въ самую горячую любовь Твою; ибо къ тому клонится моленіе мое, сіе воспоминаніе и размышленіе благодѣяній Твоихъ, да воспламениши во мнѣ любовь Твою.

Твоя, Господи, благость меня сотворила, Твое милосердіе по созданіи отъ грѣха прародительскаго очистило, Твое могущество послѣ онаго чрезъ крещеніе омовенія иными нечистотами осквернившагося доселѣ сносило, питало и ожидало. Ожидаешь Ты, Господи, исправленія; ожидаетъ душа моя къ покаянію и къ добродѣтельному житію Твоея благодати вдохновенія. Боже мой, Творецъ мой и Питатель мой! Тебя алчу, Тебя желаю, къ Тебѣ воздыхаю и устремляюсь, и какъ сирота, лишенный присутствія чадолюбивѣйшаго отца, плача и рыдая, непрестанно его любезное лице всемъ сердцемъ объемлетъ: такъ я не колико долженствую, но колико могу, памятую страданіе Твое, воспоминаю заушенія Твоя, біеніе и язвы Твоя; поминаю, какъ Ты за меня умерщвленъ, какъ сокрытъ и погребенъ; также памятую славное воскресеніе и чудное вознесеніе; все сіе несомнѣнною содержу вѣрою, заточенія моего горести оплакиваю, чаю отъ Твоего пришествія единаго себѣ утѣшенія, всеусердно желаю славнаго лицезрѣнія Твоего.

Увы мнѣ, что я не могъ видѣть Господа Ангеловъ, смиренно между людьми обращавшагося, дабы возвесть человѣка въ сообщество Ангельское, когда Богъ прогнѣванный умиралъ, чтобъ грѣшникъ живъ былъ! Увы, что я столь чудной и такъ неоцѣненной любви удивляться самолично не удостоился! Для чего, о душа моя! тебя не пронзаетъ мечь наижесточайшія болѣзни, когда ты снесть не можешь прободаема копіемъ ребра твоего Спасителя? когда ты зрѣть не можешь раздробляемыхъ гвоздьми ногъ и рукъ твоего Создателя и со ужасомъ изливаемую кровь твоего Искупителя?

Для чего Ты не упилася горестію слезъ, когда Онъ напоеваемъ былъ горестію желчною? За чемъ ты не сострадала пречистой Дѣвѣ, предостойнѣйшей Матери Его, Госпожѣ твоей? Владычица моя всемилостивѣйшая! какіе источники проистекали изъ Твоихъ цѣломудренныхъ очей, когда Ты видѣла Сына Твоего единороднаго, предъ Тобою неповинно связуемаго, біемаго и умерщвляемаго? Какія слезы орошали пресвятое лице Твое, когда Ты зрѣла того же Сына Твоего, Бога и Господа Твоего, на крестѣ безъ вины простерта, и плоть отъ плоти Твоея отъ нечестивыхъ звѣрски раздробляему? Какими стенаніями пречистая грудь Твоя терзалась, когда Ты слышала: жено! се сынъ твой! И ученикъ: се мати твоя! когда Ты получила ученика вмѣсто учителя, раба вмѣсто Господа!

Ко-

Когда бы я съ блаженнымъ Іосифомъ Господа моего со креста снялъ, ароматами покрылъ и во гробѣ положилъ, или хотя бы проводилъ, или бы достигъ, чтобъ толикому погребенію нѣкоторое воздано было отъ меня почтеніе! Когда бы съ блаженными женами блестящимъ видѣніемъ Ангельскимъ устрашенъ былъ, и услышалъ бы вѣстника Господня воскресенія, вѣстника моего утѣшенія, вѣстника толико ожиданнаго, вѣстника столь желаннаго! Когда бы говорю я, услышалъ изъ устъ Ангельскихъ: не ужасайтеся! вы Іисуса ищете распятаго, воста, нѣсть здѣ. Премилостивый, сладчайшій, пресвѣтлѣйшій! когда возвратишися ко мнѣ? Понеже я не видѣлъ онаго блаженныя плоти Твоея нетлѣнія; понеже я не облобызалъ мѣста язвъ и ранъ гвоздиныхъ, понеже я не омылъ слезами радостными язвъ истиннаго тѣла. Чудный, неоцѣненный, несоравненный! когда утѣшишь и избавишь меня отъ болѣзни моей? Ибо не отступаетъ отъ меня болѣзнь моя, доколѣ странствую отъ Господа моего.

Увы мнѣ, Господи! узы души моей! отступилъ Ты, Утѣшитель души моея, и не простился. Восходя въ путь свой, благословилъ Твоихъ, но я тамъ не былъ. Воздвигши горѣ руки, вознесся на облакѣ на небо, и я не видѣлъ. Ангели увѣряли, что Ты паки пріидешь, и я не слышалъ. Что скажу, что сотворю, куда пойду, гдѣ Его

 най-

найду, или когда обрящу, кого вопрошу? Кто возвѣститъ возлюбленному, яко отъ любви изнемогаю? Изчезла радость сердца моего, превратился въ плачь смѣхъ мой. Изчезла плоть моя и сердце мое, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ. Не хощетъ утѣшитися душа моя, токмо о Тебѣ, сладость моя. Что бо ми есть на небеси, и отъ Тебѣ что восхотѣхъ на земли? Тебя желаю, Тебя чаю, Тебя ищу, Тебѣ рече сердце мое: взыскахъ лица Твоего, лица Твоего Господи взыщу, не отврати лица Твоего отъ мене.

Человѣколюбче благоутробнѣйшій! Тебѣ оставленъ есть нищій; сиру Ты буди помощникъ. Ходатай мой надежнѣйшій! помилуй меня сираго оставленнаго: я сталъ сирота безъ Отца, душа моя яко вдова. Призри на слезы сиротства и вдовства моего, которыя приношу Тебѣ, пока возвратишися. Уже, Господи, явися мнѣ, и утѣшуся; яви лице Твое, и получу желаніе мое; открый славу Твою, и будетъ совершена радость моя. Возжада къ Тебѣ душа моя, коль множицею къ Тебѣ плоть моя! Возжада душа моя къ Богу, источнику живому: когда пріиду и явлюся лицу Божію?

Когда пріидешь, Утѣшитель мой? Кого ожидать буду? О естьли когда увижу радость мою, которую желаю! О естьли насыщуся, когда явится слава моя, которыя алчу! О аще упіюся отъ обилія дому Твоего,

его, къ которому воздыхаю! Аще напоишь меня потокомъ сладости Твоея, котораго жажду! Между тѣмъ да будутъ мнѣ слезы мои хлѣбы день и нощь, пока речется мнѣ: се Б гъ твой! пока услышитъ душа моя: се Женихъ твой! Питай меня между тѣмъ воздыханіями моими, возбуждай болѣзнями моими. Пріидетъ иногда Искупитель мой: понеже Онъ благъ, и не закоснитъ: понеже Онъ праведенъ. Тому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тебѣ, о Побѣдитель смерти, мрачна ада!
Тебѣ, надежда вѣрныхъ, жизнь, свѣтъ, путь, отрада!
Сей малый трудъ съ благоговѣньемъ посвящаю:
Тебѣ всего меня всеискренно вручаю.

Конецъ.

КНИГА
ЕДИНОБЕСѢДОВАНІЙ ДУШИ съ БОГОМЪ.

Глава первая.
О несказанной сладости Божеской.

Да познаю Тебе, Господи, познателю мой: да познаю Тебе, сила души моея. Явися мнѣ, утѣшителю мой: да узрю Тебе, свѣтъ очей моихъ. Пріиди веселіе души моея, да увижу Тебе, радосте сердца моего. Да возлюблю Тебя, жизнь души моея. Явися мнѣ, услажденіе мое великое, утѣха моя сладкая: Господи Боже мой, жизни подателю мой, и вся слава души моея. Да обрящу Тебе, желаніе сердца моего; да удержу Тебе, любовь души моея. Да обыму Тебе, жените небесный, величайшее радованіе мое и утѣшеніе. Да обладаю Тобою, блаженство вѣчное; да обладаю Тобою посредѣ сердца моего, жизнь блаженная, сладость высочайшая души моея. Да возлюблю Тя Господи!, крѣпосте моя, и прибѣжище мое, и избавителю мой. Да возлюблю Тя, Боже мой, помощникъ мой, столпъ крѣпости моей, и надежда сладкая во всякой печали моей. Да обыму Тя благаго, безъ котораго ничто же благо; да наслаждуся Тобою преблагимъ, безъ котораго ни-

ничто же преблаго. Отверзи слухъ ушей моихъ словомъ, острѣйшимъ всякаго меча, обоюду остраго, да услышу гласъ Твой. Возгреми, Господи, съ высоты гласомъ великимъ и крѣпкимъ. Да возшумитъ море и исполненіе его, да подвижится земля, и вся сущая на ней.

Просвѣти очи мои, свѣте непостижимый; блесни молнію, и разсыпь ихъ, да не видятъ суеты. Умножи молніи, и смути ихъ; да явятся источники водные, и открыется основаніе вселенныя. Подаждь видѣніе, свѣте невидимый, имъ же Тебе узрю. Созижди новое обоняніе, воня живота, имъ же управляешь, да пошеку въ путь твой въ воню благоуханія Твоего. Уврачуй вкусъ, имъ же вкусивъ да познаю, сколь велико есть множество сладости Твоея, Господи, которое Ты сокрылъ преисполненнымъ любовію Твоею. Даруй сердце, о Тебѣ мыслящее: духъ къ тебѣ любовію горящій: мысль, Тебе присно воспоминающую: смыслъ, Тебе познавающій: разумъ, къ Тебѣ величайшимъ желаніемъ крѣпко прилѣпляющійся. Да любитъ Тебя всегда любовь разумная. О жизнь, предъ которой все живо: жизнь, дающая мнѣ жизнь: жизнь, моя жизнь, чрезъ которую я живу, безъ которой умираю: жизнь, по которой радуюся, безъ которой печалюся; жизнь животворящая, сладкая и любезная, всегда достопамятная! гдѣ, гдѣ Ты находишься? Гдѣ Тебя найду? Во мнѣ

изне-

изнемогу, и въ Тебѣ возстану? Буди близъ въ душѣ моей, въ сердцѣ, во устахъ, въ ушесахъ, въ помощи; понеже истаявaю любовію, понеже безъ Тебя умираю, понеже Тебя воспоминая оживаю. Благоуханіе Твое услаждаетъ меня, память Твоя исцѣляетъ; но насыщуся, когда явится мнѣ слава Твоя, жизне подателю души моей. Желаетъ и скончавается душа моя памятію Твоею: когда пріиду и явлюся Тебѣ, радость моя?

Почто лице Твое отвращаеши, веселіе мое, имъ же услаждаюся? Гдѣ сокрылся еси, краснѣйшій, его же зрѣти желаю? Благоуханіе Твое обоняю, живу и радуюся; но Тебя не вижу. Гласъ Твой слышу, и оживляюся; но для чего лице Твое сокрываеши? Можетъ быть скажешь: не увидитъ меня человѣкъ, да живъ будетъ. О Господи! да умру, воеже зрѣти Тебе: да узрю, воеже умрети ми здѣсь. Не хощу жити, да предамся смерти: разрѣшитися желаю и быти со Христомъ. Умрети желаю, да узрю Христа: не хощу жить, чтобъ мнѣ жить со Христомъ. О Господи Іисусе! пріими духъ мой. Жизне подателю мой! пріими душу мою. Веселіе мое! привлеки сердце мое. Сладкая пища моя! да ямъ Тебе. Главо моя! управляй пути моя. Свѣтъ очей моихъ! просвѣти мене. Пѣніе мое! раствори мене. Благоуханіе мое! оживи мене. Слово Божіе! услади мене. Похвала моя! возвесели душу раба Твоего. Вниди въ нее радо-

достe моя, да вЪ ТебѢ радуется. Вниди вЪ нее сладосте высочайшая, да о сладостныхЪ мудрствуетЪ. Свѣте вѣчный! возсіяй вЪ ней, да Тебе уразумѣетЪ, познаетЪ и возлюбитЪ. Ибо она для того Тебе не любитЪ, Господи, что не познаетЪ Тебе; и для того не познаетЪ, что не разумѣетЪ. И потому она не разумѣетЪ, что свѣта Твоего не постигаетЪ: и свѣтЪ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не поняла.

О свѣтЪ умный! о свѣтящая истинна! о истинный свѣтЪ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго вЪ мірЪ сей! грядущаго, но не любящаго; понеже кто любитЪ мірЪ, тотЪ врагомЪ Божіимъ бываетЪ: отжени тьму отЪ лица мысли моей, да узритЪ Тебе разумѣніемЪ, да познаетЪ Тебе понятіемЪ, да любитЪ Тебе познаніемЪ. Иже бо познаетЪ Тебе, любитЪ Тебя, и себя оставляетЪ; любитЪ Тебя болѣе себя: отвергается себя, и грядетЪ кЪ ТебѢ, да возрадуется о ТебѢ. И сіе-то, Господи, причиною, что я не столько люблю Тебя, сколько долженЪ, что не довольно познаю Тебя; но поелику мало познаю, то мало и люблю; и поелику мало люблю, мало о ТебѢ радуюся. Но отЪ Тебя истинной радости внутренней, плѣняемЪ наружными вещами, удаляюся; когда Тебя одного не имѣю, то прелюбодѣйной любви вЪ сихЪ внѣшнихЪ вещахЪ ищу. И по сему-то я бѣдный сердце мое, которое ТебѢ единому

дол

долженствовалъ со всею любовію и со всею преклонностію предать, обратилъ на суетныя вещи; и тако, возлюбивши суету, содѣлался суетнымъ. И сіе-то причиною, Господи! что я въ Тебѣ не радуюся, и къ Тебѣ не прилѣпляюся. Понеже я въ наружныхъ, Ты во внутреннихъ; я въ земныхъ, Ты въ духовныхъ; я въ преходящихъ вещахъ душею разливаюся, помышленіемъ обращаюся, словами уловляюся; а Ты Господи живеши въ вѣчныхъ, и Ты вѣчность. Ты на небеси, а я на землѣ; Ты благоволиши въ высокихъ, а я къ дольнимъ привергаюся. Ты возлюбилъ еси небесная, а я земная. И когда возмогутъ сіи противности соединитися?

Глава вторая.

О бѣдности и разрушимости человѣческой.

Нещастенъ я! како возможетъ неправда моя съ Твоею правдою соединитися? Ты, Господи, любишь уединеніе, я народность: Ты тишину, я вопль: Ты истинну, я суету: Ты чистотѣ, я послѣдую нечистотѣ: что много? Ты истинно благъ, я золъ: Ты щедръ, я нечестивъ: Ты святъ, я бѣденъ: Ты праведенъ, я неправеденъ. Ты свѣтъ, я слѣпъ: Ты жизнь, я мертвъ: Ты врачевство, я немощенъ: Ты радость, я печаль: Ты величайшая истинна, я всеобщая суета, какъ и всякъ человѣкъ живый. Увы! что же я, о Творче! изреку?

При-

Приникни, о Создателю! на мене, Твое создание, уже погибъ; тварь я Твоя, уже умираю. Я дѣло Твое, уже въ ничто обращаюсь. Я творенiе Твое: руцѣ Твои, Господи, сотвористa мя и создаста мя: руцѣ, т. е. тѣ, которыя гвоздьми пригвождены были за меня. Дѣло рукъ Твоихъ, Господи, не презри; на язвы рукъ Твоихъ, молю, да воззриши. Се! на дланяхъ Твоихъ, Господи Боже, начерталъ еси мя. Прочти писанiе, и спаси мя. Се! къ Тебѣ воздыхаю созданiе Твое: Ты Творецъ, возвесели меня. Се! къ Тебѣ вопiю тварь Твоя: Ты жизнь, оживи меня. Се! къ Тебѣ взираю творенiе Твое; Ты Создатель мой, обнови меня. Пощади меня Господи, зане дни мои ничто же суть.

Что есть человѣкъ, да возможетъ разглагольствовать съ Богомъ Творцемъ своимъ? Пощади меня глаголющаго съ Тобою. Прости раба Твоего, дерзающаго воззывати толикаго Господа: нужда закона не имѣетъ. Болѣзнь моя возбуждаетъ меня глаголати; бѣда, мною претерпѣваемая, принуждаетъ меня вопить. Немощенъ я, ко врачу вопiю: слѣпъ я, къ свѣту поспѣшаю: мертвъ я, къ животу воздыхаю. Ты врачь, Ты свѣтъ, Ты жизнь: Iисусе Назарянине! помилуй мя; Сыне Давидовъ! помилуй мя. Источниче милосердiя! услыши, что вопiетъ къ Тебѣ немощный. Свѣте мимогрядущiй! пожди слѣпаго, подаждь ему руку, да къ

Тебѣ

Тебѣ пріидетъ, и во свѣтѣ Твоемъ узритъ свѣтъ. Животодателю! воззови мертваго. Что есмь азъ, яко дерзаю простирати къ Тебѣ глаголъ мой? Увы мнѣ, Господи! пощади мене Господи. Я трупъ гнилой, пища червей, сосудъ смердящій, подгнета огня. Что я есмь, что глаголю съ Тобою? Увы мнѣ, Господи! прости меня Господи. Нещастный я человѣкъ. Человѣкъ, говорю, рожденный отъ жены, кратко живущій, наполненный многими бѣдностями: человѣкъ, суетѣ подобный, уподобившійся скотомъ несмысленнымъ, и приложившійся къ нимъ.

Что паки я? пропасть мрачная, земля бѣдная, сынъ гнѣва, сосудъ удобный къ поруганію, рожденный въ нечистотѣ, живущій въ бѣдности, умереть въ печали, тѣснотѣ имѣющій. Увы, нещастный! что я теперь, и что буду? Сосудъ мерзости, черепъ гноя, полнъ смрада и ужаса: слѣпый, нищій, нагій, премногимъ нуждамъ подверженный, и не вѣдающій входа и исхода моего; бѣдный и смертный, котораго дни яко сѣнь преходятъ; котораго жизнь яко тѣнь лунная исчезаетъ, яко цвѣтъ на древѣ является и вскорѣ увядаетъ: теперь цвѣтетъ, и мгновенно засыхаетъ. Жизнь (говорю) моя, жизнь, разрушенію и паденію подлежащая, жизнь, которая чѣмъ болѣе раcтетъ, тѣмъ болѣе умаляется; чѣмъ болѣе продолжается, тѣмъ

болѣе

болѣе къ смерти приближается. Жизнь обманчивая и притворная, наполненная сѣтьми смертными. Теперь радуюся, вскорѣ печалюся; теперь я въ силѣ, уже безсиленъ; теперь живъ, а уже умираю; теперь благополученъ, а уже бѣденъ; теперь смѣюся, а уже плачу. И такимъ образомъ все перемѣнности подлежитъ, такъ что ничто и одного часа въ одномъ состояніи не пребываетъ. Отселѣ страхъ, отселѣ трепетъ; отселѣ голодъ, отсюда жажда; отселѣ жаръ, отсюда стужа; отселѣ разслабленіе, отсюда болѣзнь увеличивается: за всемъ симъ приходитъ безвременная смерть, которая безчисленными образами повсядневно людей похищаетъ. Сего умерщвляетъ горячкою, того подавляетъ болѣзнями; сего истребляетъ голодъ, того погашаетъ жажда; сего потопляютъ воды, тотъ силою умерщвляется. Инаго истребляетъ пожаромъ, другаго лютыхъ звѣрей зубами пожираетъ. Сего погубляетъ мечь, тотъ ядомъ отравливается; иной отъ нечаяннаго страха нещастную жизнь кончить принужденъ бываетъ. И сверьхъ сего всего великое нещастіе; понеже хотя нѣтъ ничего извѣстнѣе смерти, но не знаетъ человѣкъ скончанія своего. И въ самое то время, когда мнится стоять, разбивается, погибаетъ и изчезаетъ надежда его. Понеже не знаетъ человѣкъ, когда, или гдѣ, или какимъ образомъ скончается,

а однако ему извѣстно, что умереть ему надобно.

Се, Господи, сколь велика бѣдность человѣческая, въ которой я нахожусь, и не страшуся! Сколь велико бѣдствіе, мною претерпѣваемое, но я о томъ и не болѣзную, и къ Тебѣ не вопію! Воззопію къ Тебѣ, Господи, пока не умру, естьли только не умру, но въ Тебѣ пребуду. Возвѣщу убо, возвѣщу о бѣдности моей; исповѣмъ ее, и не постыжуся ничтожества моего. Помоги мнѣ; Ты крѣпость, мене возстановляющая; пособи сила, мене поддерживающая; пріиди свѣте, которымъ я зрю; явися слава, о которой радуюся; покажися жизнь, ею же я живъ буду, Ты, о Господи Боже мой!

Глава третія.

О удивительномъ свѣтѣ Божескомъ.

О свѣтъ, который видѣлъ Товія, когда закрытыми глазами наставлялъ сына своего на путь жизни! Свѣтъ, который зрѣлъ Исаакъ внутренно, какъ слѣпотствующими глазами сыну разсказывалъ будущее! Свѣтъ, говорю, невидимый, предъ которымъ вся глубина сердца человѣческаго открыта! Свѣтъ, который Іаковъ видѣлъ, когда по наставленію Твоему сынамъ предсказывалъ будущая! Се тьма на лицѣ бездны мысли моей,

моей, а Ты свѣтъ! Се мракъ темный на водахъ сердца моего, а Ты истинна!

О Слово, которымъ сотворена всяческая и безъ котораго ничто не сотворено! Слово, прежде всего сущее, и прежде котораго ничего не было! Слово, управляющее всемъ, безъ котораго все есть ничто! Слово, рекшее въ началѣ: да будетъ свѣтъ! и бысть свѣтъ! Возглаголи такожде и мнѣ: да будетъ свѣтъ! и да будетъ свѣтъ, и да узрю свѣтъ, и познаю все, что не есть свѣтъ; понеже безъ Тебя тьма свѣтомъ, и свѣтъ тьмою бываетъ. И тако безъ Твоего свѣта нѣтъ истинны. Тутъ бываетъ заблужденіе, тутъ бываетъ суета; нѣтъ различенія, тутъ бываетъ смѣшеніе; тутъ бываетъ невѣденіе, нѣтъ знанія; тутъ бываетъ слѣпота, нѣтъ видѣнія; тутъ бываетъ непроходимость, нѣтъ пути; тутъ бываетъ смерть, нѣтъ жизни.

Глава четвертая.

О мертвенности человѣческаго естества.

Се Господи! понеже нѣтъ свѣта, то смерть есть; да и нѣтъ смерти, понеже смерть ничто есть. Ибо чрезъ нее мы въ ничто превращаемся, когда мы ничего чрезъ грѣхъ дѣлать не боимся. И сіе праведно Господи. Понеже мы достойная по дѣломъ пріемлемъ, когда въ ничто обращаемся, яко

вода протекающая; зане безъ Тебя ничто же бысть, и мы, дѣлая ничто, сами сдѣлались ничто; понеже мы есьмы ничто безъ Тебя, чрезъ котораго сотворено все, безъ котораго ничего не содѣлано. О Господи Слово! Боже Слово, чрезъ котораго вся быша, и безъ Него ничто же бысть! горе мнѣ бѣдному, толико ослѣпленному; понеже Ты свѣтъ, а я удаленъ отъ Тебя! Горе мнѣ нещастному, толико изъязвленному; понеже Ты здравіе, а я удаленъ отъ Тебя! Горе мнѣ бѣдному, толико обезумившемуся; понеже Ты истинна, а я удаленъ отъ Тебя! Горе мнѣ нещастному, толико заблудившему; понеже Ты путь, а я удаленъ отъ Тебя! Горе мнѣ бѣдному, толико разъ умершему, тѣмъ что Ты жизнь, а я удаленъ отъ Тебя! Горе мнѣ нещастному толико уничтожившемуся, тѣмъ что Ты Слово, которымъ сотворено все, а я удаленъ отъ Тебя, безъ котораго ничто же бысть!

О Господи Слово! о Боже Слово! Ты свѣтъ, которымъ сотворенъ свѣтъ; Ты путь, истинна и животъ, въ которомъ нѣтъ тьмы, заблужденія, суеты, ни смерти. Свѣтъ, безъ котораго все тьма; путь, безъ котораго вездѣ заблужденіе; истинна, безъ которой все суета; животъ, безъ котораго все смерть. Реки Слово Господи: да будетъ свѣтъ! да увижу свѣтъ и убѣгу тьмы; да узрю путь, и уклонюся отъ заблужденія; да увижу истинну, и удалю-

ся

ся отъ суеты; да узрю животъ, и избѣгу смерти. Возсіяй Господи, свѣте мой, просвѣщеніе мое и спасеніе мое, кого убоюся; Господь мой, коего да похвалю; Богъ мой, коего да прославлю; Отецъ мой, котораго да возлюблю; Женихъ мой, которому меня соблюду. Явися, (говорю) явися свѣте сему слѣпцу Твоему, который во тьмѣ и сѣни смертной сидитъ; и управи стопы его на путь миренъ, по которому бы шествуя, вошелъ я въ мѣсто чуднаго селенія, даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія. Ибо истинная исповѣдь есть путь, по которому дойду до Тебя пути, по которому выду изъ непроходимаго, и обращуся къ Тебѣ пути, понеже Ты прямый путь жизни.

Глава пятая.

Что такое быть ничѣмъ?

Что Тебѣ исповѣмъ? Исповѣмъ Тебѣ, Отче, Господи небесе и земли, бѣдность мою, да возмогу приступить къ милосердію Твоему. Понеже я содѣлался бѣднымъ и въ ничто превратился, да и не познавъ сея моея бѣдности; ибо Ты истинна, а я не былъ съ тобою; уранили меня беззаконія моя, и не сожалѣлъ о томъ, понеже Ты жизнь, но я не былъ съ Тобою. Въ ничтожество вели меня, тѣмъ что Ты Сло-

 во,

во, а я не былъ съ Тобою, имъ же вся быша, и безъ котораго ничто же бысть; и потому безъ Тебя сталъ я ничто, для того что ничто ведетъ въ ничто. Все Словомъ создано, что ни сотворено. Видѣ Богъ вся, яже сотвори, и быша добра зѣло. Все, что ни сотворено, Словомъ сотворено, и все Словомъ сотворенное зѣло добро есть. Почему добро? Потому что все Словомъ произведено, и безъ Него ничто же бысть; потому что ничего добраго безъ высочайшаго добра не бываетъ. Но зло тамъ бываетъ, гдѣ нѣтъ никакого добра, которое точно ничто есть: понеже зло не что иное есть, какъ лишеніе добра, такъ какъ слѣпота есть лишеніе свѣта.

И тако зло есть ничто; потому что оно содѣлалось безъ Слова, безъ Него же ничто бысть. А зло есть лишеніе того добра, чрезъ которое сотворено все, что ни сотворено. А чего нѣтъ, то чрезъ Него не сотворено; и потому есть ничто. И для того зло то, что не сотворено: понеже все сотворенное Словомъ сотворено, и все Словомъ созданное добро есть. Когда же все Словомъ сотворено, то зло имъ не произведено. И такъ осталось, что все, что не сотворено, не есть добро; понеже все сотворенное добро; и потому зло, что не сотворено, и для того есть ничто, понеже безъ Слова бысть ничто. Почему зло есть ничто, тѣмъ что оно не сотворе-

творено. Но какъ же бываетъ зло, естьли не сотворено? понеже зло есть лишеніе добра, чрезъ которое все доброе сотворено. И такъ быть безъ Слова зло есть, что не быть значитъ; понеже безъ Него ничто же бысть. Но что такое есть, разлучиться отъ Слова?

Естьли ты сіе хочешь знать, то послушай, что есть Слово. Слово Божіе говоритъ: *Азъ есмь путь, истинна и животъ.* Такъ разлучиться отъ Слова значитъ быть безъ пути, безъ истинны, безъ живота; и потому безъ Него ничто и зло, тѣмъ что разлучается отъ Слова, которымъ все сотворено и оное весьма добро. А разлучиться отъ Слова, создавшаго все, не что иное значитъ, какъ уничтожиться, изъ дѣйствія перейти въ недѣйствіе; потому что безъ Него нѣтъ ничего. Почему сколько разъ ты отъ добра заблуждаешь, толико отъ Слова разлучаешься, понеже оното добро, и тѣмъ дѣлаешься ничто, понеже ты находишься безъ Слова, безъ котораго стало ничто. И тако теперь Господи просвѣтилъ еси мене, дабы я увидѣлъ Тебя; увидѣлъ, и позналъ себя. Ибо столько разъ былъ ничто, сколько разъ разлучался отъ Тебя; понеже я Тебя, добро сущее, позабылъ, и для того содѣлался золъ. Горе мнѣ бѣдному, почто я сего не познавалъ, тѣмъ что Тебя оставивъ, былъ ничто; но за чемъ сего спрашиваю? Естьли

я былъ ничто, то какъ познать не хотѣлъ? Знаемъ, что зло есть ничто, и сущее ничто не бываетъ; и что не добро, то не бываетъ, потому что есть ничто. Когда же я былъ ничто, бывши безъ Тебя, былъ яко же идолъ, который есть ничто, которой хотя уши имѣетъ, да не слышитъ; ноздри имѣетъ, да не обоняетъ; глаза имѣетъ, да не видитъ; уста имѣетъ, да не говоритъ; руки имѣетъ, да не осязаетъ; ноги имѣетъ, да не ходитъ; и всѣ изображенія членовъ имѣетъ безъ чувствъ ихъ.

Глава шестая.

О паденіи души по грѣхахъ.

Когда же я былъ безъ Тебя, то не былъ я, но былъ ничто: и потому былъ слѣпъ, глухъ и нечувственъ; понеже я ни добра не различалъ, ни зла не убѣгалъ, ни болѣзней язвъ моихъ не ощущалъ, ни тьмы моей не видѣлъ; для того что я былъ безъ Тебя, истиннаго свѣта, который просвѣщаешь всякаго человѣка, грядущаго въ міръ сей. Увы мнѣ! уязвляли меня, а я не болѣзновалъ; влекли меня, а я не чувствовалъ; понеже я былъ ничто, потому что былъ безъ живота, которой есть Слово, сотворившее все. Для сего-то, Господи! враги мои содѣлали меня орудіемъ своихъ хотѣній: били, обнажили, осквернили,

растлили, изранили и убили меня; понеже я удалился отЪ Тебя, и содѣлался безЪ Тебя ничто.

Увы! Господи животе мой, который сотворилЪ меня; свѣтЪ мой, который наставилЪ меня! Защититель живота моего! помилуй меня, и возстави меня Господи Боже мой, надежда моя, сила моя, крѣпость моя, утѣшенie мое. ВЪ день скорби моея воззри на враговЪ моихЪ, и изми меня; да бѣжатЪ отЪ лица моего ненавидящiи меня, и я да живу вЪ Тебѣ и Тобою. Ибо они, Господи, помышляли о мнѣ, и увидѣвЪ меня безЪ Тебя, презрѣли меня. Раздѣлили по себѣ одежды добродѣтелей, которыми Ты меня украшалЪ; сдѣлали себѣ путь чрезЪ меня, и ногами своими потоптали меня; мерзостями грѣховными осквернили храмЪ святый Твой; положили меня опустошенна и печалiю снѣденна. За ними я слѣпой и нагой слѣдовалЪ опутанЪ узами грѣховЪ. Влекли меня за собою отЪ порока вЪ порокЪ, и изЪ мерзости вЪ мерзость, и я шелЪ безЪ сопротивленiя предЪ лицемЪ гонящаго. БылЪ я невольникЪ, и невольничество любилЪ; былЪ слѣпЪ, и слѣпоты желалЪ; былЪ связанЪ, и узЪ не боялся. Горькое сладкимЪ, а сладкое почиталЪ я горькимЪ.

БѣденЪ я былЪ, и сего не разумѣлЪ: потому что былЪ безЪ Слова, безЪ котораго ничто же бысть, которымЪ все сохра-

 няет-

няется, безъ котораго все въ ничто превращается. Ибо какъ все чрезъ Него сотворено, и безъ Него ничто же бысть: такъ Имъ сохраняется все, что ни имѣется на небеси и на землѣ, въ морѣ и во всѣхъ безднахъ. И частица съ частицею въ камнѣ, ниже въ иномъ чемъ созданномъ не соединяется, развѣ только Словомъ, которымъ все произведено и сохраняется. Чего ради прилѣплюся къ Тебѣ Слову, да соблюдеши меня; понеже я, отступивши отъ Тебя, погибъ въ себѣ, естьли бы Ты, Создателю мой! не обновилъ меня. Я согрѣшилъ, Ты меня посѣтилъ; я палъ, Ты меня возставилъ; я былъ въ невѣденіи, но Ты мене наставилъ; я не видѣлъ, Ты меня просвѣтилъ.

Глава седьмая.

О многоразличныхъ благодѣяніяхъ Божескихъ.

Боже мой! сколько я бѣдный обязанъ любить Тебя, покажи мнѣ; сколько хвалить Тебя долженъ, яви мнѣ; сколько благоугождать Тебѣ долженствую, возвѣсти мнѣ. Возгреми Господи свыше гласомъ веліимъ и крѣпкимъ во внутреннія ушеса сердца моего, научи и спаси мя, и восхвалю Тя, создавшаго меня изъ ничего; просвѣтившаго меня, во тьмѣ бывшаго; воскресившаго меня изъ мертвыхъ, упасшаго меня отъ юности моея всѣми благими Твоими. Сего не-

непотребнаго червя, смердящаго грѣхами, питаешь всѣми преизящными дарами Твоими.

Отверзи мнѣ, о ключь Давидовъ! отверзи Ты, который кому отверзаешь, тому никто не затворяетъ, и кому заключаешь, тому никто не отверзаетъ: отверзи мнѣ двери свѣта Твоего, да вниду, узрю и познаю, и исповѣмся Тебѣ всемъ сердцемъ моимъ, яко милость Твоя велія на мнѣ, и Ты избавилъ еси душу мою отъ ада преисподнѣйшаго. Господи Боже нашъ! сколь чудно и хвально имя Твое по всей земли! Что есть человѣкъ, яко помниши его? или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Господи, надежда святыхъ, и столпъ крѣпости ихъ! Боже, жизнь души моея, которою я живу, и безъ которой умираю! Свѣтъ очей моихъ, которымъ я вижу, безъ котораго слѣпотствую! Веселіе сердца моего и радость духа моего! возлюблю Тя всемъ сердцемъ моимъ и всею душею моею, и всѣми членами и внутренностію моею: понеже Ты прежде возлюбилъ меня.

И откуду мнѣ сіе, о Создателю неба и земли и бездны, благихъ моихъ никако же требующій! откуду мнѣ сіе, что Ты возлюбилъ меня? О премудрость, отверзающая уста, нѣмотою связанныя! О Слово, сотворившее все! отверзи уста моя, даждь мнѣ гласъ хвалы, да повѣмъ всѣ благодѣянія

нія Твоя, которыя Ты мнѣ явилъ отъ начала. Се азъ существую, ибо Ты создалъ еси меня: и Ты сотворилъ меня, и мнѣ быть въ числѣ тварей Твоихъ отъ вѣчности преодопредѣлилъ, прежде нежели распростеръ Ты небеса, еще не было бездны, еще Ты не произвелъ землю, и не основалъ горъ, еще источники не протекали. Прежде всего сего, Словомъ созданнаго, Ты по неложному провидѣнію Твоему предвидѣлъ, что я буду тварію Твоею, и быть оною мнѣ благоволилъ.

И откуду мнѣ сіе, благоутробнѣйшій Господи, Боже всевышній, Отче премилосердый, Творче всемощный и присно кротчайшій! Какія мои заслуги, какое мое дѣло доброе, что благоугодно стало предъ лицемъ Твоего великолѣпнаго величества создать меня? Я не былъ, и Ты создалъ меня; былъ ничто, и изъ ничего меня содѣлалъ нѣчто. Чтожъ такое нѣчто? Не каплю водную, не огонь, не птицу, или рыбу, не змѣю, или нѣкоторое изъ животныхъ, не камень и дерево. Не изъ тѣхъ рода, которыя имѣютъ токмо бытіе, и не изъ тѣхъ, которыя могутъ только быть и расти; не изъ числа тѣхъ, которыя быть, расти и чувствовать могутъ: но выше сего всего благоволилъ мнѣ быть изъ числа существующихъ, ибо и я существую; и изъ числа имѣющихъ бытіе и растѣніе, понеже и я существую и расту; и изъ числа существующихъ,

ющихъ, растущихъ и чувствующихъ; ибо я существую, расту и чувствую. И мало чѣмъ умалилъ еси меня отъ Ангеловъ; понеже я къ познанію Тебя разумъ съ ними общій отъ Тебя получилъ. Но умалилъ еси, я сказалъ; ибо они познаютъ Тебя уже въ лице, а я упованіемъ; они лицемъ къ лицу, я зерцаломъ въ гаданіи; они совершенно, а я отчасти.

Глава осьмая.

О будущемъ достоинствѣ человѣка.

Но когда придетъ совершенное, тогда испразднится, еже отчасти; когда уже откровеннымъ лицемъ лице Твое увидимъ, то что тогда помѣшаетъ не быть мало чѣмъ меньшими Ангеловъ, которыхъ Ты Господи вѣнцемъ упованія украшенныхъ, славою и честію увѣнчаеши; которыхъ Ты какъ друговъ своихъ прославиши: да что помѣшаетъ и во всемъ равными быть Ангеламъ? Понеже такъ истинна Твоя объявляетъ: будутъ яко Ангели, и сынами Божіими нарекутся. Для чего же не будутъ сынами Божіими, естьли будутъ равны Ангеламъ? Истинно будутъ сынами Божіими, понеже сыномъ человѣческимъ сталъ Сынъ Божій. Когда сіе я разсуждаю, то дерзаю сказать, что человѣкъ не менѣе чѣмъ Ангеловъ, и не только имъ равенъ,

но

но выше АнгеловЪ, понеже будетЪ человѣкЪ яко БогЪ, якоже БогЪ бысть человѣкЪ, а не АнгелЪ.

И для сего я скажу, что человѣкЪ есть созданіе предостойное, потому что Слово, которое было искони БогЪ у Бога; Слово, чрезЪ которое сказалЪ БогЪ: да будетЪ свѣтЪ! и бысть свѣтЪ, т. е. Ангельское естество; Слово, которымЪ БогЪ сотворилЪ все искони; то самое Слово стало плотію и вселилося вЪ насЪ, и мы видѣли славу Его. Се слава, которою хвалюся, когда прямо хвалюся! Се радость, которою радуюся, когда истинно веселюся, Господи Боже мой, животе и вся слава души моея! Исповѣдаюся убо Тебѣ, Господи Боже мой, что Ты, сотворивши меня разумнымЪ, нѣкакЪ равнаго сотворилЪ сЪ Ангелами; понеже я чрезЪ Слово Твое могу достигнуть равенства ихЪ, и имѣть вчиненіе вЪ сына чрезЪ единородное Слово Твое Господи, чрезЪ возлюбленнаго Сына Твоего, о которомЪ Ты благоволилЪ; чрезЪ единаго наслѣдника и соестественнаго Тебѣ, и равновѣчнаго Іисуса Христа, единаго Господа Искупителя нашего, Просвѣтителя и Утѣшителя нашего, Ходатая нашего у Тебя, и свѣтЪ очей нашихЪ, который есть жизнь наша, и Спаситель нашЪ, и едина надежда наша; который возлюбилЪ насЪ болѣе себя, чрезЪ котораго имѣемЪ упованіе отложенное и крѣпкую надежду и доступЪ кЪ Тебѣ. Понеже

неже далъ власть сынами Божіими быти вѣрующимъ во имя Его.

Хвалу воздамъ имени Твоему Господи, что Ты меня, сотворивши по образу и по подобію Твоему, содѣлалъ толикія славы причастнымъ, что я могу быть сыномъ Божіимъ, чѣмъ быть не могутъ древа, или камни, ни вообще все движущееся и растущее въ воздухѣ, или въ морѣ, или на землѣ; понеже не далъ имъ власти чрезъ Слово Твое сынами Божіими быти, для того что разума не имѣютъ. Ибо власть сія въ разумѣ состоитъ, которымъ мы познаемъ Бога. А далъ сію власть человѣкамъ, которыхъ сотворилъ разумными по образу и по подобію своему. И я благодатію Твоею человѣкъ; и сыномъ Твоимъ быть могу благодатію, чѣмъ оныя быть не могутъ.

Откуду мнѣ сіе Господи, истинна высочайшая и истинная высота, начало всѣхъ тварей! откуду мнѣ сіе, Господи, что я могу быть сыномъ Божіимъ, а оныя вещи не могутъ? Ты живеши вѣчно, и все сотворилъ вкупѣ. Ты вмѣстѣ создалъ человѣка и скотовъ, камни и зеленость земли. Не предварили никакія заслуги, или добрыя дѣла: понеже все Ты по одной благости сотворилъ, всѣ твари равны были заслугами, для того что всѣ никакихъ заслугъ не имѣли. Такъ откуду же благость Твоя болѣе въ сей твари, которую Ты сотворилъ разумною, нежели во всѣхъ прочихъ без-

безсловесныхъ явилася? Для чего я не такой, какъ всѣ прочія, или всѣ оныя не такія, каковъ я? или хотя я не такой, какъ всѣ оныя? Какія мои заслуги, какія мои добрыя дѣла, что Ты меня способнымъ къ бытію сыномъ Божіимъ сотворилъ, а имъ въ томъ всѣмъ отказалъ? Да не помыслю сего Господи. Твоя токмо благодать, Твоя токмо благость то содѣлала, чтобъ я былъ участникомъ блаженства сего. И тако по оной Твоей благодати, которою Ты меня произвелъ изъ ничего, молю Тя: даруй мнѣ благодать, да благодареніе за сіе принесу Тебѣ.

Глава девятая.

О всемогуществѣ Божескомъ.

Всемогущая десница Твоя, всегда едина и та же, сотворила на небеси Ангеловъ и на земли червячковъ: не сильнѣйшая во оныхъ и не слабѣйшая въ сихъ. Ибо какъ никакая иная рука Ангела, такъ никакая создать не могла червячка. Какъ никакая небо, такъ никакая произвесть не могла самаго малѣйшаго на древѣ листка. Какъ никакая тѣло, такъ никакая бы ни одного бѣлаго, или чернаго волоса сотворить не могла; но всемощная десница Твоя, которой все равномѣрно возможно есть.

Ибо не удобнѣе оной сотворить червячка, нежели Ангела; и не труднѣе разпростерть небо, нежели листокъ; и не

не легче произвесть влас главы моея, нежели тѣло; и не съ большимъ трудомъ основать землю на водахъ, нежели воды на землѣ. Но все, что восхотѣла, сотворила, на небеси и на землѣ, въ морѣ и во всѣхъ безднахъ, и мене посреди всего всемъ, якоже восхотѣла, тако устроила. Могла рука Твоя, Господи, меня камнемъ, или птицею, или змiею, или нѣкакимъ сотворить звѣремъ, и знала; но не восхотѣла по благости своей. Для чегожъ я не камень, или не древо, или не звѣрь какой? Понеже такъ установила благость Твоя; а чтобъ такъ было уставлено, не предварили заслуги мои.

Глава десятая.

О непостижимой хвалѣ Божiей.

Откуду мнѣ, Господи, откуду мнѣ хвалы къ хваленiю Твоему? Якоже сотворилъ еси мене безъ мене, по благоволенiю Твоему: тако хвала Твоя безъ меня, якоже угодно предъ Тобою. Предъ Тобою, Господи, хвала Твоя, Ты самъ еси. Да восхвалятъ Тебя дѣла Твоя по множеству величества Твоего. Хвала Твоя, Господи, непостижима: сердцемъ не объемлется, устами не описуется, слухомъ не понимается: понеже сiи проходятъ, а хвала Твоя, Господи, пребываетъ во вѣки. Помышленiе начинаетъ и кончится; голосъ раздается

и проходитъ; ухо слышитъ, и слышаніе перестаетъ; а хвала Твоя пребываетъ вѣчно.

Кто же Тебя восхвалитъ? Какой человѣкъ возвѣститъ хвалу Твою? Хвала Твоя вѣчна, а не преходящая. Тотъ Тебя хвалитъ, кто вѣритъ, что Ты самъ хвала Твоя. Тотъ Тебя хвалитъ, который понимаетъ, что онъ самъ хвалы Твоей постигнуть не можетъ. Хвала вѣчная, никогда не преходящая, о Тебѣ есть хвала наша, о Тебѣ похвалится душа моя. Не мы Тебя прославляемъ, но Ты самъ Себя, Тобою и въ Тебѣ: и мы хвалимся о Тебѣ. Тогда мы имѣемъ истинную похвалу, когда отъ Тебя оную имѣемъ, когда свѣтъ одобряетъ свѣтъ: понеже Ты, истинная похвала, подаешь прямую похвалу. А когда мы отъ инаго, а не отъ Тебя ищемъ похвалы, тогда Твоей лишаемся похвалы; потому что оная временна, а Твоя вѣчна. Естьли временной ищемъ похвалы, то теряемъ вѣчную. Естьли желаемъ вѣчной, да не любимъ временную. Похвала вѣчная, Господи Боже мой, отъ котораго всякая похвала, безъ котораго никакой нѣтъ похвалы. Я не могу похвалить Тебя безъ Тебя; да имѣю Тебя, и восхвалю Тебя. Ибо что я, Господи, да возмогу Тебя похвалити? Прахъ и пепелъ, песъ мертвый и смердящій, червь и гной. Кто я, да восхвалю Тебя, Господи Боже мой прекрѣпкій, духъ всякія плоти, населяющій вѣчность?

Еда

Еда тьма восхвалитъ свѣтъ, или смерть жизнь? Ты свѣтъ, я тьма: Ты жизнь, я смерть. Еда суета восхвалитъ истинну? Ты истинна, а я человѣкъ, суетѣ уподобившійся. Како же Господи восхвалю Тебя? Еда бѣдность моя восхвалитъ твое богатство? Еда зловоніе восхвалитъ благоуханіе? Еда мертвенность человѣческая, нынѣ сущая, а заутро вземлемая, восхвалитъ Тебя? Восхвалитъ ли Тебя, Господи, человѣкъ гной, и сынъ человѣческій червь? Восхвалитъ ли Тебя Господи во грѣхахъ зачатый, рожденный и воспитанный? ибо не красна похвала во устахъ грѣшника. Да восхвалитъ Тебя, Господи Боже мой, непостижимое могущество Твое, неописанная премудрость Твоя, и неизглаголанная благость Твоя. Да восхвалитъ Тебя пребезмѣрная милость Твоя, преизбыточествующее милосердіе Твое, вѣчная сила и Божество Твое. Да восхвалитъ Тебя всемогущая крѣпость Твоя, крайнее благоутробіе Твое и любовь Твоя, по которой Ты насъ сотворилъ, Господи Боже, подателю жизни души моей.

Глава первая надесять.

О позложеніи упованія на Бога.

Азъ же тварь Твоя въ кровѣ крылъ Твоихъ уповати буду на благость Твою, ею же сотворилъ еси мене. Помоги созданію

 Тво-

Твоему, сотворенному благоутробіемЪ Твоимъ. Да не изчезнетЪ во злобѢ моей, что содѢлала благость Твоя: да не погибнетЪ вЪ окаянствѢ моемЪ, что произвела крайняя милость Твоя. Ибо какая польза вЪ сотвореніи ТвоемЪ, естьли я сниду во истлѢніе мое? Еда всуе поставилЪ Ты Господи всѢхЪ сыновЪ человѢческихЪ? Ты создалЪ меня, Господи, такЪ управляй ТвоимЪ созданіемЪ. ДѢлЪ руку Твоею не презри Боже. Меня сотворилЪ еси изЪ ничего: естьли Ты не будешь управляти мною, паки возвращуся вЪ ничто. Ибо какЪ меня Господи не было, и Ты изЪ ничего меня сотворилЪ: такЪ естьли Ты не станешь управлять мною, то я паки собою обращуся вЪ ничто.

Помоги мнѢ, Господи, животодателю мой, да не погибну во злобѢ моей. Аще не бы создалЪ еси мене, не бы былЪ; а понеже Ты сотворилЪ меня, то я существую. Когда Ты не управляешь мною, то уже существованія лишаюсь. Ибо не заслуги мои принудили Тебя кЪ созданію меня, но человѢколюбивѢйшая благость Твоя и милость Твоя. Оная любовь Твоя, Господи Боже мой, которая побудила Тебя кЪ созданію, та самая да понудитЪ Тебя кЪ управленію. Что пользы вЪ томЪ, что любовь Твоя преклонила Тебя кЪ творенію, естьли я погибну вЪ бѢдности моей, и мною не будетЪ управлять десница Твоя?

Сія

Сія да убѣдитъ Тебя, Господи Боже мой, милость къ сохраненію созданія Твоего, которая Тебя убѣдила къ сотворенію того, чего не было. Самая да подвигнетъ Тебя любовь къ соблюденію, подвигнувшая Тебя къ творенію; ибо Ты и нынѣ не меньшій, понеже оная любовь Ты самъ, всегда тотъ же: не оскудѣла десница Твоя, дабы паки не возмогла мене спасти; и не отяготилось ухо Твое, чтобъ не слышати. Но грѣхи мои положили преграду между мною и Тобою, между тьмою и свѣтомъ, между образомъ смерти и жизнію, между суетою и истинною, между превратною сею жизнію моею и вѣчною Твоею.

Глава вторая надесять.

О сѣтяхъ пожделѣній.

Сіи-то суть тьмы сѣни, ими же покровенъ поверженный лежу въ пропасти мрачныя темницы сея, дондеже пріидетъ день и преклонится сѣнь, и возсіяетъ свѣтъ на тверди силы Твоея. Гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи возгласитъ, да будетъ свѣтъ, и да изчезнетъ тьма: и да явится суша, и прораститъ земля траву зеленѣющую и творящую сѣмя и плодъ добръ правды царства Твоего. Господи Отче и Боже, животе, имъ же всяческая жительствуетъ, и безъ

 него

него же всяческая въ мертвыхъ вмѣняются! не остави меня въ помышленіи злобномъ, и превозношенія очей моихъ не даждь мнѣ: отъими отъ меня вожделѣнія, и духу безстрашному и неискусному не предаждь меня; но Ты обладай сердцемъ моимъ, да о Тебѣ всегда помышляетъ.

Просвѣти очи мои, да видятъ Тебя, и не превозносятся предъ Тобою, вѣчною славою; но смиренно мудрствуютъ не въ дивныхъ паче себя; и да узрятъ, яже одесную и яже ошуюю Тебя. И вѣжди Твои да предварятъ шествія мои; ибо и вѣжди Твои испытуютъ сыновъ человѣческихъ. Истреби вожделѣнія мои сладостію Твоею, которую сокрылъ боящимся Тебя; да вожделаю Тебя вѣчными желаніями, да не суетными вещами прельстившись и обманувшись почту горькое сладкимъ, и сладкое горькимъ, тьму свѣтомъ, и свѣтъ тьмою, да избавиться возмогу отъ врага посредѣ толикихъ прелестей и обмановъ, на пути семъ положенныхъ къ уловленію душъ грѣшничьихъ, которыми свѣтъ сей наполненъ. Сіе самое видѣвшій не умолчалъ, но сказалъ: все сущее въ мірѣ семъ есть или похоть плоти, или похоть очесъ, или гордость живота.

Се, Господи Боже мой, весь міръ сей наполненъ сѣтьми похотей, которыя уготовали пагубу ногамъ моимъ! и кто избѣжитъ отъ нихъ? Воистиннѣ тотъ, отъ кото-

котораго Ты отнимешь превозношеніе очей его, да не прельщаетъ его похоть очесъ; и отъ кого Ты отнимешь похоть плоти, чтобъ его оная не обольщала; и отъ кого Ты отнимешь духъ безстрашный и безумный, да не прельститъ его хитростно гордость живота. О коль блаженъ тотъ, кому Ты сіе сотворишь! ибо онъ прейдетъ безвредно.

Тебе убо, Избавителю мой, молю Тобою, помоги мнѣ, да не паду предъ лицемъ враговъ моихъ, уловленъ сѣтьми, уготованными ногамъ моимъ къ преклоненію души моей. Но изми меня, сила спасенія моего, да не посмѣются о мнѣ враги мои, ненавидящіи меня. Возстани Господи Боже мой, крѣпосте моя, и расточатся враги мои, и да бѣжатъ отъ лица Твоего ненавидящіи Тебя. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшники отъ лица Твоего: и я да сокроюся въ тайнѣ лица Твоего, и возрадуюся съ сынами Твоими, насыщенъ всѣми благими Твоими. И Ты, Господи Боже, Отче сиротъ, и Ты, Мати сирыхъ Твоихъ! услыши вопль сыновъ Твоихъ, и простри крылѣ Твои, да сокрыемся въ нихъ отъ лица вражія. Столпъ крѣпости Израилевой, который не воздремлешь и не уснешь, храня Израиля: не спитъ и не дремлетъ врагъ, вооружающійся на Израиля.

Глава третiянадесять.

О бѣдности человѣческой и о благодѣянiяхъ Божескихъ.

О свѣте, котораго не видитъ другой свѣтъ; свѣтлость, которую не зритъ иная свѣтлость! Свѣте, который затмѣваетъ всякiй свѣтъ; и свѣтлость, которая ослѣпляетъ всякой наружной блескъ! Свѣте, отъ котораго всякой свѣтъ; свѣтлость, отъ которой всякая свѣтлость. Сiянiе, предъ которымъ всякой блескъ тьма; предъ которымъ всякая свѣтлость темнота. Свѣте, предъ которымъ всякая тьма свѣтлость, у котораго всякая мрачность свѣтъ. Свѣте высочайшiй, котораго слѣпота не помрачаетъ, мракъ не покрываетъ; котораго тьма не затмѣваетъ, котораго никакая противулежащая вещь не пресѣкаетъ, котораго никогда не отдѣляетъ никакая тѣнь. Свѣте, просвѣщающiй всяческая вдругъ, единожды и всегда! да повергнусь во глубину свѣтлости Твоея, да узрю всюду Тебя въ Тебѣ, и меня въ Тебѣ, и всяческая подъ Тобою. Не остави меня, да не умножится мракъ невѣденiя моего, и возрастутъ беззаконiя моя. Ибо безъ Тебя все мнѣ тьма, вся злая: понеже ничто же благо безъ Тебя, истиннаго, единаго и высочайшаго добра.

Сiе исповѣдую, сiе признаю, Господи Боже мой; понеже гдѣ я ни нахожуся безъ

Тебя, все зло мнѣ, кромѣ Тебя: не токмо внѣ меня, но и во мнѣ; понеже всякое изобиліе, которое не есть Богъ мой, мнѣ нищета. Я насыщуся тогда, когда явится мнѣ слава Твоя. И Ты, Господи, жизнь моя блаженная! сотвори, чтобъ я исповѣдалъ предъ Тобою бѣдность мою, какъ меня падшаго отъ единаго блага, высочайшаго и единаго добра, многоразличность временныхъ вещей чрезъ плотскія чувства расточила, и изъ одного сдѣлала многими; и самое богатство стало мнѣ тягостнымъ и нищетою многою, когда я за тѣмъ и за другимъ гонялся, и ничѣмъ не исполнялся; когда во мнѣ не имѣлъ Тебя, непремѣняемое и особенное нераздѣльное единое добро, которое получивъ, не имѣю ни въ чемъ нужды: которое получивъ, не соболѣзную: которое имѣя, насыщается все желаніе мое.

Увы бѣдность паче бѣдности моея! когда бѣдная душа моя отъ Тебя удаляется, съ которымъ всегда изобилуетъ и радуется, и послѣдуетъ міру, съ которымъ всегда нищетствуетъ и болѣзнуетъ. Міръ вопіетъ: изнемогаю; а Ты Господи вопіешь: возстановляю; и бѣдность моя развратная лучше послѣдуетъ изнемогающему, нежели возстановляющему. Истинно немощь моя сія есть. Врачу душъ! исцѣли ее, да исповѣмся Тебѣ, спасеніе души моея, всемъ сердцемъ моимъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Твоихъ, которыми снабдѣваеши меня отъ юности

моея даже до старости и престарѣнія. Тебя умоляю Тобою самимъ: не остави меня; Ты сотворилъ меня, какъ меня не было, искупилъ погибшаго; я погибалъ и мертвъ былъ, Ты ко мнѣ умершему снизшелъ, мертвенность на себя воспріялъ; Ты къ рабу Царь пришелъ, для искупленія раба Себя предалъ. Для оживленія меня Ты смерть принялъ, смерть побѣдилъ. Меня возстановилъ, смиривши Себя самаго.

Я погибалъ, изчезалъ, грѣхами проданъ былъ: Ты за меня продался, чтобъ искупить меня; и столько Ты возлюбилъ меня, что кровь свою въ цѣну далъ за меня; возлюбилъ Ты Господи меня болѣе Себя самаго: понеже умереть благоволилъ за меня. Такимъ образомъ столь дорогою цѣною возвратилъ Ты меня изъ заточенія, искупилъ меня отъ работы, избавилъ меня отъ мученія, назвалъ меня именемъ Твоимъ, назнаменовалъ меня кровію Твоею, чтобъ памятованіе о Тебѣ всегда было во мнѣ, и никогда бы оное отъ сердца моего не отступало, понеже Ты за меня не удалился отъ креста. Помазалъ Ты меня елеемъ Твоимъ, которымъ Ты самъ помазанъ былъ, дабы я отъ Тебя Христа назывался Христіаниномъ. Се на дланяхъ Твоихъ начерталъ еси мене, чтобъ Тебѣ всегда помнить меня, естьли только я непрестанно стану памятовать Тебя. Такимъ-то образомъ всегда благодать Твоя и милость предваряли меня. Ибо

Ты отъ многихъ и великихъ бѣдъ часто избавлялъ меня, Избавителю мой. Ты заблуждающаго меня на путь наставлялъ, не разумѣющаго вразумлялъ, согрѣшающаго исправлялъ, въ печали сущаго утѣшалъ, отчаяніемъ порѣваемаго укрѣплялъ, падающаго возставлялъ, плачущаго удерживалъ, ищущаго привелъ, пришедшаго принялъ, спящаго сохранялъ, воззопившаго къ Тебѣ услышалъ.

Глава четвертаянадесять.

Что Богъ вѣчнымъ зрѣніемъ разсматриваетъ дѣла и намѣренія человѣческія.

Такія и иныя многія благодѣянія сотворилъ Ты мнѣ, Господи Боже мой, жизнеподателю мой, о которыхъ сладостно мнѣ всегда разглагольствовати, присно помышляти, всегда Тебе благодарити, да возмогу Тебя всегда о всѣхъ благихъ Твоихъ хвалити, и любити Тебя всемъ сердцемъ моимъ, и всею душею моею, и всею мыслію моею, и всею крѣпостію моею, отъ всея внутренности сердца моего, и всѣми чувствами моими. Блаженная сладосте, Господи Боже мой, всѣхъ услаждающихся Тобою! Но не содѣланная мною видѣли очи Твои. Очи, говорю, Твои гораздо свѣтлѣйшіи суть солнца, призирающія на вся пути человѣческія и на глубину бездны, и на всякомъ мѣстѣ видятъ всегда добрыхъ и злыхъ.

Поме-

Понеже Ты всемъ управляешь, все наполняешь, весь вездѣ всегда присутствуешь, и о всемъ промышляещи созданномъ Тобою; ибо Ты ничего не презираешь, что сотворилъ: тако на шествія мои и стези мои взираешь, и днемъ и нощію на стражи моей стоя, всѣ пути мои прилѣжно назираеши. Зрителю вѣчный! Ты какъ бы всю тварь Твою, небо и землю позабывши, только меня одного разсматриваешь, и мало о другихъ твореніяхъ промышляя. Ибо въ Тебѣ не умножается свѣтъ неизмѣняемый зрѣнія Твоего, когда Ты на одного зришь; и оной не умаляется, когда Ты простираешь взоръ на безчисленныя и различныя творенія. Понеже Ты какъ все вдругъ совершенно усматриваешь, такъ каждую вещь, хотя и различно, совершенно вдругъ все видитъ око Твое. Но какъ все, такъ и одно; и какъ одно, такъ каждое Ты безъ раздѣленія, или измѣненія, или умаленія созерцаещи. Почему Ты во всемъ времени безъ времени, всего меня вдругъ и всегда видишь, аки бы оставляя все прочее, меня единаго созерцаѣ.

Тако бдиши Ты на стражи моей, аки бы все забывши, меня одного назирать благоволиши. Ибо Ты всегда мнѣ присущъ являещися, всегда Тебя готова мнѣ показуеши, когда меня готова обрѣтаещи. Куда я ни пойду, Ты меня Господи не оставляеши, естьли я прежде Тебя не оставлю. Гдѣ я бы-

бываю, Ты не отступаеши отъ меня; понеже Ты вездѣ находишься, такъ что куда я ни пойду, вездѣ Тебя найду; ибо чрезъ Тебя только могу я существовать, чтобы мнѣ не погибнуть безъ Тебя, когда я безъ Тебя быть не могу. Признаюсь, что все, что я ни дѣлаю, предъ Тобою дѣлаю; и оное мною творимое лучше Ты видишь, нежели я дѣлающій. Ибо что всегда ни творю, Ты также всегда тутъ присутствуешь, яко вѣчный Надзиратель всѣхъ помышленій, предпріятій, увеселеній и дѣяній моихъ. Господи! предъ Тобою вину все желаніе мое, предъ Тобою все помышленіе мое.

Ты Господи вѣси, откуду приходитъ духъ, гдѣ живетъ, и камо грядетъ: понеже Ты всѣхъ духовъ испытатель. И корень тотъ сладокъ ли, или горекъ, отъ котораго красивыя листья произрастаютъ, яко Судія, лучше Ты знаешь, и самыя жилы кореньевъ яснѣе зришь. И не только Ты расположеніе, но и корня онаго внутренній составъ откровеннѣйшею свѣта Твоего истинною разсматриваеши, изчисляеши, зриши и замѣчаеши, да воздаси комуждо не только по дѣломъ, или по намѣренію, но и по самому разположенію сокровенному составу древа, отъ котораго произходитъ предпріятіе дѣлающаго. Къ чему я стремлюся въ дѣлѣ, что ни думаю, и чѣмъ ни увеселяюся, Ты все

ви-

видишь, уши Твои слышатЪ, очи Твои видятЪ и разсматриваютЪ: наблюдаеши, вникаеши, замЂчаеши и записываеши вЪ книгЂ Твоей доброе и злое, да воздаси послЂ за доброе награды, а за злое мученія, когда отверзутся книги, и судимы будутЪ человЂки по написанному вЪ книгахЪ ТвоихЪ.

Сіе есть неоспоримо; ибо самЪ повЂдалЪ еси намЪ: Разсмотрю послЂдняя ихЪ; и сіе о ТебЂ сказывается, Господи. Ты всЂхЪ конецЪ разсматриваешь: понеже Ты во всЂхЪ дЂлахЪ нашихЪ на конецЪ намЂренія болЂе взираешь, нежели на дЂйствіе. И когда я о семЪ сЪ прилЂжаніемЪ разсуждаю, Господи Боже мой, страшный и крЂпкій, то страхомЪ и студомЪ великимЪ смущаюся; потому что великая намЪ належитЪ необходимость жить праведно и свято, понеже мы все дЂлаемЪ предЪ очами Судіи всевидящаго.

Глава пятаянадесять.

Что человЂкЪ самЪ собою ничего не можетЪ безЪ благодати Божіей.

Всесильный, великомощный Боже духовЪ, всякія плоти, котораго очи надЪ всЂми путями сыновЪ АдамлихЪ отЪ дня рожденія ихЪ даже до дня исхода ихЪ, да воздаси коемуждо по дЂломЪ его, добрымЪ, или злымЪ! научи меня исповЂдати предЪ Тобою

бою нищету мою: понеже я въ себѣ сказалъ, что я богатъ, и ничего не требую, и не разумѣлъ, что я нищъ, слѣпъ, нагъ, бѣденъ и сожалѣнія достоинъ. Ибо я, будучи ничто, думалъ, что буду нѣчто. Говорилъ въ себѣ: содѣлаюся разумнымъ, и сталъ безуменъ. Помышлялъ, что я благоразуменъ, и обманулся; и теперь вижу, что сіе есть даръ Твой, безъ котораго мы ничего не можемъ совершити: понеже аще не Ты Господи сохраниши градъ, то напрасно бодрствуетъ стрегущій его. Ты вразумилъ меня, чтобъ я позналъ самаго себя; ибо Ты оставилъ меня, и искусилъ меня не ради Тебя, чтобъ Ты позналъ меня, но ради меня, дабы я позналъ себя. Понеже, какъ сказалъ, я думалъ, Господи, что буду нѣчто самъ собою; мнилъ я, что я самъ собою доволенъ, и не понималъ, что Ты управлялъ мною; пока нѣсколько удалился отъ меня, и я тотчасъ палъ въ себѣ; тогда уже увидѣлъ и позналъ, что Ты управляешь мною; и что я палъ, то было отъ меня; а что возсталъ, то отъ Тебя.

Отверзлъ мнѣ очи Ты свѣте, и возбудилъ, и просвѣтилъ меня: увидѣлъ, что искушеніе есть жизнь человѣческая на земли, и что похвалитися не можетъ предъ Тобою всякая плоть, и не оправдится всякъ живый; понеже все доброе, малое, или великое, есть даръ Твой, а наше только

зло. Чѣмъ же похвалится всякая плоть? Еда злымъ? Сіе не слава, но бѣдность. Похвалится ли добромъ? Но не чужимъ ли? Твое Господи добро, Твоя слава. Ибо кто Твоимъ добромъ славу себѣ ищетъ, а не Тебѣ, тотъ тать есть и разбойникъ, и подобенъ діяволу, хотѣвшему похитить славу Твою. Понеже кто хочетъ похвалитися Твоимъ даромъ, и не ищетъ имъ, не ищетъ славы Твоей, но своей, сей хотя за Твое дарованіе хвалимъ будетъ людьми, но отъ Тебя отверженъ: понеже онъ Твоимъ даромъ не Твоей, но своей славы ищетъ. А хвалимаго людьми, Тобою же презираемаго, не защитятъ люди на судѣ Твоемъ, и не избавятъ отъ осужденія Твоего.

Но Ты, Господи Создателю мой отъ утробы матере моея, не попусти мнѣ впасти въ поношеніе сіе, чтобъ меня упрекали тѣмъ, что я хотѣлъ когда либо похитить славу Твою: да будетъ слава Тебѣ, котораго есть все добро, а намъ посрамленіе и бѣдность, которыхъ есть все зло, развѣ Ты благоволишь помиловати. Ибо Ты милуешь, Господи; милуешь все, и ничего созданнаго не презираешь: и подаешь намъ благая Твоя, и обогащаешь насъ, Господи Боже, убогихъ преблагими дарами Твоими. Се нынѣ, Господи, мы убогія дѣти Твои и малое стадо Твое: отверзи намъ двери и снѣятъ нищіе, и насытятся, и восхвалятъ

Тебя

Тебя ищущіи Тебя. Ибо вѣмъ, Господи, и исповѣдую по внушенію Твоему, что одни только признавающіи себя нищими, и исповѣдающіи Тебѣ нищету свою обогатятся Тобою; понеже мнящіися быти богатыми, будучи нищіи, отъ Твоего богатства будутъ удалены.

Сего ради исповѣдую Тебѣ, Господи Боже мой, нищету мою, да будетъ Тебѣ вся хвала Твоя, понеже Твое есть все доброе, мною содѣланное. Господи! исповѣдаю предъ Тобою, что я ничто иное, какъ суета всяческая, и тѣнь смертная, и пропасть нѣкая мрачная, и земля пустая, которая безъ Твоего благословенія ничего не произращаетъ, и плода не приноситъ, но только посрамленіе, грѣхъ и смерть. Естьли я какое доброе когда дѣло имѣлъ, оное отъ Тебя принялъ; что ни имѣю доброе, Твое есть, и отъ Тебя получилъ. Естьли я когда стоялъ, Тобою стоялъ; но когда падалъ, мною падалъ: и я бы всегда въ грязи валялся, естьли бы Ты меня не возставилъ; всегда бы слѣпъ былъ, естьли бы Ты не просвѣтилъ меня. Я упадши никогда бы не возсталъ, естьли бы Ты мнѣ не помогъ: и по возстановленіи меня Твоемъ я всегда бы падалъ, естьли бы Ты меня не поддерживалъ. Часто бы я погибалъ, естьли бы Ты мною не управлялъ.

Тако всегда, Господи, тако всегда благодать Твоя и милосердіе Твое предупреж-

дали меня, избавляя отъ всѣхъ золъ, спасая отъ прошедшихъ, возставляя отъ настоящихъ, ограждая отъ будущихъ, и расторгая предо мною сѣти грѣховныя, отъемля случаи и причины ко грѣху; понеже естьли бы Ты не предохранялъ меня, я бы всѣ грѣхи содѣлалъ. Вѣмъ, Господи, яко нѣтъ грѣха содѣланнаго человѣкомъ, котораго бы другой содѣлать не могъ, когда отступитъ отъ него Творецъ, создавшій его. Но въ чемъ я не согрѣшилъ, то Ты сотворилъ; отъ чего воздержался, то Ты повелѣлъ, и что я въ Тебе вѣрую, сіе Ты въ меня влiялъ. Ибо Ты Господи управлялъ мною; Ты мнѣ даровалъ благодать и свѣтъ, чтобъ я прелюбодѣяніе и всякой иной не содѣлалъ грѣхъ.

Глава шестанадесять.

О діаволѣ и многоразличныхъ его искушеніяхъ.

Не было искусителя, и чтобъ его не было, Ты то сотворилъ: не было мѣста и времени, и сіе, что ихъ не было, Ты то содѣлалъ. Явился искуситель, было мѣсто, было и время; но что я не согласился на козни ихъ, Ты меня удержалъ. Пришелъ искуситель темный; и что я его презрѣлъ, Ты меня укрѣпилъ. Приступилъ искуситель вооруженной и сильной; но что меня не одолѣлъ, Ты его обуздалъ. Пришелъ искуситель, преобразившійся въ Ангела свѣтла; и

что

что меня не обманулъ, Ты ему возпретилъ; и что я узналъ его, Ты меня просвѣтилъ. Онъ есть тотъ драконъ великій и черный, змій древній, нареченный діаволомъ и сатаною, имѣющій седмь главъ и десять роговъ, котораго Ты создалъ ругатися сему морю великому и пространному, въ которомъ пресмыкаются животныя безчисленныя: и животныя малыя съ великими, то есть различные роды демонскіе, которые днемъ и ночью инаго ничего не дѣлаютъ, какъ только всюду обтекаютъ, ища кого поглотить, естьли Ты не избавишь.

Онъ есть тотъ древній драконъ, возникшій въ раю радости, который хоботомъ своимъ отторгаетъ третію часть звѣздъ небесныхъ, и повергаетъ на землю; который ядомъ своимъ заражаетъ воды земныя, чтобъ піющіе оныя люди умирали; и который пометаетъ злато какъ грязь, и имѣетъ упованіе, что Іорданъ поглощенъ будетъ челюстьми его; который содѣлался безбоязненнымъ и неустрашимымъ. И кто защититъ отъ уязвленій его? Кто исхититъ изъ челюстей его, естьли не Ты Господи, сокрушивый главы змія великаго? Помоги намъ. Разпростри Господи крылѣ Твои, да укрыемся въ нихъ отъ лица дракона сего, насъ гонящаго, и щитомъ Твоимъ избави насъ отъ роговъ его. Ибо онъ о томъ только непрестанно старается, къ тому усильно единственно и стремится,

чтобЪ души созданныя Тобою поглотить.

И для того кЪ ТебѢ, Боже, мы вопіемЪ: избави насЪ отЪ врага нашего всегдашняго, который на насЪ, спимЪ ли мы, или бодрствуемЪ, ядимЪ ли, или піемЪ, или какое другое дѢло дѢлаемЪ, всѢми способами вооружается, нападаетЪ днемЪ и нощію, пронырствами и коварствами, то явно, то тайно, стрѢлы ядовитыя противЪ насЪ устремляетЪ на умерщвленіе душЪ нашихЪ. Но при всемЪ томЪ крайнее наше безуміе: понеже мы, видя непрестанно противу насЪ дракона отверстыми челюстями зіяющаго, и готова на поглощеніе насЪ, однако спимЪ безопасно и нѢжимся вЪ небреженіяхЪ нашихЪ, якобы никакой не имѢли опасности отЪ него, который ничего инаго не ищетЪ, какЪ только нашей погибели. ВрагЪ нашЪ для погубленія насЪ всегда неусыпно бодрствуетЪ; а мы для сохраненія своего не хотимЪ возбудиться отЪ усыпленія.

ВотЪ онЪ безчисленныя сѢти разпростерЪ предЪ ногами нашими, и всѢ пути наши различными наполнилЪ притравами на уловленіе душЪ нашихЪ. Кто избѢжитЪ? СѢти положилЪ онЪ вЪ богатствѢ, сѢти положилЪ онЪ вЪ убожествѢ, сѢти разставилЪ онЪ вЪ пищѢ, вЪ питьѢ, во увеселеніи, во снѢ и во бдѢніи; сѢти положилЪ онЪ вЪ словѢ и вЪ дѢлѢ и во всякомЪ пути

ти нашемъ. Но Ты Господи! избави насъ отъ сѣти ловящихъ и отъ устъ неправедныхъ, да исповѣмыся предъ Тобою, глаголя: Благословенъ Господь, иже не остави насъ въ ловитву зубомъ ихъ. Душа наша яко птица избвившаяся изъ сѣти ловящихъ. Сѣть сокрушилась, и мы избавились.

Глава седьмаянадесять.

Что Богъ есть свѣтъ праведнымъ.

И Ты Господи, свѣте мой! просвѣти очи мои, да узрю свѣтъ, и пойду во свѣтѣ Твоемъ, и не впаду въ сѣти его. Ибо кто избѣжитъ многихъ сѣтей сихъ, есть-ли не будетъ видѣть ихъ? И кто увидитъ ихъ, развѣ кого Ты просвѣтишь свѣтомъ Твоимъ? Понеже онъ, отецъ тьмы, сѣти свои сокрылъ во练 мракѣ своемъ, чтобъ ими уловлять всѣхъ сущихъ во тьмѣ его; которые суть сыны тьмы сея, не видящіи свѣта Твоего, въ которомъ всякъ ходящій не устрашится. Ибо ходящій во дни не потнкнется, а ходящій въ нощи спотыкается; понеже нѣтъ свѣта въ немъ. Ты свѣтъ Господи, Ты свѣтъ сыновъ свѣта: Ты день, не имущій запада, въ которомъ сынове Твои ходятъ безъ преткновенія, и безъ котораго всѣ ходящіи во тьмѣ ходятъ, потому что Тебя, истиннаго свѣта міра, не имѣютъ.

Се мы повсядневно видимъ, что чѣмъ болѣе кто отъ Тебя истиннаго свѣта удаляется, тѣмъ болѣе онъ тьмою грѣховною покрывается, и чѣмъ далѣе во тьму поступаетъ, тѣмъ менѣе видитъ сѣти на пути своемъ, и тѣмъ менѣе ихъ узнаетъ, и для того тѣмъ скорѣе и частѣе уловляется, и повергается во оныхъ; и, что ужаснѣе, не разумѣетъ своего паденія. А кто своего паденія не знаетъ, тѣмъ меньше тотъ старается возстать, чѣмъ болѣе мнится еще стояти. Но ты, свѣте мысленный, Господи Боже мой! просвѣти теперь очи мои, да увижу и познаю, чтобы мнѣ не пасть предъ лицемъ враговъ моихъ. Ибо врагъ нашъ старается вовсе искоренить насъ; молимъ убо Тебе, да проженеши его отъ лица нашего, тако, яко таетъ воскъ отъ лица огня. Понеже онъ-то, Господи, душегубецъ первый и послѣдній, совѣтъ сотворившій на похищеніе славы Твоея; потому что онъ, гордостію превознесшись, возшумѣлъ и устремился на лице свое, и Ты низвергъ его съ горы святыя Твоея, и изъ средины огненныхъ каменій, посредѣ которыхъ онъ ходилъ.

И нынѣ животе мой, Господи Боже мой, отнелѣже упалъ, не перестаетъ гнать сыновъ Твоихъ; и изъ ненависти къ Тебѣ, о Царю великій! старается погубить сіе созданіе Твое, которое сотворила всемогущая благость Твоя по образу Твоему, дабы ему полу-

получить славу Твою, которую онъ потерялъ гордостію своею. Но сокруши его, крѣпосте наша, пока онъ насъ агнцовъ Твоихъ не пожралъ; и просвѣти насъ, да увидимъ сѣти его, уготованныя отъ него намъ, и убѣжимъ къ Тебѣ, о радосте Израилева! И сіе все Ты Господи наче вѣси; ибо знаеши вражду его и прегордую выю его. Не къ тому сіе глаголю, да прогнѣваю Тебя, который все видишь, и предъ которымъ всякое сокровенное помышленіе открыто; но предъ стопами Твоего Величества на врага моего жалобу приношу Тебѣ, Судіе вѣчный! дабы Ты его наказалъ, и насъ сыновъ Твоихъ избавилъ, которыхъ крѣпость Ты самъ.

Ибо, Господи, сей врагъ лукавъ и пронырливъ, и не скоро постигаемы всѣ хитрые слѣды пути его, и познаемы виды лица его, развѣ Ты просвѣтиши. Понеже онъ то здѣсь, то тамъ; то агнца, то волка; то тьму, то свѣтъ собою показываетъ; и на всякое качество, мѣсто и время по разнымъ вещей перемѣнамъ разныя дѣлаетъ искушенія. Ибо онъ, чтобъ обмануть печальныхъ, печалится и самъ; чтобъ радующимися поругаться, притворяется и самъ веселымъ; для обмана духовныхъ во Ангела свѣта преобразуется; для одолѣнія крѣпкихъ является агнцемъ; а чтобъ поглотить кроткихъ, показывается волкомъ. Сіе все по сходству различныхъ искушеній сбыться

 мо-

можетъ, чтобъ устрашить иныхъ страхомъ нощнымъ, иныхъ стрѣлами летящими во дни, иныхъ вещьми во тьмѣ преходящими, иныхъ нападеніями, иныхъ бѣсами полуденными. И къ познанію всего сего кто доволенъ, и хитрости его кто познати можетъ? Кто объявитъ видъ одежды его, и козни его кто познаетъ?

Се онъ скрываетъ стрѣлы своя въ тулѣ (въ колчанѣ), и сѣти своя ставитъ подъ видомъ свѣта: и сіе трудно усмотрѣть можно, развѣ отъ Тебя Господи просвѣтимся, и узримъ все. Ибо онъ не токмо въ дѣлахъ плотскихъ, удобно познаваемыхъ; не только въ порокахъ, но и въ самыхъ духовныхъ упражненіяхъ сѣти скрываетъ тонкія, и подъ видомъ добродѣтелей самые показываетъ пороки, и претворяется въ Ангела свѣта. Сіе-то Господи Боже нашъ, и многое другое дѣлаетъ противъ насъ оной сынъ Вааловъ, самъ сатана; и то какъ левъ, то какъ драконъ, явно и тайно, внутрь и внѣ, днемъ и нощію нападая, тщится похитити души наши. И Ты избави насъ Господи, спасаяй уповающихъ на Тебя, дабы онъ о насъ сожалѣлъ, а Ты бы прославлялся въ насъ, Господи Боже нашъ.

Глава осьмаянадесять.

О благодѣяніяхъ Божіихъ.

Азъ же сынъ рабыни Твоея, вручившій себя десницѣ Твоей, уже сими моими убогими исповѣданіями исповѣмся Тебѣ, Избавителю мой, всемъ сердцемъ моимъ, и воспомяну вся благая, Тобою мнѣ явленная отъ юности моея, во всемъ животѣ моемъ. Ибо я знаю, что неблагодарность Тебѣ не пріятна, которая есть корень всего зла духовнаго, и нѣкоторый вѣтръ, изсушающій и пожигающій всякое добро; заграждающій источникъ Божескаго Твоего къ человѣку милосердія; которою и мертвые уже не умираютъ, и живыя дѣла уже погибаютъ, и болѣе не получаютъ. И азъ, Господи, благодарю Тебя, да не буду неблагодаренъ предъ Тобою, Избавителю мой, понеже Ты меня сохранилъ. Сколько разъ оной драконъ меня поглощалъ, но Ты Господи изъ челюстей его исхитилъ меня.

Когда я грѣшилъ, и онъ уготовлялся пожрать меня; но Ты Господи Боже мой защищалъ меня. Когда я предъ Тобою непотребно жилъ; когда заповѣди Твои преступалъ, тогда онъ готовился похитить меня во адъ, но Ты ему запрещалъ. Я Тебя прогнѣвлялъ, но Ты меня защищалъ. Я Тебя не страшился, но Ты меня хранилъ. Отъ Тебя я удалялся, и врагу моему отдавался; Ты его, дабы меня не похитилъ,

 устра-

устрашалъ. Такія мнѣ Ты Господи Боже мой, благодѣянія оказывалъ, но я нещастный ихъ не понималъ. Ибо такъ Ты меня многократно изъ челюстей діявольскихъ избавлялъ, изъ устъ льва исхищалъ, и изъ ада и не разумѣющаго меня много разъ выводилъ. Я снизшелъ до самыхъ вратъ адскихъ, но отъ входа въ оной Ты меня удержалъ.

Я приближался уже ко вратамъ смертнымъ, но чтобъ въ оныхъ не былъ заключенъ, Ты то устроилъ. И отъ смерти тѣлесныя часто избавлялъ меня, Спасителю мой, когда тяжкія болѣзни меня одержали; когда я былъ въ опасностяхъ на морѣ и на землѣ, отъ огня и меча и отъ всякаго зла хранилъ, всегда со мною пребывая и милостиво спасая, Ты вѣдалъ Господи, что естьли бы тогда смерть меня постигла, то во адъ бы вселилась душа моя, и я бы вѣчно былъ мученъ. Но милосердіе Твое и благодать Твоя, избавляющая меня отъ смерти тѣлесныя и отъ смерти душевныя, предварила, Господи Боже мой. Такія и многія иныя мнѣ явилъ Ты благодѣянія, да я былъ слѣпъ и не разумѣлъ, пока Ты меня не просвѣтилъ. Теперь уже свѣтъ души моей, Господи Боже мой, животе мой, имъ же живу; свѣтъ очей мой, которымъ зрю! се просвѣтилъ меня и я понимаю Тебя; понеже я живу Тобою, и благодареніе Тебѣ, аще и малое и недостой-

стойное и несоразмѣрное благодѣяніямъ Твоимъ, по силѣ моей приношу. Ибо Ты единъ Богъ мой, Создатель мой премилосердый, который одушевляешь наши души, и ничего Тобою сотвореннаго не презираешь. Се, Ты меня перваго грѣшника спасъ, да подашь другимъ во мнѣ образъ преблагоутробныя благости Твоея!

Исповѣмъ предъ Тобою благодѣянія Твоя великая, понеже Ты меня избавилъ отъ ада преисподняго не единожды, дважды и трижды, но тысячекратно; я всегда во адъ стремился, но Ты меня всегда отводилъ, и праведно бы Ты наказалъ меня, естьли бы восхотѣлъ. Но ты того со мною учинить не восхотѣлъ; для того что Ты любишь души наши, и прикрываеши грѣхи человѣческія покаяніемъ. Господи Боже мой! многія щедроты Твоя во всѣхъ путехъ Твоихъ. И тако теперь сіе я вижу, Господи Боже, и понимаю чрезъ откровеніе Твое, и душа моя изумленіемъ поражается о великой милости Твоей, являемой Тобою мнѣ; понеже Ты избавилъ душу мою отъ ада преисподнѣйшаго, и мнѣ жизнь возвратилъ. Я весь былъ въ смерти, Ты всего меня воскресилъ. Почему да будетъ вся жизнь моя Твоею, и я всего меня Тебѣ вручаю. Всею душею, всемъ сердцемъ, всемъ тѣломъ, всею жизнію моею да живу Тебѣ, жизнь моя сладкая: понеже Ты всего меня избавилъ, дабы Тебѣ обладать всемъ мною: всего ме-

ня обновилъ, чтобъ всего избавить. Чего ради возлюблю Тебя Господи, животе мой; возлюблю Тя, несказанная радосте моя, и буду жить уже не мнѣ, но Тебѣ. Вся жизнь моя, погибавшая въ бѣдности моей, возстановлена Твоимъ милосердіемъ; понеже Ты Господи щедръ и милосердъ, и многія щедроты Твоя въ тысящи любящихъ имя Твое.

Сего ради Ты, Господи Боже мой, Освятителю мой, повелѣлъ въ законѣ Твоемъ, чтобъ я любилъ Тебя всемъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всемъ помышленіемъ моимъ, всею крѣпостію моею и всѣми силами моими, по вся часы и минуты, въ которыя наслаждаюсь благими Твоего милосердія; понеже я бы всегда погибалъ, естьли бы Ты мною не управлялъ; всегда бы я умиралъ, естьли бы Ты меня не оживлялъ; и во всякое время Ты меня одолжаешь, являя мнѣ во всякую минуту великія благодѣянія Твои. Почему какъ нѣтъ ни одного часа, или пункта во всей жизни моей, въ которомъ бы я не пользовался благодѣяніями Твоими: такъ ни одной не должно быть минутѣ, когда бы Тебя не имѣть предъ глазами моими, въ моей памяти, и не любить Тебя всею крѣпостію моею. Но и сего я самъ собою не могу, естьли Ты не даруешь, котораго всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ, сходящій свыше отъ Отца свѣтовъ, у кото-

раго

раго нѣтъ преложенія, или перемѣны освѣненія. Ибо ни хотящаго, ни текущаго, но Твое есть милующаго, чтобъ я любилъ Тебя. Твой, Господи, сей даръ; понеже все доброе Твое. Повелѣваешь Тебя любить; подаждь убо самъ, яже повелѣваеши, и повели, что Тебѣ угодно.

Глава девятаянадесять.

О горячности любви.

Люблю Тебя, Боже мой, и всегда болѣе любить Тебя желаю; понеже Ты истинно всякаго меда сладчае, всякія пищи питательнѣе и всякаго злата и сребра и камня драгаго любезнѣе. Ибо я всемъ, что ни дѣлалъ въ мірѣ семъ, возгнушался упоенный сладостію Твоею и восхищенный красотою дому Твоего, юже возлюбихъ. О огню, всегда горящій и никогда не погасающій! о любовь, всегда пламенѣющая, и никогда не умаляющаяся! воспламени меня, да возгорю я весь Тобою, да возлюблю весь Тебя. Понеже тотъ не любитъ Тебя, который иное нѣчто съ Тобою любя, любитъ то не для Тебя. Возлюблю Тебя Господи, для того что Ты прежде возлюбилъ меня. Но гдѣ обрящу выраженія на изъясненіе знаковъ превеликія любви Твоея ко мнѣ, ради безчисленныхъ благодѣяній Твоихъ, которыми Ты меня съ самаго начала моего воспитывалъ?

Ибо

Ибо послѣ явленнаго въ созиданіи благодѣянія, какъ Ты сначала изъ ничего меня по образу Твоему сотворилъ, превознесши меня надъ всѣми созданными Тобою тварями, и украсивъ свѣтомъ лица Твоего, которымъ назнаменовалъ Ты праги сердца моего, чѣмъ какъ отъ нечувственныхъ, такъ и отъ чувственныхъ скотовъ меня отличилъ, и мало чѣмъ отъ Ангеловъ умалилъ. Но и сіе малымъ показалося предъ лицемъ Божества Твоего; понеже Ты повсядневными, особенными и превеликими дарами Твоихъ благодѣяній безпрерывно меня питалъ, и яко сына Твоего младенствующаго, сосцами Твоего утѣшенія отдоилъ и укрѣпилъ. Ибо все сотворенное Тобою предалъ еси мнѣ на услуженіе, да азъ Тебѣ единому служу.

Глава двадесятая.

Что Богъ покорилъ псе на службу челопѣку.

Все подъ ноги человѣку Ты покорилъ, чтобъ только одинъ человѣкъ весь Тебѣ былъ покоренъ. И чтобъ весь человѣкъ былъ Твой, надъ всѣми дѣлами Твоими господствовалъ. Ибо Ты всѣ наружныя вещи сотворилъ для тѣла, самое тѣло для души, а душу для Тебя, чтобъ она Тобою однимъ была занята, и Тебя одного любила: владѣя Тобою ко утѣшенію, а наружными вещами ко услуженію. Понеже

все

все то, что окружностію небесною объемлется, есть ниже человѣческой души, которая сотворена къ тому, чтобъ ей владѣть высочайшимъ добромъ, и владѣніемъ онаго быть блаженною; съ которымъ естьли она соединится, то всѣхъ перемѣняемыхъ нижшихъ вещей пользы преходя, онаго высочайшаго величества, котораго видъ изображаетъ, лице вѣчнаго безсмертія съ радостію увидитъ. А тогда она тѣми благими совершенными насладится въ дому Божіемъ, въ сравненіи съ которыми всѣ видимыя нами здѣсь вещи за ничто почитаются. Сія-то благая, ихъ же око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготовалъ Богъ любящимъ его! и сія-то Ты Господи дать имѣешь душѣ моей; и сими-то Ты повседневно услаждаешь души рабовъ Твоихъ, любителю душъ!

Почто я сему удивляюся, Господи Боже мой? Чтишь бо образъ Твой, и подобіе Твое, по которому они сотворены. Ибо Ты и тѣлу нашему, хотя еще тлѣнію подлежащему и безславному, къ видѣнію далъ свѣтлость небесную рукою неустающихъ служителей Твоихъ, солнца и луны, которыя по повелѣнію Твоему непрерывно днемъ и нощію служатъ сынамъ Твоимъ: къ дыханію даровалъ Ты ему чистоту воздуха: къ слышанію, различность голосовъ: къ обонянію, воней пріятность: для вкуса, каче-

качества онаго: къ осязанію, облеклъ еси тѣла въ чувствуемые составы. Ко вспоможенію въ его нуждахъ далъ скотовъ; птицы также небесныя, и рыбы морскія, и плоды земные къ подкрѣпленію и насыщенію его опредѣлилъ. Лѣкарства отъ земли для каждой и всѣхъ его болѣзней сотворилъ. Противъ всякаго его зла всякое уготовалъ облегченіе; понеже Ты милостивъ и щедръ, и Ты знаешь составъ нашъ, скудельникъ нашъ Ты, а мы всѣ яко скудель въ руку Твоею.

Глава двадесять первая.

Что отъ разсматриванія временныхъ благихъ познается превосходство небесныхъ.

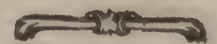
Да отверзется мнѣ милосердіе Твое свѣтомъ Твоимъ! просвѣти (молю) меня еще болѣе, да узрю оное яснѣе. Ибо мы отъ сихъ малѣйшихъ Твоя великая, и отъ видимыхъ Твоя невидимыя познаемъ благая, Господи Боже святый и благій Творче нашъ! Понеже, аще Ты, Господи, для сего безславнаго и растлѣваемаго тѣла столь великія и безчисленныя являеши благодѣянія отъ неба и воздуха, отъ земли и моря, отъ свѣта и темноты, отъ теплоты и мрака, росы и дождя, отъ вѣтровъ, птицъ и рыбъ, скотовъ и древъ, и отъ различныхъ травъ и произрастѣній земныхъ, и отъ служенія всѣхъ твореній Твоихъ, работающихъ намъ поперемѣнно во времена свои,

къ

къ облегченію нашей горести: то какія уже и сколь великія и безчисленныя будутъ та благая, яже Ты уготовалъ любящимъ Тебя въ ономъ небесномъ отечествѣ, гдѣ мы узримъ Тебя лицемъ къ лицу? Естьли Ты толикія намъ являешь въ темницѣ, то что уже сотвориши въ дому Твоемъ?

Великія и неизчислимыя дѣла Твоя Господи Царю небесный! Ибо естьли все то зѣло добро и усладительно, что Ты добрымъ и злымъ вообще являеши, то что уже будетъ то, что Ты благимъ предоставилъ еси? Естьли столь безчисленны дары Твои, которые Ты нынѣ другамъ и врагамъ Твоимъ подаеши, то сколь великіе и неизчислимые, сколь пріятные и сладостные тѣ, которые Ты однимъ даруешь другамъ Твоимъ! Ежели толикія утѣшенія въ сей день плача, то коликія явиши въ день брака. Естьли толикія увеселенія имѣетъ темница, то коликія уже имѣетъ отечество. Око не видало кромѣ Тебя Боже, что Ты уготовалъ любящимъ Тебя. Ибо по многому множеству великолѣпія Твоего, есть въ Тебѣ и многое множество сладости, которую Ты сокрылъ любящимъ Тебя.

Ибо Ты велій еси Господи Боже мой, непостижимъ и неизмѣримъ, и нѣтъ предѣла Величества Твоего; нѣсть числа премудрости Твоей, нѣтъ мѣры благоутробія Твоего; такъ нѣтъ предѣла, ни числа, ни

мѣры воздаянія Твоего, но какъ Ты самъ великъ, такъ велики дары Твои: понеже Ты самъ награда и даръ всѣхъ законныхъ Твоихъ воиновъ.

Глава двадесять вторая.

Что Божеская сладость всю міра сего горесть истребляетъ.

Сія-то суть благодѣянія Твоя великія Господи Боже, освященіе святыхъ Твоихъ, которыми Ты дополнишь недостатокъ алчущихъ сыновъ Твоихъ; понеже Ты самъ надежда отчаянныхъ, Ты вѣнецъ упованія, украшенный славою, уготованный побѣждающимъ. Ты утѣшеніе безконечное, подаемое только тѣмъ однимъ, которые утѣхи міра сего ради Твоего утѣшенія вѣчнаго презираютъ. Ибо всѣ здѣсь увеселяющіеся не достойны Твоего утѣшенія. Но здѣсь томимые, Тобою услаждаются; и участвующіи въ страданіяхъ, участвуютъ и въ утѣшеніяхъ. Понеже никто не можетъ и въ томъ и въ здѣшнемъ вѣкѣ быть утѣшаемъ: но надобно одного тому лишиться, кто получить другое желаетъ.

О семъ когда я разсуждаю, Господи, Утѣшителю мой! то душа моя въ сей жизни отрѣваетъ утѣшеніе, дабы ей достойною содѣлаться вѣчныхъ Твоихъ увеселеній; ибо праведно, чтобъ тотъ лишился Тебя, кто о чемъ нибудь иномъ болѣе, нежели о

Тебѣ

Тебѣ веселиться хощетъ. И я молю Тебя, высочайшая истинна, Тобою, не попусти мнѣ какою суетною увеселяться утѣхою; но прошу, чтобъ все для меня стало горькимъ, да Ты единъ явишися душѣ моей сладокъ, потому что Ты сладость несравненная, которою всякая горесть услаждается.

Ибо Твоя сладость Стефану камни поточные усладила. Твоя сладость блаженному Лаврентію черепъ главный сладостію наполнила. Твоею сладостію упоенные Апостоли шли радующеся отъ лица собора, что удостоились за имя Твое поношеніе пріяти. Шелъ Андрей дерзновенно на крестъ, и радуяся, яко ускорялъ приближитися къ Твоей сладости. Сія сладость Твоя самыхъ начальныхъ Апостоловъ такъ наполнила, что для нее одинъ крестъ избралъ, другой главу свою подъ мечь преклонить не убоялся. Для стяжанія ее Варѳоломей собственную свою отдалъ кожу. Чтобъ сію вкусить, Іоаннъ безъ страха чашу, наполненную ядомъ, выпилъ. Но сію какъ вкусилъ Петръ, то всѣ міра сего вещи забывши, воззопилъ яко упоенный, глаголя: Господи! добро намъ здѣ быти, сотворимъ три сѣни: здѣ пребудемъ, Тебя выну да видимъ; ибо мы ничего инаго не требуемъ. Довольно съ насъ, Господи, видѣть Тебя; довольно (говоритъ) толикою насыщаться сладостію. Онъ токмо одну каплю сладости оныя вкусилъ, и всякою

возгнушался иною сладостію. Чтобы онъ сказалъ, естьлибъ великое то множество сладости божества Твоего вкусилъ, которую Ты сокрылъ боящимся Тебя? Сію Твою несказанную сладость вкусила и та дѣвица, о которой читаемъ, что она весьма радостно и славно шла въ темницу, акибы на пиршество приглашенная. Сію, какъ думаю, и тотъ вкусилъ, который сказалъ: коль великое множество сладости Твоея Господи, юже сокрылъ еси боящимся Тебя! и который говорилъ: вкусите и видите, яко сладокъ Господь. Ибо сіе-то есть оное блаженство, Господи Боже нашъ! котораго даянія отъ Тебя ожидаемъ, для котораго мы непрестанно Тебѣ служимъ, для котораго умерщвляемся весь день, да въ Твоемъ поживемъ животѣ.

Глава двадесять третія.

Что все наше упованіе и сердечное желаніе должно быть въ Богѣ.

Ты же Господи упованіе Израилево, желаніе, къ которому повсядневно стремится духъ нашъ, поспѣши, и не закосни. Возстани, поспѣши и пріиди, да изведеши насъ изъ темницы сея исповѣдатися имени Твоему, да восхвалимся во свѣтѣ Твоемъ. Отверзи уши Твои къ воплямъ слезнымъ сиротъ Твоихъ, вопіющихъ къ Тебѣ: Отче нашъ! даждь намъ нынѣ хлѣбъ нашъ насущ-

сущный, которымъ бы укрѣпившися шли мы день и ночь, пока не внидемъ въ гору святую Твою Хоривъ. И я отрокъ между отроками дому Твоего, Боже, Отче и крѣпосте моя, когда приду и явлюся лицу Твоему? Чтобъ мнѣ нынѣ исповѣдающемуся Тебѣ временно, оттолѣ исповѣдатися Тебѣ вѣчно. Блаженъ я буду, естьли впущенъ буду видѣть славу Твою. Кто мнѣ дастъ сіе, да позволиши мнѣ внити туда?

Вѣмъ, Господи, вѣмъ, и исповѣдаю себя недостойна быти внити подъ кровъ Твой; но сотвори ради славы твоея, и не посрами уповающаго на Тебя раба Твоего. И кто внидетъ во святилище Твое, видѣть силы Твоя, естьли Ты не отверзешь? кто же отверзетъ, естьли Ты? Ибо естьли Ты заключишь человѣка, то никто не освободитъ. Когда Ты удержишь воды, то все посохнетъ. А естьли пустишь оныя, то потопятъ землю. Ежели Ты все, что ни сотворилъ, въ ничто обратишь, то кто попротиворѣчитъ Тебѣ? Одна вѣчная благость Твоего милосердія, по которой Ты сотворилъ все, что ни восхотѣлъ. Ты насъ сотворилъ Зиждитель міра, Ты управляй нами. Ты насъ создалъ, не возгнушайся нами; ибо мы твореніе Твое. И мы точно, Господи Боже нашъ, суще прахъ и черви, не можемъ въ Твою вѣчность внити, развѣ Ты насъ введешь самъ, создавый всяческая изъ ничего.

Глава двадесять четвертая.

Что спасенiе наше отъ Бога есть.

Азъ же дѣло рукъ Твоихъ исповѣмся Тебѣ во страсѣ Твоемъ, понеже я не на лукъ мой уповаю, и мечь мой не спасетъ меня: но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвѣщенiе лица Твоего. Иначе я бы отчаялся, естьли бы не Ты Создатель мой былъ надежда моя; понеже Ты не оставляеши уповающихъ на Тебя. Ибо Ты Господи Боже нашъ, благъ и кротокъ и милостiю все разполагаешь. Понеже хотя мы согрѣшимъ, но Твои есмы; хотя и не согрѣшимъ, Твои же, потому что мы у Тебя счисляемся. Ибо мы прахъ земный, и суета есть всякъ человѣкъ живый, и паръ есть жизнь наша на земли. Не прогнѣвайся на насъ, когда мы падаемъ сироты Твои; понеже Ты знаешь составъ слабый нашъ, Господи Боже нашъ.

Еда Ты неизреченныя сладости Боже противу праха, вѣтромъ возметаемаго, силы Твоя показать хощеши, и трость изсохшую сокрушати будеши? Еда Ты Царю вѣчный Израилевъ осудиши пса единаго? Неуже ли Ты накажещи презрѣннѣйшаго червя? Мы о милосердiи Твоемъ слышали, что Ты смерти не творишь, и не радуешися о погибели умирающихъ. Сего ради молимъ Тебя Господи, не попусти созданiемъ Твоимъ овладѣти тому, чего Ты не сотворилъ.

Ибо

Ибо естьли Ты сожалѣешь о погибели нашей, то что Твоему всемогуществу препятствуетъ всегда радоватися о спасеніи нашемъ? Естьли Ты хощеши, можеши меня спасти; а я хотя бы и хотѣлъ, да не могу. Великое со мною множество бѣдностей моихъ.

Понеже, еже хотѣти, прилежитъ мнѣ; а еже содѣяти, не обрѣтаю. Я хотѣть добраго не могу, естьли Ты не восхощеши; и что хощу, не могу, естьли Твое могущество меня не подкрѣпитъ, и что могу, того иногда не хощу, естьли Твоей воли не будетъ, яко на небеси и на земли. И что хощу и могу, того не разумѣю, естьли Твоя премудрость не просвѣтитъ меня. А хотя иногда при хотѣніи и силѣ и разумѣю, но несовершенною и суетною остается мудрость моя, естьли не поможетъ Твоя истинная премудрость.

А все въ Твоей состоитъ волѣ, и ничто противиться не можетъ Твоей, Господи всяческихъ, имѣяй власть всякія плоти, волѣ; но Ты что хощеши, все творишь на небеси и на земли, въ морѣ и во всѣхъ безднахъ. Тако да будетъ въ насъ воля Твоя, на которыхъ наречено имя Твое: да не погибнетъ сіе благородное созданіе Твое, которое Ты сотворилъ для прославленія своего; и кто есть человѣкъ рожденный отъ жены, иже поживетъ и не узритъ смерти, и избавитъ душу свою отъ руки адо-

вы, естьли Ты единЪ не избавишь, жизнь оживотворяющая всякую жизнь, которою живутЪ всяческая?

Глава двадесять пятая.

Воля человѣческая безЪ благодати Божеской не дѣйствительна кЪ творенію добрыхЪ дѣлЪ.

Како исповѣдаюсь предЪ Тобою, похвала жизни моей, Господи Боже мой, сила спасенія моего. УповалЪ я иногда на крѣпость мою, которой однако не имѣлЪ. И тогда такЪ разполагался тещи, что когда мнился стоять, тогда болѣе падалЪ и обращался паче вспять, а не вдаль простирался; и что намѣревалЪ получить, то болѣе отЪ меня отдалялось. ТакЪ Ты многими подобіями испытуешь силы мои. Я теперь познаю, понеже Ты просвѣтилЪ меня; потому что чѣмЪ болѣе я надѣялся на собственную мою силу, тѣмЪ менѣе могЪ всегда. Ибо я говорилЪ, сіе сдѣлаю, то сотворю; но ни сего, ни того не содѣлалЪ. Было хотѣніе, да не было способности; была способность, да не было хотѣнія; понеже я на мои уповалЪ силы.

А теперь исповѣмся Тебѣ, Господи Боже мой, Отче неба и земли, зане не укрѣпится силою своею человѣкЪ, чтобЪ могло похвалиться предЪ Тобою безумное превозношеніе всякія плоти. Ибо не отЪ человѣка

вѣка зависитъ хотѣть, что можетъ, или мощи, что хощетъ, или разумѣть, что хощетъ и можетъ; но паче отъ Тебя стопы человѣческія управляются, тѣхъ (говорю), которые исповѣдуютъ, что они не сами собою, но Тобою управляемы бываютъ. Почему молимъ Тебя утробою щедротъ Твоихъ, да благоволиши Господи спасти созданіе Твое: понеже Ты, аще хощеши, можеши насъ спасти, и въ Твоей волѣ сила спасенія нашего.

Глава двадесять шестая.

О древнихъ благодѣяніяхъ Божіихъ.

Воспомяни древнія милости Твоя, которыми Ты насъ отъ начала въ благословеніяхъ Твоея сладости предварилъ. Ибо прежде нежели родился я, сынъ рабыни Твоея, Господи уповаміе мое, отъ сосцевъ матере моея, Ты предварилъ, уготовляя мнѣ пути, по которымъ бы я шелъ и вошелъ въ славу дому Твоего. Прежде воображенія моего во чревѣ матернемъ Ты зналъ меня, и прежде исхода моего изъ ложеснъ Ты все, что ни благоугодно было предъ Тобою, предопредѣлилъ о мнѣ. Что и какъ въ книгѣ Твоей о мнѣ написано въ тайномъ совѣтѣ Твоемъ, я не вѣдаю, и потому весьма боюся.

Но Ты знаешь, понеже чего я по теченію дней и временъ отселѣ за тысячу лѣтъ

 ожи-

ожидаю, то предъ лицемъ вѣчности Твоей уже сдѣлано, и самое будущее уже совершилось. А я, поелику въ сей мрачной нахожусь ночи, ничего не зная, то страхъ и трепетъ приходитъ на мя, когда вижу, что со всѣхъ сторонъ многія настоятъ опасности, и многіе меня окружаютъ враги, и что я множествомъ неизчислимыхъ бѣдностей въ сей жизни окруженъ. И естьли бы въ сихъ толикихъ злоключеніяхъ Твоей не было помощи, то я во всеконечное впалъ отчаяніе.

Но я великую имѣю надежду на Тебя, премилостивый Боже мой, и размышленіе о множествѣ щедротъ Твоихъ, сущихъ у Тебя, облегчаетъ мысль мою. И предъидущіе знаки милосердія Твоего, предварившіе мое рожденіе, и нынѣ на мнѣ особенно просіявшіе, и о будущихъ человѣколюбія Твоего лучшихъ и совершеннѣйшихъ дарованіяхъ, которыя Ты для друговъ Твоихъ блюдешь, надежду мою укрѣпляютъ, дабы она веселилась о Тебѣ, Господи Боже мой, веселіе святое и живое, которымъ Ты увеселяешь юность мою.

Глава двадесять седьмая.

О Ангелахъ, опредѣленныхъ на храненіе человѣковъ.

Ибо возлюбилъ Ты меня, единственная любовь моя, прежде нежели я сталъ любить

бить Тебя, и по образу Твоему сотворилъ меня, и надъ всѣми тварями Твоими поставилъ меня. Которое достоинство тогда я наблюдаю, когда познаю Тебя, для котораго Ты сотворилъ меня.

Сверьхъ того создалъ Ты для меня Ангеловъ Твоихъ духовъ, которымъ повелѣлъ хранить меня во всѣхъ путехъ моихъ, да не когда преткну о камень ногу мою. Ибо они суть стражи стѣнъ града Твоего, Новаго Іерусалима и горы окрестъ его: бдящіи и стрегущіи стражи нощныя о стадѣ Твоемъ, да не когда похититъ яко левъ души наши, естьли бы не было избавляющаго, оный древній змій врагъ нашъ діаволъ, который, какъ левъ рыкающій, всегда всюду ходитъ искій кого поглотити. Сіи то граждане блаженнаго града небеснаго Іерусалима, который есть на небеси мать наша, на услуженіе посланы для получающихъ наслѣдіе спасенія, дабы они избавляли отъ враговъ ихъ, и хранили во всѣхъ путехъ ихъ, также укрѣпляли и наставляли, и молитвы сыновъ Твоихъ приносили предъ лице славы величества Твоего.

Ибо они любятъ согражданъ своихъ, которыми возстановленія паденія своего ожидаютъ. И для того съ великимъ стараніемъ, и съ недреманнымъ тщаніемъ присутствуютъ намъ: во всякое время и на всякомъ мѣстѣ помогаютъ и промышляютъ нуждамъ нашимъ, и попечительно между

нами

нами ходятъ и Тобою: стенанія и воздыханія наши относятъ къ Тебѣ для испрошенія намъ скорыя Твоего человѣколюбія милости, и принесенія къ намъ вожделѣннаго благодати Твоей благословенія. Понеже они всегда съ нами ходятъ во всѣхъ путехъ нашихъ: входятъ и изходятъ съ нами; прилѣжно смотрятъ, сколь мы благочестиво и сколь хорошо посредѣ развращеннаго рода обращаемся, и съ какимъ стараніемъ и усердіемъ ищемъ царство Твое, и правду его, и съ коликимъ страхомъ и трепетомъ служимъ, и радуемся предъ Тобою радостію сердечною. Они помогаютъ трудящимся, покрываютъ покоющихся, увѣщаваютъ сражающихся, увѣнчаваютъ побѣждающихъ; съ радующимися радуются, о Тебѣ (говорю) радующимися, состраждутъ страждущимъ, за Тебя (говорю) страждущимъ.

Великое они имѣютъ попеченіе о насъ, великую любви преклонность оказываютъ къ намъ, и сіе все въ честь Твоея несравненныя любви, которою Ты возлюбилъ насъ. Ибо они любятъ то, что Ты любишь, хранятъ тѣхъ, которыхъ Ты блюдешь, и оставляютъ, которыхъ Ты оставляешь, и не любятъ дѣлающихъ беззаконіе; понеже и Ты ненавидишь всѣхъ творящихъ беззаконіе, и погубиши всѣхъ глаголющихъ ложь. Когда мы добро творимъ, то радуются Ангели, и печалятся демоны. Когда отъ доб-

ра

ра совращаемся, то діавола веселимЪ, и АнгеловЪ ТвоихЪ лишаемЪ ихЪ радости. Ибо радость у нихЪ бываетЪ о единомЪ грѣшникѣ кающемся, но у діавола о единомЪ праведникѣ, покаяніе оставляющемЪ. Чего ради даруй имЪ Отче, чтобЪ они всегда радовалися о благихЪ, да и ты всегда чрезЪ нихЪ прославляешися вЪ насЪ, да и мы сЪ ними во дворЪ овчій Твой введены будемЪ, исповѣдатися вкупѣ имени святому Твоему, Творче человѣковЪ и АнгеловЪ.

Сіе я воспомянувЪ, исповѣдаюся Тебѣ, хваля Тебя; понеже благодѣянія Твои велики, которыми Ты насЪ облагодѣтельствовалЪ, подая намЪ АнгеловЪ ТвоихЪ духовЪ во услуженіе наше. Ибо Ты намЪ предалЪ все, что окружностію небесною ни обЪемлется, и какЪ малымЪ все то почитаешь, что подЪ небомЪ ни имѣется, естьли не дать Тебѣ и того, что на небѣ есть. Да восхвалятЪ Тебя, Господи, о семЪ вси Ангели Твои, да исповѣдятся Тебѣ о семЪ вся дѣла Твоя, и самые святые Твои да благословятЪ Тебя. О слава наша, насЪ безмѣрно прославляющая и обогащающая! многими Ты насЪ благодѣяніями украсила; ибо чудно имя Твое, Господи, по всей земли. Что есть человѣкЪ, что Ты увеличиваешь его, или для чего прилагаешь кЪ нему сердце Твое? Ибо Ты, древняя истинна, сказалЪ: веселіе мое сЪ сынами человѣческими. Не гной ли человѣкЪ, и не червь ли сынЪ человѣческій?

Не

Не всяческая ли суета всякъ человѣкъ живый? И Ты таковаго достойнымъ почитаешь, чтобъ зрѣть на него, и привесть его на судъ съ Тобою.

Глава двадесять осьмая.

О глубокомъ предопредѣленіи и предвѣденіи Божескомъ.

Настави меня бездно глубочайшая, все сотворившая премудросте, которая повѣсила на вѣсахъ горы и холмы, и на мѣрилѣ громаду земли тремя перстами утвердила, Востягни тяжесть мертвенности сея, которую я ношу, невидимыми перстами къ Тебѣ, да увижу и познаю, сколь чудна Ты по всей земли. Свѣтъ предревнѣйшій, сіявшій прежде всякаго свѣта, на горахъ святыхъ древнія вѣчности, предъ которымъ все наго и отверсто было прежде сотворенія. Свѣтъ ненавидящій всякую скверну, яко пречистѣйшій и непорочнѣйшій! какое Тебѣ веселіе съ человѣкомъ? Какое сообщеніе свѣта со тьмою; ибо гдѣ въ человѣкѣ увеселеніе Твое? Гдѣ Ты уготовалъ во мнѣ достойное святилище величеству Твоему, въ которое войдя имѣть Тебѣ увеселеніе Твоего услажденія? Понеже чистая пристойна вечеря Тебѣ, очищающая сила, которая одними только чистыми зрима быть можетъ сердцами.

Но въ человѣкѣ гдѣ находится храмъ столь чистый къ воспріятію Тебя правителя

теля міра? Кто можетъ сдѣлать чистымъ отъ нечистаго зачатаго сѣмени? Не Ты ли единъ сый чистый? Ибо кто отъ нечистаго очистится? Понеже и по заповѣди Твоей, данной отцамъ нашимъ въ огни, пожигавшемъ гору, и въ облакѣ, покрывавшемъ мрачную воду, до чего ни прикоснется нечистый, будетъ все нечисто. А мы всѣ яко одежда нечистыя жены, отъ нечистаго произходя смѣшенія, знакъ нечистоты нашея, котораго сокрыть, наипаче предъ Тобою вся видящимъ, не можемъ, на челахъ своихъ носимъ. Почему мы чистыми быть не можемъ, развѣ Ты насъ очистиши единъ чистый. А очищаешь Ты отъ насъ, сыновъ человѣческихъ, тѣхъ, въ которыхъ благоволиши обитати; которыхъ по неприступнымъ глубокимъ тайнамъ непостижимыхъ судебъ премудрости Твоея безъ ихъ заслугъ предопредѣлилъ прежде міра, призвалъ отъ міра, оправдалъ въ мірѣ, и прославляешь послѣ міра. Но Ты не со всѣми такъ поступаешь, чему съ изумленіемъ удивляются всѣ мудрецы земные.

И азъ, Господи, размышляя о семъ ужасаюся и во изумленіе прихожу о глубинѣ богатства, премудрости и разума Твоего, котораго я не понимаю; также и непостижимыхъ судебъ правды Твоея, понеже Ты изъ той же глины иные сосуды дѣлаешь въ честь, а иные въ поношеніе вѣчное.

ное. И такъ которыхъ Ты избралъ себѣ отъ многихъ въ храмъ святый Твой, тѣхъ очищаешь, изливая на нихъ чистую воду, которыхъ имена и число Ты знаешь: который одинъ изчисляешь множество звѣздъ, и всѣмъ имъ имена даешь: которые также написаны въ книгѣ жизни, которые никакъ погибнуть не могутъ, и которымъ все поспѣшествуетъ во благое, и самые грѣхи. Ибо когда они падаютъ, не разбиваются, понеже Ты подлагаешь десницу Твою, храня всѣ кости, да ни едина отъ нихъ сокрушится.

Но смерть грѣшниковъ весьма люта, тѣхъ, говорю, грѣшниковъ, которыхъ Ты прежде сотворенія неба и земли по великой безднѣ судебъ Твоихъ сокровенныхъ, но всегда праведныхъ, предувѣдѣлъ къ смерти вѣчной, которыхъ числоименъ и заслугъ злыхъ у Тебя имѣется, изчисляющаго песокъ морскій и глубину бездны измѣрившаго. Которыхъ Ты оставилъ въ нечистотахъ ихъ, которымъ все содѣйствуетъ во злое, и самая молитва обращается въ грѣхъ, такъ что хотя они взыдутъ даже до неба, и глава ихъ коснется облаковъ, и хотя они между звѣздами небесными положатъ гнѣздо свое, но аки навозъ на кончинѣ потребятся.

Глава

Глава двадесять девятая.

О тѣхъ, которые изъ праведныхъ дѣлаются грѣшными, и напротивъ.

Велики сіи суды Твои Господи Боже, Судія праведный и крѣпкій, судяй правду, и творяй непостижимая и глубокая; о которыхъ когда я разсуждаю, то содрогаютъ всѣ кости мои. Понеже не безъ опасенія быти долженъ человѣкъ, живущій на земли, да служимъ Тебѣ благочестно и свято вся дни живота нашего со страхомъ, и радуемся Тебѣ со трепетомъ, дабы не было службы безъ страха, ни радости безъ трепета; и дабы не хвалился предъ Тобою ни праведный, ни неправедный: и да не похвалится предъ Тобою всякая плоть, но да боится и трепещетъ отъ лица Твоего, когда не знаетъ человѣкъ, любви ли онъ, или ненавидѣнія достоинъ; но все сіе на будущее время хранится неизвѣстнымъ.

Ибо мы видѣли многихъ, Господи, и слышали отъ отцевъ нашихъ (чего я безъ великаго трепета не вспоминаю, и безъ многаго страха не исповѣдую), что они сперва нѣкоторымъ образомъ взошли даже до самаго неба, и между звѣздами возгнѣздилися, но послѣ упали до самой бездны, и пріятелей своихъ во ужасъ злыми своими привели. Мы видѣли, что звѣзды, отторгнутыя хоботомъ дракона, съ неба спали; и лежавшія въ прахѣ земномъ, отъ лица

возставляющія десницы Твоея, Господи, чудесно вознеслись. ВидѢли мы, что живые умираютъ и мертвые возстаютъ, и что ходившіе въ сынахъ Твоихъ посредѢ огненныхъ каменій, аки прахъ въ ничто превратилися. ВидѢли мы, что свѢтъ померкъ, и изъ тьмы сталъ свѢтъ: понеже мытари и блудницы предупреждаютъ жителей въ царствѢ небесномъ, а сынове царства извергаются во тьму кромешную.

Но почему все сіе съ ними приключилось, какъ не по тому, что они взошли на гору оную, на которую прежде всѢхъ взошелъ Ангелъ, но сошелъ діаволомъ? А которыхъ Ты предопредѢлилъ, тѢхъ и призвалъ, и освятилъ и очистилъ въ достойное обиталище Твоему величеству; съ которыми бы и въ которыхъ ТебѢ имѢть увеселеніе святое и чистое; въ которыхъ Ты увеселяешися, и самъ веселишь юность ихъ, пребывая съ ними въ памяти ихъ, чтобъ быть имъ храмомъ Твоимъ святымъ, что есть великаго достоинства и похвала нашему человѢчеству.

Глава тридесятая.

Что душа вѢрная есть святилище Божіе.

Ибо душа, которую Ты сотворилъ, не отъ Тебя, но Словомъ Твоимъ, не изъ каждой стихіи матеріи, но изъ ничего; которая хотя разумная, понятная, духовная, всегда въ движеніи (которую Ты назначе-

меноваль свѣтомъ лица Твоего, и освятилъ силою омовенія Твоего), такъ сдѣлалась вмѣстительна величества Твоего, что только однимъ Тобою, а не инымъ чѣмъ наполнена быть можетъ. А когда она Тебя имѣетъ, тогда желаніе ея исполняется, и уже ничего болѣе желать ей не остается. Когда же она нѣчто наружное желаетъ, то явно, что она Тебя не имѣетъ внутренно, котораго имѣя, ничего болѣе не желаетъ.

Поелику Ты высочайшее и всякое добро, то она, имѣя Тебя всякое добро, инаго ничего желать не можетъ. Естьли же она не желаетъ всякаго блага, то желаетъ нѣчто такое, которое не есть всякое добро; а потому и не высочайшее добро, слѣдовательно не Бога, но паче тварь. А когда она желаетъ тварь, то всегдашній она имѣетъ гладъ: понеже хотя она желаемое ею изъ тварей и получитъ, но пустою остается; потому что ничто ее наполнить не можетъ, развѣ Ты, по образу котораго она создана. А Ты наполняешь тѣхъ, которые ничего инаго, кромѣ Тебя, не желаютъ, и Ты ихъ дѣлаешь достойными Тебя, святыми, блаженными, непорочными и другами Божіими: понеже они все вмѣняютъ за уметы, да Тебя единаго пріобрящутъ.

Сіе есть то блаженство, которое Ты человѣку явилъ; сія есть та честь, которою Ты его между всѣми и надъ всѣми тварями почтилъ, для прославленія имени Тво-

его по всей земли. Се, Господи Боже мой, верьховнѣйшій, преблагій, всемощнѣйшій, обрѣлъ я мѣсто Твоего пребыванія; ибо Ты живешь въ душѣ, созданной Тобою по образу и по подобію Твоему, которая Тебя единаго ищетъ и желаетъ; а не въ той, которая Тебя не ищетъ и не желаетъ.

Глава тридесять первая.

Что ни внѣшними, ни внутренними чувствами обрѣсти Бога не можно.

Я заблудилъ, яко овца погибшая, ища Тебя наружно, сущаго во мнѣ. И много трудился, ища Тебя внѣ себя; а Ты живешь во мнѣ, естьли я только желаю Тебя. Я всюду ходилъ по весямъ и распутіямъ міра сего, ища Тебя, но нигдѣ не обрѣталъ: понеже я всуе искалъ того внѣ, что было во мнѣ. Я посылалъ вѣстниковъ моихъ, всѣ чувства наружныя, сыскать Тебя, и не нашелъ Тебя; потому что злѣ искалъ Тебя. Ибо я вижу Боже, свѣте мой, просвѣтившій меня, что я злѣ искалъ чрезъ нихъ Тебя; понеже Ты во внутренности моей находишься, но они не знали, когда Ты вошелъ въ меня.

Ибо глаза мнѣ говорятъ: естьли Онъ никакого не имѣетъ цвѣта, то чрезъ насъ не взошелъ. Уши сказываютъ: естьли Онъ никакого не издалъ звука, то нами не проходилъ. Обоняніе повѣдаетъ: естьли Онъ ни-

никакого запаху не имѣетъ, то мною не входилъ. Вкусъ отвѣчаетъ: естьли Онъ не имѣетъ вкуса, то чрезъ меня не взошелъ. И осязаніе придаетъ: естьли Онъ не тѣлесенъ, то не для чего меня объ Немъ и спрашивать. И такъ сего нѣтъ въ Тебѣ Боже мой! ибо я не тѣлеснаго вида, не красоты временной, не бѣлизны свѣтлой, не цвѣта, не пріятныхъ пѣній, ни всѣхъ сладостныхъ бряцаній; не цвѣтовъ, мастей и ароматныхъ воней; не медовъ, или сладкой вкусу манны, ни прочаго къ осязанію, или объятію любезнаго; ни всего инаго симъ чувствамъ подверженнаго ищу, когда Бога моего ищу. Не буди мнѣ, дабы я то почелъ Богомъ моимъ, что и самыхъ скотовъ чувства понимаютъ.

Но когда я Бога моего ищу, то ищу нѣкотораго свѣта паче всякаго свѣта, котораго не вмѣщаетъ око; нѣкотораго гласа паче всякаго гласа, котораго не вмѣщаетъ ухо; нѣкоторое благоуханіе, паче всякаго благоуханія, котораго не вмѣщаетъ обоняніе; нѣкоторую сладость, паче всякія сладости, которую не понимаетъ вкусъ; нѣкоторое объятіе, паче всякаго объятія, котораго не вмѣщаетъ осязаніе. Сей свѣтъ блещетъ тамъ, гдѣ мѣсто не обемлетъ; сей гласъ тамъ раздается, гдѣ духъ не прерывается; благоуханіе сіе тамъ разливается, гдѣ вѣтръ не дышетъ; вкусъ сей тамъ ощущается, гдѣ нѣтъ позыву на пищу; объ-

ятіе сіе тамъ осязается, гдѣ не расторгается. Сей-то Богъ мой, и не сопричтется Ему иной. Сего я ищу, когда Бога моего ищу. Сіе я люблю, когда Бога моего люблю.

Поздо устремился я любовію къ Тебѣ, красота древняя и новая: поздо возлюбилъ Тебя; и Ты внутрь меня былъ, а я внѣ себя: и тамъ Тебя искалъ, и въ сихъ красивыхъ вещахъ, созданныхъ Тобою, я безобразный увязалъ. Со мною Ты былъ, но я не былъ съ Тобою. То меня удаляло отъ Тебя, что не могло быть, развѣ въ Тебѣ. Я окрестъ всего ходилъ, ища Тебя, и ради всего оставлялъ себя. Спрашивалъ я землю, не она ли Богъ мой; и отвѣчала противное; и все на ней сущее тоже мнѣ возрекло. Вопросилъ я моря, и бездны, и пресмыкающихся сущихъ въ нихъ; и отвѣтствовали: мы не Богъ твой, ищи Его надъ нами. Вопрошалъ я воздухъ, и сказалъ мнѣ весь воздухъ со всѣми своими жителями: обманывается Анаксименъ (*); я не Богъ твой. Вопросилъ небо, солнце, луну и звѣзды; и онѣ мнѣ повѣдали: мы не Богъ твой.

Тогда я рекъ всѣмъ симъ окружающимъ двери плоти моея: сказали вы мнѣ о Богѣ моемъ, что вы не Онъ, то скажите мнѣ что нибудь объ Немъ; и возопили всѣ гласомъ великимъ: Онъ сотворилъ насъ. Наконецъ

(*) Анаксименъ, древній Философъ, изобрѣтатель сферы.

нецъ вопросилъ я громаду міра: скажи мнѣ, ты ли Богъ мой, или не ты? и отвѣтствовала гласомъ крѣпкимъ: не я (говоритъ), но чрезъ Него я стою; кого ты ищешь во мнѣ, тотъ сотворилъ меня: надо мною ищи того, который правитъ мною, и который сотворилъ меня. Вопрошеніе тварей есть глубокое разсмотреніе ихъ: отвѣтъ ихъ есть свидѣтельство ихъ о Богѣ, понеже все вопіетъ: Богъ меня сотворилъ. Ибо по словамъ Апостола: невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть.

И я возвратился къ себѣ, и взошелъ въ себя, и сказалъ самъ себѣ: ты кто? и отвѣтствовалъ себѣ: я человѣкъ разумной и смертной. И началъ разсуждать о семъ, что бы такое было, и рекъ: откуду сіе такое животное, Господи Боже мой? откуда, естьли не отъ Тебя? Ты сотворилъ меня, а не я самъ себя. Кто же Ты? Ты, которымъ я живу; Ты, чрезъ котораго все живо. Кто Ты? Ты Господи Боже мой истинный, единъ всемогущій, и вѣчный, и непостижимый, и неизмѣримый, который всегда живъ, и ничто въ Тебѣ не умираетъ, понеже Ты безсмертенъ и населяешь вѣчность: чуденъ зрѣнію Ангельскому, неизглаголанъ, непостижимъ и безъимененъ. Богъ живый, страшный и крѣпкій, не имѣющій ни начала, ни конца, начало всего и конецъ; который прежде вѣковъ и

прежде всякаго вѣковъ начала. Ты Богъ мой и Господь всѣхъ тварей, и у Тебя всѣхъ непремѣняемыхъ вещей имѣются причины, и всѣхъ перемѣняемыхъ непремѣнныя начала, и всѣхъ разумныхъ и неразумныхъ, также и временныхъ вѣчныя живутъ причины.

Скажи мнѣ униженному рабу Твоему, Боже мой, скажи милостивый нещастному, скажи, молю Тебя щедротами Твоими: откуду сїе такое животное, естьли не отъ Тебя? Можетъ ли кто быть состава своего художникомъ? Или отъ кого инаго, а не отъ Тебя дается бытїе и жизнь? Не Ты ли всевысочайшее Существо, отъ котораго сотворено всякое существо? ибо что ни есть, все отъ Тебя существуетъ, потому что безъ Тебя ничего не бываетъ. Не Ты ли тотъ источникъ жизни, изъ котораго произтекаетъ всякая жизнь? понеже что ни живетъ, Тобою живетъ, потому что безъ Тебя ничто не живетъ. Почему Ты Господи сотворилъ все? Ибо я взыщу, кто создалъ меня; и обрѣтаю, что Ты Господи сотворилъ меня, безъ котораго ничто же создано. Ты Творецъ мой; я дѣло Твое: благодарю Тебя, Господи Боже мой, меня и все оживляющаго, понеже Ты создалъ меня; благодарю Тебя, Создателю мой, что руки Твои сотворили меня и создали меня. Благодарю Тебя свѣте мой, что Ты просвѣтилъ меня, и я обрѣлъ

обрѣлъ Тебя и себя. Гдѣ я нашелъ меня, тамъ познал меня. Гдѣ обрѣлъ Тебя, тамъ познал Тебя; а гдѣ познал Тебя, тамъ Ты просвѣтилъ меня. Благодарю Тебя, свѣте мой, что Ты просвѣтилъ меня.

Что такое значатъ слова мои: я позналъ Тебя? Не Ты ли Богъ непостижимый и неизмѣримый, Царь царей и Господь господствующихъ, который единъ имѣешь безсмертіе, и во свѣтѣ живешь неприступномъ; котораго ни одинъ человѣкъ не видалъ, да и видѣть не можетъ? Не Ты ли Богъ сокровенный и непостижимаго величества, единъ Себя самаго познатель и чудный созерцатель? И такъ кто позналъ то, чего никогда не видалъ? Ибо Ты во истиннѣ Твоей сказалъ: не узритъ меня человѣкъ, и живъ будетъ. Сказалъ и проповѣдникъ Твой: Бога никто же видѣ когда. Кто же то позналъ, чего никогда не видалъ? Изрекла и истинна Твоя: никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ; ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ. Единa Троица себя одну познаетъ совершенно, которая превосходитъ всякое чувство.

Чтожъ такое я, суетѣ уподобившійся сказалъ, что позналъ Тебя? ибо кто позналъ Тебя, токмо Ты самъ Себя? понеже Ты единъ Богомъ всемогущимъ, прехвальнымъ, и препрославленнымъ, и превознесеннымъ, и всевышнимъ, и вышеестественнымъ въ святѣйшемъ и Божественнѣйшемъ

Писанiи именуешися. Ибо Ты выше всякаго естества разумнаго и чувственнаго, и паче всякаго имени именуемаго не токмо въ вѣкѣ семъ, но и въ будущемъ; вышеестественно и выше всякаго понятiя пребываешь: потому что Ты вышеестественнымъ Божествомъ, выше всякаго разума, понятiя и существа неприступно и непостижимо въ Себѣ самомъ обитаешь; гдѣ свѣтъ неприступный, и сiянiе недомыслимое и непостижимое и неизглаголанное, до котораго никакой не досязаетъ свѣтъ. Понеже несозерцаемо и невидимо, непонимаемо и неприступно, непремѣняемо и несообщаемо; которое никто никогда изъ Ангеловъ, или человѣковъ не видалъ, да и видѣть не можетъ. Сiе-то небо Твое Господи, небо сокрывающее тайный, вышеразумный и вышеестественный свѣтъ, о которомъ говорится: небо небеси Господеви.

Небо небеси, которому земля есть все небо; потому что оно чудно превознесено выше всякаго неба; въ сравненiи съ которымъ и земля есть небо огненное. Сiе-то небо небеси Господеви: понеже оно никому невѣдомо, токмо Господу; на которое никто не всходилъ, токмо сшедый съ небеси. Ибо никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ и Святый Духъ; и никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ и Святый Духъ. Единому Тебѣ Троица совершенно извѣстна. Троица Святая, Троица пречудная и премеизглаголан

ная,

ная, и пренедомыслимая, пренеприступная, пренепостижимая, преразумная, преестественная, преестественно превосходящая всякій смыслъ, всякой разумъ, всякое понятіе, всякой умъ, всякое естество пренебесныхъ духовъ, которую ни изрещи, ни вообразить, ни понять, ни познать не можно и самымъ умамъ Ангельскимъ.

Откуду же я позналъ Тебя, Господи Боже, превышшій всея земли и всякаго неба, котораго ни Херувимы, ни Серафимы совершенно не постигаютъ, но крылами созерцаній своихъ закрываютъ лица своя отъ сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, вопіюще и глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ, полна вся земля славы Твоея. Ужасся Пророкъ, и сказалъ: увы мнѣ, яко умолчахъ! зане азъ есмь человѣкъ, не чисты уста имѣяй. И ужасеся сердце мое и рѣхъ: горе мнѣ, что я (не умолчахъ, понеже я не чистъ устами есмь, но сказалъ) позналъ Тебя. Но однако, Господи, горе молчащимъ о Тебѣ: потому что многоглаголивые нѣмы бываютъ безъ Тебя. И я, Господи Боже мой, не умолчу, яко Ты сотворилъ меня и просвѣтилъ меня, и взыскалъ меня, и я позналъ Тебя, понеже Ты просвѣтилъ меня.

Но какъ я позналъ Тебя? Я позналъ Тебя въ Тебѣ. Позналъ Тебя не такова, каковъ Ты въ Себѣ, но позналъ Тебя, каковъ Ты во отношеніи ко мнѣ; да и то не безъ Тебя,

Тебя, но съ Тобою: потому что Ты свѣтъ, просвѣтившій меня. Ибо каковъ Ты въ Тебѣ, то только единъ Ты знаешь; а каковъ ко мнѣ по благодати Твоей, то и я спозналъ. Но что Ты такое во отношеніи ко мнѣ? Повѣждь мнѣ, милосерде, бѣдному рабу Твоему; скажи мнѣ по щедротамъ Твоимъ: что Ты въ отношеніи меня? Рцы душѣ моей: спасеніе Твое есмь Азъ; не сокрой отъ меня лица Твоего, да не погибну. Позволь мнѣ глаголати у милосердія Твоего, мнѣ, землѣ и праху; позволь мнѣ глаголати у милосердія Твоего, зане милость Твоя велія на мнѣ: ибо возглаголю къ Богу моему, будучи прахъ и пепелъ. Скажи мнѣ смиренному рабу Твоему; повѣждь, милостивый, мнѣ бѣдному, объяви по щедротамъ Твоимъ: что Ты такое въ разсужденіи меня? И Ты возгремѣлъ съ высоты гласомъ великимъ во внутреннія ушеса сердца моего, и прервалъ глухоту мою, и услышахъ гласъ Твой; и просвѣтилъ слѣпоту мою, и узрѣлъ я свѣтъ Твой, и позналъ, яко Ты Богъ мой. Сего-то ради я сказалъ, что позналъ Тебя.

Ибо я позналъ Тебя, понеже Ты Богъ мой. Я позналъ Тебя единаго истиннаго Бога, и, Его же посланъ еси, Іисуса Христа. Было время, когда я не зналъ Тебя. Горе времени тому, въ которое я не зналъ Тебя; горе слѣпотѣ оной, когда я не зрѣлъ Тебя; горе глухотѣ оной, когда я не слышалъ Тебя. Я, будучи слѣпъ и глухъ, на созданную

ную красоту безобразно упадалЪ. И шы со мною былЪ, да я не былЪ сЪ Тобою. И шѣ вещи меня удаляли отЪ Тебя, которыя бы не существовали, естьли бы не вЪ Тебѣ. Ты просвѣтилЪ меня свѣте міра, и я узрѣлЪ Тебя, и возлюбилЪ Тебя. Ибо никто Тебя не любитЪ, токмо тотЪ, кто Тебя видитЪ; и никто Тебя не видитЪ, токмо тотЪ, кто Тебя любитЪ. Поздно я возлюбилЪ Тебя красото, сколь древняя, столь новая; поздно я возлюбилЪ Тебя. Горе времени тому, вЪ которое я не любилЪ Тебя!

Глава тридесять вторая.

Исповѣданіе истинныя вѣры.

Благодарю Тебя свѣте мой, что Ты просвѣтилЪ меня, и я позналЪ Тебя: какЪ же я позналЪ Тебя? ПозналЪ я Тебя единаго Бога, живаго и истиннаго Создателя моего; позналЪ Тебя, Творца неба и земли, видимыхЪ и невидимыхЪ, Бога всемогущаго, безсмертнаго и невидимаго, неописуемаго, безпредѣльнаго, вѣчнаго, неприступнаго, непостижимаго, недомыслимаго, непремѣняемаго, неизмѣримаго, безконечнаго, начало всѣхЪ видимыхЪ и невидимыхЪ тварей, имЪ же вся быша, которымЪ всѣ стоятЪ стихіи; котораго величество какЪ начала никогда не имѣло, такЪ и не престанетЪ во вѣки. ПозналЪ я Тебя единаго истиннаго Бога вѣчнаго, Отца и Сына и Духа

Свя-

Святаго: три лица, но едино существо, всеконечно простое и неразделимое естество; Отца ни отъ кого, Сына отъ Отца, и Духа Святаго отъ Него же: безъ начала, всегда, и безъ конца Бога трivпостаснаго и единаго Бога Вседержителя; едино всѣхъ тварей начало, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, духовныхъ и временныхъ; который всемогущею Твоею силою вдругъ отъ начала времени обѣ изъ ничего создалъ твари: духовную и тѣлесную, Ангельскую то есть и мiрскую, и потомъ человѣческую, какъ бы общую, изъ тѣла и духа составленную.

Позналъ я Тебя, и исповѣдую Тебя, Бога Отца нерожденна, Тебя, Сына отъ Отца рожденна, и Духа Святаго Утѣшителя не рожденна, но отъ Отца происходящаго, Святую и нераздѣлимую Троицу, въ трехъ равныхъ лицахъ единоестественныхъ и равновѣчныхъ: Троицу во единицѣ, и единицу въ Троицѣ, сердцемъ вѣруя въ правду, и усты исповѣдуя во спасенiе. Позналъ я Тебя истиннаго Бога и Господа нашего Iисуса Христа, Сына Божiя единороднаго, Создателя, Избавителя и Искупителя моего и всего рода человѣческаго; котораго исповѣдую отъ Отца рожденнаго прежде вѣкъ, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта; Бога истинна отъ Бога истинна, не сотворенна, но рожденна, единосущна Отцу и Святому Духу, имъ же вся быша,

крѣп-

крѣпко вѣруя и истинно исповѣдуя, Тебя Бога единороднаго Іисуса Христа для спасенія человѣковъ отъ всея Троицы, воплотившагося изъ Маріи присно Дѣвы, Святаго Духа содѣйствіемъ зачатаго, истиннымъ человѣкомъ ставшаго изъ души разумной и плоти человѣческой состоящаго.

Который по Божеству будучи единородный Сынъ Божій, безстрастенъ купно и безсмертенъ; по безмѣрной любви Твоей, которою возлюбилъ насъ, тотъ же самый Сынъ Божій по человѣчеству сдѣлался страстенъ и смертенъ, который для спасенія рода человѣческаго единъ Ты Сынъ Божій на древѣ крестномъ претерпѣти благоволилъ страсть и смерть, да насъ отъ смерти вѣчныя избавиши. И во адъ, гдѣ во тьмѣ сидѣли отцы наши, Начальникъ свѣта, снисшелъ, и въ третій день со славою воскресъ, принявъ священное тѣло, которое за грѣхи наши мертво лежало во гробѣ, и ожививъ, по Писанію, въ третій день, да Его одесную Отца посадиши. Ибо Ты, взявши съ собою изъ ада плѣнъ, которымъ плѣнилъ древній врагъ рода человѣческаго, истинный Сынъ Божій съ существомъ нашей плоти, то есть съ душею и плотію человѣческою, отъ Дѣвы славныя воспріятою, выше всѣхъ небесъ вошелъ, прошедъ всѣ чины Ангельскіе, гдѣ сѣдиши одесную Бога Отца, гдѣ источникъ живни

и

и свѣтъ неприступный, и миръ Божій, превосходящій всякое понятіе.

Тамъ Тебѣ Богу истинному и человѣку Іисусу Христу покланяемся, и вѣруемъ, исповѣдая, что имѣешь Отца Бога, и оттуду пришествія Твоего ждемъ судити живыхъ и мертвыхъ, и воздати всѣмъ добрымъ и злымъ по дѣломъ ихъ, содѣяннымъ въ сей жизни, или награжденіе, или наказаніе, чего каждой достоинъ будетъ, покоя, или скорби. Ибо воскреснутъ въ тотъ день отъ гласа силы Твоея всѣ человѣки, сколько ни восприняли душу человѣческую въ плоти своей, которую здѣсь имѣли, дабы цѣлой человѣкъ по заслугамъ своимъ или славу принялъ, или геенну. Ты самъ жизнь и воскресеніе наше, котораго Спасителя ждемъ, Господа Іисуса Христа, который преобразитъ тѣло смиренія нашего сообразно тѣлу славы своея.

Позналъ я Тебя Бога истиннаго, единаго, Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, единосущнаго и равновѣчнаго Отцу и Сыну, Утѣшителя и Ходатая нашего, на того же Бога и Господа нашего Іисуса Христа въ видѣ голубинѣ сошедшаго, и на Апостолахъ во языцѣхъ огненныхъ явившагося, который и всѣхъ святыхъ и избранныхъ Божіихъ отъ начала Твоея благодати дарованіемъ научалъ, и уста Пророкамъ ко изглаголанію чудесъ царства Твоего отверзъ; который отъ всѣхъ свя-

святыхЪ БожіихЪ со ОтцемЪ и СыномЪ купно покланяемЪ и прославляемЪ. СЪ которыми и я, сынЪ рабыни Твоея, сердцемЪ моимЪ прославляю имя Твое, понеже Ты просвѣтилЪ меня; ибо Ты истинный свѣтЪ, сіяніе прямое огня Божія, и учитель духовЪ; который помазаніемЪ ТвоимЪ наставляешь насЪ на всякую истинну; ДухЪ истинны, безЪ котораго не возможно угодить Богу, потому что Ты самЪ БогЪ отЪ Бога, и свѣтЪ отЪ свѣта, произходящій отЪ Отца свѣтовЪ неизглаголаннаго, и чрезЪ Его Сына, Господа нашего Іисуса Христа, вЪ мірЪ посылаемый, которымЪ соприсносущенЪ, равенЪ и совѣченЪ, пребывающій вЪ существѣ единыя Троицы, преестественно спрославляемый и соцарствующій.

ПознáлЪ я Тебя единаго Бога живаго и истиннаго, Отца и Сына и Святаго Духа, тройственнаго вЪ лицахЪ, единаго вЪ существѣ; котораго исповѣдую, покланяюся и прославляю всемЪ сердцемЪ моимЪ, истиннаго Бога единаго, святаго, безсмертнаго, невидимаго, непремѣняемаго, неприступнаго, недомыслимаго; единЪ свѣтЪ, едино солнце, единЪ хлѣбЪ, едину жизнь, едино благо, едино начало, единый конецЪ, единаго Творца неба и земли, которымЪ все живетЪ, которымЪ все существуетЪ, которымЪ все управляется, разпоряжается и оживляется, что ни есть на небѣ и на землѣ, и подЪ землею; кро-

мѣ котораго нѣтъ инаго Бога на небеси и на земли.

Такимъ-то образомъ я познал Тебя, Господи Боже, познателю мой! такъ-то я познал Тебя. Познал я Тебя вѣрою моею, Тобою мнѣ вдохновенною, свѣте мой, зрѣніе очей моихъ, Господи Боже мой, упованіе всѣхъ концевъ земли, радость, увеселяющая юность мою, и благо, поддерживающее старость мою. Ибо въ Тебѣ, Господи, восклицаютъ всѣ кости моя глаголющія: Господи! кто подобенъ Тебѣ? Кто подобенъ Тебѣ въ богахъ, Господи? Не котораго рука человѣческая сотворила, но который руки человѣческія создалъ. Идолы, языкъ, сребро и злато дѣла рукъ человѣческихъ: не тако Творецъ человѣковъ. Вси боги языкъ бѣсове, Господь же небеса сотворилъ. Господь той есть Богъ. Боги, не создавшіе небо и землю, да погибнутъ отъ неба и отъ земли; Бога, сотворшаго небо и землю, небеса и земля да благословятъ.

Глава тридесять третія.

О признаніи собственныя подлости.

Кто подобенъ Тебѣ и въ богѣхъ, Господи? Кто уподобися Тебѣ, величественный въ святости, страшный и хвальный, и творяй чудеса? Поздно позналъ я Тебя, свѣта истиннаго; поздно позналъ Тебя. Былъ облакъ великій и мрачный предъ очами суеты

моея,

моея, такъ что я не могъ видѣть Солнца правды и Свѣта истинны. Я былъ весь во тьмѣ; сынъ тьмы, тьму мою любилъ: потому что я свѣта не зналъ. Былъ слѣпъ, и слѣпоту мою любилъ, и изъ тьмы во тьму входилъ. Кто оттуда меня извелъ, гдѣ я былъ человѣкъ слѣпой и сѣдящій во тьмѣ и сѣни смертной?

Кто взялъ меня за руку и оттуда извелъ? Кто оный просвѣтитель мой? Я не искалъ Его, но Онъ самъ взыскалъ меня; я не призывалъ Его, а Онъ позвалъ меня. Кто онъ такой? Ты, Ты Господи Боже мой, милостивый и щедрый, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи; Ты святый Господи Боже мой, котораго исповѣдую всемъ сердцемъ моимъ, благодаря имени Твоему. Я Тебя не искалъ, Ты меня взыскалъ; я Тебя не призывалъ, Ты меня призвалъ.

Ибо Ты меня назвалъ по имени Твоему. Возгремѣлъ Ты съ высоты гласомъ великимъ во внутреннія ушеса сердца моего: да будетъ свѣтъ! и бысть свѣтъ, и отступилъ облакъ великій, и изчезъ облакъ мрачный, который покрывалъ глаза мои; и узрѣлъ свѣтъ Твой, и позналъ гласъ Твой, и сказалъ: воистинну, Господи, Ты Богъ мой, который извелъ меня изъ тьмы и сѣни смертныя, и призвалъ меня въ чудный свѣтъ Твой, и се! я вижу. Благодареніе Тебѣ, просвѣтитель мой. И я обратился и увидѣлъ тьму, въ которой находился; и

про-

пропасть мрачную, въ которой лежалъ: и содрогохъ и ужасохся, и рѣхъ: горе, горе тьмѣ моей, въ которой я былъ! горе, горе слѣпотѣ моей, въ которой я видѣть не могъ свѣта небеснаго! горе, горе прошедшему невѣдѣнію моему, когда я не познавалъ Тебя, Господи! Благодарю Тебя, Просвѣтитель и Избавитель мой, что Ты озарилъ меня, и я познавалъ Тебя, Правда вѣчная. Ты былъ во свѣтѣ, а я во тьмѣ, и за тѣмъ не познавалъ Тебя; понеже я просвѣщенъ быть не могъ безъ Тебя, и нѣтъ свѣта внѣ Тебя.

Глава тридесять четвертая.

Разсужденіе Божескаго величества.

Святе святыхъ, Боже непостижимаго величества, Боже боговъ и Господь господей, чудный, неизреченный, недомыслимый, отъ котораго на небеси содрогаютъ Ангельскія власти, которому покланяются всѣ господствія и престолы, и всѣ силы трепещутъ отъ лица Твоего; котораго могуществу и премудрости нѣсть числа; который основалъ міръ ни на чемъ, и море связалъ на воздухѣ, какъ въ мѣхѣ; всемощнѣйшій, святѣйшій и крѣпчайшій Боже духовъ, всякія плоти, отъ лица котораго бѣжитъ небо и земля, къ мановенію котораго всѣ рабολѣпно служатъ стихіи! Тебѣ да покланяются и прославляютъ всѣ твари Твои.

И

И я, сынъ рабыни Твоея, вѣрою моею въ Тебя преклоняю выю сердца моего подъ ноги величества Твоего, благодаря Тебѣ, что Ты благоволилъ милостію Твоею просвѣтить меня. Свѣтъ истинный, свѣтъ святый, свѣтъ сладостный, свѣтъ прехвальный, свѣтъ чудный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ сей, також и очи Ангельскія! се я зрю, благодарю. Се я вижу свѣтъ небесный блещетъ въ очахъ мысли моея лучь съ высоты отъ лица свѣта Твоего, и веселитъ всѣ кости моя. О когда бы совершилось во мнѣ! Умножи, молю, Творецъ свѣта, умножи то, что блещетъ во мнѣ. Да увеличится, прошу, и разпространится Тобою.

Что сіе, что я чувствую? Какой огнь согрѣваетъ сердце мое? Какой свѣтъ освѣщаетъ сердце мое? О огнь, присно горящій, и никогда не угасающій! воспламени меня. О свѣтъ, всегда сіяющій, и никогда не затмѣвающійся! просвѣти меня. О когда бы я горѣлъ Тобою! Огню святый! сколь Ты сладостно горишь, сколь сокровенно блещешь, сколь желательно жжешь! Горе тѣмъ, которые Тобою не просвѣщаются! О сіяніе истинное, просвѣщающее всякаго чистаго, котораго свѣтъ наполняетъ сей свѣтъ!

Горе слѣпымъ очамъ, которыя Тебя не видятъ, Солнце, освѣщающее небо и землю! Горе слѣпотствующимъ очамъ, которыя Тебя видѣть не могутъ! Горе отвращающим-

ся очамъ, чтобъ не видѣть Тебя истинный! Горе не отвращающимся отъ видѣнія суеты! Ибо не могутъ привыкшіе ко тьмѣ глаза зрѣть лучей истинны, и не разумѣютъ ничего о свѣтѣ разсуждать, которые живутъ во тьмѣ. Они смотрятъ на тьму, любятъ тьму, хвалятъ тьму, изъ тьмы переходя во тьму, не знаютъ, гдѣ сокрушатся. Нещастны, которые не знаютъ, чего лишаются; и нещастнѣйшіе, которые знаютъ, что теряютъ; которые падаютъ, отверстые имѣя глаза, и снизходятъ во адъ живые.

О свѣтъ блаженнѣйшій, который только чистѣйшими видимъ быть можешь очами! Блаженіи чисти сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Очисти меня, очищающая Сила; уврачуй очи мои, да здравыми очами узрю Тебя, котораго одни только здравыя зрятъ очи. Отъими, молю, чешую древняго мрака лучемъ Твоего освѣщенія, Свѣтлость неприступная, да возмогу Тебя увидѣть несбивчивымъ зрѣніемъ, и во свѣтѣ Твоемъ узрю свѣтъ. Благодарю Тебя, свѣте мой. Се, я вижу! Да разпространится, молю, зрѣніе мое Тобою. Открой очи мои, да узрю чудеса отъ закона Твоего: Ты удивителенъ во святыхъ Твоихъ. Благодарю Тебя, свѣте мой: вотъ я вижу, да еще въ зерцалѣ и гаданіи. Но когда лицемъ къ лицу? Когда пріидетъ день радости и ликованія, въ который вниду въ мѣсто селенія

нія чуднаго даже до дому Божія, да увижу видящаго меня лицемъ къ лицу, и насытится желаніе мое?

Глава тридесять пятая.

О желаніи и жаждѣ души.

Какъ желаетъ елень на источники водные, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Тебѣ, Боже. Возжада душа моя къ Тебѣ, Богу, источнику живому: когда пріиду и явлюся лицу Твоему? О источникъ жизни, токъ водъ живыхъ! когда пріиду къ водамъ сладости Твоея отъ земли пустыя, непроходимыя и безводныя, да увижу силу Твою и славу Твою, и утолю водами милосердія Твоего жажду мою? Жажду я, Господи! Ты источникъ жизни: утоли жажду мою. Жажду я, Господи, жажду Тебя, Бога живаго. О! когда пріиду и явлюся лицу Твоему, Господи? Увижу ли день тотъ, день, говорю, веселія и радости, день, который сотворилъ Господь, да возрадуемся и возвеселимся въ оной?

О день преславный и прекрасный, не имѣющій вечера, ни захожденія, въ которой услышу гласъ хваленія, гласъ воскликновенія и исповѣданія, въ которой услышу: вниди въ радость Господа твоего, вниди въ веселіе вѣчное, въ домъ Господа Бога твоего, гдѣ суть великая и недомыслимая и

чудная, имъ же нѣсть числа! Вниди въ веселіе безъ печали, которое содержитъ вѣчную радость; гдѣ будетъ всякое добро, и не будетъ никакого зла; гдѣ будетъ все, чего ни похочешь, а не будетъ ничего, чего не пожелаешь; гдѣ будетъ жизнь жизненная, сладкая и присноnамятная, гдѣ не будетъ врага нападающаго, и никакой прелести, но величайшая и прямая безопасность, безопасное спокойствіе и спокойная пріятность, пріятное благополучіе, благополучная вѣчность, вѣчное блаженство, и блаженная Троица, и Троицы единица, и единица Божество, и Божества блаженное видѣніе, которое есть радость Господа Бога твоего.

О радость, паче радости! радость, превосходящая всякую радость, безъ которой нѣтъ радости! когда я вниду въ тебя, да увижу Бога моего, который живетъ въ тебѣ? Пойду туда, и узрю видѣніе сіе великое. Что такое меня удерживаетъ? увы мнѣ! яко пришельствіе мое продолжися; увы мнѣ! доколѣ говорить станутъ мнѣ: гдѣ есть Богъ твой? Доколѣ будутъ говорить мнѣ: пожди, потерпи. И нынѣ кто ожиданіе (терпѣніе) мое? Не Спасителя ли ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа, который преобразитъ тѣло смиренія нашего сообразно тѣлу славы своея? Ожидаемъ Господа, когда возвратится отъ брака для введенія насъ на бракъ. Пріиди, Господи, и

не

не закосни. Пріиди, Господи Іисусе Христе, пріиди и посѣти насъ въ мірѣ; пріиди и изведи связневъ изъ темницы, да возрадуемся предъ Тобою сердцемъ совершеннымъ. Пріиди Спаситель нашъ, пріиди вожделѣнный всѣми языками, яви лице Твое, и спасемся. Пріиди свѣтъ мой, Искупитель мой, изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени святому Твоему.

Доколѣ я нещастный носимъ буду въ волнахъ мертвенности моей, вопія къ Тебѣ, Господи, и Ты не услышиши? Услыши вопіющаго къ Тебѣ, Господи, отъ сего моря великаго, и приведи меня къ пристанищу блаженства вѣчнаго. Благополучны тѣ, которые, избавившись отъ опасности моря сего, къ Тебѣ, Богу, пристанищу пребезопасному, притти удостоилися! О истинно щастливы, которые изъ моря на брегъ, изъ заточенія въ отечество, изъ темницы вошли въ палаты! они желаннымъ покоемъ блаженны, которые знаменіе оное вѣчныя славы, котораго здѣсь многими скорбьми искали, уже съ блаженною пріятностію получивши, радуются во вѣки! О истинно блаженные, о треблаженные и безчисленно блаженные, которые, уже избавившись всѣхъ золъ, безопасны о своей неувядаемой славѣ, къ Тебѣ, царству красоты, притти удостоились! О вѣчное царство, царство всѣхъ вѣковъ! гдѣ свѣтъ непрестающій и миръ Божій, превышающій всякій смыслъ; въ ко-

 то-

торомъ души святыхъ упокоеваются, и радость вѣчная на главахъ ихъ, въ которомъ радость и веселіе имѣть будутъ, и откуду отбѣжитъ болѣзнь и воздыханіе.

О сколь преславное царство, въ которомъ съ Тобою, Господи, всѣ святые царствуютъ, одѣты свѣтомъ, яко ризою, имѣющіи на главахъ своихъ вѣнцы отъ каменей драгихъ! О царство блаженства вѣчнаго, гдѣ Ты, Господи, упованіе святыхъ и вѣнецъ славы, лицемъ къ лицу зришися отъ святыхъ, возвеселяющъ ихъ отвсюду въ мирѣ Твоемъ, которой превосходитъ всякой умъ. Тамъ веселіе безконечное, радость безъ печали, здравіе безъ болѣзни, путь безъ труда, свѣтъ безъ темноты, жизнь безъ смерти, всякое добро безъ всякаго зла; гдѣ юность никогда не старѣетъ, гдѣ жизнь предѣла не имѣетъ, гдѣ красота никогда не блѣднѣетъ, гдѣ любовь никогда не хладѣетъ, гдѣ здравіе никогда не увядаетъ, гдѣ радость никогда не умаляется, гдѣ болѣзнь никогда не ощущается, гдѣ воздыханія никогда не слышно, гдѣ печальнаго ничего не видно, гдѣ веселіе всегда пребываетъ, гдѣ никакое зло не страшно, потому что тамъ высочайшее добро, которое состоитъ въ непрерывномъ видѣніи лица Господа силъ.

Почему благополучны тѣ, которые отъ сея превратныя жизни въ толикія радости уже внити удостоилися. Нещастливы, увы!

мы

мы бѣдные, которые по волнамъ сего великаго моря и по бурнымъ пучинамъ корабль влечемъ, не зная, возможемъ ли до пристанища достигнуть спасенія! Нещастливы, говорю, мы, которымъ жизнь въ заточеніи, животъ въ опасности, конецъ въ сомнѣніи, незнающіе окончанія нашего, понеже все будущее есть неизвѣстно! Еще мы на волнахъ морскихъ находимся, воздыхая къ Тебѣ, пристанищу моря. О отечество наше, отечество безопасное! мы издали тебя видимъ, съ сего моря тебя привѣтствуемъ, съ сея долины къ тебѣ воздыхаемъ, и силимся со слезами, какъ бы намъ до тебя дойти.

Надежда рода человѣческаго Христе, Боже отъ Бога, прибѣжище наше и сила, котораго свѣтъ издали во мрачныхъ туманахъ при обуреваніяхъ морскихъ, какъ лучь морской звѣзды освѣщаетъ очи наши, къ управленію насъ къ Тебѣ, пристанищу! управляй, Господи, корабль нашъ Твоею десницею, гвоздемъ креста Твоего, да не погибнемъ въ волнахъ, да не погрузитъ насъ буря водная, да не поглотитъ насъ глубина; но рогомъ креста извлеки насъ изъ сего моря къ Тебѣ, единому утѣшенію нашему, котораго мы издали какъ звѣзду утреннюю и солнце правды едва плачущими очами на брегу небеснаго отечества насъ ожидающаго видимъ.

Св:!

Се! мы къ Тебѣ вопіемъ искупленные Твои, но и теперь во изгнаніи находящіеся, которыхъ Ты драгою искупилъ кровію: услыши насъ, Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече. Мы на морѣ возмущенномъ находимся. Ты, на брегу стоя, зришь опасности наши: спаси насъ имени Твоего ради. Даруи намъ, Господи, дабы мы между камнями и пучинами моря сего такъ плыли и держали средину, чтобъ намъ, и той и другой избѣжавши опасности, съ неповрежденнымъ кораблемъ и товарами безопасно войти въ пристанище.

Глава тридесять шестая.

О славѣ отечества небеснаго.

Когда же мы придемъ къ Тебѣ, источнику премудрости, къ Тебѣ, свѣту неумаляющемуся, къ Тебѣ, свѣту неугасимому, видѣть Тебя уже не въ зерцалѣ и въ гаданіи, но лицемъ къ лицу: тогда насытится во благихъ желаніе наше; понеже ничего не останется желать, кромѣ Тебя, Господи, высочайшаго добра, который будешь наградою блаженныхъ и вѣнцемъ славы ихъ и радостію вѣчною на главахъ ихъ, упокоевая ихъ внутренно и внѣшно въ мирѣ Твоемъ, которой превосходитъ всякое понятіе. Тамъ мы увидимъ, возлюбимъ и прославимъ. Увидимъ во свѣтѣ Твоемъ

свѣтъ Твой, яко у Тебя источникъ живота, и во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ. Какой же свѣтъ? Свѣтъ неизмѣримый, свѣтъ безтѣлесный, нетлѣнный, непостижимый; свѣтъ неослабѣвающій, свѣтъ неугасимый, свѣтъ неприступный, свѣтъ несозданный, свѣтъ истинный, свѣтъ Божественный, который просвѣщаетъ очи Ангельскія, который веселитъ юность святыхъ, который есть свѣтъ свѣтовъ и источникъ жизни, который есть Ты, Господи Боже мой.

Ибо Ты свѣтъ, во свѣтѣ котораго узримъ свѣтъ, Тебя то есть въ Тебѣ, во свѣтлости лица Твоего, когда Тебя увидимъ лицемъ къ лицу. Что значитъ видѣть лицемъ къ лицу, какъ не то, что говорилъ Апостолъ, познать, какъ и я самъ познанъ; познать истинну Твою и славу Твою? Сіе значитъ познать лице Твое, познать Отца могущество, Сына премудрость, Духа Святаго милосердіе, самыя высочайшія Троицы едино и нераздѣлимое существо. Понеже видѣть лице Бога живаго есть высочайшее добро, радость Ангеловъ и всѣхъ святыхъ, награда жизни вѣчныя, слава духовъ, веселіе вѣчное, вѣнецъ славы, знаменіе благополучія, покой изобильный, красота міра, внутренняя и внѣшняя радость, рай Божій, Іерусалимъ небесный, жизнь блаженная, исполненіе блаженства. веселіе вѣчности, миръ Божій, превосходящій всякій умъ.

Сіе-

Сіе - то полное блаженство, и все прославленіе человѣка, видѣть лице Бога своего, видѣть Того, который сотворилъ небо и землю; видѣть Того, который создалъ его, который спаслъ его, который прославилъ его. Онъ увидитъ Его познавая, возлюбитъ любя, восхвалитъ обладая. Ибо Онъ самъ будетъ наслѣдіе людей своихъ, людей святыхъ, людей, Имъ искупленныхъ. Самъ достояніе благополучія ихъ, самъ награда и мзда ожиданія (терпѣнія) ихъ. Буду, говоритъ, мзда твоя безмѣрно велика; понеже великому великое прилично. Воистинну, Господи Боже мой, великъ Ты, безмѣрно надъ всѣми Богъ, и мзда Твоя превелика. Ибо когда бы не былъ великъ Ты, и мзда мала; но какъ Ты великъ, такъ велика мзда Твоя, понеже не иное Ты, не иное мзда Твоя: но Ты самъ безмѣрно великъ, Ты самъ награда безмѣрно великая: Ты самъ увѣнчатель и вѣнецъ, Ты самъ обѣщатель и обѣщаніе, Ты податель и даръ, Ты наградитель и награда благополучія вѣчнаго.

Почему Ты увѣнчатель и вѣнецъ, Боже мой, и вѣнецъ упованія моего, украшенный славою: свѣтъ возвеселяющій, свѣтъ обновляющій, красота украшающая, надежда моя великая, желаніе сердечное святыхъ, и вожделѣніе ихъ. И такъ видѣніе Тебя есть вся награда, вся мзда и вся радость, которую мы ожидаемъ. Ибо сіе то

жизнь

жизнь вѣчная, сія-то, говорю, премудрость Твоя. Сей есть животъ вѣчный, да познаемъ Тебя, единаго истиннаго Бога, и, Его же Ты послалъ, Іисуса Христа. Почему когда мы увидимъ Тебя единаго Бога, Бога истиннаго, Бога живаго, всемогущаго, простаго, невидимаго, неописаннаго, непостижимаго, и Сына Твоего единороднаго, соприсносущнаго, равновѣчнаго Тебѣ, Господа нашего Іисуса Христа, котораго Ты спасенія нашего ради послалъ въ міръ; и Духа Святаго, тройственнаго въ лицахъ, и единаго въ существѣ, Бога единаго святаго, кромѣ котораго нѣтъ Бога: тогда имѣть будемъ все, чего нынѣ ни желаемъ: жизнь вѣчную, славу безконечную, которую Ты уготовалъ любящимъ Тебя, которую сокрылъ боящимся Тебя, и которую Ты дашь ищущимъ лица Твоего всегда.

И Ты, Господи Боже мой, Создателю мой отъ чрева матери моея, которая меня вручила десницѣ Твоей! не попусти мнѣ болѣе изъ единаго развлекаться во многая, но обрати меня отъ наружности во внутренность мою, и отъ меня самаго къ Тебѣ; да речетъ Тебѣ всегда сердце мое: взыска Тебя лице мое; лица Твоего, Господи, взыщу, лица Господа силъ, въ которомъ единомъ состоитъ вся слава вѣчная блаженныхъ; которое видѣть есть животъ вѣчный, слава безконечная святыхъ. Почему да радуется сердце мое, всеже боятися

ся

ся имени Твоего. Да возвеселится сердце ищущихъ Господа, а гораздо болѣе сердце Его обрѣтающихъ. Ибо естьли радость бываетъ во взысканіи, то коликая радость въ пріобрѣтеніи! И такъ взыщу всегда горячо непрерывно лице Твое; можетъ быть наконецъ отверзется мнѣ дверь и врата правды, да вниду въ радость Господа моего. Сія врата Господня, праведніи внидутъ въ ня.

Глава тридесять седьмая.

Молитва ко Пресвятой Троицѣ.

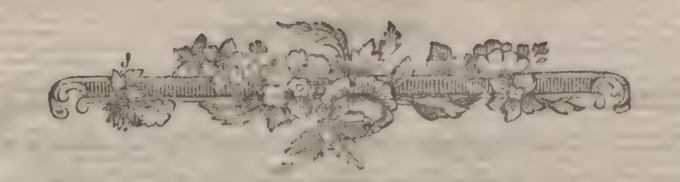
О три равныя и вѣчныя лицы, Богъ мой истинный, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, который единъ живешь въ вѣчности и въ свѣтѣ неприступномъ; который основалъ землю силою Твоею, и управляешь кругъ земный премудростію Твоею! Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Савасѳъ, страшный и крѣпкій, праведный и милостивый, чудный, хвальный, любезный. Единъ Богъ, три лица; едино естество, могущество, премудрость, благость, едина и нераздѣльная Троица! отверзи мнѣ вопіющему врата правды, и вшедъ въ ня, исповѣмся Тебѣ, Господи.

Се въ двери Твои, высочайшій дома сего Хозяинъ! я нищій толкаю. Повели отверзти толкущему Ты, который рекъ: толцыте, и отверзется. Ибо ударяютъ въ две-

двери Твои, Отецъ премилостивѣйшій, желанія рыкающаго сердца моего, и вопли слезные очей моихъ. Предъ Тобою все желаніе мое, и воздыханіе мое отъ Тебя не утаилось. И Ты, Господи, не отврати лица Твоего болѣе отъ меня, и не уклонися гнѣвомъ отъ раба Твоего. Отецъ щедротъ! услыши плачь сироты и подаждь руку Твою, благую помощницу, да извлечетъ меня изъ глубины водъ и изъ блата бѣдности и изъ грязи подлости, да не погибну въ виду милосердія лица Твоего и милостиваго благоутробія Твоего, но да приду къ Тебѣ, Господу Богу моему, видѣти богатство царства Твоего, и зрѣть лице Твое выну, и хвалити имя Твое святое. Господи! который творишь чудеса, который сердце мое веселишь памятію Твоею, который просвѣщаешь юность мою, не презри старость мою, но возвесели вся кости моя, и обнови, яко орлину, престарѣлость мою.

Конецъ.

РУЧНАЯ КНИЖКА БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

Глава первая.

О удивительномъ существѣ Божескомъ.

Ты, Господи, небо и землю наполняеши, все носиши безъ отягощенія, все наполняеши безъ включенія себя. Всегда Ты дѣлаешь, но всегда спокоенъ; собираеши, ничего не требуя; ищеши, все у себя имѣя; любиши, но не ревнуеши; ревнуеши, и безопасенъ; раскаяваешися, но не соболѣзнуеши; гнѣваешися, и въ себѣ спокоенъ; дѣла перемѣняеши, но совѣта не нарушаеши; пріемлеши все, что обрѣтаеши, но ничего не теряеши; всегда во всемъ достаточенъ, а о прибыли радуешися; никогда не сребролюбивъ, а лихву требуеши; подаеши, кому Ты не долженъ, или всегда Тебѣ подаютъ, чтобы Ты былъ должникомъ.

Кто имѣетъ что нибудь не Твое? Отдаеши долги, будучи никому не долженъ; оставляеши долги, но ничего не теряеши; Ты всюду находишися и вездѣ весь; Ты ощущаемъ быть можеши, но видимъ быть не можеши; Ты нигдѣ не не присутствуеши,

ши, но отъ помышленій нечестивыхъ далекъ еси: Ты и тамъ находишися, гдѣ далеко отстоиши; ибо гдѣ нѣтъ Тебя благодатію, тамъ присутствуеши мщеніемъ. Ты вездѣ присущъ, но обрѣсти Тебя не можно; мы за Тобою стоящимъ слѣдуемъ, но постигнуть Тебя не можемъ; Ты держиши все, наполняеши все, объемлеши все, превышаеши все, носиши все.

Который сердца вѣрныхъ научаеши безъ голоса и словъ, которой не протягаеши по мѣстамъ и по временамъ не премѣняешися, и не имѣеши ни приращенія, ни умаленія. Ты живеши во свѣтѣ неприступномъ, котораго ни одинъ человѣкъ не видалъ, да и видѣть не можетъ. Въ себѣ самомъ пребываеши спокоенъ, вездѣ и все окружаеши; ибо Ты не можеши быть раздробленъ, потому что Ты точно единъ, и на части не раздѣляешися, но цѣлъ; все содержиши, все наполняеши, все просвѣщаеши, всѣмъ обладаеши.

Глава вторая.

О несказанномъ всевѣденіи Божескомъ.

Хотя и весь міръ книгами наполненъ будетъ, но Твое неизглаголанное всевѣденіе изречено быть не можетъ. А поелику Ты неизреченъ, то никакимъ образомъ описать Тебя и опредѣлить не можно. Ты источникъ свѣта божественнаго и солнце

славы вѣчныя; великъ безъ количества, и потому неизмѣримъ; благъ безъ качества, и потому истинно и превосходно благъ, и никто же благъ, кромѣ Тебя; Твоя воля есть дѣло, Твое хотѣніе возможность; Ты все изъ ничего созданное одною сотворилъ волею; Ты всею тварію безъ всякія нужды обладаеши, безъ труда управляеши, безъ скуки разпоряжаеши, и ничто не можетъ поколебать порядокъ Твоего правленія ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ.

Ты находишися во всѣхъ мѣстахъ безъ мѣста, и все содержиши безъ окруженія, и вездѣ присущъ безъ положенія и движенія. Ты не виновникъ зла, потому что дѣлать онаго не можеши; Ты все можеши, и ни въ какомъ дѣлѣ никогда не раскаявался; Твоею благостію мы сотворены, правосудіемъ наказаны и милосердіемъ спасаемся; Твое всемогущество всю тварь управляетъ, разпоряжаетъ и наполняетъ. И не по тому Ты все наполняеши, что будто все Тебя содержитъ, но что все Тобою содержится. Да и не по частямъ наполняеши все, всеконечно такъ думать не должно, что будто каждая вещь по мѣрѣ своей величины Тебя вмѣщаетъ, то есть весьма великая болѣе, а самая малая менѣе; понеже Ты весь во всѣхъ и всяческая суть въ Тебѣ. Твое всемогущество все объемлетъ, и никто избѣжать отъ Твоего владычества не можетъ; ибо кто Тебя не имѣетъ

къ

къ себѣ милостивымъ, тотъ никакъ не избѣжитъ отъ Тебя прогнѣваннаго.

Глава третія.

О желаніи души, ощущающей Бога.

И такъ я Тебя, премилосердый Боже, призываю въ душу мою, которую Ты по вдохновенному ей отъ Тебя желанію пріуготовляеши къ воспріятію Твоему. Вниди, молю Тя, въ нее, и устрой ее достойною Твоего въ ней обитанія; да управляеши оною, которую Ты создалъ и возобновилъ; да имѣю я Тебя аки печать на сердцѣ моемъ. Прошу Тебя, всемилостиве, призывающаго не остави; ибо Ты самъ прежде моего призыванія меня позвалъ и сыскалъ, дабы я, рабъ Твой, Тебя искалъ, ища нашелъ, и нашедъ любилъ. Я искалъ и нашелъ Тебя, Господи, и любить Тебя желаю. Умножи желаніе мое, и просимое даруй; понеже хотя Ты мнѣ всѣ созданныя вещи вручишь, да естьли себя самаго мнѣ не даруешь, то не доволенъ ни мало тѣмъ рабъ Твой. И такъ даруй мнѣ Тебя самаго, Боже мой, даждь мнѣ себя; се я люблю Тебя, и естьли мало, да возлюблю болѣе. Сего-то ради любовію Твоею уязвляюся, желаніемъ къ Тебѣ горю и сладкимъ воспоминаніемъ о Тебѣ услаждаюся.

Вотъ въ то время, какъ мысль моя въ Тебѣ углубляется и о Твоей неизглаголанной

ной любви размышляетЪ, самая плотская тяжесть не обременяетЪ, волнованіе помысловЪ изчезаетЪ, бремя мертвенности и бѣдствій по обыкновенію не тревожитЪ; все утихаетЪ, все спокойно бываетЪ. Сердце пламенѣетЪ, духЪ ликовствуетЪ, память цвѣтетЪ, свѣтитЪ разумЪ и вся душа, возгорѣвЪ желаніемЪ видѣти Тебя, зритЪ себя восхищаему любовію кЪ невидимымЪ. Да воспріиметЪ духЪ мой крылѣ, яко орлины, да паритЪ и не ослабѣетЪ, да возлетитЪ до красоты дому Твоего и до престола славы Твоея, и тамЪ на трапезѣ увеселенія небесныхЪ гражданЪ да насытится отЪ тайныхЪ ТвоихЪ на мѣстѣ злачнѣ при источникахЪ преисполненныхЪ. Ты надежда наша, спасеніе и избавленіе, буди самЪ нашею радостію; Ты буди нашимЪ веселіемЪ, который будеши нашимЪ награжденіемЪ; Тебя непрестанно да ищетЪ душа моя, и Ты сотвори, чтобЪ она, ища Тебя, не ослабѣвала.

Глава четвертая.

О бѣдности души, которая Господа нашего Іисуса Христа не любитЪ и не ищетЪ.

Горе бѣдной душѣ, которая Христа не ищетЪ и не любитЪ! она остается бѣдна и нещастна. ПогубляетЪ жизнь, кто Тебя, Бога, не любитЪ; кто старается жить не ради Тебя, Господи, тотЪ ничто есть;

кто

кто Тебѣ жить не хочетъ, тотъ мертвъ; кто съ Тобою не мудрствуетъ, тотъ безумствуетъ. Премилостиве! Тебѣ я себя вручаю и отдаю, чрезъ котораго существую, живу и мышлю; на Тебя надѣюся, уповаю и всю надежду мою полагаю, чрезъ котораго возстану, оживу и упокоюся; Тебя желаю, люблю и покланяюся, съ которымъ пребуду, воцарюся и блаженнымъ содѣлаюся. Душа, которая Тебя не ищетъ и не любитъ, та міръ любитъ, грѣху работаетъ и пороку служитъ, никогда не спокойна, всегда въ страхѣ и опасности. Да служитъ Тебѣ, всевожделѣннѣйшій, мысль моя, да воздыхаетъ къ Тебѣ непрестанно пришельствіе мое, да горитъ въ любви Твоей сердце мое.

Да опочіетъ въ Тебѣ, Боже, духъ мой, да созерцаетъ Тебя въ восхищеніи умъ мой, да воспѣваю хвалы Твоя въ восклицновеніи; и сіе да будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ заточеніи моемъ, да удалится мысль моя отъ помышленій о мірѣ семъ подъ тѣнь крылъ Твоихъ, да ликовствуетъ въ Тебѣ сердце мое, сіе море великое, надымающееся волнами. О неистощимый всѣхъ благихъ источникъ, прещедрый небеснаго насыщенія подателю Боже! подаждь гладомъ изтаевающему пищу, собери разточеннаго, освободи плѣннаго и уврачуй уязвленнаго. Се стоитъ при дверяхъ и толкаетъ! Молю Тебя источника щедротъ, которыми Ты, Востокъ

съ высоты, посѣтилъ насъ; повели толкущему бѣдному отверзти, да свободно внидетъ къ Тебѣ, и прохладится въ Тебѣ, и да насытится Тобою, хлѣбомъ небеснымъ; ибо Ты и пища и жизнь, Ты свѣтъ вѣчныя славы, Ты все то, чѣмъ праведные, Тебя любящіе, живутъ.

Глава пятая.

О желаніи души.

Боже, Свѣте сердецъ, Тобою плѣненныхъ, и жизнь душъ, Тебя любящихъ, и сила помышленій, Тебя ищущихъ! подаждь, чтобъ я ко святой любви Твоей прилѣпился. Пріиди, молю, въ сердце мое и отъ изобилія сладости Твоея упой его, да забудетъ вся сія временная. Стыжусь я, и не хочу то сносить, что міръ сей дѣлаетъ. Прискорбно мнѣ все то, что вижу, досадно все, что слышу о преходящихъ міра сего. Помоги мнѣ, Господи Боже мой, и всели оную радость въ сердцѣ моемъ, чтобъ въ немъ обиталъ Ты. Тѣсенъ домъ души моея, но вниди въ него и разпространится; онъ весь развалился, возобнови его, въ немъ премного того, что оскорбляетъ очи Твои, признаюся и знаю; но кто очиститъ его, или къ кому иному возопію: отъ тайныхъ моихъ очисти мя, отъ чуждыхъ пощади раба Твоего?

Сладчайшій Іисусе Христе! даруй мнѣ, чтобъ я, любя Тебя и воспламеняяся желаніемъ Твоимъ, сложилъ тяжесть плотскихъ вожделѣній и земныхъ похотѣній. Да управляетъ тѣломъ душа, душею разумъ, разумомъ благодать Твоя, и всего меня внѣшно и внутренно покори волѣ Твоей. Даруй мнѣ, да восхвалитъ Тебя сердце мое, языкъ мой и вся кости моя; распространи мысль мою и возвыси зрѣніе духа моего, да хотя единымъ краткимъ помышленіемъ касается Тебя, вѣчныя премудрости, надъ всѣми пребывающія. Разрѣши меня, молю, отъ узъ, которыми я связанъ, да оставя вся сія земная, Тебѣ служу, къ Тебѣ единому прилѣплюся, Тебѣ единому внимаю.

Глава шестая.

О благополучіи души, освободившейся отъ земной темницы.

Блаженна душа та, которая, свободившись отъ земной темницы, восходитъ въ небо; которая Тебя, сладчайшаго Господа, лицемъ къ лицу зритъ. Она никакимъ страхомъ не поражается, но о нетлѣнности вѣчныя славы радуется; она спокойна и безопасна, уже не боится ни врага, ни смерти. Получила она Тебя, благаго Господа, котораго долгое время искала и всегда любила; она, съ хорами пѣвцевъ сово-

 ку-

купившись, медоточныя вѣчнаго торжества пѣсни въ похвалу славы Твоея, Царю Христе, благій Іисусе, во вѣки воспѣваетъ; ибо она упоена отъ обилія дому Твоего, и Ты потокомъ сладости Твоея напоеваешь ее. Блаженно общество небесныхъ гражданъ, и преславно торжество всѣхъ восходящихъ отъ сего многотруднаго странствованія нашего къ Тебѣ, къ величію благолѣпія, къ красотѣ всея славы, къ достоинству всего изящества. Тамъ Тебя, Господи, непрестанно граждане Твои видятъ; ничего тамъ, что бы мысль смутило, не слышно.

Какіе тоны! какіе органы! какія восклицанія! какія сладкія пѣсни тамъ безконечно воспѣваются! Раздается тамъ непрестанно шумъ похвалъ и пресладкіе Ангельскіе гласы, и пѣсни пѣсней чудныя, которыя въ похвалу и славу Твою отъ небесныхъ гражданъ воспѣваются. Горесть и всякая острѣйшая печаль во странѣ Твоей мѣста не имѣютъ; ибо нѣтъ тамъ ни зла, ни злобы, нѣтъ врага и непріятеля, никакой нѣтъ грѣховной прелести; никакой тамъ нѣтъ ни въ чемъ нужды, никакой нестройности, никакой ссоры, никакого поношенія, никакого обвиненія, никакого страха, никакого безпокойства, никакой казни, никакого сомнѣнія, никакого насилованія, никакого раздора, но тамъ миръ и тишина величайшая, любовь совершенная,

вос-

восклікновеніе и хвала Богу вѣчная, въ вѣки ненарушимый покой и радость непрестанная въ Духѣ Святомъ.

О! сколь благополученъ я буду, естьли услышу всепріятнѣйшія гражданъ Твоихъ пѣнія, стихи медоточные, похвалу высочайшей Троицѣ восписующіе! и безмѣрно блаженъ, естьли я самъ удостоюся воспѣть пѣснь Господу Іисусу Христу отъ сладкихъ пѣсней Сіонскихъ.

Глава седьмая.

О веселіи райскомъ.

О жизнь жизнодательная, жизнь вѣчная и вѣчноблаженная! гдѣ радость безъ печали, покой безъ труда, честь безъ опасности, богатство безъ утраты, здоровье безъ болѣзни, изобиліе безъ недостатка, жизнь безъ смерти, вѣчность безъ тлѣнія, блаженство безъ бѣдствія, гдѣ вся благая, гдѣ видѣніе и зрѣніе лицемъ къ лицу, гдѣ полное всего знаніе, гдѣ самая высочайшая Божія благость и свѣтъ немерцаемый, гдѣ самое настоящее величество Божіе; и симъ-то всѣмъ мысль небожителей тамо насыщается. Они видятъ то непрестанно и непрестанно видѣть желаютъ; желаютъ безъ скуки и насыщаются безъ возгнушенія; гдѣ истинное Солнце правды видомъ чуднымъ красоты своея всѣхъ услаждаетъ, и такъ всѣхъ небеснаго отечества гражданъ освѣ-

освѣщаетъ, что они сами сіяютъ; они-то тамъ дѣлаются свѣтомъ, просвѣщеннымъ отъ Божескаго свѣта, просвѣщающаго паче всякаго нынѣшняго солнечнаго сіянія и паче свѣтлости всѣхъ звѣздъ; они соединившись съ безсмертнымъ Божествомъ, сами стали быть безсмертными и нетлѣнными по обѣщанію Господа Спасителя. Отче! ихъ же далъ еси мнѣ, хощу, да идѣже азъ есмь, и тіи будутъ со мною, да видятъ славу мою, да вси будутъ едино, якоже Ты; Отче во мнѣ, и азъ въ Тебѣ, и они въ насъ едино да будутъ.

Глава осьмая.

О царствѣ небесномъ.

Царство небесное, царство преблагополучное, царство ни разрушенія, ни конца неимѣющее, ни перемѣнамъ времени неподлежащее, гдѣ непрерывный день, гдѣ побѣдоносный воинъ несказанными за подвиги свои ублажается почестями, и добродѣтель вѣнцемъ вѣчныя славы увѣнчавается.

О когда бы мнѣ, послѣднему рабу Христову, благоволила благость Божія, оставивши всѣ грѣхи, сложить сію тѣлесную тяжесть, дабы я въ вѣчные его грады, исполненные веселія, съ радостію взошелъ, съ святѣйшими небесными хорами совокупился, съ блаженнѣйшими духами предъ славою Создателя предсталъ, самое лице

Божіе

Божіе узрѣлъ и къ тому уже никакимъ страхомъ смерти не поражался, о нетлѣніи вѣчнаго безсмертія веселилсябъ безопасно, и со всевѣдущимъ соединившись, отъ мрака невѣденія свободился бы, вся земная презрѣлъ, на юдоль сію плачевную никогда бы воззрѣть, или и вспомнить объ ней не восхотѣлъ бы! Въ ней жизнь многотрудная, жизнь тлѣнію подлежащая, всякою горестію наполненная, жизнь владѣющая зломъ и работающая аду, которую излишества надымаютъ, болѣзни истощаваютъ, воздухъ заражаетъ, пища утучняетъ, постъ сушитъ, забавы разслабляютъ, печали раздробляютъ, заботы стѣсняютъ, безопасность портитъ, богатство напыщаетъ, скудость низвергаетъ, молодость возвышаетъ, старость сгорбляетъ, немощь сокрушаетъ, скорбь подавляетъ; въ оной діаволъ нападаетъ, міръ ласкательствуетъ, плоть соблазняетъ, душа ослѣпляется и человѣкъ смущается. А послѣ сихъ столь многихъ и толикихъ приключеній наступаетъ немилосердая смерть, и всѣ пустыя веселости такъ прекращаетъ, что потомъ кажется, что будто ихъ и не бывало.

Глава девятая.

Какимъ образомъ Богъ душу послѣ многаго ея плача утѣшаетъ.

Но какія хвалы, или какія благодаренія принести можемъ Тебѣ, Боже нашъ, что Ты

Ты насъ въ сихъ толикихъ мертвенности нашея скорбяхъ и печаляхъ не престаеши утѣшать чуднымъ посѣщеніемъ благодати Твоея? Се я нещастный, многими печалями обремененный, когда конца жизни ужасаюся, когда грѣхи мои разсуждаю, когда суда Твоего страшуся, когда о смертномъ часѣ размышляю, когда мученій адскихъ трепещу, когда того не знаю, съ какимъ испытаніемъ и строгостію дѣла мои Тобою судимы будутъ, когда и сего, какимъ образомъ ихъ окончаю, совсѣмъ не вѣдаю.

Когда сіе и иное многое въ себѣ размышляю, тогда Ты, Господи Боже, по обычному благоутробію Твоему со утѣшеніемъ являешися и посредѣ сихъ волнованій, посредѣ плача моего и глубокихъ сердечныхъ воздыханій возводиши печальную и прискорбную мысль выше высоты горъ, даже до домовъ ароматныхъ, и постановляеши меня на мѣстѣ пажити при источникахъ сладкихъ водъ, гдѣ представляеши предъ лицемъ моимъ трапезу многоразличную, которая бы утружденный духъ усладила и сердце плачевное возвеселила; которыми сладостями насладившись и многія бѣдности мои забывши, вознесенъ будучи превыше высоты земной, въ Тебѣ, истинномъ покоѣ, сладко упокоеваюся.

Глава десятая.

О сладости любви Божеской.

Люблю Тебя, Боже мой, люблю Тебя и любить безмѣрно желаю. Даруй мнѣ, Господи Боже мой, краснѣйшій отъ сыновъ человѣческихъ, чтобъ я желалъ Тебя, чтобъ любилъ Тебя, сколько желаю и сколько долженствую. Ты неизмѣримъ, и безъ мѣры любимъ быть долженствуешь, особливо нами, которыхъ Ты толико возлюбилъ, такъ спасъ, за которыхъ толикая и таковая содѣялъ.

О любовь, которая непрестанно горишь и никогда не угасаешь! Сладчайшій Христе, благій Іисусе, любве Боже мой! воспали меня всего огнемъ Твоимъ, любовію Твоею, сладостію Твоею, любленіемъ Твоимъ, желаніемъ Твоимъ, пріятностію Твоею, благостію и сладостію Твоею, утѣшеніемъ и вожделѣніемъ Твоимъ, которое есть свято и благо, непорочно и чисто, чтобъ я весь сладостію любви Твоея наполнившись, всемъ пламенемъ Твоего любленія пылая, возлюбилъ Тебя, Господа моего пресладчайшаго и прекраснѣйшаго, всемъ сердцемъ моимъ, всею душею моею, всѣми силами моими и всемъ устремленіемъ моимъ со многимъ сердечнымъ сокрушеніемъ и источникомъ слезнымъ, со многимъ страхомъ и трепетомъ, имѣя Тебя въ сердцѣ и въ устахъ и предъ глазами моими всегда и

вез-

вездѣ такъ, чтобы никакого во мнѣ не осталось мѣста любви прелюбодѣйной.

Глава первая надесять.

О пріуготопленіи къ тайнѣ искупленія нашего.

Прекраснѣйшій Іисусе Христе! молю Тебя чрезъ оное святѣйшее излїяніе дражайшія крови Твоея, которою мы искуплены; даруй мнѣ сердца сокрушеніе и источникъ слезъ, особливо тогда, когда я молитвы и моленія Тебѣ приношу, когда тайну нашего искупленія, явное Твоего милосердія знаменіе, отправляю и совершаю; когда предъ священнымъ жертвенникомъ, аще и недостоинъ, предстою, желая принести Тебѣ оную страшную и небесную жертву, всякаго высокопочитанія и благоговѣнія достойную, которую Ты, Господи Боже мой, Священникъ непорочный, установилъ и приносити повелѣлъ въ воспоминовеніе Твоея любви, то есть смерти и страданія за спасеніе наше, въ повсядневное немощи нашея обновленіе.

Да подкрѣпляется мысль моя при толикомъ таинствѣ сладчайшимъ присутствіемъ Твоимъ, да ощущаетъ Тебя присущаго и да радуется предъ Тобою, который огнь, всегда свѣтящій, любовь, всегда горящая. Сладчайшій Христе, благій Іисусе, свѣте вѣчный и непомеркающій, хлѣбе жизни,

насъ

насѣ насыщающій и вѣ себѣ самѣ неумаляющійся, повсядневно снѣдаемый, но всегда цѣлѣ пребывай! явися мнѣ, воспламени, просвѣти и освяти сосудѣ Твой; отѣ худобы очисти, наполни благодатію и наполненный сохрани, да во спасеніе души моей ямѣ хлѣбѣ тѣла Твоего; поелику ядя Тебя, живѣ буду отѣ Тебя, живѣ буду Тобою, пріиду кѣ тебѣ и возвеселюся вѣ Тебѣ.

Глава втораянадесять.

О радости.

О сладость прелюбезная и любовь пресладкая! да насыщается Тобою чрево мое, и Тобою да наполнится утроба моя, и да отрыгнетѣ мысль моя слово благо. Ты, Боже мой, любовь моя, медѣ сладкій, млеко наимягчайшее, пища и веселіе! сотвори, чтобѣ я ялѣ Тебя. Ты жизнь моя, которою я живу; надежда, кѣ которой прилѣпляюся; слава, которую получить желаю. Ты обладай моимѣ сердцемѣ, мыслію управляй, разумѣ просвѣти, любовь возвыси, душу привлеки, и кѣ превыспреннимѣ источникамѣ жаждущій Тебя духѣ мой воскриляй.

Да утихнетѣ, молю, волнованіе плоти, да изчезнутѣ воображенія о землѣ и водѣ, о воздухѣ и небѣ; да умолкнутѣ сновидѣнія и происходящія отѣ воображеній явленія: всякой языкѣ, всякое знаменіе и все

 из-

изчезающее. Да молчитъ и самая душа и да оставитъ себя, ни мало не помышляя о себѣ, но о Тебѣ, Боже мой; понеже Ты, о Боже! единъ вся надежда и упованіе мое; ибо находится въ Тебѣ, Богѣ и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ пресладчайшемъ, человѣколюбивѣйшемъ и премилостивѣйшемъ, каждаго изъ насъ часть плоти и крови. Такъ гдѣ моя часть царствуетъ, тамъ, вѣрю, что и я царствую; гдѣ кровь моя владычествуетъ, тамъ, уповаю, что и я владычествую. Гдѣ плоть моя прославляется, тамъ и я себя нахожу прославляемаго. Хотя я и грѣшенъ, но на сіе соединеніе благодатное уповаю.

Глава третіянадесять.

Слопо поплощенное есть наше упопаніе.

Господь нашъ не таковъ, который бы не любилъ плоть свою, члены свои, утробу свою. Отчаяться бы я могъ ради многихъ грѣховъ моихъ и пороковъ, преступленій и безчисленныхъ нерадѣній моихъ, которыя содѣлалъ и ежедневно не престая дѣлаю сердцемъ, устами и вещію и всѣми образами, которыми человѣческая немощь грѣшить можетъ, естьли бы Слово Твое, Боже мой, плотію не стало и въ насъ не обитало.

Но уже отчаяваться не дерзаю; понеже Онъ послушливъ Тебѣ былъ даже до смерти, смерти же крестныя, понесъ на Себѣ рукописаніе грѣховъ нашихъ, и пригвоз-

гвоздивъ оное ко кресту, грѣхъ распялъ и смерть. А въ немъ я безопасенъ почиваю, который сидитъ одесную Тебя и ходатайствуетъ о насъ. На Него уповая, къ Тебѣ притти желаю, въ которомъ мы уже воскресли и ожили, уже на небо взошли и на небесныхъ посажены; Тебѣ хвала, Тебѣ слава, Тебѣ честь, Тебѣ благодареніе.

Глава четвертаянадесятъ.

Что чѣмъ большее о Богѣ выпаетъ размышленіе, тѣмъ оно сладчае.

О всеблагій Господи, который насъ такъ возлюбилъ и спасъ, такъ оживотворилъ и возвысилъ! Всемилостивый Господи! сколь сладостно воспоминаніе Твое! Чѣмъ болѣе я о Тебѣ размышляю, тѣмъ Ты мнѣ сладчае и любезнѣе. Весьма услаждаютъ меня благая Твоя чистымъ мысли воззрѣніемъ и всепріятнѣйшимъ нелицемѣрныя любви прилогомъ, на мѣстѣ странствованія моего по мѣрѣ моей. Но покамѣстъ въ семъ тлѣнномъ и немощномъ нахожуся тѣлѣ, чудной Твоей любви и красоты непрестанно желать и объ ней размышлять хощу; ибо я стрѣлою любви Твоея уязвленъ, Твоимъ желаніемъ безмѣрно горю, къ Тебѣ притти стремлюсь, Тебя видѣть желаю. Чего ради стану на стражѣ моей и бодрствуя воспою духомъ, воспою и мыслію и всѣми силами моими Тебя, Создателя и Об-

новителя моего восхвалю. Мыслію взыду на небо, и желаніемъ буду съ Тобою, такъ что хотя тѣломъ и стану находиться въ настоящей бѣдности, но съ Тобою всегда помышленіемъ, преклонностію и всемъ желаніемъ; и сердце мое тамъ будетъ, гдѣ Ты, сокровище мое вожделѣнное, несравненное и прелюбезное.

Но се, Боже мой преблагій и премилосердый! когда я о славѣ Твоея неизмѣримыя благости и любви разсуждать хочу, то умъ мой къ тому не доволенъ; ибо превосходитъ всякое понятіе человѣческаго разума Твоя сила, Твоя слава, Твое великолѣпіе, Твое величество и любовь Твоя. Какъ непостижимъ есть свѣтъ Твоея славы, такъ неизреченно вѣчныя Твоея любви человѣколюбіе, которымъ Ты созданныхъ Тобою изъ ничего дѣлаешь сынами и съ собою соединяешь.

Глава пятаянадесять.

Что надобно желать для Христа нещастій въ сей жизни.

О душа моя! естьли бы ежедневно надлежало сносить мученія, ежели бы самую муку геэнскую чрезъ долгое время претерпѣть для того, чтобъ Христа во славѣ Его увидѣть и со святыми Его соединиться, то не должно ли бы было снести всякую скорбь, чтобъ толикаго благополучія и толикой славы участниками намъ быть? Почему пустъ

пусть демоны строять свои искушенія, пусть посты удручають тѣло, одежда оскорбляеть плоть, труды отягощають, бодрствованія изсушають, пусть поноситъ меня сей, безпокоитъ тотъ и тотъ, пусть стужа стужаетъ, разсудокъ упрекаетъ, жаръ сожигаетъ, пускай голова разсѣдается, пускай грудь пламенѣетъ, пускай надымается желудокъ и пускай блѣднѣетъ лице, да немощенъ буду весь, да изнеможетъ въ болѣзни животъ мой и лѣта моя въ воздыханіяхъ; пусть внидетъ гнилость въ кости моя и подо мною да течетъ, только чтобы я опочилъ въ день печали и вошелъ въ лики торжествующихъ.

Ибо коликая будетъ слава праведныхъ! коль велика радость святыхъ, когда каждое лице возсіяетъ, какъ солнце; когда, раздѣливши лики, людей своихъ Господь въ царствіи Отца своего начнетъ призывать, и по дѣламъ и заслугамъ каждому, какъ Онъ обѣщалъ, воздастъ за земныя небесныя, за временныя вѣчныя, за малыя великія! Поистиннѣ стеченіе благополучія будетъ, когда Господь приведетъ святыхъ своихъ въ видѣніе славы Отеческія и посадитъ на небесныхъ, и когда Онъ будетъ всяческая во всѣхъ.

Глава шестаянадесять.

Какимъ образомъ можно царство небесное получить.

О блаженная сладость и сладкое блаженство, видѣть святыхъ, быть со святыми и быть святымъ, видѣть Бога, имѣть Бога во вѣки и далѣе! О семъ-то мы тщательно и непрестанно помышлять должны, сего-то всемъ вожделѣніемъ желать, дабы намъ сего достигнуть. Естьли спросишъ, какимъ образомъ то быть можетъ, или какими заслугами и какимъ способомъ? слыши: сіе въ волѣ состоитъ дѣлателя; ибо царство небесное нудится.

Царство небесное, о человѣкъ! иной не требуетъ цѣны, какъ только тебя; оно столько стоитъ, сколько ты. Отдай себя, и получишь его. Что безпокоишься о цѣнѣ? Христосъ себя предалъ, чтобъ тебя пріобрѣсти въ царство Богу и Отцу: такъ и ты себя отдай, да будеши Его царство, и да не царствуетъ грѣхъ въ твоемъ мертвенномъ тѣлѣ, но духъ въ пріобрѣтеніи живота.

Глава седьмаянадесять.

Что такое рай и что въ немъ имѣется?

О душа моя! возвратимся во градъ небесный, въ которомъ мы написаны и гражданами опредѣлены. Какъ сожители святыхъ и присные Богу, и какъ наслѣдники Божіи,

Божіи, а сонаслѣдники Христовы, помыслимъ о славномъ града нашего блаженствѣ, сколько объ немъ помыслить можемъ. Почему скажемъ со Пророкомъ: о сколь преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій, яко веселящихся всѣхъ жилище въ тебѣ; ибо ты основанъ на воскликновеніи всея земли. Нѣтъ въ тебѣ старости, ни дряхлости; нѣтъ ни безрукаго, ни хромаго, ни горбатаго, ни безобразнаго; всѣ понеже востекаютъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста красоты Христовой.

Что сея жизни блаженнѣе, гдѣ нѣтъ страха отъ нищеты, ни болѣзненной слабости? Никто не оскорбляется, никто не гнѣвается, никто не завидитъ, никакой не возстаетъ похоти, никакой пищи желаніе, никакой чести, или власти не трогаетъ кичливость, никакой нѣтъ тамъ отъ діавола ужасти, нападковъ и козней демонскихъ никакихъ, боязнь геэнны удалена; нѣтъ смерти ни тѣлесной, ни душевной, но безсмертіе, но жизнь; никакихъ не будетъ злоключеній, нигдѣ не будетъ раздора, но всякое спокойствіе; понеже между всѣми святыми будетъ согласіе; повсюду миръ и радость владычествуетъ, все спокойно и тихо. Всегдашнее сіяніе не такое, какое нынѣ видимъ, но толико свѣтлѣйшее, колико блаженнѣйшее; ибо градъ тотъ (какъ читаемъ) не востребуетъ солнца, ниже луны, но Господь Вседержитель освѣ-

щать будетъ его, и свѣтильникъ его Агнецъ, въ которомъ святые возсіяютъ, какъ звѣзды въ безконечныя вѣчности, и какъ дуга на тверди, наставляющіе многихъ.

Почему тамъ никакой не будетъ ночи, никакой темноты, никакого стеченія облаковъ, никакой стужи, ни жара, но такой благорастворенный воздухъ, какого ни око не видывало, ни ухо не слыхивало, и на сердце человѣку не всходило, развѣ только тѣмъ, которые онымъ наслаждаться удостоиваются, которыхъ имена написаны въ книгѣ жизни. Но паче сего всего соединиться съ хорами Ангеловъ и Архангеловъ и всѣхъ небесныхъ силъ, зрѣть Патріарховъ, видѣть Апостоловъ и всѣхъ святыхъ, видѣть и родителей нашихъ. Преславно сіе, но много преславнѣе зрѣть присущее лице Божіе и неописанный видѣть свѣтъ. Преизбыточествующая слава будетъ, когда узримъ Бога, и будемъ имѣть въ себѣ самихъ, которому видѣнію не будетъ конца.

Глава осьмаянадесять.

Что человѣкъ не можетъ Богу равномѣрно воздать, развѣ любовію.

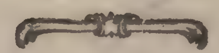
Душа, Божіимъ почтенная образомъ, украшенная подобіемъ, имѣетъ въ себѣ самой отъ Бога, чѣмъ убѣждаема бываетъ всегда или присутствовать съ нимъ, или къ нему возвращаться, естьли когда, страсть-

ми

ми будучи отвлеченная, удалится отъ Него. И не токмо она имѣетъ то, что ее благонадежною творитъ въ полученіи прощенія и милосердія, но и то, что производитъ въ ней дерзновеніе устремляться на бракъ Слова, и съ Богомъ взойти въ дружественный союзъ, съ Царемъ Ангеловъ соединиться сладкою любовію.

Все сіе дѣлаетъ любовь, естьли будетъ подобна Богу своею волею, которому подобна по существу, любитъ такъ, какъ и сама любима; ибо одна только любовь изъ всѣхъ душевныхъ свойствъ, чувствованій и наклонностей есть такая, которою можетъ тварь, хотя и несоразмѣрно, соотвѣтствовать своему Создателю, или Ему равное воздать. Гдѣ любовь вселяется, тамъ всѣ прочія къ себѣ привлекаетъ и плѣняетъ наклонности. Любовь сама собою достаточна, сама собою мила и ради себя, сама заслуга, сама награда, сама причина, сама плодъ и упражненіе; понеже мы любовію соединяемся съ Богомъ.

Любовь дѣлаетъ въ двухъ одинъ духъ. Любовь сперва склонности исправляетъ, потомъ о всемъ, что ни имѣетъ, такъ помышляетъ, аки бы того вовсе не было; втретьихъ, чистымъ сердца зрѣніемъ взираетъ на превыспренняя и внутренняя. Любовію сперва въ свѣтѣ все честное совершается, потомъ вся благая вѣка сего презираются, и наконецъ самая внутренность Божія созерцается.

Глава девятаянадесять.

Что Богъ требуетъ въ насъ себѣ нѣчто подобнаго.

Богъ Отецъ, любовь, Богъ Сынъ, любленіе, Духъ Святый, Отца и Сына любовь. Сія любовь и сіе любленіе требуетъ отъ насъ нѣчто подобнаго, то есть любовь, которою какъ нѣкоторымъ кровнымъ сродствомъ съ Нимъ соединяемся и связуемся. Любовь, достоинства незнающая, боязни не имѣетъ. Любящій съ дерзновеніемъ приступаетъ къ Богу и дружески съ Нимъ разглагольствуетъ, ничего не страшася, ни мало не сомнѣваяся. Теряетъ, что живетъ, кто не любитъ; а любящій очи свои всегда имѣетъ у Бога, котораго любитъ, котораго желаетъ, о которомъ размышляетъ, въ которомъ наслаждается, въ которомъ насыщается, въ которомъ утучняется.

Сей-то столь благолюбивый, поетъ ли, читаетъ ли, и во всѣхъ дѣлахъ своихъ такъ прозорливъ и остороженъ, аки бы Богъ всегда предъ глазами его былъ присущъ, какъ и самою вещію есть. Молится ли, аки вознесенъ и представленъ предъ лице величества, сѣдящаго на превознесенномъ престолѣ, гдѣ тысящи тысящей служатъ Ему, и тьмы темъ предстоятъ Ему. Душу, которую посѣщаетъ любовію, возбуждаетъ спящую; наставляетъ и умягчаетъ ее, и уязвляетъ сердце ея; мрачное просвѣщаетъ, заключенное отверзаетъ, холодное разгоряча-

чаетъ, мысль жестокую и на гнѣвъ удобопреклонную и нетерпѣливую смиряетъ, пороки удаляетъ, плотскія страсти укрощаетъ, обычаи исправляетъ, переобразуетъ и обновляетъ душу, непостояннаго возраста движенія и дѣянія сокращаетъ. Сіе все дѣлаетъ любовь присущая; а когда она уходитъ, то душа такъ начинаетъ простывать, какъ кипящій котелъ, когда изъ подъ него отнимется огонь.

Глава двадесятая.

О успаніи души, любящей Бога.

Велика вещь любовь, по которой душа сама собою дерзновенно приступаетъ къ Богу, твердо прилѣпляется къ Нему, дружески вопрошаетъ и совѣтуется о всякомъ дѣлѣ съ Богомъ. Душа, любящая Бога, ни о чемъ, кромѣ Его, не мыслитъ, ни о чемъ, кромѣ Его, не говоритъ, все прочее презираетъ, всемъ гнушается. О чемъ ни размышляетъ, что ни говоритъ, все любовію растворено, все любовь изъявляетъ; такъ-то любовь Божія ею овладѣла! Кто хочетъ познать Бога, тотъ да любитъ. Понапрасну тотъ принимается за чтеніе, за размышленіе, за проповѣдь, за молитву, который не любитъ. Любовь Божія любовь души раждаетъ, и оную вникать въ себя заставляетъ. Любитъ Богъ, да будетъ любимъ Самъ. Когда любитъ, ничего ина-

инаго не желаетъ, какъ только любимъ быть, зная, что любящіе Его любовію бываютъ блаженны.

Душа любящая всѣхъ отрекается пристрастій, и вся одной прилѣжитъ любви, да возможетъ соотвѣтствовать любви взаимно. И хотя вся она въ любовь превратится, но что она въ сравненіи съ онымъ вѣчнымъ источникомъ? Разнствуютъ далеко любовь и любящій, душа и Богъ, Творецъ и тварь. Да не боится душа, которая любитъ; да страшится, которая не любитъ.

Душа любящая стремится усердіемъ, возносится желаніями, скрываетъ заслуги, не смотритъ на свое достоинство, взираетъ на увеселеніе (небесное), полагаяся во спасеніи и не обинуяся о немъ. Любовію душа отвлекается отъ себя самой, и изходитъ отъ тѣлесныхъ чувствъ, чтобъ ей, ощущая Бога, себя не чувствовать. Сіе бываетъ тогда, когда мысль, неизреченною сладостію Божескою упоенная, нѣкоторымъ образомъ себя у самой крадетъ, да и похищается и изъ себя самой выходитъ, чтобъ наслаждаться Богомъ. Любовь пріобрѣтаетъ у Бога дружество, дружество дерзновеніе, дерзновеніе вкусъ, вкусъ алчбу. Душа, которую трогаетъ любовь Божія, ничего инаго не можетъ мыслить, или желать, но часто воздыхаетъ, говоря: какъ елень желаетъ на источники водные, такъ я желаю къ Тебѣ, Боже мой!

Глава

Глава двадесять первая.

Что сдѣлалъ Богъ для человѣка?

Богъ по любви пришелъ къ человѣкамъ, пришелъ въ человѣки, сталъ Самъ человѣкомъ. Любовію Богъ невидимый сдѣлался рабамъ своимъ подобенъ, по любви уязвленъ за беззаконія наша. Безопасное и твердое упокоеніе немощнымъ и грѣшникамъ въ язвахъ Спасителя. Въ нихъ я спокоенъ обитаю, сквозь язвы вижу я утробу. Все то, чего я отъ себя для меня не имѣю, заимствую отъ язвъ Господа моего; понеже щедроты изобильно текутъ, да и имѣются язвы, чрезъ которыя бы имъ проистекать: чрезъ язвы тѣлесныя открыты мнѣ тайны сердечныя, отверзто великое любви таинство, отворена утроба щедротъ, въ нихъ же посѣтилъ насъ Востокъ съ высоты.

Язвы Іисуса Христа наполнены милосердіемъ, наполнены благоутробіемъ, наполнены сладостію и любовію. Ископаша руцѣ Его и нозѣ Его, и ребро Его копіемъ прободоша. Чрезъ сіи язвы могу я вкусить, сколь сладокъ есть Господь Богъ мой, яко благъ и долготерпѣливъ и многомилостивъ есть всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истиннѣ, а наипаче любящимъ Его. Достаточное искупленіе дано намъ въ язвахъ Іисуса Христа, Спасителя нашего, великое множество сладости, исполненіе благодати и совершенство добродѣтелей.

Глава двадесять вторая.

О воспоминании язв Іисуса Христа, Господа нашего.

Когда меня смущаетъ какое мерзское помышленіе, тогда я теку къ язвамъ Христовымъ; когда меня подавляетъ плоть моя, воспоминаніемъ язвъ Господа моего возстаю; когда діаволъ мнѣ готовитъ сѣти, прибѣгаю ко утробѣ щедротъ Господа моего, и отходитъ отъ меня; естьли жаръ похоти движетъ члены мои, воспоминаніемъ язвъ Господа нашего, Сына Божія, погашается. Во всѣхъ противностяхъ не нашелъ я столь дѣйствительнаго врачевства, какъ язвы Христовы; въ нихъ сплю безъ опасенія и опочиваю безбоязненно.

Христосъ умеръ за насъ. Ничего нѣтъ столь горестнаго даже до смерти, чтобы смертію Христовою не истреблялося. Вся надежда моя на смерть Господа моего: Смерть Его моя заслуга и прибѣжище мое, спасеніе, жизнь и воскресеніе мое: заслуга моя щедрота Господня. Я участникъ заслуги, пока Онъ Господемъ щедротъ будетъ; и ежели щедроты Господни многи, то и я многъ въ заслугахъ; колико Онъ сильнѣйшій есть въ спасеніи моемъ, толико я безопаснѣйшій.

Глава

Глава двадесять третія.

Что воспоминаніе язвъ Христовыхъ есть дѣйствительное врачевство противу всѣхъ противностей.

Согрѣшилъ я тяжко, и многіе знаю за собою грѣхи, но не отчаяваюся; понеже гдѣ умножилися согрѣшенія, тамъ преизбыточествовала и благодать; кто о оставленіи грѣховъ своихъ отчаявается, тотъ не признаетъ Бога милосердымъ. Великую обиду дѣлаетъ Богу, кто на Его милосердіе не надѣется, какъ-то: Онъ не признаетъ въ Богѣ любви, истинны и силы, въ которыхъ все упованіе мое состоитъ, то есть въ любви усыновленія, въ истиннѣ обѣщанія и въ силѣ искупленія. Пусть уже ворчитъ, сколько хочетъ, помыслъ мой, говоря: кто ты такой, и коликая есть оная слава, и по какимъ заслугамъ ее получить надѣешься? Я съ дерзновеніемъ отвѣчать буду: знаю, кому повѣрилъ, съ какою многою любовію принялъ меня въ сына; ибо Онъ праведенъ въ обѣщаніи, силенъ во исполненіи, можетъ Онъ сдѣлать все, что хощетъ.

Не могу я ужасаться множества грѣховъ моихъ, естьли смерть Господня въ умъ мой приходитъ; понеже согрѣшенія мои побѣдить Его не могутъ. Гвозди и копіе вопіютъ мнѣ, что я истинно примирился со Христомъ, естьли любить Его буду.

буду. Логинъ отворилъ мнѣ ребро Христово копіемъ, и я въ него взошелъ, и тамъ покоюся безопасно. Кто боится, тотъ да любитъ; понеже любовь вонъ изгоняетъ страхъ. Нѣтъ никакого столь сильнаго и столь дѣйствительнаго противъ воспаленія похоти врачевства, какъ смерть Искупителя моего. Распростеръ мышцы и руки Свои на крестѣ, готовъ будучи къ объятію грѣшниковъ. Въ мышцахъ Спасителя моего и жить хощу и умереть желаю. Тамъ весело воспою: вознесу Тя, Господи, яко воспріялъ мя еси, и не возвеселилъ враговъ моихъ о мнѣ. Спаситель нашъ главу преклонилъ въ смерти, чтобъ подать цѣлованіе своимъ возлюбленнымъ. Мы столько разъ Бога лобызаемъ, сколько разъ въ любви Его сокрушаемся.

Глава двадесять четвертая.

Размышленіе души о любви Христовой.

О душа моя, почтенная Божіимъ образомъ, искупленная Христовою кровію, обрученная вѣрою, одаренная духомъ, украшенная дарованіями, сопричтенная Ангеламъ! возлюби того, которымъ ты столько возлюблена; внимай тому, который внемлетъ тебѣ; ищи ищущаго тебя, люби любителя твоего, которымъ ты любима, котораго любовію предварена, который есть причиною любви твоей. Онъ самъ заслу-

слу-

слуга, самЪ награда, самЪ плодЪ, самЪ наслажденіе. Будь ты со старающимся старательна, съ пекущимся попечительна, съ чистымЪ чиста, съ святымЪ праведна. Какою ты покажешися Богу, такимЪ покажется тебѣ БогЪ: благій, кроткій и многомилостивый, благихЪ, кроткихЪ, благопріятныхЪ, смиренныхЪ требуетЪ и милосердыхЪ. *Люби того, который извелЪ тебя изЪ блата бѣдности и изЪ грязи мерзостей.*

Избери Его другомЪ твоимЪ паче всѣхЪ пріятелей твоихЪ, который вЪ то время, когда ты всего лишишься, одинЪ вѣрность свою кЪ тебѣ сохранитЪ. ВЪ день погребенія твоего, когда всѣ пріятели и други твои отЪ тебя отступятЪ, ОнЪ одинЪ тебя не покинетЪ, но защититЪ отЪ рыкающихЪ и готовыхЪ кЪ снѣденію, и поведетЪ тебя по незнакомой странѣ, и введетЪ вЪ селенія горняго Сіона, и тамЪ посадитЪ тебя съ Ангелами предЪ лицемЪ величества своего, гдѣ услышишь оную Ангельскую пѣснь: святЪ, святЪ, святЪ и пр. ТамЪ пѣсни радости, гласЪ восклікновенія и спасенія, и благодаренія, и гласЪ хвалы и аллилуіа во вѣки. ТамЪ собраніе благополучія, превосходная слава, преизбыточествующая радость и вся благая.

О душа моя! воздыхай съ горячностію, желай со всею возможностію, да возможешь внити во оный градЪ небесный, о кото-

ромъ столь преславная глаголашася, въ которомъ всѣхъ веселящихся жилище. Любовію можешь ты взойти. Любящему ничего нѣтъ труднаго, ничего невозможнаго. Душа любящая восходитъ и течетъ по селеніямъ небеснаго Іерусалима, посѣщая Патріарховъ и Пророковъ, привѣтствуя Апостоловъ, удивляяся воинству мучениковъ и исповѣдниковъ, и хоры дѣвъ созерцая. Небо и земля и все, что на нихъ ни находится, не перестаютъ мнѣ говорить, чтобъ я любилъ Господа Бога моего.

Глава двадесять пятая.

Ничто не можетъ душу удовольствовать, кромѣ высочайшаго Блага.

Сердце человѣческое, въ желаніи вѣчности нетвердое, никогда постояннымъ быть не можетъ, но всего скоротечнаго скоротечнѣе, отъ одного переходитъ къ другому, ища себѣ тамъ покоя, гдѣ его нѣтъ. А въ сихъ увядающихъ и преходящихъ вещахъ, въ которыхъ его страсти плѣнными бываютъ, истиннаго покоя найти не можетъ; понеже оно толикаго есть достоинства, что его никакое добро, кромѣ высочайшаго, удовольствовать не можетъ. Толикія есть свободности, что ни къ какому пороку не можетъ быть принужденно. Чего ради всякому собственная воля бываетъ причиною своего осужденія, или спасенія; и по-

посему ничего дороже доброй воли Богу не приносится. Благая воля Бога къ намъ сводитъ и насъ къ Нему управляетъ; благою волею Бога любимъ, Бога предпочитаемъ, къ Богу течемъ, къ Богу приходимъ и Имъ обладаемъ.

О благая воля, по которой мы преобразуемся въ подобіе Божіе, и Ему дѣлаемся подобными! Такъ любезна Богу благая воля, что Онъ въ томъ сердцѣ обитать не благоволитъ, въ которомъ оныя нѣтъ. Благая воля онаго высочайшаго Величества Троицу къ себѣ преклоняетъ; ибо премудрость къ познанію истинны оную просвѣщаетъ, любовь къ желанію благости воспламеняетъ, отечество въ ней блюдетъ то, что сотворило, да не погибнетъ.

Глава двадесять шестая.

Что есть познаніе истинны?

Что есть познаніе истинны? Вопервыхъ познаніе себя самаго, и чѣмъ ты быть долженъ, тѣмъ быть старайся; а что требуетъ исправленія, то поправь. Потомъ надлежитъ познать и любить Создателя твоего; ибо въ семъ состоитъ все благополучіе человѣческое. И такъ виждь, сколь неизреченна есть любовь Божія къ намъ: изъ ничего насъ сотворилъ, и все, что ни имѣемъ, намъ даровалъ. Но какъ мы болѣе полюбили данное, нежели Подателя, тварь,

нежели Творца, то впали въ сѣть діавольскую и сдѣлалися его рабами. Но Богъ, подвигнутъ милосердіемъ, послалъ Сына своего для искупленія Имъ рабовъ; послалъ Духа Святаго, которымъ бы рабовъ сдѣлать себѣ сынами. Сына далъ въ цѣну искупленія, Духа Святаго въ превосходство любви, себя наконецъ всего блюдетъ въ наслѣдіе усыновленія.

Такъ-то Богъ, яко преблагій и премилосердый, отъ горячности и любви къ человѣку не только своя благая, но и себя самаго истощаетъ, да человѣка возвратитъ не столь для себя, сколь для самаго человѣка. Чтобъ человѣкъ родился отъ Бога, сперва изъ него родился Богъ. Кто столь ожесточенъ, котораго бы не умягчила любовь Божія, такъ человѣка предваряющая, столь говорю сильная любовь, что человѣкомъ для человѣка благоволилъ быть? Кто можетъ ненавидѣть человѣка, котораго естество и подобіе видитъ въ человѣчествѣ Божескомъ? Подлинно ненавидящій его ненавидитъ Бога; и такимъ образомъ погубляетъ все, что ни дѣлаетъ; ибо Богъ ради человѣка сдѣлался человѣкомъ, чтобъ быть Искупителемъ Создателю, и отъ себя бы человѣкъ былъ искупленъ; и дабы лучше любимъ былъ отъ человѣка, Богъ въ подобіи человѣческомъ явился; и чтобъ оба чувства человѣческія въ Немъ совершилися и обновилось бы око сердечное въ Его Божествѣ,

ствѣ, и око тѣлесное въ Его человѣчествѣ, да хотя входя, хотя исходя въ Немъ самомъ пажить обрящетъ естество человѣчэское, сотворенное отъ Него.

Глава двадесять седьмая.
Что въ насъ дѣйствуетъ посланіе Духа Святаго.

Спаситель нашъ родился для насъ, распятъ и умеръ за насъ, да смертію своею смерть нашу разрушитъ. И какъ розга плоти внесена была въ тиски крестныя, и по выдавленіи изъ оной начало течь вино Божества, то посланъ Духъ Святый для приуготовленія сосудовъ сердечныхъ, и для вложенія вина новаго въ мѣхи новы; сперва, чтобъ сердца были очищенны, дабы влінное не осквернилось; и потомъ, чтобъ оные были укрѣплены, дабы влитое вино не погибло; очищены бы были отъ радости беззаконной и укрѣплены противъ радости суетной; ибо доброе не могло притти, естьли бы прежде не удалилося злое. Радость беззаконія оскверняетъ и веселіе суетное изливаетъ; радость беззаконная дѣлаетъ сосудъ мерзкимъ, а веселіе суетное дырявымъ.

Радость беззаконная есть, когда грѣхъ любимъ; а веселіе суетное, когда преходящія вещи. Извергни убо злое, да принять возможеши доброе; излей горесть, да наполненъ быть можеши сладостію. Духъ

Святый есть радость и любовь. Изжени духъ діавольскій и духъ міра сего, да пріимеши Духа Божія. Духъ діавольскій производитъ радость беззаконную, и духъ міра веселіе суетное. Вотъ сіи увеселенія злыя; понеже одно имѣетъ преступленіе, другое случай ко грѣху. А пріидетъ Духъ Божій, когда извержены будутъ духи злые, и внидетъ въ домъ сердечный, и сотворитъ радость благую и добрую, которою изгоняется любовь міра и любовь грѣха. Любовь міра привлекаетъ и смущаетъ, любовь грѣховная оскверняетъ и ведетъ къ смерти. Любовь Божія мысль просвѣщаетъ, совѣсть очищаетъ, душу радостію наполняетъ и Бога показуетъ.

Глава двадесять осьмая.

О дѣлахъ любящаго Бога.

Въ комъ любовь Божія есть, тотъ всегда о томъ мыслитъ, когда къ Богу придетъ, когда міръ оставитъ, когда тлѣнія тѣлеснаго избѣгнетъ, да истинный покой обрящетъ; всегда имѣетъ сердце свое и желаніе, въ превыспренняя вперенное. Когда сидитъ, когда ходитъ, когда покоится, или когда что дѣлаетъ, сердце отъ Бога не отступаетъ. Всѣхъ къ любви Божіей увѣщаваетъ, всѣмъ любовь Божію выхваляетъ; и сколь сладка любовь Божія, и сколь зла, и сколь горька любовь вѣка

сего,

сего, сердцемъ, устами и дѣлами всѣмъ доказываетъ.

Смѣется вѣка сего славѣ, обличаетъ заботы, и сколь безумно на преходящія вещи надежду полагать показуетъ. Дивится слѣпотѣ человѣческой, которая сія любитъ; чудится и тому, какъ вся сія скоропреходящія и разрушающіяся вещи всѣ не оставляютъ. Всемъ почитаетъ то пріятнымъ, что онъ мудрствуетъ; всемъ любезнымъ, что любитъ; всемъ то извѣстнымъ, что познаетъ. Часто Бога своего созерцаетъ, и Его созерцаніемъ наслаждается толико благополучнѣе, колико участительнѣе; ибо пріятно то всегда къ размышленію, что къ любленію и хваленію всегда сладостно.

Глава двадесять девятая.

О истинномъ сердечномъ покоѣ.

Поистиннѣ сіе есть прямое сердечное спокойствіе, когда оно все въ любовь Божію желаніемъ водружается, и ничего инаго не желаетъ, но тѣмъ, что содержитъ, съ блаженною нѣкоторою пріятностію увеселяется, и увеселяясь услаждается. А естьли суетнымъ нѣкакимъ помысломъ, или упражненіемъ дѣлъ отъ того отвлечено будетъ, то со всевозможною скоростію туда возвратиться поспѣшаетъ, за наказаніе себѣ почитая медлить индѣ. Ибо какъ ни одной нѣтъ миму-

нуты, въ которую бы человѣкъ не наслаждался, или не пользовался благостію Божескою, такъ ни одной не должно быть минутѣ, въ которую бы Его присущаго не имѣлъ въ памяти.

Почему не легко тотъ грѣшитъ, кто въ молитвѣ съ Богомъ собесѣдуетъ и только нечаянно отвлекается отъ Его зрѣнія, аки бы отъ глазъ невидящаго и неслышащаго. А сіе дѣлается тогда, когда онъ за помыслами своими злыми и безвременными слѣдуетъ, и какую ни есть тварь, на которую мысленное зрѣніе удобно развлекается, Ему предпочитаетъ, объ ней въ помыслѣ чаще воспоминая, нежели о Богѣ, котораго непрестанно долженъ воспоминать, яко Создателя, покланяться, яко Искупителю, ожидать, яко Спасителя, бояться, яко Судіи.

Глава тридесятая.

Что мысленное зрѣніе отъ Бога ни отвлекаетъ, всего того убѣгать надовно и отвращаться.

Кто ты таковъ ни любишь міръ, разсматривай прилѣжно, какимъ путемъ итти надлежитъ; сей путь, по которому ты идешь, есть путь препагубной и убийствомъ наполненной. И такъ бѣги, человѣкъ, отъ суетлыхъ упражненій твоихъ, и сокройся отъ злыхъ помысловъ твоихъ; отвергни тя-

тягостныя попеченія твои, оставь безпокойныя свары, займись Богомъ и въ Немъ успокойся; войди въ ложе мысли твоей, изключи все, опричь Бога и того, что способствуетъ къ сысканію Его, и заперши двери, ищи Его. Да скажетъ теперь все сердце твое Богу: Лица Твоего ищу, лица Твоего, Господи, взыщу.

Нынѣ, Господи Боже мой, Ты научи сердце мое, гдѣ и какъ Тебя искать, гдѣ и какъ Тебя найти. Господи! естьли здѣсь Тебя нѣтъ, то гдѣ я Тебя сыщу отсутствующаго? А естьли Ты вездѣ, то для чего я Тебя не вижу присущаго? Но поистиннѣ Ты живешь во свѣтѣ неприступномъ. Да какимъ образомъ приступлю къ свѣту неприступному? или кто меня доведетъ и введетъ въ него, да узрю Тебя въ немъ? Притомъ по какимъ примѣтамъ и какого лицемъ Тебя взыщу? Я никогда не видалъ Тебя, Господи Боже мой, никогда не познялъ лица Твоего. Что сотворитъ, всевышній Господи, что сотворитъ сей удаленный изгнанецъ Твой? Что сотворитъ рабъ Твой, уязвленный любовію Твоею и далече отъ лица Твоего отверженный? Се онъ желаетъ видѣти Тебя, но весьма удалено отъ него лице Твое; приступить къ Тебѣ желаетъ, да неприступно селеніе Твое; найти Тебя желаетъ, но не знаетъ обрѣсти мѣста Твоего; Тебя усильно желаетъ, да не знаетъ лица Твоего.

Глава тридесять первая.

Что видѣніе Бога грѣхомъ потеряно, и мѣсто его заступила бѣдность.

Господи! Богъ мой еси Ты и Господь, но я никогда не видалъ Тебя. Ты меня сотворилъ и обновилъ и вся благая мнѣ явилъ, но я еще не зрѣлъ Тебя и не позналъ. Я къ зрѣнію Тебя созданъ, и еще не возъимѣлъ того, для чего я созданъ. О нещастная участь человѣка, который то погубилъ, для чего сотворенъ! О жестокое и лютое паденіе! увы! что онъ потерялъ и что нашелъ? что погубилъ и что осталось? Потерялъ блаженство, къ которому сотворенъ, и обрѣлъ бѣдность, къ которой не былъ созданъ. Погубилъ то, безъ чего никакое не можетъ быть благополучіе, и осталось при немъ одно только нещастіе и бѣдность. Вкушалъ тогда человѣкъ хлѣбъ Ангельскій, котораго нынѣ жаждетъ; вкушаетъ теперь хлѣбъ болѣзней, котораго тогда не зналъ.

О Ты, Господи! доколѣ забудеши насъ до конца? доколѣ отвращаеши лице Твое отъ насъ? когда обратишися и услышиши насъ? когда просвѣтиши очи наша и явиши лице Твое намъ? когда возвратишися къ намъ? Призри, Господи, и услыши, и просвѣти насъ, и явися намъ; обратися къ намъ, да благо намъ будетъ, безъ котораго столь зло намъ. Призови насъ, помоги намъ, молю Тя, Господи! Преогорчи-

ся сердце мое опустѣніемъ, услади его Твоимъ утѣшеніемъ, молю Тя, Господи! алчущій начинаю искать Тебя, да не буду оставленъ Тобою тощъ; жаждущій приступилъ, да не отъиду празденъ; нищій пришелъ къ Тебѣ богатому, нещастный къ милостивому, да не отступлю празденъ и презрѣнъ.

Господи! преклоненъ я и не могу какъ только зрѣть долу; возстави меня, да возмогу горѣ зрѣти. Беззаконія моя превзошли главу мою, спутали меня крѣпко, и какъ бремя тяжкое подавляютъ меня; разрѣши мя, и тяжесть сними съ меня, да *не сведетъ о мнѣ рoвенникъ устъ своихъ* (*). Научи меня искати Тебя, и явися ищущему Тебя; понеже и ни искать Тебя не могу, естьли Ты не наставиши; ни обрѣсти Тебя, естьли не явишися самъ. Да взыщу Тебя желая, да желаю ища, да обрящу любя, да люблю обрѣтая!

Глава тридесять вторая.
О благости Божеской.

Признаюся, Господи, и благодарю, что Ты меня сотворилъ по образу Твоему, дабы я Тебя любилъ; но оный образъ такъ заглаженъ растлѣніемъ пороковъ, такъ потемнѣлъ отъ куренія грѣховъ, что не можетъ дѣлать того, къ чему созданъ, развѣ

(*) Да не зальетъ меня и потопитъ кладезь сей.

вѣ Ты обновишь и преобразишь. Молю Тебя, Господи, дающаго познаніе вѣры, даруй мнѣ, чтобъ я позналъ Тебя столько, сколько мнѣ знать Тебя должно; понеже Ты таковъ еси, какъ мы вѣруемъ, и самое то, что вѣруемъ; и мы вѣримъ, что Ты нѣчто такое, чего болѣе и лучше помыслить ничего не можно. Что же Ты, Господи Боже, такое, чего болѣе и лучше ничто помыслить не можно, какъ не самое то высочайшее изъ всѣхъ добро, которое, одно собою пребывая, всѣ прочія вещи сотворило изъ ничего? Какого же добра нѣтъ въ высочайшемъ добрѣ, чрезъ которое всякое добро? И посему Ты праведенъ, истиненъ, блаженъ, и все самое лучшее въ твореніяхъ.

Но какъ Ты злыхъ щадишь, естьли Ты весь преправеденъ? Или для того, что благость Твоя непостижима? Сокрыто сіе во свѣтѣ неприступномъ, въ которомъ Ты живеши; истинно въ глубочайшей и сокровеннѣйшей благости Твоея безднѣ сокрытъ источникъ, изъ котораго произтекаетъ рѣка милосердія Твоего. Ты, весь будучи всеправеденъ, потому къ злымъ снисходителенъ, что весь благъ; Ты не столько бы благъ былъ, естьли бы ни къ единому грѣшнику не былъ милостивъ; ибо тотъ паче благъ, который и къ добрымъ и злымъ добръ бываетъ, нежели тотъ, который къ однимъ добрымъ только добръ; и луч-

ше

ше тотъ, которой къ злымъ и милостію и наказаніемъ благъ, нежели который однимъ наказаніемъ. И такъ Ты потому милосердъ, что весь преблагъ.

Глава тридесять третія.

О сладостномъ наслажденіи Божескомъ.

О неизмѣримая благость, которая такъ всякое понятіе превосходишь! да пріидетъ на мя оное милосердіе, которое отъ толикаго богатства произходитъ; да течетъ на меня благость, которая произтекаетъ отъ Тебя. Пощади по милости, и не мсти по правосудію. Пробудися теперь, душа моя, и возвыси понятіе твое, и помысли, сколько можешь, коликое и какое то добро, которое Богъ есть. Ибо естьли каждое благо усладительно, то подумай со вниманіемъ, сколь сладостно то добро, которое содержитъ сладость всѣхъ благъ, и не такую, какую мы въ сотворенныхъ вещахъ ощущаемъ, но толико различную, колико различествуетъ Творецъ отъ созданія. Ибо ежели добра созданная жизнь, то сколь добра жизнь созидающая! Естьли пріятно спасеніе, то сколь пріятно то спасеніе, которое всякое другое спасеніе сотворяетъ! Естьли любезна премудрость въ вещахъ созданныхъ, то сколь любезна премудрость, которая все сотворила и произвела изъ ничего! Наконецъ, естьли

ли

ли многія и великія бывают услажденія въ вещахъ пріятныхъ, то какое и коликое услажденіе въ томъ, который оныя пріятныя вещи создалъ? О! кто симъ добромъ будетъ наслаждаться, что у него будетъ и чего не будетъ? Подлинно чего не захочетъ, всего того не будетъ; понеже тамъ имѣть онъ будетъ блага душевная, какія око не видало, ухо не слыхало и на сердце человѣку не всходило.

Глава тридесять четвертая.
Высочайшаго добра желать надлежитъ.

Для чего же ты, человѣкъ, по многимъ вещамъ скитаешься, ища благъ душѣ твоей и тѣлу твоему? Люби одно добро, въ которомъ вся содержатся благая, и довлѣетъ; желай простое добро, которое есть всякое добро, и довольно съ тебя. Ибо что любишь ты, плоть моя? чего желаешь, душа моя? Тамъ все то, что ты ни любишь; тамъ все то, чего ты ни желаешь. Естьли тебя прельщаетъ красота, возсіяютъ праведные какъ солнце; естьли скорость, или крѣпость, или свободность тѣла, которой ничто противиться не возможетъ, то праведные будутъ яко Ангели Божіи; понеже сѣется тѣло душевное, возстанетъ тѣло духовное, и сіе силою, а не естествомъ. Естьли продолженіе здравой жизни, тамъ будетъ благоденственная вѣчность и вѣчное здравіе; по-

не-

неже праведники во вѣки жить будутъ и спасеніе праведныхъ отъ Господа. Естьли насыщеніе, насытятся, когда явится слава Господня; естьли упоеніе, упіются отъ обилія дому Божія; естьли пріятное пѣніе, тамъ Ангели воспѣвати будутъ безъ конца. Естьли всякая чистѣйшая утѣха, Господь потокомъ сладости своея напоевать будетъ. Естьли премудрость, самая Божія премудрость явитъ намъ себя. Естьли дружество, возлюбимъ Бога болѣе себя самихъ, и вопреки, какъ себя самихъ, и Богъ насъ болѣе насъ самихъ; понеже мы Его и себя самихъ взаимно чрезъ Него, и Онъ Себя и насъ чрезъ Себя Самаго. Естьли согласіе, то у всѣхъ насъ одна будетъ воля; понеже у насъ никакой не будетъ воли, кромѣ Божеской. Естьли сила, то мы всемощны будемъ въ своей волѣ, какъ Богъ въ Своей; ибо какъ Богъ можетъ все, что ни захочетъ чрезъ Себя, такъ праведные возмогутъ, что ни захотятъ, чрезъ Него; понеже какъ они не иное что пожелаютъ, какъ только то, что Богъ восхощетъ, такъ и Онъ все то восхощетъ, что они ни пожелаютъ; и что они захотятъ, тому не можно не быть. Естьли честь и богатство, Богъ добрыхъ и вѣрныхъ своихъ рабовъ надъ многимъ имѣніемъ поставитъ, да еще сынами Божіими и Богами названы будутъ, и наслѣдниками Божіими, а сонаслѣдниками будутъ Христовыми. А естьли

ли безопасность, то они такъ увѣрены будутъ, что никогда и ни подъ какимъ видомъ оное добро отъ нихъ не будетъ отъято, какъ извѣстны будутъ, что естьлибъ лишиться онаго, то своею волею не лишатся, и любящій ихъ Богъ оное отъ своихъ любителей силою не возметъ, и что ничего сильнѣе Бога нѣтъ, чтобы ихъ могло разлучить съ Нимъ. И какая и коликая радость тамъ будетъ, гдѣ такое и толикое добро есть!

Глава тридесять пятая.

О взаимной святыхъ на небѣ любви.

Сердце человѣческое, сердце бѣдное, сердце испытавшее скорби и бѣдности, да и изнуренное нещастіями! сколько бы ты возрадовалося, когда бы всемъ симъ изобиловало? Вопроси послѣдняя твоя внутренняя, могли ли бы они вмѣстить радость свою о толикомъ блаженствѣ своемъ. Но поистиннѣ, когда бы кто другой, котораго бы ты искренно, какъ себя самаго, любилъ, тоже блаженство имѣлъ, то удвоилася бы радость твоя, понеже бы ты не менѣе радовался о себѣ, какъ и о немъ. А когда бы два, или три, или гораздо болѣе то самое имѣли, то столько бы ты о каждомъ радовался, сколько о себѣ самомъ, естьли бы ты каждаго, какъ себя самаго, любилъ. Почему что такое будетъ въ оной совершенной любви безчисленныхъ Ангеловъ

и

и человѣковъ, гдѣ никто не будетъ любить другаго менѣе себя самаго? Ибо не иначе возрадуется каждой о другомъ каждомъ, какъ о себѣ самомъ.

И такъ естьли сердце человѣческое о толикомъ благополучіи своемъ не вмѣститъ своей собственной радости, то какъ возможетъ вмѣстить толь многія и толикія радости? И подлинно; понеже сколько кто любитъ кого, столько о благополучіи его радуется. Какъ въ ономъ блаженномъ состояніи всякой безъ сравненія больше возлюбитъ Бога, нежели себя и всѣхъ другихъ: такъ болѣе возрадуется безъ сравненія о блаженствѣ Божескомъ, нежели о своемъ и всѣхъ прочихъ съ тобою. И естьли такъ возлюбятъ всемъ сердцемъ, всею мыслію, всею душею, что при всемъ томъ все сердце, вся мысль, вся душа не соразмѣрна достоинству любви: то всеконечно такъ будутъ радоватися всемъ сердцемъ, всею мыслію, всею душею, что при томъ все сердце, вся мысль, вся душа, не возможетъ вмѣстить полноты радости.

Глава тридесять шестая.

О полной радости жизни вѣчныя.

Боже мой и Господи мой, надежда моя и радованіе сердца моего! рцы душѣ моей, сія ли есть радость, о которой Ты намъ

чрезъ Сына Своего говоришь: просите, и прїимете, да будетъ радость ваша исполнена; ибо я обрѣлъ нѣкоторую радость полную и весьма полную. Понеже хотя все сердце, вся мысль, вся душа и весь человѣкъ наполненъ будетъ оною радостїю, но она за всемъ тѣмъ пребудетъ безъ мѣры. Почему не вся оная радость вселится въ радующихся, т. е. всѣ радующїеся внидутъ въ радость Господа своего.

Повѣждь, Господи, скажи внутрь сердца моего рабу Твоему, сїя ли радость, въ которую внидутъ рабы Твои, которые внидутъ въ радость Господа своего? Но поистиннѣ радость оную, которою возрадуются избранные Твои, ни око не видало, ни ухо не слыхало, ни на сердце человѣку не всходила. Такъ еще не думалъ и не сказалъ: Господи! сколько возрадуются избранные Твои? Всеконечно столько возрадуются, сколько возлюбятъ; столько возлюбятъ, сколько Тебя познаютъ, Господи. А сколько подлинно око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде въ сей жизни, сколько Тебя познаютъ и возлюбятъ въ оной жизни.

Молю Тебя, Боже мой, да познаю Тебя, да люблю Тебя, да радуюся о Тебѣ. И хотя не могу въ сей жизни совершенно, то хотя день отъ дня въ томъ да успѣваю, дондеже прїидетъ оное совершенство.

Да

Да умножится во мнѣ здѣсь познаніе Твое, дабы тамъ было полное; да возрастаетъ во мнѣ любовь Твоя, дабы тамъ быть ей полной; да будетъ здѣсь радость моя въ себѣ велика, а тамъ въ Тебѣ исполненна. Боже истинный! прошу, да получу, что Ты обѣщаешь, да радость моя будетъ исполненна. А между тѣмъ да размышляетъ о семъ мысль моя, да говоритъ о томъ языкъ мой, да любитъ то сердце мое, да разглагольствуютъ уста моя, да алчетъ того душа моя, да жаждетъ плоть моя, да желаетъ того весь составъ мой, дондеже вниду въ радость Господа моего, и въ ней пребуду вѣчно.

Конецъ.

Вве

КАРМАННАЯ

ПСАЛТИРЬ

БЛАЖЕННАГО

АВГУСТИНА.

Господи Боже Всемогущій, Царю вѣчныя славы! Ты вѣси, яко тотъ токмо человѣкъ блаженъ есть, которой, презрѣвъ путь грѣшныхъ, въ законѣ заповѣдей Твоихъ поучается день и нощь; научи мя грѣшнаго Тебѣ со страхомъ и трепетомъ вѣрно и отъ всего сердца служити, и гласъ мой, Тебе смиренно призывающій, услыши: и тако премилосердо внуши глаголы моя, и во гнѣвѣ Своемъ не остави мене заблуждающаго, да не когда древній оный врагъ похититъ яко левъ душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу. Но Ты Господи, Твое бо имя чудно есть на небеси и на земли, тако обрати врага моего вспять, дабы изнемогъ онъ и погибъ отъ лица Твоего, да не когда возможетъ уловити сѣтьми огненными душу мою, ниже жупелъ и духъ буренъ истребитъ мя. Но ради бѣдности безпомощнаго, и ради плача нищаго, воз-

возставъ, призри и услыши мя Господи; совѣтъ бо безпомощнаго и упованіе его еси Ты. Даждь мнѣ, Боже мой, тако ходити и творити правду, да будетъ благодать милосердія Твоего часть достоянія и наслѣдія моего. Сохрани мене какъ зѣницу ока, и сѣнію крилъ Твоихъ покрый мене (яко Ты еси крѣпость моя, утвержденіе мое и прибѣжище мое). Отъ тайныхъ моихъ очисти мене Господи, и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего. Посли мнѣ помощь отъ святаго, и желаніе сердца моего исполни. Избави мя отъ устъ львовыхъ, и настави мя на стезю правды Твоея, да возмогу взыти на гору святую Твою, и стати на мѣстѣ святѣмъ Твоемъ, неповиненъ рукама и чистъ сердцемъ. Грѣховъ юности моея и невѣденія моего не помяни. Не погуби съ нечестивыми душу мою, и не предаждь мене въ руки гонящихъ мя; но тако услыши милостивно гласъ моленія моего и милосердно внемли призывающему славу имени Твоего святаго, и помилуй мене, и внуши мнѣ Господи, да на Тебе уповая, не постыжуся во вѣкъ: но остави мнѣ злочестіе сердца моего. Да будетъ милость Твоя, Господи, на мнѣ, якоже уповаю на Тя: и отъ всѣхъ тѣснотъ моихъ избавляяй мя, рцы души моей: Спасеніе твое есмь Азъ. И зане подъ кровомъ крилъ Твоихъ надѣюся, даждь мнѣ прошеніе сердца

моего, и вонми вЪ помощь мою Господи Боже спасенія моего. Скажи мнѣ Господи кончину мою и число дней моихЪ, да разумѣю, чего не достаетЪ мнѣ. Услыши Господи гласЪ молитвы моея, и изведи мене изЪ езера бѣдности, и отЪ блата тины. Постави на камень нозѣ мои, и направи на стезю правую стопы моя. ВЪ день золЪ избави мя Господи, да вниду вЪ мѣсто селенія чуднаго дому Божія, яко Ты еси БогЪ мой и крѣпость моя. Не уклони стопы моя отЪ пути Твоего: да возлюблю правду, и возненавижу беззаконіе. Буди мнѣ прибѣжище и сила, яко Ты еси Царь велій по всей земли. Управляяй всѣми во вѣки, избави душу мою отЪ руки преисподняго, когда похититЪ мене. Ты же Господи, егда явшися судити насЪ, помилуй мя по велицѣй милости Твоей, и Духа Твоего Святаго не отЪими отЪ мене. Отврати премилосердый Владыко вЪ часЪ оный лице Твое отЪ грѣхЪ моихЪ, и вся беззаконія моя очисти. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духЪ правЪ обнови во утробѣ моей: да яко маслина плодовита вЪ раи Бога моего елей святыни пріятЪ буду, и тамо возрадуюся со ІаковомЪ, и возвеселюся во вѣки со ИзраилемЪ. Спаси мене о имени ТвоемЪ, и силою Твоею сохрани мене. Не презри моленія моего, но помилуй мя. Посли сЪ небесе милость и истину Твою, и

избави

избави мя, и не даждь въ поруганіе попирающихъ мя: сотри зубы во устѣхъ ихъ, и сокруши челюсти львовъ. Богъ мой еси Ты и милость моя, сохранитъ мя десница Твоя и покрыюся кровомъ крилъ Твоихъ, егда воздаси комуждо по дѣломъ ихъ. Егда жаждетъ Тя душа моя, покрый мене отъ собранія злобствующихъ. Когда пріидетъ къ Тебѣ всяка плоть, не отврати отъ мене милости Твоея (и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене), но просвѣти лице Твое на мнѣ. Благополученъ сотвори путь мой, Боже Спасителю мой, да не пожретъ мене глубина; ниже сведетъ надо мною кладезь устъ своихъ. Помощникъ и Заступникъ мой буди, Господи не закосни. Яко на Тя уповаю Господи, не постыжуся во вѣки. Егда будеши судити люди Твоя, и вси удаляющіеся отъ Тебя погибнутъ, да не отверженъ буду азъ бѣдный смятенный. Праведенъ бо еси Судія, смиряеши и возносиши; безмѣрно страшенъ еси (и кто устоитъ противъ гнѣва Твоего?) Ты еси Богъ, творяй велія чудеса единъ. Якоже люди Твоя препиталъ еси хлѣбомъ въ пустыни, и желанія своего не лишилъ ихъ, тако и мене алчущаго благодать Твоя да насытитъ, и скоро да предваритъ милость Твоя. И Ты, Защитниче мой, хлѣбъ слезный и горесть печали посли во время скорби: и даждь отъ камене меда сладость,

и воспріиму внутрь мене услажденіе. Боже разсмотрѣваяй и видяй все между праведными и грѣшными, единъ сущій Вышній надъ всѣми языки! помилуй мя, и благослови мя, Законоположителю нашъ: остави нечестія сердца моего, и отпусти вся грѣхи моя, и спаси раба Твоего Боже мой, уповающаго на Тя. Боже, утвердивый церковь Твою на горахъ святыхъ! приклони ухо Твое къ моленію моему. Рука Твоя да поможетъ мнѣ, да не отверженъ буду во смиреніи; но сохрани мя отъ сѣти ловящихъ, и отъ паденія, и бѣса полуденнаго: да насажденъ въ домѣ Господни яко финиксъ процвѣту, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножуся въ долготу дней. Буди мнѣ прибѣжище, и помощь упованія моего Боже мой и Царь велій надъ всею землею. Егда будеши судити землю въ правости, и люди Твоя во истинѣ Твоей (да насыщуся вѣчнаго свѣта со праведными, и съ правыми сердцемъ веселія): да сохранитъ мене десница Твоя и мышца святая Твоя. Сѣдяй на Херувимѣхъ, сотвори мя быти предъ лицемъ Твоимъ въ веселіи: да хожду въ незлобіи сердца моего посредѣ дому моего. Да не прильпнетъ мнѣ сердце строптиво, но да будутъ очи мои на вѣрныя святыя Твоя; да сяду съ ними, ходяй по пути непорочну, егда погубиши по суду изъ града Твоего вся дѣлающія без-

зако-

законіе. Господи, услыши молитву мою, и вопль мой къ Тебѣ да пріидетъ. Не отврати лица Твоего отъ мене: въ онь же аще день скорблю, приклони ко мнѣ ухо Твое. Милостивъ буди мнѣ во всѣхъ дѣлахъ моихъ, и избави отъ погибели душу мою, исполни во благихъ желаніе мое. Призираяй на землю и творяй ю трястися, изведый люди Твоя въ радости, и избранныя Твоя въ веселіи! помоги мнѣ сохранити судъ и правду на всякое время: изведи мене изъ тьмы и сѣни смертныя, да готовымъ сердцемъ воспою и пою Тебѣ. Сотвори со мною знаменіе во благо, ради милости и имени Твоего, да во свѣтлостѣхъ святыхъ, въ совѣтѣ праведныхъ, и въ сонмѣ правда моя пребудетъ въ вѣкъ вѣка, и рогъ мой вознесется въ славѣ. И внегда повелиши ми убогому возстати отъ земли, и отъ гноища воздвигнеши нищаго, благословлю Тебе отнынѣ и до вѣка, и тогда благоугожду Тебѣ во странѣ живыхъ; разрѣши оковы моя, и утверди мене въ щедротахъ Твоихъ. Егда въ скорби призову Тебе Господи, услыши мя въ пространствѣ. Законъ положи мнѣ Господи, да живу, и пути правды Твоея взыщу выну. Вразуми мя, и испытаю законъ Твой, и сохраню его всемъ сердцемъ моимъ. Заблудихъ яко овча погибшее, взыскавъ освободи душу мою. Сохрани вхожденіе мое и исхожде-

 ніе,

ніе, да во дворѣхъ Твоихъ станутъ нозѣ мои въ преддверіяхъ Іерусалима. Къ Тебѣ возведохъ душу мою и очи мои, живущему на небеси: исхити душу мою отъ сѣти ловящихъ, да не простру къ беззаконію рукъ моихъ. Исполни радости уста моя, и языкъ мой веселія. Исполни желаніе мое во благо, и благослови мене отъ Сіона, да вижду благая Іерусалима: удали мене отъ беззаконія. Да будутъ уши Твои внемлющи гласу моленія раба Твоего, Господи. Да не вознесется сердце мое въ гордости, ниже вознесутся очи мои, но да во смиреніи пребуду, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю. Идѣже заповѣдалъ еси благословеніе и животъ до вѣка, тамо вознесу руки мои во святая, и благословлю Тя судящаго люди Своя, и утѣшишися въ рабѣхъ Своихъ. Боже боговъ и Господи господій! рыдающаго и молящагося ко храму святому Твоему искуси мене и испытай сердце мое; вопроси мя, и познай стези моя, и введи мене въ жизнь вѣчную. Сохрани мене Господи, и изми мя изъ руки грѣшнаго, и отъ всѣхъ беззаконныхъ избави мене. Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою, Господи. Изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему, Господи. Услыши мя Господи въ правдѣ Твоей, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ. Скоро услыши мене Господи,

да

да не оскудѣетъ духъ мой: зане Ты еси Богъ мой, милость моя, прибѣжище мое и заступникъ мой. Яко велій еси и хваленъ зѣло, и величія Твоего нѣсть конца; возстави падшаго, разрѣши окованнаго, просвѣти слѣпаго, зиждай Іерусалимъ. Егда же укрѣпиши вереи вратъ Твоихъ, внутрь съ сынами Твоими да водворюся. Якоже хвалятъ Тебе Ангели, и вся силы Твоя въ царствіи небеснѣмъ: тамо и азъ съ ними веселяся со славою въ хорѣ святыхъ, восхвалю и прославлю во кимвалѣхъ восклицанія имя Твое святое, хвальное и царствующее въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

Конецъ IV и послѣдней части.

